

ISSN 0131-3150

1

1990

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

ИСТОРИЯ
СССР

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

1 • 1990

ЯНВАРЬ • ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
НАУКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Е. ЗЕЛЕНИН (*и. о. главного редактора*)
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 925-34-61

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. Ye. ZELENIN (*Editor-in-chief ad interim*)
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 925-34-61

Managing Editor *Yu. V. Mochalova*, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

© 1990 г.

В. И. КОЗЛОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ПАРАДИГМЫ, ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА

Постановка задачи. Национальная проблематика, которой посвящена данная статья, по своей значимости уступает экономической, хотя во многом определяется ею. Но по остроте кипящих в последнее время страстей она выдвинулась на первый план в общественно-политической жизни страны. Даже скупые сообщения средств массовой информации о кровавых столкновениях, десятках и сотнях тысяч «беженцев», массовых демонстрациях и забастовках на национальной почве, частых призывах к выходу тех или иных республик из Советского Союза и уже предпринятых шагах в этом направлении вызывают сильную тревогу за будущее страны. Ставшее уже привычным «успокоение» национальных конфликтов с помощью специальных войск и введения особого положения, конечно, не решение национального вопроса; когда националистический джинн выпущен из бутылки, его можно таким образом приостановить, но очень трудно загнать обратно. С другой стороны, и простые призывы к конфликтующим сторонам «одуматься» и добиться разумных компромиссов «за столом переговоров» нередко оказываются малоэффективными; о каком «компромиссе» может идти речь, например, между армянами, которые настаивали и, очевидно, будут упорно настаивать на присоединении НКАО к Армении, и азербайджанцами, которые будут настаивать на оставлении НКАО в составе Азербайджана? Или какой «компромисс» может быть между эстонским большинством Верховного Совета Эстонской ССР, принявшим противоречащий Конституции СССР Закон о местных выборах с применением ценза оседлости, и выступившим против него путем стачечной борьбы частично дискриминированным русскоязычным населением Эстонии? В таких случаях одна сторона просто должна была бы уступить другой, подчиняясь Конституции СССР. Но если в случае с эстонским законодательством ясно, кто именно должен уступить, то в случае с НКАО это не столь ясно, так как положение Конституции СССР о «самоопределении наций» находится в противоречии с имеющимися там же ограничениями этого права. Вот почему советская общественность с надеждой ожидает разработки такой политики в национальной сфере жизни и принятия таких законов (в том числе поправок к Конституции СССР), которые, будучи ориентированы на длительный срок, позволили бы смягчить или устранить уже возникшие национальные конфликты и не допустить новых.

Разработать долговременную и эффективную национальную (или «интернациональную» — о чем речь пойдет далее) политику можно лишь опираясь на научную теорию, которая учитывает закономерности общественного развития. Говорят, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория, и это относится не только к техническим и естественным наукам, но и к обществоведческим, хотя

Козлов Виктор Иванович, доктор исторических наук, заведующий сектором Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

здесь разработка теории, да и связь ее с практикой (т. е. политикой) является несравненно более сложным делом. Тяжелое положение, в котором оказалось советское общество и которое мы пытаемся устранить путем социально-экономической и политико-правовой перестройки, отчасти обусловлено недостаточной в прошлом исследовательской деятельностью наших обществоведов, не сумевших вскрыть негативные явления в начальной стадии их развития и привлечь к ним внимание. Да административно-командная система в такой деятельности и не очень нуждалась; высокие инстанции, по существу, игнорировали необходимость учета закономерностей развития всего общества и составляющих его групп, считали, что людские массы следует вести в том или ином казавшемся им «правильным» направлении и с той или иной скоростью, поручая научным сотрудникам с учеными степенями и званиями подводить под такие волюнтаристские решения наукобразное основание. Это касается и ситуации в области национальных отношений, или национального вопроса, который в нашем многонациональном государстве считался в основном решенным (и это «доказывалось» в многочисленных «научных» работах), а между тем не только продолжал существовать, но и становился в ряде регионов всё более острым. Достаточно показательно в этом отношении поднявшееся в 1977 г. массовое движение среди абхазов за выход Абхазской АССР из состава Грузинской ССР и включение ее в состав РСФСР. Но в то время такие события было принято замалчивать.

После справедливых упреков, прозвучавших на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС в адрес обществоведов, занимающихся национальной проблематикой, количество публикаций на такие темы стало постепенно расти, особенно после конфликтного обострения в 1988 г. ситуации в Закавказье из-за статуса Нагорного Карабаха и в связи с развернувшимися национальными (а в чем-то и националистическими) движениями в прибалтийских и некоторых других республиках. Однако научное качество этих публикаций было невысоким; аргументация в них часто подменялась эмоциями, теория — парадигмой, а «методология» обычно сводилась к выдергиванию отдельных фраз из работ В. И. Ленина. Это особенно относится к деятельности журналистов и национальных литераторов, оказавших столь сильное влияние на общественное мнение, что под них стали подстраиваться многие научные работники. В результате в сотнях публикаций, в десятках проведенных «круглых столов» и конференций были выявлены различные аспекты национальной проблематики и предложены различные, нередко противоречивые подходы к их решению. Даже задача вскрытия исторических причин создавшейся в стране острой национальной ситуации не была решена полностью. Основной из таких причин многие считали деформацию «ленинской национальной политики» в период сталинщины, проведенные в то время необоснованные репрессии в отношении групп национальной интеллигенции и целых национальностей, а также ущемление суверенности национальных республик. Однако эта в целом правильная аргументация не была должным образом согласована с приводимыми нередко теми же авторами фактами об успехах национальной политики в период, когда Сталин был наркомнацем, а затем всемогущим генсеком и когда национальный вопрос был «в основном» решен и дружба народов выдержала испытания в суровые годы Великой Отечественной войны; кроме того, эта аргументация не объясняла обострения национальной ситуации в тридцатипятилетний период, прошедший после смерти Сталина. Не удалось добиться согласия в оценке последствий брежневского застойного периода; и если большинство выступавших в дискуссиях считали, например, появившуюся в то время концепцию интернациональной исторической общности «советский народ» в корне неверной и даже «вредной», то были и такие, которые доказывали обоснованность данной концепции как реально отражающей результат процессов межнациональной интеграции в СССР¹. Существенные разногласия, выявившиеся в ходе дискуссий, во многом можно объяснить тем, что почти все их участники пренебрегли теорией национального вопроса, разработанной В. И. Лениным, но не смогли предложить какой-то другой достаточно обоснованной теории. Возникшее обострение национальных

проблем в СССР выявило возможность более четко представить реальную ситуацию. Для характеристики этой ситуации мне представляется целесообразным разделить с некоторой условностью все национальные проблемы на две группы: национально-государственные и межнациональные.

Неудовлетворительность ситуации по первой группе определяется юридическим (конституционным) и фактическим неравенством статуса различных форм национально-территориальных образований: союзные республики в этом отношении превосходят автономные, а те, в свою очередь, автономные области и округа, созданные на национальном принципе. Устранение этого неравенства обычно связывается с повышением роли и правового статуса национальных автономий. Трудности такого решения сразу же видятся в большой разнородности национальных автономий, в различной общей численности их населения и раз-ной доле «заглавной» национальности, в специфике хозяйства, наличии ресурсов, возможностей развития инфраструктуры и других параметров, осложняющих перевод некоторых из них на хозрасчет. Кроме того, повышение статуса автономий предполагается сочетать с повышением суверенности союзных республик, что еще более укрепит их власть над автономными республиками, может усилить уже отчетливо проявившиеся в некоторых республиках (в Литве, Латвии и Эстонии, а также в Грузии и Молдавии) сепаратистские тенденции и облегчить возможность их осуществления. Относящаяся к группе этих проблем формула «без сильного союза нет сильных республик, без сильных республик нет сильного союза» имеет в чем-то лозунговый характер и не вполне учитывает националистический контраргумент: а зачем сильным республикам нужен «сильный центр»?

Неудовлетворительность ситуации по второй группе проблем определяется противоречием между юридическим (конституционным) равенством и фактическим неравенством различных национальностей, что обусловлено как неравенством статуса их национально-территориальных образований (при этом хуже всего положение национальностей, которые не имеют таковых, например, немцы, поляки, гагаузы и др.), так и особенно теми преимуществами (например, в кадровых вопросах), которые имеет «заглавная» национальность перед инациональными группами и которые она стремится закрепить, опираясь на свое преобладание в государственных и партийных органах путем законов о государственном языке и республиканском гражданстве с применением цензов, благоприятных для этой национальности; в некоторых случаях это сочетается с тенденцией вытеснить инациональные группы за пределы «своей» республики, прибегая к угрозам и даже насилию, как это было в Азербайджане, Армении и Узбекистане. В прошедших дискуссиях группе этих важнейших проблем, составляющих суть «национального вопроса», не было уделено достаточно внимания. И хотя, казалось, все разделяли конституционный принцип равноправия граждан «вне зависимости от расовой и национальной принадлежности», но уже более конкретный призыв к тому, чтобы все советские граждане чувствовали себя как дома в любой точке страны, по логике развивающихся в стране событий оказывался трудноосуществимым. Основная трудность заключается в том, что в ряде случаев решение проблем второй группы как бы противоречит решению проблем первой группы; так, признание за союзной республикой права на государственный язык и свое гражданство означает, что в будущем для того, чтобы советский человек всюду чувствовал себя как дома, ему необходимо знать 15 республиканских языков и иметь 15 республиканских паспортов.

Кроме этих двух групп национальных проблем имеются более или менее частные проблемы, особо важное место среди которых занимает русский вопрос, которому пока, как мне представляется, не уделено должного внимания и который заслуживает специального рассмотрения.

В платформе КПСС «Национальная политика в современных условиях», принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС по межнациональным отношениям, вновь было отмечено, что «партия считает необходимым резко оживить и активизировать идейно-теоретическую работу в этой области»². Тем

самым было признано, что составление проекта платформы шло в условиях недостаточной теоретической разработки национального вопроса и что платформа обеспечивает обществоведов лишь базовыми политическими положениями. В тексте платформы есть места, требующие некоторой корректировки, взаимного логического согласования и т. д.

Это особенно относится к недостаточно согласованному решению проблем укрепления и развития национальной государственности и проблем гармонизации межнациональных отношений с целью обеспечения фактического равенства людей всех национальностей. Полагаю, что обсуждение и уточнение таких положений в направлении их законодательного воплощения требует глубокого теоретического обоснования. Здесь следует учесть еще и то обстоятельство, что общественной жизни присуща своя диалектика, свои формы «единства и борьбы противоположностей» и «отрицания отрицания». Любая политика, как известно, представляет собой совокупность практических мероприятий, направленных на достижение какой-то определенной цели. При этом приверженцы командно-административного стиля руководства и обслуживающие их научные работники не видят никаких альтернативных путей или закрывают на них глаза, идеализируя данную политику; задачей же истинной науки является рассмотрение всех альтернатив и диалектически противоречивых сторон той или иной политики для предотвращения ее возможных негативных результатов и обоснования необходимых корректив. Сказанное особенно относится к политике, которая не опирается на соответствующую теорию, а обусловлена конкретными обстоятельствами, так как при изменении этих обстоятельств такая политика может утратить прежнюю эффективность. Рассмотрение теории национального вопроса, причин обострения национальной ситуации в СССР, а также альтернатив национальной политики и является задачей данной статьи.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Ученые-марксисты признают, что общественное бытие определяет общественное сознание, а общественное сознание во многом формирует личное сознание; вместе с тем, для того чтобы то или иное «бытие» реализовалось, оно должно пройти через сознание людей, преломиться через какие-то взгляды, или парадигмы, мотивирующие действия этих людей. Для группового поведения особую важность представляют парадигмы, связанные с видением важности тех или иных групп или общностей.

Сущность *национальной парадигмы*, проявившейся в европейских национальных движениях XIX в. и распространившейся в СССР особенно в последние десятилетия, в том, что жизнь человеческого общества и составляющих его людей мыслится преимущественно в национальных (этнических) формах; каждая национальная (этническая) общность с ее языково-культурными и другими особенностями нередко представлялась чем-то вроде биологического вида, исчезновение которого обедняет генофонд Земли (в данном случае культурный фонд человечества), поэтому сохранение специфики такой общностью должно обеспечиваться всеми возможными средствами. Лучшим из них обычно считается обособление народа в границах своей государственности при ограничении контактов с инациональными группами. Применительно к Советскому Союзу решение национального вопроса в духе национальной парадигмы мыслится путем превращения национальных республик и областей в своего рода этнокультурные заповедники, а национальной политики — в комплекс мер по охране и воспроизводству в каждой из республик и областей соответствующих языка и культуры. Для того чтобы отвести возможные упреки в национализме и сепаратизме, постулируется, что «интернациональное» находится в ограниченной связи с «национальным», через которое, дескать, оно выражается.

В приведенных рассуждениях и предложениях отнюдь не все правильно и позитивно; отмечу сразу же, что «национальное» само по себе отнюдь не ин-

тернационально», и укрепление его в качестве самоцели (пусть даже в виде «национально-социалистического»), скорее, ведет к национализму, нежели к интернационализму. Вместе с тем следует признать, что национальная парадигма — это не какое-то искусственное создание национальной интеллигенции, об особой заинтересованности которой в процветании «национального» речь пойдет далее; национальная парадигма имеет глубокие психологические и культурные корни и в чем-то является более «естественной», чем интернациональная парадигма.

Не имея возможности уделить этой проблеме в рамках данной статьи должного внимания, отмечу, что подавляющее большинство людей рождается и социализируется в определенном этническом (языково-культурном) окружении; они еще в детстве усваивают язык и культуру, а также этноспецифические установки, ценности и стереотипы, и все это становится своего рода призмой, через которую затем воспринимается окружающий мир, в том числе и иноэтнические группы; короче говоря, люди с детства становятся естественными этноцентристами и передают такое свойство в процессе этнического воспроизводства своим детям. Естественность национальных чувств обусловлена и тем, что важным компонентом национального (этнического) самосознания является представление людей, входящих в народ, о какой-то (пусть даже иллюзорной) давней общности их происхождения, общности исторических судеб; при этом многие объективные атрибуты национальной общности приобретают «родственные» черты: воспринятый с детства язык называется родным, территория обитания (этническая территория) — родной землей, матерью-Родиной и т. п. Естественный этноцентризм может ослабевать при производственных и бытовых контактах с людьми другой национальности (особенно при смешанных браках) и в ходе интернационалистического «перевоспитания», хотя обычно он не исчезает полностью. Вместе с тем в условиях конкурентной борьбы за лучшее существование и путем направленной пропаганды он может быть сравнительно легко превращен в массовый национализм и поддерживаться идеями об исключительности своего народа, его всемерном превосходстве над другими национальностями, о «виновности» каких-то национальностей в неудачах или бедах своего народа и т. п.

Следует сказать, однако, что в ракурсе мировой истории, включая и современность, национальная парадигма не является единственной и наиболее важной. При феодализме почти всюду очень важную роль играла религиозная парадигма, о чем убедительно свидетельствовали религиозные войны; да и в настоящее время некоторые острые конфликты, например, в Индии, Ливане или в Северной Ирландии, по крайней мере внешне связаны с этой парадигмой. Существует государственная парадигма, в соответствии с которой люди связывают свои устремления главным образом с принадлежностью к определенному государству; в настоящее время она отчетливо выступает, например, у граждан США, да и во Франции, где есть ареалы этнических меньшинств со своими языками и культурой (эльзасцы, бретонцы и др.). Существует, наконец, социально-классовая парадигма, на которой в основном строилось революционное учение марксизма с его интернационалистическим лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», направленным против объединенных сил капиталистов. Национальный вопрос в работах К. Маркса и Ф. Энгельса занимает, как известно, второстепенное место по отношению к вопросам пролетарской революции; представлялось, что он будет решен после ликвидации эксплуатации человека человеком. Здесь необходимо, однако, некоторое пояснение.

Под *национальным вопросом* в широком его смысле понимается вся проблематика отношений между различными национальными (этническими) общностями или группами и между людьми различной национальной принадлежности, а его решение предполагает возможно большую гармонизацию таких отношений. Суть же национальных отношений связана прежде всего с различиями между людьми по языку и специфической культуре, а также по национальным (этническим) чувствам и психологическим установкам.

Существуют два в корне различных способа решения национального вопроса: сепарационный и интеграционный. Сущность первого, органически связанного с национальной парадигмой, состоит в разделении национальностей по своим более или менее самостоятельным государствам; национальные чувства при этом обычно усиливаются. Соединяясь с чувством патриотизма, они могут быть легче доведены до национализма, но их отрицательные проявления ограждены государственно-политическими границами, охраняемыми международным правом. Именно так национальный вопрос решался на большей части Европы, где еще в позднем средневековье стали возникать национальные государства³.

Второй, интеграционный способ решения национального вопроса возможен путем развития всемерного общения между национальностями при устранении всяких перегородок между ними и при их юридическом и фактическом равноправии, когда национальные чувства в общественной жизни постепенно отступают на задний план перед социально-классовыми и профессиональными интересами и в социально-культурной жизни людей все большее значение начинают иметь сообщества межэтнического, в том числе общегосударственного типа, национальная парадигма уступает государственной или социально-классовой. В реальной жизни тот и другой способ обычно не выступает в «чистом» виде, так как в национальных государствах нередко находятся значительные группы национальных меньшинств, с которыми основная национальность так или иначе взаимодействует, нарушая свою сепарацию; интеграционный путь в многонациональных странах затруднен естественным этноцентризмом, сохраняющимся в глубинах этнических массивов. Но это не устраняет сущностных различий между данными способами решения национального вопроса, и попытки их совмещения обычно ведут к каким-то социальным дисбалансам.

Теория национального вопроса была разработана преимущественно В. И. Лениным в связи с особенностями развития революционного движения многонациональной России, но при этом он учел фактический материал и по другим странам мира. Центральную часть этой теории составляет заключение об исторической изменчивости основных «тенденций» национального вопроса. «Развивающийся капитализм,— указывал В. И. Ленин,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁴.

Рамки статьи не позволяют изложить сколько-нибудь полно все многочисленные рассуждения В. И. Ленина, касающиеся исторически закономерной смены тенденции национально-государственной сепарации тенденцией к межнациональной или «интернациональной» интеграции. Отмечу лишь, что усиление этой тенденции связывалось им с развертыванием территориального смещения национальностей в городах и промышленных районах, со все расширяющимся совместным трудом на фабриках и заводах рабочих разных наций. В. И. Ленин отметил важное прогрессивное значение «всемирно-исторической тенденции капитализма... к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁵.

Особенно большую значимость представляют мысли В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению интеграционной тенденции. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовы-

ми социалистическими нациями»⁶. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и *слияние их*»⁷ (курсив мой.— В. К.) и т. д. О том, каким образом пролетарская партия может способствовать проявлению интегрирующей тенденции в национальном вопросе, В. И. Ленин говорил мало, ограничиваясь заявлениями о необходимости достижения равноправия наций (народов), о том, что пролетариат должен поддерживать все, помогающее стиранию национальных различий, и т. п.

Означают ли эти и подобные высказывания, что В. И. Ленин ожидал в будущем какую-то полную деэтнизацию и культурное однообразие людей? Полагаю, что нет! Из-за неоднородности условий жизни людей региональные культурные различия будут существовать всегда, и сам же В. И. Ленин отмечал, что падение всех и всяких национальных перегородок после социалистической революции не уменьшит, а в «миллионы раз» увеличит «„дифференцирование“ человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни...»⁸. А. В. Луначарский отмечал, что интернационализация культуры не предполагает какого-то «уничтожения национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их богатую и свободную гармонизацию»⁹. Но из этих высказываний определенно следовало, что уже в ходе развития социализма, на каком-то закономерном этапе «сближения и слияния наций» национальный вопрос как таковой может быть по существу снят с общественной «повестки дня».

Ленинская теория национального вопроса имеет непреходящее значение. Она отражает реальные и объективные исторические закономерности, проявляющиеся в капиталистических странах до сих пор. Почти повсеместно преобладает тенденция к межнациональной интеграции, наиболее отчетливо проявившаяся в западноевропейских странах Общего рынка, которые в последнее время уверенно движутся от экономической интеграции к политической; отмеченные кое-где явления «этнического возрождения» охватывают главным образом небольшие группы национальной интеллигенции, а сепаратистские тенденции характерны преимущественно для экстремистских групп (типа сикхов в Индии или, скажем, басков в Испании — организация ЭТА). Мощные интернациональные процессы развернулись и в Советском Союзе, где сложился и упрочился единый народнохозяйственный комплекс, шло дальнейшее территориальное смешение национальностей, росло число национально-смешанных браков, развивались процессы естественной ассимиляции и т. д. Вместе с тем совершенно ясно, что предсказанное В. И. Лениным мощное развитие интеграционной тенденции в национальном вопросе после социалистической революции не реализовалось полностью. Это может быть объяснено двумя основными причинами.

Первая причина «сбоя» процессов межнациональной интеграции в СССР состоит, конечно, в том, что В. И. Ленин, предсказывая развитие интеграции и интернационализации при «социализме», имел в виду во многом не тот строй, который реально получился в СССР в результате деформации некоторых его важных основ, особенно в годы сталинщины и застойного периода. Можно предположить, что если бы построение социалистического общества в СССР шло в соответствии с марксистско-ленинским представлением о более развитой в экономическом отношении по сравнению с развитым капиталистическим строем системе, превосходящей его как по уровню благосостояния населения, так и по уровню демократии, то национальные проблемы действительно стали бы все более сглаживаться. Однако связь между уровнем развития экономики и особенностями развития национальных отношений не всегда бывает достаточно определенной. И тот отмеченный в материалах XIX конференции КПСС факт, что в СССР произошел «закономерный» рост национального самосознания и национальных чувств (хотя, по В. И. Ленину, должен был бы быть закономерный рост интернациональных чувств), трудно объяснить социально-экономическими «деформациями» социализма.

Вторая основная причина нереализованности вскрытой В. И. Лениным исторически закономерной интеграционной тенденции развития наций после социалистической революции заключается, на мой взгляд, в том факте, что национальная политика Советской власти отклонилась от его теории. В связи со сложившейся ситуацией с одобрения самого же В. И. Ленина эта политика была нацелена на создание и развитие национальной государственности, т. е., в сущности, учитывала сегрегационную тенденцию в национальном вопросе, закономерную для раннего капитализма, а не для социализма. Отклонение политики от теории бывает довольно часто, и национальная политика в этом отношении сходна, например, с новой экономической политикой, которая отнюдь не опиралась на классическую марксистско-ленинскую теорию построения социализма, а мотивировалась ошибочностью курса «военного коммунизма» и конкретными условиями в Советской России после окончания тяжелой гражданской войны. Переход от политики «военного коммунизма» к нэпу с допущением капиталистических форм хозяйства на всех уровнях (в том числе и в форме «государственного капитализма») вовсе не означал, кстати сказать, что В. И. Ленин хотел создать «нэповский» социализм. Проведение политики национально-государственного строительства с созданием национальных республик тоже не означало, что В. И. Ленин перешел на национальную парадигму и стремился якобы создать не интернациональный, а «национальный» социализм. Причины такой национальной политики и ее результаты требуют пояснения.

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Многие советские обществоведы представляют дело таким образом, что национальная политика Советской власти после социалистической революции проводилась в логическом соответствии с тезисом о праве наций (народов) на самоопределение, вплоть до политического отделения и создания своего государства, включенного еще в Первую программу РСДРП (1903 г.) и повторенного в Декларации прав народов России (ноябрь 1917 г.). Однако такое объяснение не вполне корректно. Данный тезис, ведущий свое начало от распространившегося в капиталистической Европе в первой половине XIX в. «принципа национальности» (права национальности на свое суверенное государство), входил наряду с гражданскими свободами в программу почти всех буржуазно-демократических преобразований; В. И. Ленин сам отмечал, что национальная программа большевиков-марксистов «... относится к буржуазно-демократическим национальным движениям»¹⁰. Включение такого пункта в Программу РСДРП вызвало споры; отмечалось, например, что до пролетарской революции в России такой тезис вряд ли осуществим, а после нее становится неактуальным и может привести даже к отколу каких-то национальных областей с возможным возвращением их в лагерь капитализма; отмечалось и то, что «национальная государственность» не решает полностью национальный вопрос, ибо «чистые» национальные территории выделить трудно, и в пределах их всегда окажутся те или иные группы национальных меньшинств с неполным правовым статусом и т. д. Необходимо сказать также, что социал-демократы Австро-Венгрии приняли программу так называемой национально-культурной автономии, по которой национальный вопрос решался путем создания экстерриториальных языково-культурных землячеств и их союзов.

Необходимость провозглашения права наций на самоопределение в Программе РСДРП В. И. Ленин обосновал потребностями установления национального равноправия и сравнивал право наций на самоопределение с демократическим правом каждого из супругов на развод. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что это не означает какого-то призыва к «разводу», и указывал на реальные преимущества большого государства по сравнению с мелким¹¹. Известно также, что в 1916 г., предугадывая возможность социалистической революции в России, В. И. Ленин выступал против феодальной формы государственного устройства страны.

Одной из важных причин изменения тактики большевиков в национальном вопросе, насколько можно понять (прямых объяснений этому в работах В. И. Ленина нет), было быстрое развитие в России после свержения царизма национальных движений, в том числе сепаратистского типа. В результате этого почти все основные составные части Советского Союза (Российская Федерация, Украина, Азербайджан, Армения и Грузия) еще до официального провозглашения этого союза в конце 1921 г. имели свою национальную государственность, и вопрос заключался не в ее создании, а в ее преобразовании Советской властью на социалистической основе. С этим было связано и признание относительного суверенитета союзных республик, что было особо отмечено В. И. Лениным в его письме-статье «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» в конце 1922 г.¹² Многие автономные республики Российской Федерации также возникли еще в годы гражданской войны; признание и поддержка их Советской властью облегчила ее победу над контрреволюционными силами, ратовавшими, как правило, за «единую и неделимую» Россию и не допускавшими ее федерализации.

Существовали, наконец, и объективные потребности создания различных форм национальной государственности для обеспечения наиболее благоприятных условий развития, особенно народов страны, стоявших еще на докапиталистической стадии развития. Выше уже говорилось о том, что государственность способствует политическому и социально-экономическому оформлению нации, укреплению и развитию национального сознания. Будучи органически связанной с национальной парадигмой, национальная государственность обеспечивает протекционизм для развития национального языка и культуры, в частности, для расширения функций использования этого языка в сфере образования, в средствах массовой информации, в литературе и т. п. Такой протекционизм проявляется в сфере кадровой политики; не случайно, что одним из первых мероприятий в советских национальных республиках была «коренизация» управленческого аппарата, т. е. создание административно-бюрократических национальных групп. Уместно отметить, что на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей Сталин — уже в качестве генсека — поддержал предложение о необходимости «создать некоторые льготные условия, облегчающие вступление в партию и выдвижение в ее руководящие органы менее культурных и, может быть, менее пролетарских национальностей»¹³. Одновременно началось формирование и других групп «национальной интеллигенции», особенно учителей, работников в области культуры и обществоведения, тесно связанных с национальным языком и культурой, с разработкой национальной истории и т. д. Со временем в союзных республиках были созданы академии наук, а в автономных — научно-исследовательские институты преимущественно гуманитарного профиля, подбор кадрового состава в которых и их деятельность имели преимущественно национальную направленность.

Позитивные результаты национальной политики Советской власти и большевистской партии, проявившиеся прежде всего в национально-государственном строительстве, показаны в огромном числе публикаций, хотя, по правде говоря, влияние этой политики на экономическое развитие тех или иных национальностей нередко преувеличивается. Экономика страны развивалась главным образом в соответствии с общегосударственным планом, и, скажем, Кемеровская область, где началась разработка богатых угольных месторождений, в промышленном отношении ушла далеко вперед по сравнению с расположенной вблизи Киргизской республикой, где таких природных богатств не было. В народнохозяйственные директивы обычно включалась специальная установка на промышленное развитие «национальных окраин», но она нередко осуществлялась за счет использования инонациональных промышленных кадров из центральных областей страны.

Насколько, можно понять из выше изложенного, национальная политика,

проводимая после Великой Октябрьской социалистической революции в духе той исторической тенденции в национальном вопросе, которая, по В. И. Ленину, была характерна для раннего капитализма и проявлялась прежде всего в создании у большинства народов страны различных форм национальной государственности, была в основном политикой прагматической. Вместе с тем среди политически активных слоев молодого советского общества национальная парадигма уступала интернациональной; в годы гражданской войны многие красноармейцы шли в бой «за мировую революцию», за то, как сказал поэт, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Идеями интернационализма определялась экономическая и социально-культурная помощь отсталым национальным областям. Да и в самом национально-государственном строительстве, при проведении административных границ национальных республик и областей национальная принадлежность населения, как это сейчас не покажется странным, далеко не всегда имела основное значение. Так, автономия для башкир сначала была создана в виде этнически сравнительно однородной «Малой Башкирии», а затем — в более широких границах, с присоединением ряда районов, большинство жителей которых составляли русские (в том числе и города Уфа, где башкир почти не было). Показательно и создание казахской (киргизской) автономии в составе Российской Федерации; эта обширная, протянувшаяся от Каспия до Тянь-Шаня автономия на северо-западе включала населенные русскими земли Уральского казачьего войска, экономически тяготеющие к Поволжью и Уралу, а на юго-востоке — земли семиреченских казаков с поселком Верный (на базе его позже вырос город Алма-Ата), которые принадлежали сибирскому казачеству. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР состоялся, кстати сказать, в Оренбурге (1920 г.), и если бы тогда кто-то из казахских делегатов заявил о суверенных правах казахов на всю территорию республики и об их законных преимуществах в ее границах перед русскими, то его в самом лучшем случае подняли бы на смех.

Возвращаясь к затронутому выше вопросу о связи современного неблагополучия в сфере национальных отношений с деятельностью Сталина, нарушившего, как пишут некоторые авторы, основы «ленинской национальной политики»¹⁴, следует сказать, что никакой особой теории национальной политики и концепции национальной политики он не разработал. Теперешние активисты движений за больший республиканский суверенитет укоряют Сталина в том, что он, будучи сторонником централизма, не поддерживал должный статус союзных республик, что он по существу силовым методом присоединил к Советскому Союзу прибалтийские государства и т. д. Такие упреки и обвинения справедливы. Но, с другой стороны, следует признать ведь и тот факт, что Сталин в основном продолжал политику развития национальной государственности, что отразилось, например, в повышении им статуса некоторых автономных республик до союзных (Казахской и Киргизской в 1936 г. и т. д.), автономных областей до автономных республик (Мордовской в 1934 г., Чувашской в 1925 г. и т. д.). От необоснованных репрессий сильно пострадала вся национальная интеллигенция, в том числе и русская. Вместе с тем национальная парадигма в то время стала почти повсеместно укрепляться и расширяться. Этому способствовала закрепившаяся практика предоставления нерусским национальностям различных преимуществ не только в пределах их республик, но и льгот за их пределами (например, в получении высшего образования в центральных учебных заведениях страны). Важным средством осуществления национальных привилегий и ограничений стала введенная в начале 1930-х гг. система паспортов с отметкой о национальности и учет национальности в служебных анкетах. В экстремальной ситуации периода Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, как и прежде в гражданской войне, поведение большинства советских людей определялось дружескими интернациональными чувствами. Однако развернутая вскоре после войны кампания борьбы против «безродных космополитов» и гонения на евреев способствовали оживлению национальных чувств.

В послесталинский период и особенно после XX съезда КПСС, осудившего культ Сталина и его жестокие репрессии, многие последствия национальных репрессий и гонений были в той или иной степени устранены. Национальные автономии ранее репрессированных народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, балкарцев и др.) были восстановлены, хотя конфликты, вызванные тем, что их прежние селения были заняты другими национальностями, до сих пор изжиты не полностью. Евреи получили возможность эмиграции в Израиль (большинство затем уезжало в США), таким же правом стали пользоваться армяне, а затем и немцы. Автономии Немцев Поволжья и крымских татар не были, правда, восстановлены, но это представлялось «частными» случаями, не очень нарушавшими общего «благополучия» в сфере межнациональных отношений. Имевшиеся случаи национальных конфликтов было принято замалчивать; о турках-месхетинцах вне районов их поселения знали лишь немногие специалисты. Внешнее благодушие застойного периода отразилось и в преувеличении оценки фактического развития процессов межнациональной интеграции, в концепции якобы уже вполне сформировавшейся новой исторической общности людей — «советского народа», в преувеличении данных о масштабах распространения русского языка как основного языка межнационального общения в нашей стране и т. п. Поэтому сообщения о межнациональных столкновениях в Якутске и Алма-Ате, а затем развернувшихся распрях между азербайджанцами и армянами из-за Нагорного Карабаха, в ходе которых произошел кровавый погром армян в г. Сумгаите, новые столкновения в Кировабаде и многих других местах, а также массовое бегство армян из Азербайджана в Армению и азербайджанцев из Армении в Азербайджан явились для советской общественности как бы громом среди ясного неба. В действительности же небо уже давно затягивалось тучами, и вскоре национальные грозы разразились и во многих других местах.

ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С того времени, как в наше обществоведение внедрили упрощенные историко-социологические и социально-психологические схемы, многие считали, что люди вне зависимости от их национальной (этнической) принадлежности по своей природе коллективисты и интернационалисты и что эгоистами их делает частная собственность, а националистами — эксплуатация человека человеком; отсюда следовало, что с падением капитализма и с искоренением буржуазных «пережитков» люди станут пребывать в своих лучших качествах и станут интернациональными «братьями и сестрами». Однако в жизни все обстоит намного сложнее, и, например, психология национальных отношений не обнаруживает прямых связей с развитием экономики, в том числе с процессами экономической интеграции, а национальная парадигма еще способна питать национализм.

Чем же можно объяснить разразившиеся в последние годы национальные конфликты? Нетрудно установить, что корни некоторых из них тянутся в не очень давнее прошлое¹⁵; жестокие столкновения армян с азербайджанцами были, например в 1905 и 1918 гг. Кто-то может сделать из этого вывод, что пострадавшие и их близкие терпеливо ждали много десятиков лет условий гласности, чтобы открыто сказать о старых обидах, и условий демократии, чтобы ополчиться на своих «обидчиков». Но такой вывод окажется явно недостаточным, если учесть, что в новый армяно-азербайджанский конфликт оказались вовлечены многие сотни тысяч людей, воспитанных в советское время в духе интернационализма, в том числе многие члены партии, представители интеллигенции, которых, казалось бы, трудно увлечь экстремистскими лозунгами. Для этого требовались какие-то важные причины и обстоятельства.

Одной из таких важных причин является дальнейшее расширение и углубление в последние десятилетия национальной парадигмы не только в сфере языка и культуры, но и в сфере буксующей экономики и связанный с нею рост национализма в его местной, республиканской форме. Суть такого национализма,

проявляющегося во многих республиках страны, сводится к убеждениям, что каждая республика создана для людей соответствующей национальности, которая на всей ее территории, дескать, имеет «законные» преимущества перед другими национальностями, а кому это не по душе, те могут переселиться в «свои» республики (если таковые имеются) и пользоваться там правами «хозяев». Правда, в ныне действующей Конституции СССР 1977 г., как и в предыдущих Конституциях, имеется статья о равенстве всех граждан СССР «перед Законом независимо от происхождения... расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка ... места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» (Статья 34). Но сама по себе даже самая хорошая статья закона мало что значит, если нет механизма ее осуществления и строгого контроля за ее соблюдением (вспомним, сколько хороших статей было в «сталинской» Конституции СССР 1936 г., называемой «самой демократической в мире»). В действительности решение поставленной задачи достижения фактического национального равноправия в Советском Союзе началось с предоставления некоторых льгот многим нерусским национальностям как в пределах их национальных образований, так и за их пределами, о чем уже говорилось выше.

Ситуация, при которой, по остроумному выражению Д. Оруэлла, все равны, но одни равны больше, чем другие, сохранялась многие десятилетия. В тепличных условиях подготовки национальных кадров стали возникать уже новые диспропорции: так, по проценту кандидатов и докторов наук армяне и грузины, обогнали русских и приблизились к ранее ушедшим вперед евреям. Пониженные требования, предъявляемые к качеству подготовки национальных кадров, в том числе и специалистов высшей научной квалификации, отрицательно сказываются на качестве таких кадров, воспроизводимых внутри республик, и на развитии многих сфер общественной жизни. Достаточно показательно в этом отношении обнаруженное в последнее время очень низкое качество подготовки работников сферы здравоохранения, народного образования в среднеазиатских и некоторых других республиках. Это проявляется и в сфере национальных отношений, так как недостаточно подготовленная национальная интеллигенция, например, может преодолеть конкуренцию инонациональной интеллигенции, зачастую лишь играя на национальных чувствах и благодаря протекционизму республиканских властей.

Выше уже отмечалось, что из-за несовершенства Конституции СССР закрепляется национально-государственное неравноправие — союзные республики имеют больше прав, чем автономные, а автономные республики — больше, чем автономные области и округа. Такое неравноправие закономерно распространяется и на существующие национальности, и на представителей этих национальностей. В особо благоприятном положении оказываются «заглавные» национальности небольших союзных республик. И, например, тот факт, что эстонцы существенно превосходят по уровню благосостояния примерно равных им по численности, как показала перепись населения, русских соседей Псковской области РСФСР, объясняется не только некоторыми выгодами приморского положения эстонцев и, вероятно, не какими-то особыми врожденными трудовыми способностями эстонцев, но и тем, что Эстония более автономна в хозяйственном отношении и на душу населения (особенно среди эстонцев) здесь приходится больше престижных и хорошо оплачиваемых должностей в министерствах, ведомствах, академических учреждениях и прочих заведениях, которые не положено иметь жителям Псковской области.

Чем обусловлен национально-государственный статус той или иной республики и почему, скажем, Киргизия в 1936 г. была объявлена союзной республикой, а более населенная и экономически развитая Татария до сих пор остается автономной республикой, в Конституции СССР не сказано, а встречающиеся ссылки на то, что союзная республика для осуществления своего права на политическое самоопределение должна, дескать, иметь внешнюю границу, мало

кого удовлетворяют; сразу же вспоминается благополучное существование таких самостоятельных государств, как республика Сан-Марино, окруженная территорией Италии, или королевство Лесото, окруженное территорией ЮАР. Остаются конституционно закрепленными некоторые национально-государственные, мягко говоря, странности, например, существование Аджарской АССР в составе Грузинской ССР, так как никакой особой «аджарской» национальности уже давно не существует — все исконные жители этой автономии стали «грузинами». Не вполне понятна, наконец, и утвержденная Конституцией жесткость республиканских границ, которые могут быть изменены лишь с согласия Верховного Совета этих республик, где преобладает «заглавная» национальность. Такая установка противоречит праву национальных меньшинств на самоопределение; она уже явилась причиной конфликта между армянами и азербайджанцами из-за республиканской принадлежности Нагорного Карабаха и, вероятно, еще не раз приведет к межнациональным распрям, ибо, как уже отмечалось выше, изначально республиканские границы не считались незыблемыми, национальная принадлежность жителей тех или иных районов при их проведении не играла решающей роли, да и с течением времени во многих районах она существенно изменилась.

На Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Мы исходим из того, что нынешнее национально-территориальное деление не является препятствием для того, чтобы люди всех национальностей могли нормально жить в любом уголке страны»¹⁶. Но проблема здесь имеется и о ней речь пойдет далее.

В Закавказье углубление национальной парадигмы отчетливо проявилось еще в 70-х гг., когда там, вначале в Грузии, а затем в Армении и Азербайджане были приняты законы о придании соответствующим национальным языкам статуса государственных, что обострило межнациональные отношения, в том числе в Нагорном Карабахе, армяне которого не хотели учить азербайджанский; это вызвало в какой-то степени отток из республик иноэтнических групп, например, русских из Грузии. Известная историкам с очень давних времен тенденция решать проблемы межнациональных отношений, связанных в той или иной степени с социально-экономическими трудностями и конкурентными ситуациями, путем выталкивания иноэтнических групп особенно ярко проявилась в СССР летом 1989 г. в Ферганской области Узбекистана, где произошли погромы турок-месхетинцев; почти два десятка тысяч их пришлось переселять в другие регионы страны, главным образом в европейскую часть РСФСР. Вскоре после этого произошли волнения в Новом Узене (Казахстан), где местные жители требовали выселения осевших там групп северокавказских национальностей. Можно предположить, что такая тенденция не исчезнет и в ближайшем будущем, причем последствия открытых национальных конфронтаций устранить очень трудно.

Казалось бы, более демократический характер имели массовые национальные движения, обусловленные уже отмеченным углублением национальной парадигмы и связанные с преимущественным развитием национального в его языково-культурных и социально-экономических формах. Особенно четко такие национальные движения проявились в 1988 г. в республиках Прибалтики, оформившись там в виде народных фронтов, в программы которых входило придание соответствующим национальным языкам статуса государственных, а также достижения экономической самостоятельности (прежде всего полного республиканского хозрасчета) и большей политической суверенности, однако в этих движениях оказалось много негативного, в том числе националистического и сепарационного.

Особенно широкое противодействие встречает у националистически настроенных групп закономерное и в целом прогрессивное распространение русского языка и русскоязычных форм общественной культуры. Это отчасти проявилось еще в «доперестроечный» период деятельности многих республиканских отделов народного образования, выступавших против желания родителей учить своих детей в школах, где преподавание ведется на русском языке, и старавшихся

ограничить число таких школ. Такие мероприятия оправдывались утверждениями о будто бы существующей «обязанности» для коренной национальности данной республики учить детей на национальном языке. В период перестройки некоторые авторы стали выступать вообще против преподавания русского языка в национальных школах, так как двуязычие якобы вредно влияет на развитие детей; эстонский филолог М. Хинт, например, писал, что это «замедляет» их «интеллектуальное развитие <...> порой возникает опасность речевых расстройств» и т. д. и что «влияние концепции так называемой интернационализации оказывает неблагоприятное влияние на национальные культуры, на культурный облик Советского Союза как целого»¹⁷ (!?).

Такое противодействие очевидно проявилось и в стремлении придать некоторым национально-республиканским языкам статуса государственного. Первый из таких законов, как уже отмечалось, был принят в Грузинской ССР; вскоре там во многих школах русский язык стал изучаться «факультативно» и знание его в отличие от «иностранного языка» перестало учитываться в аттестате зрелости. В Азербайджане, где несколько позже был принят такой же закон, мне во время экспедиционных работ 1980—1985 гг. пришлось не раз столкнуться с фактами плохого владения русским языком даже директорами сельских школ; с одной из местных преподавательниц английского языка мне легче было разговаривать по-английски, нежели по-русски; об учениках же этих школ говорить не приходится.

В последнее время законы о государственном языке были приняты в Эстонии, Литве, Латвии, Таджикистане и Молдавии, аналогичные законы утверждены на Украине и в Узбекистане. За них все более активно выступает большинство национальных литераторов и активисты национальных движений в Белоруссии и некоторых других республиках. Аргументация в пользу принятия таких законов дается, как правило, в духе национальной парадигмы, говорится о необходимости их для сохранения языково-культурной самобытности той или иной национальности в ее республике и т. п. При этом обычно утверждается, что такие законы не ущемляют функционирования языков других национальностей, живущих в республике, в том числе русского языка, но это является простой уловкой; в преамбуле к проекту закона Эстонской ССР о языке прямо говорилось, например, что на «исконной территории эстонцев эстонский язык имеет приоритет», и этот смысл отражен в принятом законе¹⁸, впрочем, иначе и не было смысла принимать такой закон.

Известно, что В. И. Ленин в свое время, отмечая огромное прогрессивное значение знания «великого и могучего» русского языка, решительно выступал против объявления его в России «государственным языком», «ибо сколько красивых фраз о „культуре“ вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием...»¹⁹. Сказанное можно отнести и к республиканским государственным языкам; ссылки на то, что В. И. Ленин, дескать, различал «большие и малые», «угнетающие и угнетенные» нации, здесь не работают, ибо большая русская нация как таковая не угнетает (да и в прошлом не угнетала) небольшую эстонскую, да и другие нации, напротив, именно эстонцы в своей республике путем закона о языке и других постановлений в настоящее время проявляют тенденции к ущемлению прав национальных меньшинств, в том числе русских, что, кстати говоря, отмечается и международной общественностью²⁰.

Если отбросить «красивые слова» о сохранении самобытности национальной культуры, так как в действительности эстонская и многие другие национальные культуры высоко развиты и по своей сохранности значительно превосходят русскую, то по существу основной целью придания республиканским национальным языкам статуса государственных без учета важности русского языка как основного языка межнационального общения является усиление сепаратистской тенденции в противовес интеграционной. Поскольку употребление эстонского языка в Эстонии обязательно, то теперь большинство эстонских, например, детей

могут не изучать в школах (а затем и в вузах) русский язык; впрочем, вероятно, даже М. Хинт не станет возражать против того, чтобы они изучали, скажем, английский язык. Под воздействием националистической пропаганды многие эстонцы уже сейчас не желают пользоваться русским языком, как это продемонстрировала «мисс Эстония» на всесоюзном конкурсе красоты. Русские же дети в Эстонии должны теперь изучать эстонский язык; это относится, впрочем, и ко многим их родителям, так как в противном случае по Закону о языке они не смогут работать там, где должны общаться с людьми. Обучение эстонскому языку представителей инонациональных групп потребует немало затрат, которые должны нести сами эти группы, не очень в этом заинтересованные. Но это лишь часть материальных издержек, вызванных законами о государственном языке. Слабое знание представителями некоторых национальностей СССР русского языка приводит к тяжелым экономическим последствиям, так как препятствует межреспубликанским перераспределениям трудовых ресурсов, например, оттоку из перенаселенных сельских районов Средней Азии. Оно имеет и тяжелые социально-культурные последствия, так как не позволяет миллионам людей воспользоваться мощным фондом русскоязычной культуры, приобрести через русский язык к современной науке и технике. Законы о государственном языке могут лишь углубить это положение, и если кто от них выигрывает, то это в первую очередь национальная интеллигенция, особая роль которой в развитии сепаратистской тенденции уже отмечена выше. Именно поэтому заслуживает поддержки идея, выдвинутая М. С. Горбачевым на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС о том, чтобы «придать русскому языку статус общегосударственного в масштабах СССР»²¹.

АЛЬТЕРНАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

На основе разработанной В. И. Лениным теории национального вопроса, можно утверждать, что возникшее в СССР неблагополучие в сфере национальных отношений во многом обусловлено противоборством двух основных, кардинальным образом различных тенденций в национальном вопросе — сепарационной и интеграционной, которые присущи разным историческим эпохам, но в Советском Союзе оказались хронологически совмещенными. Сепарационная тенденция, характерная, как уже отмечалось, для раннего капитализма, тесно связана с национальной парадигмой, о «естественности» которой уже говорилось выше. Однако, согласно марксизму, общественное сознание определяется общественным бытием, и предполагалось, что интеграционные силы экономического развития, которые уже на стадии развитого капитализма станут преодолевать узконациональные чувства, а на стадии социализма, когда все социально-классовые, а с ними и национальные противоречия исчезнут, эти силы повсеместно возобладают и национальный вопрос может быть снят с общественной повестки дня. В Советском Союзе за прошедшие семь десятилетий этого не произошло как из-за того, что строительство социализма прежде всего в сфере экономики было деформировано, так и потому, что негативные стороны национальной парадигмы были усилены созданием национальной государственности; опираясь на национально-республиканскую государственность, национальная парадигма дала ростки национализма, которому в последнее время удалось проникнуть в массы и более активно выступить против проявлений интеграционной тенденции.

Диалектика общественной жизни проявляется во многих аспектах, в частности, в том, что интеграционная тенденция в национальном вопросе, хотя и является для современности в основном прогрессивной, но содержит немало негативных с национальной точки зрения элементов; в свою очередь, национально-сепаратистская тенденция, характерная для начального капитализма, может сохранять, с точки зрения национальной парадигмы, позитивные элементы и при социализме. Таким образом, любая национальная политика в принципе не может быть «идеальной», а должна строиться лишь как «оптимальная», с учетом

всех ее позитивных и негативных сторон. Принятая на Пленуме ЦК КПСС платформа «Национальная политика партии в современных условиях» дает, на мой взгляд, оптимальное совмещение столь различных, в сущности противоположных тенденций, но каждая из этих тенденций способна объективно развиваться, подчиняясь собственным импульсам. Из этого следует необходимость перехода обществоведов от красивых слов и эмоций к трезвой оценке всех плюсов и минусов возможного пути национального развития страны на перспективу.

Выше уже говорилось о том, что на авансцену национальной ситуации в СССР вышел вопрос о статусе национальной государственности, прежде всего о степени суверенности союзных и автономных республик. С этим приходится считаться как с фактом, поэтому предложение о замене данного вопроса, казалось бы, более точным вопросом об обеспечении права народов на суверенитет и сохранение культурных самобытностей вряд ли получит широкую поддержку; другое дело, что суверенность народов, уже имеющих свою национальную государственность, должна сочетаться с признанием равноправия живущих там национальностей меньшинств и обеспечением их языково-культурных потребностей, о чем речь еще пойдет далее. Что же касается призывов к сохранению «культурной самобытности» всех народов, то на них следует остановиться несколько подробнее.

Отмеченная диалектическая противоречивость двух основных тенденций в национальном вопросе не противоречит общей диалектике развития человеческого общества, проявляющейся в том, что прогресс цивилизации не обходится без «потерь», в том числе и в этнической (языково-культурной) сфере. Только на протяжении нескольких последних столетий с карты народов мира исчезли сотни этнических названий и наряду с этим исчезли или сильно сократили свои ареалы сотни языков, повсеместно сильно уменьшилась самобытная этническая культура, а расширилась, а то и возобладали культура безэтническая, или интернациональная. Сравнение этого процесса с исчезновением тех или иных видов животных, которым часто злоупотребляют приверженцы национальной парадигмы, здесь не проходит, так как в большинстве случаев это означает не вымирание людей, а переход их в другое языково-культурное состояние. Можно согласиться с теми, кто стремится к сохранению самобытной культуры и быта, например, западносибирских ненцев и хантов, на оленеводческих, рыболовных и охотничьих угодьях которых развернулась добыча нефти и газа, но никто ведь, кажется, всерьез не предлагал прекратить эту добычу (сделать ее экологически чистой пока невозможно). Переселить же такие группы в отдельные заповедники для сбережения самобытной культуры и осыпать миллионами рублей, отчисляемых от продажи нефти и газа, значит проявить такую «заботу», от которой этим группам может, действительно, не поздоровиться. Конечно, разрабатывая планы развития национальных областей и районов, соответствующим администраторам следует быть более осмотрительными, учитывать мнение местного населения, а также экологов, этнографов. Однако проблемы этнической экологии решить труднее, чем проблемы общей экологии. Следовать буквально за всеми призывами приверженцев национальной парадигмы и любителей старины было бы неразумно. От попыток повернуть развитие общества вспять и заменить, скажем, «интернациональный» и не очень экологичный трактор «национальными» русскими лошадьми или украинскими волами, а распространившуюся профессиональную, по существу интернациональную массовую культуру традиционными «посиделками» — успехов ждать не приходится.

В настоящее время сепаратистская тенденция имеет массовую поддержку, и принятые постановления, а также многие намеченные дальнейшие мероприятия по урегулированию национальных отношений чаще всего идут в ее русло. Возможно, что многие общественные деятели и ученые, имеющие отношение к решению национального вопроса, отождествляют массовость с демократичностью, однако для этого нет оснований. История знает множество случаев,

когда громадные массы людей оказывались вовлеченными в движения, не являющиеся демократическими и прогрессивными. Особенно заразительными при этом оказывались то религиозно-фанатические, то именно националистические лозунги, что было продемонстрировано гитлеровской партией «национального социализма», которой за несколько лет удалось превратить подавляющее большинство немцев (в массе разделявших до того интернациональные установки социал-демократов и коммунистов) в базу для оголтелого воинства, стремившегося поработить или уничтожить многие народы Европы и СССР. Британские лейбористы и даже консерваторы уже давно заметили сходство призывов их доморожденного Национального фронта с нацистскими. Внешнее сходство отдельных таких призывов прослеживается и в требованиях активистов эстонского, да и некоторых других народных фронтов. Продолжать такую аналогию что-то не хочется. Националистические и антисоветские тенденции в республиках Прибалтики уже были осуждены в специальном заявлении ЦК КПСС, опубликованном 27 августа 1989 г. и можно надеяться, что активисты «национальных движений» сами заметят, что они отклонились от прогресса к реакции и играют с бедой, так как микробы национализма очень заразны для всех людей, вне зависимости от политического строя, и могут дать начало эпидемии, от которой пострадают и невинные.

Подлинный демократизм в национальном вопросе предполагает не только и не столько осуществление желаний национального большинства в республиканском, так сказать, масштабе, сколько обеспечения при этом всех прав национальных меньшинств, а в конечном счете — Декларации прав человека. Целесообразно, однако, не ограничиваться здесь отповедями, а попытаться рассмотреть основные условия и компоненты «оптимального» решения национального вопроса в духе национальной парадигмы и тенденции на достаточно длительный срок.

Если исходить из того, что одной из главных целей советского общества является сохранение и дальнейшее развитие национального и что лучшим средством для этого является национальная государственность, в пределах которой данная национальность имеет наиболее благоприятные возможности для такого развития (и ряд преимуществ-перед инациональными группами), то первое объективное и необходимое условие для уменьшения или устранения как уже имеющих, так и возможных в будущем национальных трений заключается в том, чтобы привести этнические границы в возможно большее соответствие с административными. Необходимость такого условия мотивируется тем, что в ряде случаев, как уже отмечалось, между этими границами не было должного соответствия изначально или оно было сильно нарушено в результате массовых межреспубликанских миграций. Спорить об исторических правах на ту или иную территорию, как показали и армяно-азербайджанские раздоры из-за Нагорного Карабаха, и споры между абхазами и грузинами в Абхазии, при этом малополезно, поэтому разумнее всего здесь основываться на простом и универсальном принципе установления численного преобладания той или иной национальности по количеству уроженцев данной территории или, скажем, живущих на ней свыше 10 лет. С точки зрения национальной парадигмы, живущие в республике инациональные группы отнюдь не обязаны способствовать своим трудом расцвету «заглавной» нации, ее языка и культуры. Можно предвидеть, что многие национально-республиканские активисты, оказавшись перед необходимостью территориальных уступок, сменят некоторые свои лозунги на «интернациональные» и станут ссылаться на В. И. Ленина, который отмечал, что для экономического развития национальный состав населения не является важнейшим фактором²². Действительно, экономическая потребность или какие-то другие веские причины могут обусловить целесообразность включения в национальную республику того или иного инационального района или города, но это должно производиться не командно-административным, а демократическим путем, с согласия жителей этого района и, очевидно, без распространения на

него закона о государственном языке и аналогичных национально ориентированных постановлений.

Второе важное объективное и необходимое условие основательного решения национального вопроса в русле развития национальной государственности заключается в достижении фактического равноправия между различными формами этой национальной государственности, ибо различия в статусе союзной и автономной республик, автономной области, автономного округа и просто области приводят, как уже отмечалось, к неравноправию живущих в них национальностей. Но если достижение первого условия представляется очень трудным делом, то в отношении второго можно сказать, что оно пока еще менее достижимо. Ведь если небольшая Эстонская ССР в деле сохранения и развития эстонского этноса формально равна Украинской ССР, то непонятно, почему ей не может быть равна Татарская АССР или, скажем, Хакасская АО. Ведь в духе национальной парадигмы сохранение и развитие каждого народа является самоцелью, и каждый из них должен иметь для этого равные права и возможности? В этом отношении и Вологодская или Рязанская области должны иметь условия для столь же бережного сохранения и воспроизводства частей русского этноса, какие имеет та же Эстония для воспроизводства эстонского этноса: скажем, иметь там филиалы гуманитарных институтов пока еще не существующей Российской Академии наук.

Следует сказать и еще об одной проблеме, которую очень трудно решить в русле развития национальной государственности. Национальные трения возникали и будут возникать не столько между национальными республиками, сколько между «заглавной» национальностью республики и живущими в ней инонациональными группами. Из общей численности национальностей, имеющих свои союзные республики (236,5 млн. человек на 1979 г.), за пределами соответствующих республик живет 38,4 млн.; если учесть национальности автономных республик и областей, а также национальности, не имеющие национальной государственности (немцы, поляки и др.), то окажется, что свыше 53,5 млн. советских людей живут, так сказать, без «прикрытия» своей национальной государственности, в условиях, мало способствующих их этническому (языково-культурному) воспроизводству и развитию. Выдвигаемые в последнее время предложения о создании национальных районов и сельсоветов касаются лишь части их (в городах, правда, их можно заменить этнокультурными общинами), но ситуация в целом улучшится не кардинальным образом, так как в существующих рамках национальной государственности такие национально-территориальные и этнокультурные подразделения будут административно подчинены инонациональным республиканским учреждениям со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Если будет проведено уточнение республиканских границ, то численность таких малоправных этнических групп, очевидно, уменьшится, но все же еще будет измеряться десятками миллионов человек. А это еще раз говорит о том, что основательных успехов решения национального вопроса на этом пути «укрепления» и совершенствования национальной государственности достигнуть трудно.

Существует, однако, и другая альтернатива развития советского общества, которая может развиваться в духе национально-интеграционной и интернациональной тенденции, связанной с преимуществами большого централизованного государства и с указанными В. И. Лениным возможностями решения национального вопроса при достижении, разумеется, подлинного социализма. Такая альтернатива не предусматривает отказа от национальной государственности как таковой и тем более — исчезновения этнических (языково-культурных) различий; кстати сказать, этносы могут существовать веками и без национальной государственности. Просто она предусматривает перенесение акцента на достижение предусмотренных Конституцией СССР равных прав граждан вне зависимости от их национальной принадлежности, языка и т. п. и на приведение всех других статей Конституции в соответствие с этим правом как основой современного человеческого общежития. Решение кадровых вопросов, скажем, должно

проводиться с учетом деловых качеств, безотносительно к национальной принадлежности, а для этого, очевидно, следует ликвидировать отметку о национальности в паспортах и служебных анкетах, сохранив в последних учет деловых качеств (в том числе и знание языка), а также сохранив, разумеется, учет национальной принадлежности в переписях населения и специальных обследованиях. В экономической области принципам интернационализма больше отвечает не хозрасчет национальных республик, что, как показал опыт Югославии, может усилить экономическое неравенство соответствующих национальностей, а хозрасчет промышленных и сельскохозяйственных объединений, где национальная принадлежность трудящихся не столь значима; для генеральных разработок, например, системы ценообразования опять-таки целесообразно делать упор не на национальные республики, а на большие экономические регионы, включив, например, в Прибалтийский регион не только Литву, Латвию и Эстонию, но также Калининградскую и Ленинградскую области РСФСР, в Закавказский регион — все республики Закавказья и т. д.

В подлинно демократическом обществе люди должны иметь право ехать куда угодно и жить где угодно, тем более — в пределах нашей страны (о закрытых зонах речь не идет), поэтому всякое нарушение этого права путем введения «республиканского гражданства» и прочих ограничений не должно допускаться. Соответственно, выбор языка школьного обучения должен определяться не указанием национально-республиканских органов образования, а демократическим волеизъявлением жителей соответствующих школьных округов, как это принято в большинстве развитых стран мира. В республиках со сложным национальным и языковым составом населения те законы о государственном языке, которые дают преимущество «заглавной» нации, должны быть признаны недемократичными. Вместе с тем для экономических и других потребностей центральные правительственные органы интегрированного государства могут всячески поощрять распространение основного языка межнационального общения, каковым в Советском Союзе является русский, отвергая упреки народных фронтов в каком-то шовинизме. Представляется вполне законной и централизованная поддержка общесоветской интернациональной культуры; развитие же национальной культуры (в том числе, разумеется, и русской) целесообразно, видимо, поддерживать не столько действиями республиканской администрации и средствами, частично поступающими в бюджет республик от живущих на их территории инонациональных групп, сколько различными культурными общинами, свободно формирующимися и вступающими в различные ассоциации безотносительно к существующим республиканским и областным границам. Таким образом можно в значительной степени решить задачи языково-культурного развития национальностей, не имеющих своей национальной государственности. Экологические и этнодемографические проблемы, которые заслуживают специального рассмотрения, можно успешнее решать также на пути национально-интеграционного, а не национально-разделительного развития страны.

Примечания

¹ См., напр.: Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых решений. М., 1968, с. 186—190.

² Правда, 1989, 24 сентября.

³ См.: Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 124.

⁵ Там же, с. 125.

⁶ Там же, т. 30, с. 36.

⁷ Там же, т. 27, с. 256.

⁸ Там же, т. 26, с. 281.

⁹ Луначарский А. В. Полн. собр. соч. М., 1967, т. 7, с. 183.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 268.

¹¹ Там же, т. 34, с. 379.

¹² Там же, т. 45, с. 356—362.

¹³ Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 337.

¹⁴ См., напр.: Зотов В. Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист, 1989, № 3.

¹⁵ Еще в 1923 г., в специальной резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу одной из основных задач национальной политики ставилась борьба против местного национализма, проявившегося как в его «оборонительной» форме, так и в форме наступательного национализма (шовинизма) более сильной нации той или иной республики, направленного против слабых наций. (См.: КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2. М., 1970, с. 45).

¹⁶ Правда, 1989, 20 сентября.

¹⁷ Хинт М. Двуязычие и интернационализм // Дружба народов, 1988, № 5.

¹⁸ См.: Советская Эстония, 1988, № 249; 1989, № 245.

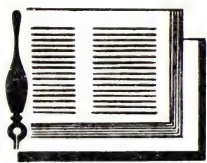
¹⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 295.

²⁰ См., напр.: Советская Россия, 1989, 15 августа.

²¹ Правда, 1989, 20 сентября.

²² См.: Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 149.

© 1990 г.

В. А. КУМАНЕВ

СУДЬБЫ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (30-е годы)

Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет кровь.

А. А. Ахматова

Все мы являемся свидетелями неослабевающего интереса нашего народа к послеоктябрьской истории Отечества. Только правдиво анализируя прошлое, можно выявить истину, понять, что не в последнюю очередь многие сегодняшние беды и трудности порождены вчерашними отступлениями от политических, экономических и нравственных принципов ленинизма, концепций социалистического учения.

Наследница передовой общественной мысли, культурных достижений минувших веков, советская интеллигенция прошла вместе с народом нелегкий исторический путь. Это были годы коренных свершений и невозможных утрат, новых открытий и грубых назиданий, освоения передового мирового опыта и огульного его охаивания, всплеска творчества и кровавого террора...

В потоке исторических публикаций последних лет по вопросам развития советского общества немало статей, очерков, научно-популярных сообщений и мемуаров посвящено проблемам истории интеллигенции и ее крупнейшим представителям. Вышел и ряд содержательных сборников¹, в которых помещены статьи, характеризующие деятельность различных отрядов интеллигенции СССР на основе новейших, большей частью ранее закрытых источников, реально оценивающих вклад многих политических деятелей, мастеров культуры, ученых, незаслуженно преданных забвению и поруганных в годы сталинщины и в застойное время. Историография темы пополнилась и монографиями².

В настоящем очерке ставится задача проследить место творческой интеллигенции в обстановке нарастания сталинского культа, показать, как выполняла она свой исторический долг перед народом (несмотря на все лишения, произвол и репрессии роковых лет).

Нынешнее обновление нашего общества немислимо без активизации всего накопленного духовного потенциала страны. Формируемый главным образом интеллигенцией культурный слой перестройки «создается не в вакууме, не на пустом месте. Он вбирает в себя все то, чего достигли наши народы, наше общество за всю многолетнюю историю, за последние 70 лет после революции»³.

Куманев Виктор Александрович, член-корреспондент АН СССР, заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР.

Как известно, перестройка значительно затронула деятельность по сути всех отрядов творческой интеллигенции. При этом учет исторического опыта в процессе переосмысления пройденного пути не может сводиться только к позитивным урокам. Не меньшую ценность представляет раскрытие трагических ошибок и заблуждений, истоков неудач и кризисов, причин потерь и драматических решений. Сейчас ясно, что невозможно рационально определить перспективы культурного развития СССР, всесторонне и взвешенно не исследовав и не обобщив общее и особенное в духовной жизни страны за минувшие десятилетия. Несмотря на немалые потери, в культурном богатстве общества остаются и колоссальные запасы ценностей, которые по праву входят в сокровищницу мировой цивилизации.

В нашей печати (и в научной и в публицистике) неоднократно справедливо отмечалось, что было бы неверным сводить интеллигентность только к таким простым, но очень существенным, нормам нравственности, как совесть, скромность, честность, милосердие, добропорядочность, сострадание, внимательность к людям (особенно попавшим в беду), бережное отношение к природе, животному миру и т. п. Одновременно интеллигентность вбирает в себя, как нам думается, и нравственные качества более высокого достоинства — служение общечеловеческим идеалам, самопожертвование во имя блага и интересов Родины, народа, созидательная бескорыстная творческая работа во имя этих целей, высокая гражданственность, принципиальность и бескомпромиссность в борьбе за истину и справедливость, свободу, совершенствование личности и пр.

Прежде чем перейти к непосредственному освещению темы, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний.

Если касаться особенностей культурного развития России в период Великого Октября (а это крайне необходимо), то надлежит особо отметить, что по целому спектру причин объективного и субъективного порядка значительная часть дореволюционной интеллигенции (особенно в первые, наиболее трудные месяцы становления Советского государства) не приняла новой власти. Даже те, кто был близок к народным массам (учителя, земские врачи и др.), участвовали в саботировании шагов рабоче-крестьянского правительства по коренному переустройству страны. По приблизительным подсчетам исследователей, не менее половины старых кадров интеллигенции, игнорируя призывы большевиков к сотрудничеству во имя интересов будущего России, в первые годы революции оказались за пределами Отечества. Сказывалась и не всегда чуткая и гибкая политика в центре и на местах в отношении буржуазных специалистов. Часть из них была выслана на Север европейской части страны и за кордон ввиду их «открытой контрреволюционной деятельности» (например, Е. Кускова, Ф. Дан, С. Проккопович), другие — без веских оснований (Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Карсавин, А. Кизеветтер, П. Сорокин и др.).

В то же время было бы весьма опрометчивым забывать, какую яростную антисоветскую деятельность развернули за границей враждебные новой России слои эмиграции⁴. Одновременно следует учитывать имевшую место дифференциацию в составе покинувшей страну российской интеллигенции. Известный буржуазный экономист и политик П. Струве, оказавшись в стане Врангеля, весьма бесцеремонно разделял всех эмигрантов на «патриотов и непатриотов» в зависимости от признания или непризнания ими белой армии. «Бороться всячески и во всех направлениях», — так определил он цели антибольшевистских сил 5 апреля 1926 г. в Париже, открывая «Всемирный русский съезд», созданный для обсуждения проблемы «свержения Совдепии путем вооруженной борьбы». С угрозами в адрес Советского государства выступили А. Трепов, П. Краснов, Н. Марков и другие монархисты⁵.

Сегодня нашему обществу горько сознавать, что в те далекие опаленные дни по существу происходила активная утечка умов и талантов. Отчизна потеряла таких больших мастеров культуры, как писатели и поэты И. Бунин, К. Бальмонт, В. Ходасевич, И. Северянин, В. Набоков, П. Романов, Д. Мережковский, З. Гип-

пиус, композиторы С. Рахманинов, А. Гречанинов, И. Стравинский, актеры и режиссеры Ф. Шалапин, А. Павлова, М. Чехов, С. Дягилев, С. Стрелков, С. Лифарь, А. Санин, художники И. Репин, А. Бенуа, В. Кандинский, З. Серебрякова, В. Корвин, А. Яковлев, ученые А. Чичибабин, В. Ипатьев, Г. Гамов, М. Ростовцев, В. Зворыкин, И. Сикорский, В. Францев, шахматисты А. Алехин и Е. Боголюбов и многие другие. Они очень тосковали по России и далеко не все выдерживали нелегкие испытания на чужбине. Среди эмигрантов оказались и такие, кто по разным причинам вскоре или с «опозданием» вернулись в Россию — писатели А. Толстой, А. Куприн, И. Скиталец, композитор, пианист и дирижер С. Прокофьев, кинорежиссер Я. Протазанов, дипломат генерал А. Игнатъев, скульпторы С. Коненков и С. Нефедов (Эрзя), поэтесса М. Цветаева и др.

В целом, однако, приходится констатировать, что за рубежами Отечества осталось большинство эмигрировавшей интеллигенции, что не могло не сказаться на понижении общего интеллектуального уровня населения новой России.

Писатель Борис Васильев в своей статье «Люби Россию в непогоду...», опубликованной 17—19 января 1989 г. в «Известиях», был абсолютно прав, отмечая, что Великий Октябрь дал российской интеллигенции весомый шанс использовать свой исторический долг. Она многое успела освоить из доставшегося наследия, что дало ей возможность сыграть видную роль в «написании нового тома русской культуры». И все же этот «том» мог бы быть более фундаментальным, если бы не массовая эмиграция и заблуждения о целях революции, если бы не ошибки новой власти, особенно на местах, далеко не всегда проводившей гибкую, дальновидную политику в отношении работников интеллектуального труда, нередко прибегавшей к диктату вместо требовавшихся терпеливых разъяснений. На настроения старой интеллигенции заметно повлияли разрушения в огромном большинстве уездов страны соборов, церквей, монастырей, помещичьих усадеб (вместе с предметами былой старины — редкими коллекциями, мебелью, гобеленами, картинами и пр.), которые восставшими массами приравнивались к «культуре эксплуататоров», атрибутам ненавистного старого мира. Призывы Ленина оберегать духовное наследие все же плохо доходили до сознания трудового населения (на 2/3 неграмотного), а во многих «медвежьих углах» страны вообще не были услышаны...

В сентябре 1918 г. Максим Горький посетил раненого В. И. Ленина. Беседовал с ним. И ему запомнились ленинские слова: «Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренно служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам...»⁶. Ленин, конечно, прекрасно понимал, насколько труден, драматически сложен был выбор, сделанный разными отрядами творческой интеллигенции, но все же он был твердо уверен в правильности избранной линии и приглашал: «Пожалуйте к нам». Вождя революции характеризовали не только проницательность в этом чрезвычайно важном, тонком деле, но и терпимость, уважение к достоинству человеческой личности, таланту, к поискам истины художником, писателем, ученым. И ничего удивительного не было в том, что под знаменем коммунистического учения и в канун революции, и после победы Великого Октября находилось тоже немало выходцев из имущих слоев: Николай Подвойский и Александр Коллонтай, Мария Андреева и Моисей Урицкий, Георгий Чичерин и Инесса Арманд, Михаил Кедров и Максим Литвинов, Павел Штернберг и Григорий Зиновьев — эти примеры можно многократно множить. Как заметил известный английский писатель Герберт Уэллс, посетивший в 1920 г. Республику Советов, «сегодня коммунисты морально стоят выше всех своих противников»⁷. Да и само руководство партии большевиков и Совнарком во главе с В. И. Лениным были одним из самых просвещенных в мире, показывая образцы высочайшей интеллигентности!

Изучая историю культурного возрождения целых народов, получивших свободу из рук Великого Октября, исследователи, естественно, обязаны досконально учитывать социально-психологический климат тех бурных лет революции в России (беспоощадность и острота классового размежевания, романтика все-

общей переделки культурного облика страны, перековки и обновления всех сфер жизни, неизбежный при этом азарт и переклестывания, понятное нетерпение как можно скорее иметь «царство разума и просвещения», «изобилия и демократии», которое ожидалось веками многими поколениями борцов).

В. И. Ленин, ЦК партии большевиков, Советское правительство предпринимали отчаянные меры, чтобы остановить разрушения памятников истории и культуры, гибель культурных ценностей. Серия государственных декретов, увеличение финансовых средств (из скудных запасов!) на дело просвещения, на ремонт и реставрацию национальных святынь и многое другое были убедительным доказательством жизнеспособности, уверенности в своей силе и правоте нового строя. Все это хорошо известно. Нередко линия бережного отношения к опытным кадрам специалистов, к интеллектуальной среде, к знаниям и талантам научной и художественной интеллигенции осуществлялась народным строем буквально в муках.

Как истинный интеллигент, воспитанный на лучших образцах, шедеврах реалистического искусства и литературы, В. И. Ленин не поддерживал «торопливость и размахистость», не воспринимал трюкачества под флагом «новизны» в области культуры. «...Сплошь и рядом,— писал он об этом,— самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное»⁸. Но Ленин никогда не навязывал свои вкусы, никогда не прибегал к разносам и запретам, часто рекомендовал обращаться по поводу художественных оценок к наркому А. В. Луначарскому, которого считал более компетентным в «тайнах искусства». Соратники Ильича — руководители культурного фронта тоже не одобряли попытки некоторых ретивых чиновников проводить линию ограничений и гонений, прибегать к всяким «табу», прекрасно понимая, что все это только сильно затруднит выход творческой интеллигенции из сложных лабиринтов, затормозит естественный ход развития и свободу действий художников⁹.

Вождя Великой Октябрьской социалистической революции, выдающегося политического деятеля нашей эпохи постоянно интересовал взгляд литератора, художника, актера на сложившуюся реальность. Пусть даже из враждебного лагеря¹⁰. Только так можно подойти к всесторонней оценке действительности. Как заметила однажды Н. К. Крупская, русская литература была для Ильича орудием познания мира.

Гуманистический подход молодого Советского государства к сложнейшим явлениям духовной жизни признавался всеми крупными прогрессивными деятелями зарубежной интеллигенции. Достаточно назвать такие имена, как А. Эйнштейн, А. Франс, Б. Рассел, Т. Драйзер, Л. Фейхтвангер, Р. Роллан, Б. Шоу, Мао Дунь, Г. Уэллс, А. Барбюс, Т. Манн, П. Пикассо, Р. Тагор и др.

Но вот Ленина не стало. И сравнительно скоро появляются уже иные концепции во всей культурной политике, непосредственно затрагивающие деятельность научной и художественной интеллигенции. Возможно, принятая в 1925 г. ЦК РКП (б) резолюция «О политике партии в области художественной литературы» была одним из немногих последних документов, в которых еще слышится ленинский голос¹¹. Резолюция призывала к свободному соревнованию различных группировок и течений художников, а всякое иное решение вопроса объявлялось «казенно-бюрократическим псевдорешением». При этом поручалось решительно искоренять попытки самодетельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела, проявлять тактичность в руководстве писательским фронтом. Готовила документ специально созданная Литературная комиссия ЦК во главе с М. В. Фрунзе, который на ее заседаниях признавал, что он себя «особенно сильным» в вопросах литературы не считает, но подчеркивал, что «линия административного прижима и захвата литературы в свои руки путем наскоков неверна: таким путем пролетарской литературы не создашь, а политике пролетариата навредишь»¹². Для таких предупреждений, как показали дальнейшие события, у Михаила Васильевича основания были. Фрунзе

нелицеприятно критиковал позицию журнала «На посту» с его непомерным притязанием на единоличное (от лица партии и государства?) руководство литературным процессом, назвав эту тенденцию политически вредной и опасной. Проницательность этой оценки подтвердилась спустя некоторое время, когда из недр журнала выросли неистовые ревнители «чистоты политической линии» — рапповцы.

* * *

С утверждением сталинского диктата (большинство историков полагают, что в основном воцарение на государственной вершине Сталина произошло на рубеже 20—30-х гг.) круто изменилась и политика в области культуры, отношение к прослойке интеллигенции в обществе. Сходят на нет требуемые при ее осуществлении активно культивировавшиеся в ленинский период объективность и доброжелательность, терпимость к инакомыслию в вопросах искусства, такт и скромность, прямота и честность. На смену провозглашенной революцией линии пришли авторитарность, грубое, бесцеремонное вмешательство в творческую лабораторию деятеля науки, художника, писателя, отрицание какой-либо независимости, самостоятельности суждений на поприще культуры.

Диктаторы всех времен и их ретивые прислужники почти всегда начинали истребление покоренных народов и глумление над непокорными с вырубки интеллигенции, составляющей духовный потенциал каждой страны. Подручный Гитлера Альфред Розенберг попытался даже сочинить каннибальскую теорию о первоочередности искоренения интеллектуального слоя в завоеванных фашистами государствах. Пусть даже весьма тонкого...

На практике Сталин опередил «теоретические выкладки» Розенберга: этот «истребительный поход» он развернул с конца 20-х гг., что, как уже отмечалось, по времени совпадает с захватом им власти в стране. Главный удар диктатор замыслил нанести в полном смысле цвету интеллигенции Страны Советов — партийной ленинской гвардии, профессиональным кадрам революционеров, закаленным в освободительной борьбе, прошедшим тюрьмы и ссылки царского режима. Прощупывая как опытный аппаратчик-интриган соотношение сил, он ловко организовывал временные альянсы, играя на противоречиях, сталкивая людей (во многом доверчивых), и в итоге неуклонно двигался к деспотическому единовластию. И, конечно, не забывал (это было самое надежное его изобретение!) расточать клятвы верности ленинизму, называя скромно себя учеником ушедшего вождя.

С нарастающей силой потянулись беспощадные «чистки», заметно способствовавшие узурпации генсеком неограниченной власти. Всякое расхождение с его мнением объявлялось «уклоном», «фракцией», «оппозицией», противодействием генеральной линии партии. Достаточно было Н. К. Крупской на XIV партийном съезде (декабрь 1925 г.) выступить в защиту ленинских принципов коллективности руководства (и ряда других проблем внутрипартийной демократии и строительства социализма), как ее немедленно зачислили в разряд «оппозиционеров». Нападки на нее проводились с такой яростью (Ворошилов, Петровский, Ярославский и др.), что в итоге ей самой стало казаться, что она вне «генеральной линии». К тому же Надежда Константиновна «посмела» заявить на заседании ЦКК о наличии «слишком большой власти, которая имеется у Секретариата»¹³.

Весьма коварно и искусно Сталин использовал отсутствие единства между отдельными лидерами ВКП(б), явно, к слову сказать, превосходившими его по заслугам перед революцией, авторитету и популярности в массах. (Ведь даже портрет Сталина большим тиражом был опубликован только в 1925 г. в журнале «Огонек»!). К тому же эти деятели были гораздо сильнее подготовлены теоретически, обладали прекрасными качествами ораторов, широкой эрудицией.

В 1929 г. в стране отмечалось 50-летие Сталина. В дни юбилея генсек был провозглашен подхалимствующим окружением «вождем мирового пролетариата». Новоявленный «вождь» сбросил маску защитника внутрипартийной демо-

кратии и последовательно начал устранять с ответственных постов наиболее близких Ленину большевиков — Каменева, Рыкова, Бухарина, Зиновьева, Луначарского и др. Их места заняли сталинские выдвиженцы — Молотов, Ворошилов, Каганович, Андреев, Шкирятов, Шверник, Мехлис...

Между тем антинаучные волюнтаристские схемы Сталина, находившие, в частности, воплощение в чрезмерно форсированных темпах хозяйственного строительства, как правило, терпели одну неудачу за другой. Реальные срывы в сфере экономики, особенно в сельском хозяйстве, в других областях, связанные с тем, что генсек и его окружение игнорировали ленинское учение о принципах строительства социализма, Сталин все более настойчиво объяснял происками «оппозиции» и притаившихся (в несметном числе) враждебных сил. И если в первые годы после кончины Ленина борьба Сталина сводилась преимущественно к борьбе за лидерство в партии и не сопровождалась массовым физическим истреблением оппонентов, то к началу 30-х гг. генсек перешел к чудовищным погромам инакомыслящих.

Для того чтобы приучить народ к мысли об огромном числе врагов в стране, Сталин вначале решил расправиться со старыми кадрами инженерной и научной интеллигенции, обвинив их во всех неудачах. Речь шла, таким образом, о «буржуазных специалистах», о той «беспартийной интеллигенции», знания и опыт которой Владимир Ильич предлагал как можно шире использовать в строительстве нового общества, активно привлекая на службу социализма. С целью разветывания массивной атаки на старые кадры в 1928 г. по указке генсека было сфабриковано так называемое «шахтинское дело».

Образ внутреннего врага, который лепила по сталинским чертежам сформировавшаяся административно-бюрократическая система, требовал «зримого воплощения» (наряду с попавшими в опалу видными партийными лидерами). И этот образ найден: им стала интеллигенция, выросшая в дореволюционные годы. «Что у нас существуют некоторые незначительные группы буржуазных контрреволюционных специалистов, гораздо более малочисленные, чем это имело место во время военной интервенции,— в этом не может быть сомнения»¹⁴,— на всякий случай фарисейски успокоительно заверял Сталин в докладе о работе апрельского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК на активе Московской парторганизации 13 апреля 1928 г.

Так, поставив цель внушить народу мысль о «подлинных виновниках» коллизий в экономике, технике, социальной жизни, Сталин готовился к разгрому интеллигенции вообще, к уничтожению всех, кто был ему неугоден (преданность идеалам коммунизма в расчет не принималась).

Вслед за шумным «шахтинским делом» прошел не менее громкий лжеспектакль по делу Промпартии (1930 г.)¹⁵, а также процесс несуществовавшего «Союзного ЦК РСДРП (меньшевиков)» и ряд других менее значительных. Сталин был не только вдохновителем, но и сценаристом и режиссером этих средневековых по духу судилищ. Доказательствами на этот счет располагает Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС¹⁶.

Чтобы создать видимость правдоподобия обвинения, указанные процессы обставлялись юридическими декорациями и на них допускались делегации «трудящихся масс» для подогрева «народного негодования». Только «шахтинский процесс о вредительстве» за 41 день посетило почти 157 тыс. граждан от организаций и учреждений¹⁷. Активно разжиганием возмущения населения против подсудимых занимались пресса, радио, а также спешно издававшаяся «научно-политическая» литература — брошюры, сборники статей. Уже сами их названия свидетельствовали о достаточно высоком «накале страстей»¹⁸. «Старое инженерство,— отмечалось в одной наскоро подготовленной брошюре,— нужно, безусловно, считать контрреволюционным в 90—95%»¹⁹. «Когда вредили шахтинцы,— „разъяснял“ на активе работников ЦИК СССР М. И. Калинин,— то это вредили люди старого мира, они вредили своими знаниями»²⁰.

Вместе с тем генсек не решился на открытый процесс «сельской интеллиген-

ции» — мифической «Трудовой крестьянской партии», которую якобы возглавляли крупнейшие ученые-аграрники Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов. Вместе с группой их сподвижников (Н. Макаров, А. Дояренко, Л. Юровский и др.) они были брошены в тюремные застенки и погибли. Эта огромная потеря остро чувствуется отечественной и мировой экономической наукой и сегодня.

Больше года продолжалось следствие над группой историков во главе с С. Ф. Платоновым. Поводом для гонения послужило нелепое обвинение в «сокрытии» от властей ряда важных документов. В связи с этим в 1929 г. были подвергнуты аресту десятки талантливых исследователей — Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Ю. В. Готье, М. К. Любавский и др. И хотя открытого процесса также не произошло, пострадали ни в чем не повинные честные ученые: они были приговорены к различным срокам тюремного заключения, что ускорило кончину большинства из них²¹.

Но это было только начало, хотя учиненный разгром кадров профессиональных историков, в том числе и из союзных республик²², болезненно сказался по существу по всем главным направлениям исторической науки. Именно с тех пор стали активно множиться «запретные зоны» для правдивого изучения.

Некоторое время спустя Сталин развернул настоящий поход против марксистских кадров историков, избрав основной мишенью для этого так называемую «школу Покровского» (к этому времени самого академика уже не было в живых). А ведь М. Н. Покровский являлся одним из зачинателей исторической науки в СССР, о ряде трудов которого высоко отзывался В. И. Ленин. (Как известно, ленинские оценки творчества видного большевика и крупного деятеля советского народного образования в 30-е гг. умалчивались или передавались в весьма искаженном виде.) Правда, имея в своем распоряжении недостаточное количество необходимых источников и научной литературы, созданной с марксистских позиций (новая историография делала только первые шаги), Покровский допустил ряд серьезных ошибок и неточностей в своих исследованиях, которые, надо признать, он все же пытался исправлять. «Я привык заниматься „самоуправлением“ в течение ряда лет и глубоко благодарен всем, кто мне в этом помогает»²³, — писал ученый в феврале 1931 г.

Генсек не простил революционеру-историку того, что тот опускал в своих работах и выступлениях «особую роль» Сталина в победе Октябрьской революции, в сражениях на фронтах гражданской войны и мирного строительства. В травле ученого в конце его жизни активно участвовал верный оруженосец генсека Каганович²⁴. Шельмование имени Покровского приняло крайне широкие масштабы и грубые формы. «Школа Покровского воспитывает уродов», — так заявил в Ленинграде Жданов²⁵.

Попутно отметим, что штампы и стереотипы в этом смысле продолжают жить и в наши дни, хотя благодаря перестройке, гласности, публикации новых материалов и свидетельств уже сделано немало для правдивой оценки творческой деятельности этого соратника Ленина. «Концепция истории, некогда сформулированная Покровским, — заявил на пленуме Союза писателей СССР (март 1988 г.) Олжас Сулейменов, — жива и действует в литературе поныне: „История — это политика, опрокинутая в прошлое“»²⁶. Получается, что Сулейменов в данном случае доверился... Сталину и Кагановичу, ведь Покровский этого не утверждал. Критикуя дворянскую и буржуазную историографию, Михаил Николаевич отмечал, что они «отразили определенную классовую борьбу, происходившую в XIX столетии в России, и, как я в одном месте выразился, история, писавшаяся этими господами, ничего иного кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет...»²⁷.

Нетерпимая обстановка с начала 30-х гг., особенно после известного письма Сталина в журнал «Пролетарская революция», сложилась в работе кадров историков партии и в области изучения «гражданской истории» в школе²⁸. В деле усиления догматизма, цитатничества и схематизма в историко-партийных изданиях пагубную роль сыграло письмо Сталина, направленное 16 апреля 1937 г.

в Политбюро ЦК ВКП(б), «Об учебниках по истории ВКП(б)». Эти учебники он объявил «неудачными» и предложил свою структуру и периодизацию зарождения и развития партии²⁹. В тот же день было принято постановление об обязательном руководстве указаниями автора письма, хотя там содержался ряд неточностей³⁰. Все это еще больше активизировало внедрение в историко-партийные работы конъюнктурщины, украшательства, угодничества и других антиподов правдивого исследования. Тех, кто противился вторжению в науку этих приемов, освобождали от работы и подвергали публичной проработке, гонениям, включая и крайние, репрессивные меры.

Считая себя «корифеем всех наук», Сталин, пожалуй, особое пристрастие питал к философии. Но не потому, что имел в данной сфере какие-то сносные познания (этого как раз не было), а потому что она, по его замыслу, давала неплохую возможность «теоретически обосновать» расправы в борьбе за единовластие, для полного утверждения административно-приказной системы. Отсутствие культуры диалога и дискуссий, наблюдавшееся с приходом Сталина к власти, привело на философском фронте к понижению «интеллектуального уровня» кадров и ухудшению дела подготовки смены³¹. Разгромная критика школы «механистов» (их возглавлял академик А. М. Деборин) еще больше накалила обстановку.

Упорно шагая к своей цели — самодержавному правлению, Сталин с раздражением наблюдал за ростом популярности еще в 20-х гг. таких теоретиков-марксистов, как Н. И. Бухарин³², И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, Л. Б. Каменев, К. Б. Радек, Ю. М. Стеклов и таких философов-профессионалов, как А. М. Деборин, Я. Э. Стэн, И. К. Луппол, Н. А. Карев и др. К тому же в 1929 г. Академия наук, видимо, без достаточного согласования с самим «хозяином Кремля» избрала своими действительными членами Бухарина и Деборина. Именно в том году последовала грозная команда сверху и сразу же широко развернулась травля Бухарина и профессиональных философов.

На ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин со свойственным ему ханжеством заявил, что «слухи, распространяемые всякими недоброжелателями, противниками и врагами нашей партии, о том, что будто бы у нас, в Политбюро, имеется правый уклон, „левый“ уклон, примиренчество и черт знает еще что — лживы... Мы все едины до конца и будем едины»³³. Однако спустя пять месяцев, на апрельском Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК (1929 г.) генсек обрушился с грубыми нападка на инакомыслящих деятелей партии и, в частности, на Н. И. Бухарина, обвиняя его в «чудовищных теоретических ошибках» и коверкая при этом мысли Ленина. Во время выступления Сталина³⁴ философ Стэн смело пытался защитить «законного любимца партии» Бухарина, отвести клевету. Сталин не простил неожиданному «защитнику» этой дерзости: впоследствии Стэн был репрессирован, как и Бухарин.

Ниспровержением «школы Деборина»³⁵ «корифей науки» занялся лично, квалифицировав ее как «враждебную марксизму идеологическую агентуру меньшевизма». В погромных акциях философских кадров интеллигенции (за решетку попали и погибли помимо Я. Стэна И. Луппол, Н. Карев, П. Флоренский; хула пала на сочинения В. Соловьева, Н. Федорова, Г. Шпета; чудом уцелел А. Лосев) особое усердие проявили М. Митин и П. Юдин, избранные вскоре академиками. Как и в других гуманитарных науках, в философии махровым цветом распускались краснобаиство, цитатничество, двойная мораль, ложь. Сталин достиг, выражаясь словами К. Маркса, освобождения политики от морали. На смену творческому марксизму-ленинизму пришла библия сталинщины — «Краткий курс истории ВКП(б)» — один из апогеев безудержного возвеличивания Сталина³⁶, постыдный поклёп на героическую историю ленинской партии и ее легендарных бойцов, верных социализму несгибаемых революционеров. Эта книжка, которую на все лады принимали неистово расхваливать Жданов, Андреев, Молотов, Каганович, Берия, Мехлис, Ворошилов, Калинин и другие сталинские со-

ратники³⁷, усугубила наблюдавшуюся дистрофию философского и исторического сознания населения. Под воздействием таких «произведений великой сталинской эпохи» происходила подмена социализма как реальности социализмом книжно-лозунговым, приукрашенным и декоративным.

Будучи непревзойденным лидером, Сталин сумел заставить народ, художественную и творческую интеллигенцию поверить в «преступную» деятельность своих жертв, примириться с чудовищным кровавым конвейером политических преследований и террора, который рьяно осуществлял подчиненный ему карательно-инквизиторский и пропагандистский аппарат. «Большевик-„ленинец“»³⁸ требовал самоотверженности во имя светлого завтра, дисциплины, бдительности, любви к Родине, и людей невольно тянуло к нему...

Однако остается историческим фактом, что не все представители советской интеллигенции бездумно принимали на веру массовые дикие обвинения в шпионаже, предательстве, вредительстве, проявляли угодливость в отношении «вождя».

Примером ленинской принципиальности, заботы о человеке, самоотверженности в борьбе за идеалы коммунизма служила деятельность и сама жизнь Н. К. Крупской. Она осталась до конца непоколебимым борцом за осуществление заветов Ленина, ее не согнули холодно-пренебрежительное отношение Сталина, созданные бюрократической системой невыносимые условия для работы. «...Надо прокладывать новые пути,— писала Надежда Константиновна в одной из неопубликованных своих статей.— Путем вдумчивого отношения к делу, учета всех условий работы систематически надо оздоравливать советские учреждения, изгнать из них и тень бюрократизма. Бюрократизм ведь не в отчетности, не в писании бумажек, не в распределении функций в канцелярии. Бюрократизм — это халатное отношение к человеку, к делу, неразбериха и бестолочь, неумение работать»³⁹.

Крупская пыталась спасти от произвола и террора сотни людей, попавших в беду. Тщетны были ее усилия сохранить жизнь Н. Бухарину, О. Пятницкому, И. Чугурину, Д. Сулимову и другим деятелям революции. Но она сумела вырвать из лап сталинских опричников таких представителей культуры, как писатель В. Бианки, инженер М. Соколов, ленинградский экскурсовод Н. Анцыферов и др.⁴⁰

Несмотря на сталинский запрет, у здания Наркомпроса выстраивалась очередь учителей, родственников деятелей культуры, простых граждан — они шли к Надежде Константиновне со своим горем. Однако и ей было нелегко. До последних дней своей жизни она непосредственно ощущала высокомерие «вождя» и его приспешников (внезапная ее кончина 27 февраля 1939 г., после своего 70-летия, еще требует дополнительных выяснений). Во второй половине 30-х гг. была разгромлена наука о ребенке — педология, расформирован творческий центр учительской интеллигенции — Общество педагогов-марксистов⁴¹. Ее детище. Гибнут наркомы просвещения республик А. Бубнов, М. Орахелашвили (еще в 1933 г. после организованной Сталиным травли покончил с собой нарком Н. Скрыпник), известные деятели просвещения М. Эпштейн, М. Алексинский, А. Пинкевич, А. Шохин, М. Пистрак и др. «И на многое берет досада», — так оценила Крупская сложившееся положение в стране⁴².

Высокое чувство гражданственности, мужество отличали художников слова М. Шолохова и М. Булгакова, А. Ахматову и Б. Пастернака, академиков В. Вернадского и И. Павлова, драматурга А. Афиногенова, кинорежиссера А. Довженко, деятелей сценического искусства Вс. Мейерхольда и О. Книппер-Чехову и др. В драме «Ложь» А. Афиногенов устами своих героев беспощадно осуждает насаждение в стране обстановки страха и лжи, произвола и чинопочитания, унижения человеческого достоинства. 2 апреля 1933 г. автор направил пьесу Сталину с просьбой высказать о ней мнение⁴³. Сталин внимательно прочитал ее, внося по своему вкусу поправки и вычеркивая немало обличительных слов, которые произносят действующие лица произведения. Убрал «рецензент», к примеру, такие суждения в пьесе заместителя директора завода В. Накатова «А вы растете на

готовых лозунгах. Вам предложено — либо верить на слово, либо молчать. Единственным вашим багажом стали истины, усвоенные в порядке директивы... Предложено их считать правдой. А если это не так? Что, если „правда“, которой ты веришь, есть ложь в основе своей? И ты споришь о копеечной правде — не видя того, что вся страна лжет и обманывает — ибо сама она обманута». «Унылая и нудная тарабарщина» — так оценил монологи этого героя драмы Сталин.

С гневом говорит о том, что творится вокруг, другой персонаж пьесы — работница завода Нина: «У нас пыль по всей стране от известки и цемента. Строим. А пыль эта застилает глаза от жизни <...> Мы — новые, мы — хорошие. Хвалим себя, красивые слова пишем, портреты, ордена даем — и все показ — для вывески <...> Нам сравнивать не с кем, да и не дают нам сравнивать, и не знаем мы, что будет завтра генеральной линией — сегодня линия, завтра уклон». А когда в конце пьесы Нина стреляет из револьвера в человека, отправляющегося доносить на Накатова властям за «враждебные разговоры», Сталин с раздражением написал: «Для чего понадобился выстрел Нины? Он только запутывает дело и портит всю музыку»⁴⁴.

Нетрудно догадаться, что и этот, и второй вариант пьесы Афиногенова «Ложь» были сняты со сцены (они уже готовились в существовавших тогда театрах МХТ-1 и МХТ-2). Драматург Афиногенов был автором и другой столь же смелой пьесы — «Страх» (поставлена в 1931 г., поскольку Сталин разрешил тогда ее демонстрацию в театрах по каким-то своим особым соображениям)⁴⁵.

Не мог примириться с нарушениями законности и злоупотреблениями в стране писатель Михаил Булгаков. В своем полном отчаяния «Письме правительству» в 1930 г. он заявил: «Писатель всегда должен быть в оппозиции к власти, пока власть будет в оппозиции к культуре, к общечеловеческим ценностям»⁴⁶. Гонения, которым подвергся талантливый писатель, были организованы лично генсеком. В 1929 г., выступая 12 февраля перед группой украинских писателей, Сталин изрек: «Булгаков — чужой человек, безусловно. Едва ли он советского образа жизни»⁴⁷. А пьесу «Дни Турбиных» Сталин (признавая ее достоинства) назвал «антисоветской штукой», еще раз подчеркнув, что «Булгаков не наш»⁴⁸.

В целом неприязнь Сталина к представителям творческой интеллигенции, особенно к наиболее одаренным, носила в определенном смысле закономерный оттенок: ведь в силу универсальности своих знаний и своей психологии интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все предыдущие ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой. Сталинская стратегия на изоляционизм требовала уничтожения или рабской покорности этого «европейского нерва», низведения граждан до положения бесправных «винтиков»...

В августе 1934 г. в Москве проходил Первый Всесоюзный съезд советских писателей, ставший подлинным праздником многонациональной литературы страны. Царила обстановка приподнятости, общего радушия, товарищеского общения (особенно в связи с присутствием на съезде более 40 зарубежных коллег). И никто из делегатов не подозревал, какая тяжелая участь ждет многих из них. Пройдет несколько месяцев, год-два, как целый ряд литераторов бесследно исчезнет, другие окажутся в тюремных стенах или будут оболганы, унижены, подвергнутся грубым окрикам. Даже в среду интеллигенции проникает система доноительства⁴⁹. Уже к 1937 г. навсегда или надолго выбыли из строя не менее трети основателей писательского Союза. Даже стенограммы съезда попали в спецхраны, томился в заключении один из докладчиков — Н. И. Бухарин (в 1938 г. он будет расстрелян). Из писателей в защиту Бухарина выступили поэты П. Васильев (его вскоре расстреляют) и Б. Пастернак.

К тому времени умер Максим Горький, которого якобы отравили «враги народа» и «врачи-вредители» из мифического «антисоветского правотроцкистского блока» — доктор Л. Левин, профессора Д. Плетнев, Г. Ланг и др. Эти видные деятели отечественной медицины были репрессированы, а с ними и те врачи, которые работали рядом. Между тем действительные причины смерти великого

писателя-гуманиста не до конца ясны и сегодня⁵⁰. Сталинский террор погубил из 600 делегатов писательского съезда более 200, остальные попали в тюрьмы, лагеря и были высланы в отдаленные места. «Расстрелянная литература»⁵¹ — так емко определил это положение публицист Э. Белтов. Особо ощутимые потери понесли столичная и ленинградская писательские организации.

Знаменитый историк Карамзин когда-то сказал: «Государству нужно не только физическое, но и нравственное могущество». И с точки зрения абсолютной безнравственности все тираны прошлого, как теперь становится все более очевидным, были котятками по сравнению с «мудрым учителем и вождем», загубившим столько невинных душ, включая мощные интеллектуальные писательские силы всех наций страны, страстно веривших в него. И. Бабель, А. Веселый, С. Третьяков, И. Микитенко, В. Киршон, М. Кольцов, Б. Ясенский, С. Динамов, Б. Пильняк, И. Катаев, М. Герасимов, П. Ойунский, А. Воронский, Г. Ибрагимов, Н. Клюев, С. Сейфуллин... Велик этот полный трагедии список. «Имена и значимость для советской литературы многих безвинно погибших литераторов, — писала Галина Серебрякова, — все еще не получили полной объективной оценки... В Сакене Сейфуллине я видела как бы частичку Казахстана и поняла, что он был плоть от плоти своего народа, своей страны, один из лучших ее сынов... Мы глубоко чтим выдающийся творческий дар крупных писателей, которые жили и творили рядом с Сейфуллиным, знаем, что именно он, Сакен Сейфуллин, открыл собою первую страницу истории советской казахской литературы»⁵².

А какие потери понесла советская поэзия! Расстрел грузинских поэтов Т. Табидзе и П. Яшвили, армянского поэта Е. Чаренца, гибель поэта А. Ноздри-на⁵³ (он не вынес пыток во время садистского следствия) и такого мастера художественного слова, как О. Мандельштам, смерть на Колыме от голода поэта В. Князева — автора строк «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!» (эти слова так любил Владимир Ильич Ленин!)... Не одно поколение советских людей пели и поют подлинно партизанский гимн «По долинам и по взгорьям...» на музыку в обработке видного советского композитора А. Александрова. Но мало кто знает сегодня, что автор слов этой песни — Петр Парфенов-Алтайский был загублен сталинщиной, и могила его неизвестна. В «лагерную пыль» превратился поэт и актер талантливый мариец Иван Кырля — неповторимый Мустафа, из фильма «Путевка в жизнь». Это только несколько имен. С содроганием мы узнаем сегодня о других судьбах прекрасных художников слова⁵⁴.

И до какой степени безнравственности надо дойти, чтобы цинично воскликнуть, как это сделал «отец народов»: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!» (Эти слова торопливо повторил Ворошилов).

Открылись глаза на истину у подчас верившего в официальные обвинения видного журналиста Михаила Кольцова. В опубликованном фельетоне «Похвала глупости», не страшась последствий, он писал: «Сегодня мы хорошо знаем, что и нескромная залихватская трескотня о „лучшем мире“, и бесстыдное лакировочное „зализывание“ творимых в стране безобразий были только „цветочками“. В жизни страны начинают стремительно вызревать более страшные и зловещие „ягодки“ (намек на сталинского опричника Ягоду. — В. К.). Со дня на день, из месяца в месяц ощутимее и удушливее становится нагнетание маниакальной „бдительности“, патологической подозрительности и недоверия к людям, шпиономании, истеричных призывов к выявлению и разоблачению „притаившихся врагов народа“...»⁵⁵.

Поступали смелые мнения и рядовых граждан. Так, простой учитель из Якутии С. Иванов в открытом письме М. Ольминскому в ЦК писал о том, что «партия до мнительности недоверчива к беспартийным работникам. При таком положении она не может втянуть в общественную и государственную работу беспартийную интеллигенцию»⁵⁶. Заранее можно было сказать, как отреагирует на этот выпад «тиран, которого не знала история» (по выражению И. Тито).

В защиту ученых — невинных жертв террора выступал великий физиолог

И. П. Павлов. Он неоднократно обращался в «верхи», и в частности к Молотову, с настоятельными просьбами и требованиями спасти деятелей науки от истребления. «Мы жили и живем, — говорилось в одном из его писем вскоре после злодейского убийства С. М. Кирова, — под неослабевающим режимом террора и насилия... Пошадите же родину и нас»⁵⁷. Письмо было написано в день рождения Сталина. Академик Павлов словно предчувствовал, как убыстрится «работа» кошмарной душегубки: за сравнительно короткий срок погибнет подавляющее большинство делегатов XVII съезда ВКП (б), который сталинская пропаганда объявила «съездом победителей».

Горькую чашу испили многие виднейшие представители научной интеллигенции. К ранее названным можно прибавить имена Н. Горбунова, А. Гастева, Н. Лукина, Н. Вавилова, В. Кнорина, С. Пионтковского, Г. Мейстера, Н. Кольцова, Н. Тулайкова, С. Королева, А. Туполева, В. Поликарпова (трем последним удалось вырваться из застенков НКВД) и многих, многих других. Всего Сталин уничтожил, как отмечалось в печати, коммунистов больше, чем Гитлер, Муссолини и Чан Кай-ши вместе взятые! А сколько погибло комсомольцев!⁵⁸

Не обошел своим «вниманием» «главный дирижер» беззаконий и кадры артистической и военной интеллигенции, музыкантов и художников.

Именно с утверждением административно-бюрократической системы стала активно развеваться в театре и кино нравственная атмосфера, исчезал климат, бережно сохранявшийся старшим поколением актеров и режиссеров. На смену глубоким произведениям все больше и больше приходят приторные, радующие сталинистов и проповедующие двойную мораль, воспитывающие покорность и бодрчество пьесы и фильмы⁵⁹. Кошунственной акцией сталинщины стала расправа над выдающимися театральными деятелями Вс. Мейерхольдом, А. Таировым, Н. Сац⁶⁰, Л. Курбасом, позднее — С. Михоэлсом, киноработниками Е. Соколовской (художественный руководитель Мосфильма), А. Дорном, А. Пиотровским и др. Цель оставалась та же — насильственно подавить, сломать неортодоксальное, самоцветное искусство, сбить с ног людей культуры. Даже В. И. Немирович-Данченко произносит заклинание: «У нас есть искусство, у нас есть основное: прекрасная, свободная жизнь, есть Сталинская Конституция»⁶¹. А старейший революционер-ученый Г. М. Кржижановский на митинге в ноябре 1937 г. славит «неустанного зоркого кормчего», который заботится о науке и культуре, «крепит единство»⁶².

Разумеется, на поведении многих представителей интеллигенции сказывались и страх, и желание, стиснув зубы, приспособиться к обстановке, когда «классовая борьба непрерывно усиливается». Мешал рассмотреть суть сталинщины и явный хмель успехов в строительстве новых городов, заводов-гигантов, метро, подвиги летчиков, стахановцев, полярников. Папанинцы со льдины, покоря Северный полюс, прислали телеграмму, требуя сурового приговора «шпионам и убийцам». 12 июня 1937 г. «Правда» публикует стихотворение Д. Бедного «Мы нанесли врагу жестокий контрудар!» в связи с арестом группы военачальников во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. Люди, в том числе мастера литературы и искусства, не зная действительного Сталина, смотрели на него как на воплощение мудрости и гуманизма. Отсюда — и «Кантата о Сталине» композитора А. Александрова, его же «Песня о Сталине» и «Песня о Сталине» М. Блантера (создана в ужасном 1937 году!), сотни и тысячи картин, монументов, других произведений, славивших «вождя и учителя», «корифея науки и культуры»...

Но никакими ссылками на экстремальность переживаемого тогда времени, диктат исторических обстоятельств нельзя оправдать допущенные командно-бюрократической системой преступления, сталинские злодеяния перед народом — рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией. Разные (весьма живучие, к сожалению!) расхожие безапелляционные оправдания и выдвижения таких причин, как «суровость обстановки», состояние «осажденной крепости», попытки оправдать репрессии против безвинных граждан... логикой «классовой борьбы» (здесь главным «теоретиком», как нетрудно понять, выступал сам генсек), насквозь лживы и исторически несостоятельны.

Они только множили потери, вели к эпидемии бездуховности, перестраховки, некомпетентности, лакировке действительности, к догматизму и угодничеству, попранию достоинства и чести личности. Все это хорошо разглядеть на фоне многочисленных (зачастую преувеличенных) рапортов об успехах в ликбезе, школьном деле, о культурных помпезных празднествах в 30-е гг. было нелегко. До войны ежегодно в столице проходили декады искусств союзных республик с участием наиболее значительных представителей художественной интеллигенции. Первая такая декада — Украинской ССР — прошла в 1936 г., в следующем году — декада Грузинской ССР. В стране шли повальные аресты, в том числе творческой интеллигенции, а со сцены Большого театра, словно для того, чтобы заглушить стоны, гремели торжественные кантаты, ставились пышно оформленные оперы и балеты, в Третьяковской галерее развешивались выставки изобразительного искусства, где специальный раздел посвящался «зодчеству коммунизма», издавались роскошно оформленные народные эпосы и произведения национальной классики... Декады завершались концертами, которые проходили с участием сотен мастеров культуры, щедрой раздачей орденов и почетных званий, что, впрочем, нисколько не гарантировало награжденных от жестоких репрессий.

И в этой накаленной обстановке слышался ханжеский голос сталинского идеолога Жданова, который вещал: «Наша задача заключается в том, чтобы весь рабочий класс и крестьянство сделать интеллигентами — к этому должны вести дело»⁶³.

И только единицы по-настоящему сознавали, подобно М. Н. Рютину, что страна в беде, что ею правит, по выражению Н. И. Бухарина, «дьявол»⁶⁴. Не верила клеветническим обвинениям честных граждан поэт Анна Ахматова, создавшая в те дни «Реквием». Мы не встретим подписи актрисы О. Л. Книппер-Чеховой под телеграммой с требованием поскорее расстрелять «предателей и убийц». Зато она смело стала на одном из вечеров в ЦДРИ рассказывать о репрессированном великом режиссере Вс. Мейерхольде. К всеобщему изумлению, получив Сталинскую премию, артистка М. Бабанова в благодарственном письме не упомянула «отца народов». Нелицеприятное письмо диктатору направила скульптор В. И. Мухина⁶⁵.

Что касается изобразительного искусства, то на первых порах сталинского правления наступление шло не на представителей школ формалистов, как почему-то принято считать. Пострадали прежде всего те, кто придерживался лучших традиций прошлого, реалистических позиций. Затем, в 30-е гг., «левые» были вытеснены с командных высот, но не истреблены (видимо, очередная прихоть «друга искусства»). Куда серьезнее поплатились за свои убеждения многие самобытные художники, которых всячески унижали и преследовали такие «придворные» «мастера кисти», как А. Герасимов, создавший целый сериал угодливых приторных полотен. В том же духе работали М. Авилов, В. Ефанов, Г. Шегаль, У. Джапаридзе, А. Кутателадзе, скульптор С. Меркуров.

Следует подчеркнуть, что и в то суровое время продолжали существовать оазисы большого искусства, нередко в муках пробивая себе дорогу, несмотря на периодические «проработки» (творчество Д. Шостаковича, М. Шолохова, С. Эйзенштейна, С. Прокофьева, М. Булгакова, А. Довженко, И. Эренбурга, А. Ахматовой, Л. Курбаса и многих других).

Никакие надругательства и репрессии над личностью художника в 30-е гг. не могли остановить процесс формирования многонациональной советской культуры. Верность передовым гуманистическим идеалам она пронесла через все испытания, и даже в разгул сталинского террора рождалось немало подлинных шедевров, которые вошли в сокровищницу мировой цивилизации.

В страшном 1937 году изваяла Вера Игнатьевна Мухина «Рабочего и колхозницу». Сама Мухина считала эту работу вершиной своего творчества. В скорбном, черном, зловещем году появляется такое творение! Гимн искусства, гуманизма, мечты и свободы, непобедимости прекраснейших проявлений челове-

ского духа. Скульптурная группа венчала советский павильон на Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Наверняка Сталину претило, что народ воспринимал «Рабочего и колхозницу» как символ нашего государства, наших идей. Он-то считал символом самого себя. Его любимым скульптурным произведением было собственное изображение работы С. Меркурова — в длинной шинели (видимо, ему казалось, что от этого он выглядит значительно выше). А тут какие-то рабочий и колхозница! Не признать достоинства скульптуры Мухиной, получившей высочайшую оценку во всем мире, он не мог, но участь знаменитой скульптурной группы была predetermined: после возвращения из Парижа, где она возвышалась на 35-метровой высоте, ее водрузили в район ВСХВ (ныне ВДНХ) на небольшом возвышении (6—7 метров), где постепенно великое творение великого мастера пришло в ветхость (это уже в наше время!). Отчаянные попытки Мухиной добиться переноса скульптуры-монумента на Ленинские горы и реставрации ни к чему ни привели. В этом примере — судьба многих шедевров рокового десятилетия...

Если Сталину, пустившему в ход свое лицемерие, удалось одурманить наигранной простотой и открытостью таких видных представителей зарубежной интеллигенции, как А. Барбюс, Э. Людвиг, Л. Фейхтвангер, Дж. Дэвис⁶⁶, то это не удалось сделать в отношении ряда других не менее видных деятелей культуры. Так, Ромэн Роллан, чем больше узнавал о масштабах организованной Сталиным массовой резни и гонений, о жестокости приговоров, которые с нескрываемым изуверством сочиняли Ягода, Ежов, Вышинский, Ульрих, Берия и их приспешники, тем менее верил в правдоподобность доказательств следователей и прокуратуры. Он неоднократно пытался выступить в защиту известных ему литераторов, а также врачей — профессоров Д. Плетнева и Л. Левина (они его лечили по рекомендации М. Горького, когда Р. Роллан в 1935 г. посетил Москву). Писатель посылал письма-ходатайства Сталину (и в другие инстанции), но ответов не получил⁶⁷. В своих дневниках он мучительно размышлял, отмечая, что до самых глубин души остается верным защитником СССР, но не Сталина, ибо в Советском Союзе развернулся террор, свирепствующий повсюду, здесь «царствует нездоровая атмосфера подозрительности и страха, которая замораживает перо писателей, парализует языки, унижает сердца...» «Московский процесс для меня терзание», — писал он 3 марта 1938 г. Жану-Ришару Блоку⁶⁸.

Молох репрессий уничтожил и значительную часть военной интеллигенции. К тому же наиболее талантливую ее часть. Еще в те годы, когда режим культа личности только набирал силу, Сталин выдвинул ложное обвинение в принадлежности к мифической «монархической организации военных», а затем он истребил большой отряд военных ученых. В их числе: А. Снесарев, Н. Какурин, К. Мехоношин, А. Верховский, П. Сытин и др. Дикий террор 1936—1938 гг. буквально опустошил командный состав Красной Армии и флота, а также высших военных политработников. Погибла четвертая-пятая часть офицерского кадрового состава. Кроме того, репрессии широко коснулись руководителей оборонной промышленности, конструкторов и военных техников. И это в канун нападения гитлеровской Германии на СССР! Но Сталин вполне ведал, что творил, отправляя на эшафот выдающихся военачальников — Маршалов Советского Союза М. Тухачевского, В. Блюхера, А. Егорова, командармов И. Уборевича, И. Якира, И. Вацетиса, И. Федько, А. Седякина, П. Дыбенко, И. Белова, заместителей наркома обороны: по ВВС — Я. Алксниса, по ВМФ — В. Орлова, флагманов флота М. Викторова, К. Душенова, И. Кожанова и многих других народных героев. «Нельзя поверить, — писал Р. Роллану писатель С. Цвейг 27 сентября 1937 г., — что в СССР четвертая часть всех генералов, руководителей промышленности, писателей, политических деятелей подкуплена немцами и японцами»⁶⁹.

Большое гражданское мужество в те дни проявил поэт и писатель Борис Пастернак, наотрез отказавшийся подписать письмо литераторов, одобрявших смертный приговор Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Фельдману, Корку, Путне,

Эйдеману, Примакову и их товарищам по оружию — героям гражданской войны. «Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом,— однажды подчеркнул Маршал Советского Союза А. М. Василевский.— В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который прошел у нас... Был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, поголовно арестованы»⁷⁰.

Потери в годы минувшей войны в 20 миллионов (цифра, скорее всего, все-таки занижена⁷¹) и 3 млн. 600 тыс. загубленных фашистами советских плен-ных,— все это посмертные камни на шее «полководца всех времен и народов»...

После смерти Сталина и в результате исторического XX съезда КПСС начался, хотя и непоследовательно, этап демократизации нашего общества. Были решительно осуждены нарушения социалистической законности, злоупотребления Сталиным властью. Резкая критика теории и практики культа личности внесла существенные позитивные перемены в творческую жизнь работников умственного труда и всего общества. Распустившиеся махровым цветом в сталинское время догматизм, начетничество, робость мысли, украшательство стали уступать место правдивому освещению событий, смелости взглядов, критической оценке явлений прошлого и настоящего. Народу возвращались имена неза-служенно забытых и павших жертвой беззаконий талантливых представителей научной и художественной интеллигенции. Вместе с тем надо признать, что в начале 60-х гг. имели место попытки возрождения командных методов в отношении творчества деятелей культуры.

Благотворный процесс, начатый XX—XXII съездами партии, был прерван, как известно, приходом к власти в октябре 1964 г. Брежнева. К тому же анти-демократическим путем. В сфере культуры и науки вновь открылось немало ран, которые только что стали зарубцовываться. Метастазы бюрократизма, красно-байства, лакировка действительности, манипуляции в области истории достигли внушительных размеров. Сложившееся состояние в литературе, если взять только ее негативную сторону, олицетворял известный постыдный цикл «Воспоминаний» Брежнева, которым народ дал меткое название: «Все, что было не со мной, помню...»

* * *

В условиях перестройки советского общества советская интеллигенция (да и весь народ) начала постепенно выходить из того состояния, в котором она находилась. Партий были названы причины деформаций в стране, уходящие корнями в сталинский административно-приказной режим. Нравственная сила, неистребимая в человеке и в самых тяжелых обстоятельствах, сейчас получает импульс к развитию и действию. Одно из убедительных свидетельств этого — все более крепнущая смелость, глубина суждений, растущая раскованность мышления (интеллектуальных сил в первую очередь). А отсюда — серьезные сдвиги в публицистике, театре, документальном кино, литературе, новые подходы в общественных науках. «Сейчас в процессе восстановления истины и справедливости,— подчеркивалось в докладе ЦК КПСС на XIX партконференции,— отказа от всего, что деформировало социалистическую идеологию и практику, разрушения стереотипов и догм некоторые утверждают, что это якобы размывание принципов, основ социализма, очернение его истории. С этим нельзя согласиться. Нельзя категорически!»⁷²

Никто не застрахован от ошибок и промахов, но не по ним судят о правильности избранного пути. Принижение труда и места интеллигенции, как это было в недавнем прошлом, неизбежно ведет к падению культуры общества, влияет на духовное здоровье страны, сказывается на научно-техническом прогрессе. На марше обновления предполагается всемерная активизация интеллектуального потенциала, заключенного в науке, образовании, искусстве. И это время — по истине переломное, в том числе для советской интеллигенции. Принято утверж-

дать, что она — наш духовный и нравственный капитал, завоевание революции. Здоровые силы для перестройки накапливались именно с этого фланга социальной жизни при поддержке всего народа. Они помогли сберечь веру в наши идейные гуманистические ценности, несмотря на тяжкие потери и испытания, которые пришлось пережить нашему обществу и его интеллигенции.

Примечания

¹ Интеллигенция и революция. XX век. М., 1986; Советская культура. 70 лет развития. М., 1987; Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989; Возвращенные имена. Кн. 1—2. М., 1989 и др.

² Викторова В. М. и др. Скворцов-Степанов. М., 1986; Надежда Константиновна Крупская. Биография. М., 1988; Куманев В. А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20—30-х гг. М., 1988; Трущенко Н. В. Косарев. М., 1988; Гумилевский Л. И. Вернадский. М., 1988; Интеллигенция Советской Украины. Киев, 1988; Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, Человек. М., 1989 и др.

³ Правда, 1988, 8 января.

⁴ Подробнее об этом см.: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

⁵ См. там же, с. 25, 100.

⁶ Горький М. Собр. соч., т. 17, с. 31.

⁷ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959, с. 31.

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 330.

⁹ См.: Луначарский А. В. Ленин и просвещение. М., 1924; его же. Ленин и народное образование. М., 1960; Крупская Н. К. Ленинские установки в области культуры. М., 1934; Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955; Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания. М., 1968 и др.

¹⁰ См., к примеру, отзыв В. И. Ленина на сборник рассказов писателя-эмигранта А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». (Ленин В. И., ПСС, т. 44, с. 249—250).

¹¹ См.: Полонский В. Очерки литературного движения революционной эпохи. М.—Л., 1928, с. 196—224.

¹² См.: Коммунист, 1987, № 5, с. 7.

¹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 1, д. 74, с. 28.

¹⁴ Известия, 1928, 18 апреля.

¹⁵ В правдивость процесса поверили немало ученых. Так, осуждая «контрреволюционное выступление враждебной технической интеллигенции», акад. Г. М. Кржижановский отметил, что «господин Рамзин» (глава Промпартии) действовал «по-змейному». (ЦПА ИМЛ, ф. 355, оп. 1, д. 10, л. 20).

¹⁶ Одно из важных доказательств фабрикации этих процессов генсеком было найдено в архиве автором настоящего очерка.

¹⁷ Известия, 1928, 18 апреля.

¹⁸ Экономическая контрреволюция в Донбасе. М., 1928; Шпионы и вредители перед пролетарским судом. М.—Л., 1930; Социал-интервенты перед судом пролетарской диктатуры. М., 1931; Процесс Промпартии. М., 1931; Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М.—Л., 1931 и др.

¹⁹ Классовая борьба путем вредительства. М.—Л., 1930, с. 9.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, д. 642, л. 7.

²¹ Из профессуры Библиотеки и Археологической комиссии АН СССР уцелел лишь будущий академик Б. Д. Греков.

²² Примером психоза подозрительности был, в частности, сфальсифицированный процесс на Украине в начале 30-х гг. по делу «Союза вызволения». За решетку попало много ученых-профессоров.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 33, л. 39.

²⁴ Особенно неустово «разоблачали» академика М. Н. Покровского его ученики, список которых весьма велик.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 798, л. 11.

²⁶ Литературная газета, 1988, 23 марта.

²⁷ Вестник Коммунистической Академии, 1928, кн. XXVI (2), с. 5—6.

²⁸ Ужесточение догматизма в школе было связано с «Замечаниями» И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников истории СССР и новой истории. По некоторым данным, Киров реально в их подготовке не участвовал.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3212, л. 1.

³⁰ Так, например, в этом письме Сталин обозначил время создания партии — 1912 г., а начало коллективизации в СССР — 1930 г. (Там же, л. 27).

³¹ См.: Советская культура, 1988, 7 июня.

³² Н. И. Бухарин был основателем Института красной профессуры — одного из крупнейших центров марксистской мысли того времени.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2877, л. 39.

³⁴ См.: Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1946, с. 248—249.

³⁵ По странной прихоти (или милости) Сталина А. М. Деборин даже не был арестован.

³⁶ Без тени смущения Сталин приписал себе авторство данного фолианта, хотя по решению ЦК его написали Ярославский, Кнорин и Поспелов (ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3212, л. 12). А на просьбу директора Музея Революции СССР Ф. Н. Самойлова (1939 г.) прислать в музей для экспозиции сталинские рукописи «Краткого курса» (несуществующие) генсек грубо обругал его и цинично заявил, что он... сжег все рукописи, ибо миллионными тиражами вышла сама книга (!). (Там же.)

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, д. 781, л. 2.

³⁸ Именно так — большевик-«ленинец» — обозначил в 1933 г. Сталин свое отношение к фракции в анкете, сам не подозревая, какой символический смысл несут опрометчиво поставленные им кавычки. (ЦПА ИМЛ, ф. 588, оп. 1, д. 4490, л. 2).

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, д. 49, л. 48.

⁴⁰ Там же, д. 928, л. 1, 3; д. 821, л. 3; д. 895, л. 1—2.

⁴¹ Там же, ф. 77, оп. 1, д. 606, л. 1; ф. 12, оп. 1, д. 439, л. 1—3.

⁴² Там же, ф. 12, оп. 1, д. 781, л. 95.

⁴³ Там же, ф. 558, оп. 1, д. 5088, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 56, 79, 122.

⁴⁵ См.: Огонек, 1989, № 7, с. 7. В 1937 г. А. Афиногенов исключался из рядов ВКП(б) за «принадлежность к троцкизму». Так что Сталин ничего не забыл...

⁴⁶ См.: Капустин М. Обратной дороги нет // Советская культура, 1988, 30 июля.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4490, л. 12.

⁴⁸ Там же, л. 34.

⁴⁹ См. там же, ф. 78, д. 645.

⁵⁰ См.: Аргументы и факты, 1989, № 1, с. 8; Литературная газета, 1989, 12 июля; Комсомольская правда, 1989, 12 сентября, с. 4.

⁵¹ Вечерняя Москва, 1988, 12 ноября.

⁵² Серебрякова Г. Странствия по минувшим годам: Новеллы. М., 1965, с. 153—154.

⁵³ Авенир Ноздрин в 1905 г. был первым председателем первого в России Совета рабочих депутатов.

⁵⁴ Писатель А. Лахути как секретарь Союза писателей сумел отвести беду от Айни и тщетно пытался спасти поэта О. Мандельштама, но сам был обвинен в... «службе царской жандармерии».

⁵⁵ Правда, 1937, 17 января; Советская культура, 1988, 3 сентября.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 222, л. 13.

⁵⁷ Советская культура, 1989, 14 января.

⁵⁸ Сталин не решился на открытый процесс руководителей ВЛКСМ. Этому замыслу о судилище, как заметил Р. Медведев, помешала стойкость вожаков комсомола во главе с Косаревым. (Возвращенные имена. Кн. 1. М., 1989, с. 294—295.)

⁵⁹ Советское искусство, 1937, 7 июня.

⁶⁰ Особое рвение в преследовании А. Таирова и Н. Сац проявлял Л. Мехлис. (ЦПА ИМЛ, ф. 386, оп. 1, д. 60, л. 37).

⁶¹ Правда, 1937, 1 июня.

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 355, оп. 1, д. 9, л. 17.

⁶³ Там же, ф. 77, оп. 1, д. 583, л. 75.

⁶⁴ См.: Советская культура, 1988, 7 июня.

⁶⁵ См.: Советская культура, 1988, 6 августа. В 1930 г. В. И. Мухина и ее муж врач А. А. Замков были арестованы. Когда шли допросы на Лубянке, за них вступился А. М. Горький. Возможно, поэтому приговор был по тем временам не самым суровым — до 3 лет ссылки в Воронеж. (Труд, 1989, 29 июня).

⁶⁶ Дж. Дэвис — посол США в СССР в конце 30-х гг., написавший книгу «Миссия в Москву», полную фактических неточностей и лестных выводов о положении в стране и о благочестивости «хозяина Кремля».

⁶⁷ «Не отвечать!» — таково было предложение М. И. Калинина по поводу ходатайства Р. Роллана об узниках, томившихся в ежовских застенках. Сталин наложил на предложении «всесоюзного старосты» аналогичную резолюцию. (ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3525, л. 1.)

⁶⁸ Московские новости, 1988, 27 марта.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Вечерняя Москва, 1988, 8 июня.

⁷¹ См.: Козлов В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов // История СССР, 1989, № 2, с. 132—139.

⁷² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 г. Стеногр. отчет. Т. 1, М., 1989, с. 89.

СОЮЗ СОЮЗОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Историография Союза союзов — самой крупной организации интеллигенции и служащих не только в годы первой российской революции, но и на протяжении империалистической эпохи в России — небогата. В досоветский период отдельные аспекты его истории были освещены лишь в нескольких работах справочного и обобщающего характера¹. С 1917 г. до середины 50-х гг. специально о Союзе союзов почти не писали, если не считать двух мемуарных статей². При этом в советской историографии господствовала оценка Союза союзов как организации либерально-буржуазной³. И. В. Спиридонов, например, называл входившие в Союз союзов организации «главной силой кадетской партии», а М. Янковский утверждал, что борьба за создание союзов интеллигенции «в системе Союза союзов не шла дальше либерально-буржуазных задач, выдвигаемых кадетами»⁴.

Ряд работ был посвящен отдельным организациям, входившим в Союз союзов⁵, а также касался их истории в русле более широких исследовательских задач⁶. Вопросы деятельности непосредственно Союза союзов освещались лишь в некоторых обобщающих трудах по истории первой российской революции⁷; наиболее подробно они рассмотрены в монографиях Л. К. Ерман и В. Р. Лейкиной-Свирской⁸. И тем не менее основные стороны истории Союза союзов остаются малоизученными, из-за чего сохраняются неправомерные оценки этой организации как в целом либеральной⁹. Прежде всего дальнейшей разработки требует вопрос о роли либеральной буржуазии в образовании и деятельности Союза союзов. Первостепенное значение имеет и рассмотрение структуры, социального состава, численности объединения союзов, политического лица руководства и деятельности Союза союзов, а также внутренней борьбы, которая шла в нем в годы революции. Исследование этих проблем даст ответ на главный вопрос истории Союза союзов — о социально-политическом характере этой организации, ее роли в борьбе с самодержавием и месте в расстановке борющихся в революции классовых сил.

В данной статье сделана попытка осветить малоисследованные вопросы истории Союза союзов. Основную часть источников составили архивные документы, взятые из фондов Союза союзов и Департамента полиции (ЦГАОР СССР).

* * *

Накануне первой революции в России левый фланг буржуазно-либерального движения в стране представлял «Союз освобождения», олицетворявший собой «новое либеральное направление». В отличие от «старого» земского либерализма «освободительскому» либерализму было свойственно стремление распространить свое влияние на широкие массы. Нарастание революционной борьбы трудящихся, и прежде всего пролетариата, заставляло освободителей усиливать свою активность. Начиная с осени 1904 г. особенно наглядными стали их попытки завоевать гегемонию в освободительном движении.

Дмитриев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, зав. редакцией политической литературы издательско-полиграфического объединения «Молодая гвардия».

В октябре 1904 г. в «Союзе освобождения» была выработана новая тактика. Наряду с рекомендациями о необходимости принять деятельное участие в намечавшемся земском съезде, воздействовать в конституционном духе на уездные и губернские земские собрания и организовать так называемую банкетную кампанию она содержала и следующий пункт. «Начать агитацию за образование союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей и других лиц либеральных профессий, организацию их съездов, выбор ими постоянных бюро и объединение этих бюро как между собою, так и с бюро земских и городских деятелей в единый Союз союзов». Последний должен был установить контакты со всеми левыми партиями, выработать совместно с ними общую политическую платформу и стать своеобразным предпарламентом¹⁰. В целом намечалось формирование либеральной по своему характеру политической организации, в которой должны были слиться союзы интеллигенции и земский либерализм. При этом освобожденцы оставляли за собой руководство как процессом создания Союза союзов, так и его деятельностью.

К созданию союзов интеллигенции либералы приступили в период проведения банкетной кампании, в ходе которой банкеты, собрания и митинги проводились и по профессиональному принципу. Определенного успеха в этом отношении удалось достичь среди пяти профессиональных групп интеллигенции. Решения о необходимости основания союзов были приняты на банкетах и собраниях инженеров, врачей, профессоров, писателей и журналистов, адвокатов (см. табл.)¹¹.

Однако в предреволюционный период это были только самые первые шаги в организации союзов. Определяющее влияние на дальнейшее развертывание этого процесса оказала начавшаяся революция, которая вызвала политическое пробуждение массовых слоев интеллигенции и служащих, выразившееся и в стремлении к созданию своих организаций.

С первых дней революции либеральная буржуазия вынуждена была перейти к более активным и широким действиям, направленным на то, чтобы, как писал П. Б. Струве, объединить земскую оппозицию с интеллигенцией и привлечь к союзу этих двух сил «третью, решающую силу — народ»¹². И один из основных путей достижения руководящего положения в революционном движении освобожденцы видели в создании под своей эгидой союзов, которые должны были охватить теперь не только лиц либеральных интеллигентских профессий, но и демократические слои интеллигенции, служащих, а также рабочих и крестьян.

Кампания по созданию союзов проводилась освобожденцами под флагом «беспартийности» и «нейтральности». По их замыслу, союзы, используя профессиональные рамки, должны были объединиться в целях политической борьбы на платформах, содержащих умеренные политические требования и тактические принципы. В сущности, стремление освобожденцев к созданию таких союзов поддерживали меньшевики и эсеры, пользовавшиеся в то время определенным влиянием среди массовых профессиональных групп интеллигенции и служащих. Не считая гегемоном первой российской революции пролетариат, выступая с теорией нейтральности профессиональных организаций, меньшевики и эсеры открывали тем самым широкую возможность влияния на них либеральной буржуазии. Меньшевистская «Искра» квалифицировала возникавшие союзы как «интеллигентный авангард» буржуазной партии, призванный «охватить» и «подчинить своему руководству народные массы»¹³.

Против стремлений либеральной буржуазии захватить руководство движением интеллигенции и служащих, а тем более рабочих, выступили большевики, стремившиеся к созданию массовых революционных профсоюзов интеллигенции и служащих. В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии вспоминал, что в самый разгар кампании по созданию союзов он получил «письмо из Женевы, где мне указывалось, по поручению Владимира Ильича, обратить особое внимание на съездовскую кампанию, обязательно вмешаться в нее нашим московским социал-демократическим силам и дать отчеты о съездах в нашей прессе»¹⁴.

Но такая работа в то время уже велась, и не только в Москве. В результате большевистские делегаты, в том числе М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, И. И. Скворцов-Степанов, С. И. Мицкевич, А. Г. Шлихтер, участвовали в работе практически всех съездов создававшихся союзов интеллигенции и служащих.

Особое внимание большевики уделяли противодействию попыткам либералов «закрепиться» в рабочей среде, всегда заканчивавшимся провалом. Так завершилась и «мышьяная возня» вокруг «союза рабочих», разоблаченная В. И. Лениным в статье «Новый революционный рабочий союз»¹⁵. Как писал впоследствии П. Н. Милюков, «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ в его ряды партии кадетов (как и освобожденцев.— С. Д.) был почти совершенно прегражден»¹⁶. А это служило для либеральных кругов дополнительным стимулом концентрации основной работы в среде интеллигенции.

Процесс создания профессионально-политических союзов в первой половине 1905 г. (см. табл.) прошел два основных этапа. На первом этапе, главным образом с конца января до начала апреля, проводилась разносторонняя агитационная и организаторская работа по оформлению союзов, начиная с предварительных совещаний узкого числа лиц и кончая созывом подготовительных собраний в Петербурге или Москве. На этих собраниях учреждались не всероссийские, а пока только Петербургский и Московский союзы, руководящие органы которых брали на себя подготовку созыва учредительных съездов всероссийских союзов, а также выработку их уставов. Такие учредительные съезды прошли уже на втором этапе съездовской кампании, начавшемся в конце марта — начале апреля и затянувшемся для некоторых союзов до июня — июля 1905 г.

Оценивая через несколько лет этот процесс, секретарь «Союза освобождения» Д. И. Шаховский писал, что освобожденцам принадлежит в нем «весьма значительная роль, и некоторые союзы обязаны своим возникновением народным усилиям органов Союза. Таковы союз городских деятелей, журналистов (так иногда назывался союз писателей.— С. Д.), а отчасти и академический. Весьма видную роль играли освобожденцы и в образовании союзов инженеров и врачей» (медицинского персонала)¹⁷.

К этому списку можно было бы добавить союзы адвокатов, учителей средней школы, лесоводов и техников, равноправности женщин и еврейского равноправия, в процессе организации которых освобожденцы также занимали заметное место, войдя в состав их руководящих органов. Того же им удалось добиться и при создании Крестьянского союза.

Бросается в глаза, что особый успех освобожденцы имели в интеллигентских союзах лиц свободных профессий. В более демократических по своему составу земских союзах либералам не удалось добиться тех же успехов. В союзах же железнодорожных служащих и рабочих, конторщиков и бухгалтеров, фармацевтов, агрономов и статистиков, учителей и деятелей по народному образованию, ветеринарных врачей и возникшем позже союзе почтово-телеграфных служащих с самого начала преобладало влияние эсеров и меньшевиков. Сильнее здесь проявилась и роль большевиков.

Анализ уставов и программных документов союзов, весомый вклад в основание которых внесли освобожденцы, показывает, что в них чисто профессиональные задачи — защита экономических интересов членов той или иной профессиональной группы, борьба за улучшение условий их труда и быта — фактически не ставились. В качестве первоочередной задачи этих союзов выдвигалась борьба или за назревшие нужды близкого им дела, отрасли или чаще всего непосредственно за самые общие политические цели. В итоге получалось, что эти союзы были скорее не профессиональными, а политическими союзами, организованными по профессиям. Профессиональные рамки служили для них удобной формой вовлечения в политическую борьбу новых членов и создавали большую полицейскую безопасность.

Несколько иные цели имели вышеупомянутые союзы интеллигенции и служащих, которые создавались и действовали первое время под руководством не либералов, а эсеров и меньшевиков. В их задачи входила непосредственная профессиональная борьба, их программы и уставы содержали развернутые социально-экономические требования, которые крайне редко выдвигали союзы, учрежденные либералами. Однако и эти союзы имели свои политические платформы, также сориентированные на решение общих задач освободительного движения. В этом плане показательна формулировка, принятая съездом Всероссийского железнодорожного союза: «Целью союза является защита материальных, правовых, культурных и служебных интересов служащих и рабочих всех железных дорог, что может быть достигнуто лишь при наличии демократического государственного строя. Поэтому самой главной задачей союза является требование изменения существующего государственного строя...»¹⁸.

В целом все союзы (подразделение их на 2 категории довольно условно) имели больше общих черт, чем различий. Это свидетельствует о наличии в России в период революции 1905—1907 гг. особого типа профессионально-политических союзов, во многом отличных от обычных профсоюзов (по своему социальному составу, открытой политической направленности, времени возникновения и расцвета, всероссийскому характеру и т. д.). Однако было бы заблуждением считать, что решающую роль в появлении профессионально-политических союзов и оформлении их именно в такую форму сыграли освобожденцы, а также эсеры и меньшевики. В том, что такой тип общественно-политических организаций появился в то время в России, определяющее значение имели особенности развития российского общества в эпоху буржуазно-демократической революции.

В первые месяцы революции общественное движение в стране развивалось в условиях, «когда открытая политическая борьба не могла еще окончательно размежевать классов и создать ясные, понятные даже широким массам партии»¹⁹. В то же время революция, пробудив к активной общественной жизни самые широкие демократические слои, породила у них естественное стремление к организации и борьбе не только за свои экономические интересы, но и за политические задачи буржуазно-демократического переворота.

Профессионально-политические союзы и явились организациями, объединившими представителей городской демократии, которые не имели еще политического опыта и не занимали никаких определенных политических позиций. Основная их масса еще далеко не созрела для вступления в ряды партий, тем более что в России в то время еще не оформились партии, соответствующие в основном социально-классовой структуре общества. Эта масса увидела в профессионально-политических союзах удобную форму ведения и экономической и политической борьбы.

Необходимо подчеркнуть, что образование профессионально-политических союзов, которое несомненно являлось показателем значительного роста организованности и политического самосознания средних городских слоев, происходило не на голом месте. Прямыми предшественниками и прототипами этих союзов были различные легальные общественные организации интеллигенции и служащих конца XIX — начала XX в., также не замыкавшиеся на чисто профессиональных вопросах и переходившие в оппозицию к самодержавию²⁰.

Профессионально-политические союзы являлись разновидностью беспартийных организаций, появление которых, как отмечал В. И. Ленин, определялось «сравнительной неразвитостью классовой борьбы»²¹. Освобожденцы использовали в своих интересах распространение в мелкобуржуазных слоях населения идей «внепартийности» и «внеклассовости», их стремление к созданию беспартийных революционных организаций. Либералы утверждали, в частности, что политические платформы, в которых выдвигаются минимальные задачи, не отражают программы ни одной из партий, а являются тем общим минимумом, который приемлем для всех участников освободительного дви-

жения. И следует признать, что освобожденцам удалось на первых порах придать идеям беспартийности, на которых основывались профессионально-политические союзы, либеральное звучание.

На этот успех повлияло то важное обстоятельство, что в начале революции происходило «порозовение» и даже «покраснение» либеральной буржуазии, которая стояла тогда, по оценке В. И. Ленина, «в общем и целом... за революцию»²². Буржуазный либерализм в условиях еще не законченного его отделения от демократии был чрезвычайно пестрым течением, и это не могло не способствовать определенной податливости мелкобуржуазных слоев либеральному влиянию. Революция должна была сделать еще ряд шагов, чтобы широким трудящимся массам стала ясна нарастающая контрреволюционность либералов.

К практическому осуществлению своей идеи о создании Союза союзов освобожденцы приступили сразу же после того, как вечером 9 января 1905 г. на собрании интеллигенции в Вольном экономическом обществе, осудившем расстрел рабочих царскими войсками, была выбрана группа лиц, которая должна была заняться дальнейшей разработкой вопроса о Союзе союзов. На III съезде «Союза освобождения» (25—28 марта 1905 г.) было принято решение подготовить создание широкой либеральной партии, в которую предполагалось вовлечь не только освобожденческие кружки, но и многих членов профессионально-политических союзов. Союз союзов в этих условиях мыслился освобожденцами как организация, которая даст возможность и активно воздействовать на широкие демократические слои, и продвинуться в деле оформления легальной политической партии. Как вспоминал председатель «Союза освобождения» И. И. Петрункевич, Союз союзов создавался в «видах единства всех оппозиционных элементов и подчинения нетерпеливых дисциплине Союза союзов»²³.

Освобожденцы явно спешили с созданием Союза союзов, приступив к непосредственному его оформлению в середине апреля, когда окончательно еще не сформировались многие союзы. Первый съезд объединения проходил в Москве 8—9 мая 1905 г. На нем присутствовало 60 делегатов от 14 союзов (см. табл., № 1—14).

Основная борьба на съезде разгорелась по поводу платформы Союза союзов. Она закончилась отказом от внесения в эту платформу социально-экономических требований и принятием резолюции, предложенной освобожденцами: «Союз союзов есть орган, объединяющий на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма, и ставящий целью устройство правильных сношений с союзами и выполнение тех действий, которые союзы признают служащими для достижения их общей политической задачи»²⁴. Резолюция была принята 30 голосами против 26, за нее голосовали представители 7 союзов, в том числе земцев-конституционалистов, академический и адвокатов, против — 5 союзов, в частности, железнодорожных служащих, фармацевтов, конторщиков и бухгалтеров, а делегаты от двух союзов воздержались.

После голосования от ряда делегатов, в том числе меньшевиков, было подано особое мнение, в котором критиковалась принятая умеренная политическая платформа Союза союзов и требовалось выставить в качестве его цели борьбу за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования²⁵. Руководством съезда было заявлено, что принятая платформа носит временный характер, так как подлежит рассмотрению в отдельных союзах. И хотя это обстоятельство принципиально ничего не меняло, меньшевики согласились остаться в Союзе союзов. Эсеры же вообще не критиковали на съезде принятую платформу.

Иную позицию заняли большевики. С декларацией от Московского комитета РСДРП на съезде выступил С. И. Мицкевич. Он отметил невозможность участия большевиков в деятельности организации, политическая платформа

которой близка к «умеренному либерализму» и которая «несомненно станет освобожденческой организацией... подчинится руководству буржуазных либералов»²⁶. После этого большевики покинули съезд.

На I съезде Союза союзов был одобрен в целом проект его устава. Высшим органом объединения был признан съезд делегатов отдельных союзов. В промежутках между съездами общее руководство осуществляло Центральное бюро, в которое входили по 2 делегата от каждого союза. Как объединение союзов Союз союзов должен был выполнять информационные, посреднические, совещательные, а также исполнительские и координационные функции²⁷. В составе избранного после съезда Временного центрального бюро руководящее положение заняли либералы. С конца мая по начало августа 1905 г. функции фактического председателя Союза союзов исполнял П. Н. Милюков.

Создание Союза союзов явилось крупным шагом в процессе организационного самоопределения российской интеллигенции и служащих, свидетельствовавшим о значительном росте их политического самосознания. Союз союзов стал первой в истории России всероссийской организацией, объединившей различные профессиональные группы интеллигенции и служащих. В создании объединения союзов проявился еще больший успех освобожденных, чем при организации ряда профессионально-политических союзов. В нем вообще было отброшено все профессиональное и оставлено только политическое, преимущественно либерального звучания. Однако эта победа либеральной буржуазии, основные причины которой совпадали с причинами ее успехов в профессионально-политических союзах, не могла не быть временной. И главным залогом этого были те необратимые процессы, которые шли внутри Союза союзов.

Прежде всего в ходе революции в Союз союзов вливались новые союзы, расширявшие его масштабы. На II съезде (Москва, 24—25 мая 1905 г.) в состав общей организации были приняты Крестьянский союз и Союз учителей средней школы, на III съезде (Териоки — Выборг, 1—3 июля 1905 г.) — Союз лесоводов и техников, и на IV съезде (Иматра /Финляндия/, 14—16 января 1906 г.) — союзы почтово-телеграфных служащих, служащих правительственных учреждений и сценических деятелей. В итоге в Союз союзов входило 20 всероссийских союзов, имевших свои провинциальные отделения и группы.

Но этим дело не ограничивалось. По мере роста отдельных союзов на местах, особенно в сентябре — декабре 1905 г., стали возникать объединенные организации отделений профессионально-политических союзов, так называемые местные Союзы союзов, которые координировали деятельность входивших в них союзов в городском или губернском масштабе. IV съезд Союза союзов принял эти местные объединения в состав общей организации²⁸.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о наличии в России в 1905—1906 гг. не менее 39 местных отделений Союза союзов, но общее число этих объединений было несомненно намного большим. Перечислим лишь те местные союзы союзов, состав которых нам известен, указав в скобках число входивших в них в конце 1905 — начале 1906 г. союзов: Петербургский (20), Московский (19), Царства Польского (13), Варшавский (9), Ревельский (8), Юрьевский (7), Киевский (5), Ярославский (10), Самарский (12), Уссурийского края (13), Саратовский (6), Харьковский (10), Пермский (7), Иркутский (14), г. Ростова-на-Дону (5), Курский (8)²⁹.

Отличительной особенностью местных Союзов союзов являлось то, что их состав был шире состава центральной организации. Они включали в себя целый ряд разнообразных союзов, не имевших всероссийского размаха и действовавших только в той или иной местности. В состав самого крупного местного Союза союзов — Петербургского, в котором имелись даже районные союзные объединения, входили союзы книгоиздателей для борьбы за осуществление свободы печати, художников и сотрудников периодической печати. Кроме того, к этой организации тянулись и многие другие петербургские союзы, которые начали образовываться в самом конце 1905 г., но так окончательно и не оформились —

**Образование и численность профессионально-политических союзов, входивших в состав Союза
союзов ***

№ п/п	Всероссийские союзы	Дата проведения		Численность союзов и количество их отделений и групп		
		подготовительных собраний и совещаний	учредительных делегатских съездов и собраний	кон. VI—нач. VII 1905 г.	XI.1905	I.1906
1	2	3	4	5	6	7
1.	Союз инженеров и техников всех специальностей	5.XII.1904, СПб.; 13—14. I.1905, СПб.	24—26.IV.1905, СПб., Териоки	4000	4000 25 отд.	4000 26 отд.
2.	Союз медицинского персонала	18.XII.1904. 6.I.1905, СПб.	21—23.III.1905, СПб.; 27—29.VIII.1905, М.	1500	1500 16 отд.	2000 26 отд.
3.	Академический союз	20.XII.1904—6,13.II.1905, СПб.	25—28.III.1905, СПб.	1500 13 отд.	1800 13 отд.	—
4.	Союз российских писателей	25—26.XI.1904, г. Орел; 3—4.III.1905, СПб.	5—8.IV.1905, СПб.	—	220 (СПб.) 3 отд.	—
5.	Союз адвокатов	5—6.I.1905, М.; 30.I, 26.II.1905, СПб.	28—30.III.1905, СПб.	2350	2500 11 отд.	—
6.	Союз земцев-конституционалистов	IX.1903, Харьков	8—9.XI.1903, М.	—	—	—
7.	Союз конторщиков и бухгалтеров	27.II, 20.III, 30.IV—20.VI.1905, СПб.	6.VII.1905, СПб.	6000	7100 17 отд.	—
8.	Союз учителей и деятелей по народному образованию	6,21,27.II, 12.III.1905, СПб.; 11—13.IV.1905, М.	7—10.VI.1905, г. Выборг	3700 67 гр.	7500 462 гр.	10 800 239 гр.
9.	Союз ветеринарных врачей	5.III.1905, М.	21—22.III.1905, М.	—	350 30 гр.	—
10.	Союз агрономов, статистиков и других деятелей экономической помощи населению	—	24—28.III.1905, М.	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7
11.	Союз для достижения полноравенства еврейского народа в России	—	25—27.III.1905, г. Вильно	3000 50 гр.	7500 163 гр.	7500 150 гр.
12.	Союз фармацевтов	2.IV.1905, СПб.; 20. V.1905, М.	15—18.VII.1905, М.	1000	2300 12 отд.	—
13.	Союз железнодорожных служащих и рабочих	—	20—21.IV.1905, М.	6000 22 отд.	33 отд.	—
14.	Союз равноправности женщин	II.1905, М.; 4.V.1905, СПб.	6—11.V.1905, М.	4000 48 отд.	5000 69 отд.	8000 69 отд.
15.	Крестьянский союз	5.V.1905, М.	31.VII—1.VIII. 1905, М.	—	200 000 470 отд.	—
16.	Союз учителей и деятелей средней школы	4.IV.1905, СПб.	9—11.II.1906, Иматра	300	—	950 6 отд.
17.	Союз лесоводов и техников	28—30.V.1905, СПб.	4—7.XII.1905, СПб.	100	—	150
18.	Союз служащих в правительственных учреждениях	V.1905—26.X.1905, СПб.	17.XI.1905—10— 14.II.1906, СПб.	—	800	2000 6 отд.
19.	Союз почтово-телеграфных служащих	19,22.X.1905, М.	15.XI—6.XII.1905, М.	—	46 000	50 000 — 55 000
20.	Союз сценических деятелей	20,30.X—4,5.XI.1905, СПб.	19.XI.1905, СПб.	—	300	300

* Численность союзов, количество их отделений и групп выявлено на основании следующих источников: ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 40б.—50б., 9—90б.; д. 14, л. 32—38; д. 15, л. 750б.; д. 19, л. 330б.; д. 21, л. 290б.; д. 71, л. 10б.; д. 76, л. 18; д. 80, л. 3; ДП, 00, 1905, д. 999, л. Б, л. 280б., л. 380б.—39; д. 999, ч. 1, т. 3, л. 105; С.Д.К. Союз союзов, с. 20—29; Сын Отечества, 1905, 5 июня; Бюллетень Московского союза деятелей средней школы, 1906, № 4; Пушкарёва И. М. Указ. соч., с. 117; Гришнина З. В. Указ. соч., с. 260—261, 267; История фармацевтического дела в Петербурге/Петрограде/Ленинграде. Л., 1960, с. 77, 118; Иванов А. Е. Указ. соч., с. 111; Лежкина-Сви́рская В. Р. Указ. соч., с. 43, 46, 70, 82; Лебедев В. Н. Указ. соч., с. 44; Кирюхина Е. И. Указ. соч., с. 133; Российские партии, союзы и лиги, с. 236.

союзы оркестровых деятелей, суфлеров, деятелей изящных искусств, так называемый Родительский союз средней школы³⁰.

В состав Московского Союза союзов входил Союз служащих Московского губернского земства. Подобные союзы действовали также, в том числе в рамках местных Союзов союзов, в Петербурге, Воронеже, Н. Новгороде, Орле, Херсоне, Саратове, Иркутске, Самаре, Ярославле³¹ и, по всей вероятности, во многих других губерниях. Они эволюционировали в сторону оформления всероссийской организации, которая могла бы войти в Союз союзов.

В состав местных отделений Союза союзов входили также в Иркутске союзы приказчиков и лавочников, в Иркутске и Перми — торгово-промышленные союзы, в Ревеле — Союз служащих на фабриках и заводах, в Самаре — Союз низшего медицинского персонала, в Варшаве союзы банковских и страховых служащих, мастеров, в Союз союзов Царства Польского — союзы фабричных мастеров и рабочих, служащих в торговых предприятиях, в Союз союзов Уссурийского края — Союз служащих, рабочих и мастеровых порта, а также многие другие организации, возникавшие не на профессиональной основе. Подавляющее большинство всех союзов, объединенных в местные отделения Союза союзов, были по своему характеру профессионально-политическими, что свидетельствует о широте распространения таких союзов в стране.

Обратимся теперь к вопросам о численном и социальном составе Союза союзов. Для рассмотрения численности мы привлекли совокупность данных, заимствованных главным образом из архивных источников. Эти данные исходят преимущественно от самих союзов и являются достаточно достоверными. В большинстве союзов велся учет их численности, что находило отражение в различной документации. Некоторая часть этих сведений попадала в периодическую печать того времени, другая откладывалась в документах Департамента полиции. Все эти источники и послужили основой для составления публикуемой в статье таблицы. Приведенные в ней данные позволяют утверждать, что в период восходящего развития революции практически во всех профессионально-политических союзах численность возросла. В результате постоянно увеличивалась и общая численность Союза союзов. Если в начале мая, когда отдельные союзы еще только оформлялись и когда был создан Союз союзов, его численность не была еще значительной, то уже в конце июня — начале июля, т. е. к III съезду объединения, она составляла не менее 33,5 тыс. человек³². В дальнейшем этот рост продолжался, в ноябре Союз союзов насчитывал примерно 94 тыс. человек без учета численности самого массового из всех входивших в общую организацию союзов — Крестьянского, занимавшего там особое положение. При этом в подсчет включена с показателями на июль численность тех союзов, сведения о которых на ноябрь отсутствуют.

Рост численности союзов шел вплоть до января 1906 г., когда начался обратный процесс. Если суммировать известные нам максимальные показатели численного состава профессионально-политических союзов, то получится, что максимальная численность Союза союзов, не учитывая Крестьянский союз, составляла около 106 тыс. человек. Однако здесь не учтена и численность Союза агрономов и статистиков и Союза земцев-конституционалистов, а также подтверждаемая источниками численность ряда союзов в ноябре 1905 — январе 1906 г. С учетом этих обстоятельств численность Союза союзов может быть определена по меньшей мере в 110—111 тыс. человек.

В общий подсчет следует включить и численность тех союзов, которые, входя в местные отделения Союза союзов, не были всероссийскими. К ним можно отнести указанные выше союзы, а также большую часть организаций Союза союзов Царства Польского, которые были самостоятельны и не представляли собой отделений всероссийских союзов. В нашем распоряжении есть только отрывочные сведения о численности всех этих союзов. К примеру, Петербургский союз художников насчитывал 150 человек, Союз служащих Московского губернского земства — около 1 тыс., Ярославский союз земских служащих — 200,

Ревельский союз служащих на фабриках и заводах — 120, Союз инженеров и техников Царства Польского — 1 тыс., Варшавский союз конторщиков и приказчиков — 1 тыс. членов³³. Можно предположить, что численность всех подобных союзов была не меньше 20—25 тыс. человек.

Таким образом, получается, что в движение, связанное с профессионально-политическими союзами и Союзом союзов, в период высшего подъема революции было вовлечено в той или иной степени около 130—135 тыс. человек, не считая членов Крестьянского союза.

Каков же был социальный состав Союза союзов?

Прежде всего следует отметить наличие среди входивших в него союзов четырех, образованных не на профессиональной основе. Это — союзы Крестьянский, земцев-конституционалистов, еврейского равноправия и равноправности женщин. Первые два из них представляли крайние полюса Союза союзов. Если Крестьянский союз включал в себя широкие массы трудового крестьянства, то Союз земцев-конституционалистов почти на 100% состоял из помещиков.

Союз еврейского равноправия имел смешанный характер. В него входили преимущественно обеспеченные представители интеллигенции, служащих, городской мелкой и средней буржуазии еврейского происхождения. В Союзе равноправности женщин были представлены главным образом учительницы, врачи, слушательницы различных учебных заведений, а также небольшое количество работниц и крестьянок. В основном он имел интеллигентский состав, что сближало его с другими профессионально-политическими союзами.

Остальные 16 союзов можно подразделить по их социальному составу на три группы. К первой относятся союзы, объединявшие главным образом служащих. Это — союзы железнодорожных служащих и рабочих, почтово-телеграфных служащих, конторщиков и бухгалтеров и служащих правительственных учреждений. Большинство их членов были представителями низшей, а также средней категории служащих, составлявших особый слой лиц наемного труда, стоящий между рабочими и интеллигенцией. Ко второй группе следует отнести союзы, объединявшие мелкобуржуазную интеллигенцию: Союз учителей и деятелей народного образования, включавший главным образом сельских учителей начальной школы; Союз медицинского персонала, в который входили не только врачи, но и средний, низший медицинский персонал; союзы фармацевтов, ветеринарных врачей, агрономов и статистиков, лесоводов и техников, сценических деятелей. В третью группу выделяются союзы, большинство членов которых относились к буржуазным верхам интеллигенции, хорошо обеспеченным материально и связанным тесными узами с либеральной буржуазией: академический, писателей, адвокатов, учителей средней школы, инженеров и техников.

Необходимо учитывать определенную условность данного деления. Социально неоднородными были все союзы, и различия в этом отношении были не только между ними, но и внутри их. Так, в союзы, объединявшие служащих, входили лица, которых можно причислить к мелкобуржуазной и даже либерально-буржуазной интеллигенции. Представители последней являлись членами многих союзов второй группы. В свою очередь мелкобуржуазная интеллигенция составляла значительную часть союзов, объединявших буржуазные верхи интеллигенции. К тому же политическая позиция представителей интеллигенции и служащих не определялась только их социальной принадлежностью. Здесь действовал целый ряд других важных факторов, и прежде всего фактор непосредственного участия в политической борьбе.

По сравнению с всероссийскими союзами еще более пестрым был социальный состав местных отделений Союза союзов, что находило отражение в более широком представительстве в них различных категорий служащих, которых можно причислить к мелкобуржуазным слоям населения. Лишь небольшую часть членов профессионально-политических союзов на местах составляли

рабочие, что подтверждает незначительное представительство их в составе Союза союзов в целом.

Анализ численности и социального состава Союза союзов свидетельствует, что это была массовая всероссийская организация, объединявшая главным образом представителей интеллигенции и служащих. Несмотря на то, что значительное место среди членов Союза союзов занимали буржуазно-либеральные слои (буржуазные верхи интеллигенции и служащих), основную массу членов объединения союзов составляли выходцы из мелкобуржуазных слоев населения — низшие и средние служащие, мелкобуржуазная интеллигенция. И именно это обстоятельство определило в конечном счете эволюцию Союза союзов в годы революции.

Рассмотрим эту эволюцию в самых общих чертах.

В конце мая 1905 г. прошел II съезд Союза союзов, который продемонстрировал определенное полевание этой организации. В резолюции, принятой на съезде, содержалось уже требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, которое было отклонено на I съезде. Кроме того, съездом была признана «как весьма желательная» всеобщая политическая забастовка, которая должна была быть организована «как своими силами, так и совместно с революционными партиями»³⁴.

Значительная часть делегатов съезда осудила действия земцев, решивших в те дни послать депутацию с адресом к государю, и высказала мнение, что «Союзу союзов не следует входить с земцами ни в какие сношения». Но либеральному руководству съезда удалось добиться отмены голосования по этому вопросу³⁵. Формально союз земцев-конституционалистов был оставлен в составе Союза союзов, хотя в дальнейшем он фактически и не принимал какого-либо участия в работе последнего.

Летом 1905 г. одним из самых острых вопросов политической жизни в стране был вопрос об отношении к булыгинской Думе. Союз союзов высказался об этом на своем III съезде в начале июля, когда из газет уже стало известно основное содержание положения о законосовещательной Думе. После продолжительных прений большинством в 43 голоса при 20 против и 2 воздержавшихся (по союзам соответственно — 9, 3 и 4) съездом была принята резолюция о бойкоте Думы. В ней предлагалось устраивать «массовые протесты против Булыгинского закона», «считать недопустимым для членов Союза союзов ни проведение кого-либо в проектированную Думу, ни личное участие в ней»³⁶. Против бойкота голосовали союзы писателей, академический и учителей средней школы.

В. И. Ленин высоко оценил это решение Союза союзов. Во-первых, признав несомненное революционное значение идеи бойкота булыгинской Думы, он высказался за самую энергичную поддержку этой идеи, развитие ее до идеи активного бойкота и выдвинул подробный план проведения такого бойкота пролетариатом и большевиками³⁷. Во-вторых, он отметил заметное размежевание в буржуазно-либеральном лагере по поводу бойкота Думы, выделив Союз союзов в качестве «левого крыла» либеральной демократии и назвав его «самой широкой организацией буржуазной интеллигенции». «Суть идеи „бойкота“, как она возникла у „Союза союзов“, — писал Ленин, — состоит... в том, что *первый шаг крупной буржуазии к совещанию — соглашению с царем* неминуемо вызвал *первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом*»³⁸.

Эти ленинские высказывания представляют особую важность потому, что в них дана относящаяся к лету 1905 г. общая оценка Союза союзов как массовой организации, входящей в общем и целом в либерально-буржуазный лагерь, но находящейся на самом левом его фланге. Эту же оценку Ленин повторил в начале сентября, когда писал, что «„профессиональные“ союзы интеллигенции и „Союз союзов“ суть политические организации. Фактически это *либеральные союзы*. В общем и целом, это — союзы, составляющие ядро так

называемой конституционно-демократической, т. е. буржуазно-либеральной, партии»³⁹.

Однако уже в тот период В. И. Ленин видел массовый характер Союза союзов и отмечал преобладание в нем именно мелкобуржуазной интеллигенции. Это позволило ему констатировать возможность дальнейшего сближения объединенной в Союзе союзов демократической массы с революционным народом, т. е. революционно-демократическим лагерем. Исходя из этого, он ставил перед большевистской партией задачу «поддерживать левое крыло (Союз союзов.— С. Д.) и *тянуть его к себе*, стараться выделить элементы *революционной демократии*, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие. Радикальная интеллигенция протянула нам палец,— хватай ее за руку!»⁴⁰.

Дальнейший ход событий подтвердил правильность этого предвидения В. И. Ленина и выдвинутой им по отношению к Союзу союзов тактики большевиков.

III съезд Союза союзов продемонстрировал начало краха попыток либеральной буржуазии захватить руководство демократическими массами интеллигенции и служащих. После него либеральные элементы повели борьбу за отмену решения о бойкоте, резко усилившуюся после опубликования 6 августа закона о Государственной думе. Однако, несмотря на заметные колебания, основная масса интеллигенции и служащих, объединенных в Союзе союзов, не отказалась от тактики бойкота. Против нее открыто высказывались только союзы академический, писателей, учителей средней школы, земцев-конституционалистов, равноправия евреев и адвокатов⁴¹. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Л. М. Иванова, что «сложная и длительная борьба внутри Союза союзов между сторонниками бойкота и его противниками закончилась победой первых»⁴⁸.

Октябрьская стачка, которая с 10 октября стала быстро перерастать во Всероссийскую политическую забастовку, поставила вопрос об участии в ней и перед Союзом союзов. Его Центральное бюро на своем заседании 12 октября высказалось за присоединение к забастовке и постановило немедленно созвать общие собрания всех союзов для окончательного решения этого вопроса. Подобное постановление было принято еще ранее и Бюро Московского Союза союзов⁴³. 14 октября в аудиториях Петербургского университета состоялись общие собрания тех союзов, которые еще не присоединились к стачке. Все они решили включиться в общую борьбу и создали свои стачечные комитеты. В итоге к забастовке примкнуло, по сведениям «Новой жизни», 17 союзов⁴⁴.

Манифест 17 октября вызвал определенные колебания в массе профессионально-политических союзов, однако основная их часть продолжала забастовку и прекратила ее только после постановления Петербургского Совета рабочих депутатов. Общие настроения Союза союзов того периода выразила резолюция соединенного заседания его Центрального бюро и петербургских бюро отдельных союзов, принятая в ночь с 17-го на 18 октября. В ней осуждался царский манифест и заявлялось, что Союз союзов «продолжает оставаться на своем посту в борьбе за демократическую платформу и будет считать свою миссию законченной лишь с момента начала работ правильно избранного Учредительного собрания»⁴⁵. Своим участием в октябрьской забастовке мелкобуржуазная интеллигенция и служащие, составлявшие основу Союза союзов, сделали второй шаг к сближению с революционным народом. И именно этот шаг предопределил общее изменение позиции Союза союзов в ходе революционной борьбы.

Деятельность Союза союзов в период высшего подъема революции доказывает, что он стремился в это время к союзу с революционно-демократическими силами и оказывал им разнообразную помощь. Начиная с октябрьской стачки его центральные органы работали в контакте с Петербургским Советом рабочих депутатов, заседаая в том же здании Вольного экономического общества, что и Совет. Связь с ним осуществлялась, как правило, через представителей

союзов конторщиков и фармацевтов, входивших в Совет с правом решающего голоса, и делегатов союзов почтово-телеграфных, железнодорожных служащих и Крестьянского, имевших в Совете совещательные голоса ⁴⁶. В начале декабря 1905 г. в состав Петербургского Совета рабочих депутатов с совещательным голосом были приняты и делегаты самого Союза союзов, что особо подчеркнул в своей монографии В. С. Кириллов ⁴⁷.

Союз союзов оказывал существенную материальную поддержку революционному движению. С октября по середину января 1906 г. его центральными органами, не считая отдельных союзов, было передано Петербургскому Совету рабочих депутатов более 28 тыс. руб., революционным партиям — 2,5 тыс. руб., Центральному бюро профессиональных союзов Петербурга — 1 тыс. руб., Союзу почтово-телеграфных служащих — 4,5 тыс. руб. и т. д. Кроме того, созданная при Союзе союзов Комиссия по амнистии за тот же период времени оказала помощь 442 лицам, освобожденным по политическим делам, выдав пособий на сумму 26,3 тыс. руб. ⁴⁸

После издания манифеста 17 октября Союз союзов активно включился в организацию массовых протестов против контрреволюционных действий правительства, что нашло отражение в целом ряде документов его центральных органов. Одним из основных направлений деятельности объединения оставалось участие в забастовочной борьбе. 2 ноября, в день начала в Петербурге политической стачки, соединенное собрание руководящих органов Союза союзов и бюро всех профессионально-политических союзов приняло решение о присоединении к ней с лозунгами, выдвинутыми Советом рабочих депутатов, без всяких оговорок. Из всех союзов в стачке не приняли участие только союзы академический, учителей средней школы, адвокатов и служащих в правительственных учреждениях ⁴⁹.

Процессы, происходившие внутри Союза союзов, неизбежно приводили к радикализации политического лица его руководства. Причем эта радикализация шла не только путем изменений в составе руководящих органов, но и в связи с заметным колебанием их старых членов. Как известно «Союз освобождения» не представлял собой однородной политической группы. В него входили помимо умеренных буржуазных элементов и мелкобуржуазные демократы. Руководящее положение в Союзе союзов вначале оставалось за представителями первой группы освободителей, но затем в ходе революционной борьбы все большее влияние в нем стали получать мелкобуржуазные демократы, в том числе являвшиеся членами «Союза освобождения». В этом отношении показателен тот факт, что в группе освободителей, избранных заочно на учредительном съезде кадетской партии в состав ее ЦК, но впоследствии отказавшихся от участия в этой партии, четверо — Л. И. Лутугин, В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович и Н. Н. Шнитников — являлись членами центральных органов Союза союзов ⁵⁰.

Общий политический облик руководства Союза союзов после октябрьской забастовки показывает состав секретариата, избранного 26 октября и игравшего главную роль в Центральном бюро Союза союзов и Центральном комитете Петербургского Союза союзов, которые объединились в период высшего подъема революции для совместной деятельности. Перечислим членов и кандидатов в члены секретариата, указав в скобках их партийную принадлежность на момент выборов или на более позднее время: члены секретариата — Л. И. Лутугин (энес), С. Д. Кирпичников (беспартийный), М. М. Винавер (кадет), Г. Д. Сидамонов-Эристов (?), Л. М. Брамсон (трудолик); кандидаты в члены — В. И. Чарнолуцкий (энес), Н. Д. Соколов (меньшевик), В. А. Мякотин (энес), Е. В. Святловский (?), Б. Г. Галеркин (меньшевик) ⁵¹.

Как видим, состав секретариата, как и вообще руководящих органов Союза союзов, был весьма пестрым. Но несомненно одно — явное преобладание в нем лиц, стоявших «левее кадетов». Симптоматично и отсутствие в секретариате П. Н. Милюкова, который был вынужден отойти от Союза союзов. На посту

фактического председателя объединения его сменил Л. И. Лутугин. В дальнейшем почти все члены кадетской партии отошли от деятельности руководящих органов союзной организации. Это доказывает, в частности, предложение Центрального бюро Союза союзов включить в свой состав новых членов от ряда союзов взамен постоянно отсутствующих, принятое 29 декабря. В списке отсутствующих значатся члены ЦК кадетской партии Милюков, М. М. Винавер, А. И. Каминка, Ф. И. Родичев⁵². Впоследствии Милюков прямо признавался, что в центральных органах Союза союзов остались «некоторые освобожденные, но членов партии к. д. там не было»⁵³.

Определенный интерес для оценки роли Союза союзов в революционной борьбе и политической ориентации членов его центральных органов представляют факты активного участия этих членов в процессе создания партий трудовического типа. Так, в состав юридической комиссии, созданной при Трудовой группе I Думы, входили: Л. М. Брамсон, М. В. Беренштам, М. А. Кроль, А. И. Гуковский, А. С. Зарудный, В. Я. Гуревич и Н. Д. Соколов. А из 21 члена Организационного комитета Народно-социалистической партии членами руководящих органов Союза союзов были 8 человек: Н. Ф. Анненский, Беренштам, Л. И. Лутугин, Н. И. Лутугин, В. А. Мякотин, В. И. Чарнолуцкий, В. И. Семевский и Н. Н. Шнитников⁵⁴.

Под воздействием революционных выступлений пролетариата передовая часть интеллигенции и служащих осознавала необходимость вооруженной борьбы с самодержавием. Еще на III съезде Союза союзов было принято не подлежащее огласке решение о создании особой комиссии, которая специально занималась бы вопросами вооружения⁵⁵. 26 октября центральные органы Союза союзов решили начать сборы на вооружение и самооборону по союзам, для чего отпечатывались особые квитанционные книжки, а 28 октября они выбрали из своего состава специальную комиссию по созданию самообороны. В это время представители Союза союзов активно участвуют в совместной разработке вместе с Советом рабочих депутатов Петербурга плана организации городской милиции⁵⁶.

Собранные Союзом союзов деньги выделялись на вооружение боевых дружин, которые организовывались в октябре — ноябре среди различных профессионально-политических союзов и групп интеллигенции. Так, 400 руб. было выдано на эти цели союзу фармацевтов, 1 тыс. руб. — представителям студенческих организаций⁵⁷.

В конце ноября царизм переходит в наступление на силы революции, что вызывает дальнейшее полевание позиции Союза союзов и его руководящих деятелей. 28 ноября соединенное заседание Центрального бюро и Центрального комитета Петербургского Союза союзов принимает воззвание, в котором заявлялось, что «политическая свобода не может быть получена народом иначе, как путем вооруженной борьбы за свободу». Заканчивалось воззвание призывом готовиться к всеобщей забастовке и «одновременно к последней вооруженной схватке с врагами народной свободы»⁵⁸.

Данное решение было сочувственно встречено большевистской печатью. Московская газета «Борьба» сообщила о нем 2 декабря под заголовком «Петербургский „Союз союзов“ за вооруженное восстание».

Следует, однако, отметить, что признание необходимости вооруженного выступления проходило в Союзе союзов в атмосфере острой внутренней борьбы, которая отражала свойственные демократической интеллигенции и служащим колебания и их революционную неустойчивость. К тому же вооруженное восстание рассматривалось в Союзе союзов в сущности не как неизбежный этап в развитии революции, а как вынужденная мера. Это показывает, в частности, воззвание Союза союзов по поводу ареста членов Петербургского Совета рабочих депутатов, принятое 5 декабря. В нем говорилось, что форма борьбы с самодержавием «не зависит всецело от нас, она определяется действиями правительства, которое своими набегами... толкает революционное движение на путь стихийного развития»⁵⁹.

Союз союзов поддержал декабрьскую всеобщую политическую забастовку, явившуюся преддверием вооруженного восстания. В ней участвовало большинство профессионально-политических союзов⁶⁰. 13 декабря, в разгар вооруженного восстания в Москве, соединенное заседание центральных органов Союза союзов принимает решение «усилить сбор на вооружение». После этого о своем выходе из этих органов заявили А. С. Зарудный, Г. Д. Сиданов-Эристов, Н. Ф. Анненский и В. А. Мякотин. В результате на следующем заседании, 15 декабря, руководство союзной организации принимает решение о том, что «Союз союзов не считает возможным оказывать содействие к вызову немедленного вооруженного восстания», имея в виду прежде всего Петербург⁶¹. Это решение, которое нельзя оценить однозначно, с одной стороны, свидетельствовало о заметных колебаниях среди руководства Союза союзов, а с другой стороны, было обусловлено реальной ситуацией: в Москве в это время вооруженное восстание уже пошло на спад, а начинать его в Петербурге значило бы обречь себя на поражение.

Наиболее революционно настроенные представители интеллигенции и служащих, объединенных в Союзе союзов, приняли непосредственное участие и в самой вооруженной борьбе. В Москве боевая дружина союза фармацевтов обороняла баррикады в Косом переулке, дружина городских служащих — в другом районе. Московское отделение союза медицинского персонала организовало около 25 санитарных отрядов, включавших около 100 врачей, для оказания медицинской помощи восставшим. Члены Союза равноправности женщин устроили в ряде охваченных восстанием районов, в том числе и на Пресне, столовые, давали приют участникам баррикадных боев⁶².

В январе 1906 г. Союз союзов продолжает активно участвовать в политической жизни страны. На своем IV съезде он поддержал большевистскую тактику бойкота I Думы, решив «отказываться от участия как в Государственной думе, так и в выборах в нее во всех стадиях». На съезде лозунг созыва Учредительного собрания был внесен и в устав союзной организации⁶³.

Однако уже в то время с особой силой начинают сказываться слабости Союза союзов — расплывчатость его программных и организационных принципов, недостаточная связь между входившими в него союзами, смешанный состав и т. д. Как единая организация он перестал существовать в апреле — мае 1906 г. Причины этого заключались и в общем отступлении революции, повлекшем за собой отход от революционной борьбы некоторой части демократической интеллигенции и служащих, и в широких репрессиях правительства, которые затронули многие союзы, и в появлении на политической арене новых партий, куда вступали члены Союза союзов, и в активной деятельности большевиков по преобразованию профессионально-политических союзов в революционные профсоюзы. Попытка возродить Союз союзов в виде новой организации — Комитета объединенных союзов, не принимающей уже общей политической платформы была предпринята в октябре 1906 г.⁶⁴ Однако роль Комитета свелась лишь к объединению усилий союзов в ходе проведения избирательной кампании во II Государственную думу, после завершения которой Комитет перестал существовать.

Через всю историю Союза союзов красной нитью проходили два взаимосвязанных процесса: становления революционного демократизма объединенных в нем широких мелкобуржуазных слоев, отхода их от буржуазного либерализма и постепенного перехода на антидемократические, контрреволюционные позиции входивших в Союз союзов либерально-буржуазных элементов, в том числе стоявших поначалу у его руководства. Эти процессы были отражением отделения либерализма от демократии, которое интенсивно шло в годы первой российской революции и обуславливало в конечном счете противоборство в истории союзного объединения двух тенденций: революционно-демократической и либеральной. В первый период существования Союза союзов последняя из этих тенденций во многих случаях определяла характер действий объеди-

нения и была даже иногда преобладающей, что и объясняет деятельность Союза союзов в то время в общем и целом как левого крыла либеральной демократии⁶⁵. Начиная же с периода высшего подъема революции в деятельности Союза союзов стала значительно преобладать революционно-демократическая тенденция, и он все более приобретал характер революционно-демократической организации.

После Всероссийской политической стачки в стране происходит более четкое размежевание классовых и политических сил, перегруппировка в составе политических лагерей. «Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова... повернула сейчас же после 17-го октября от демократии к Витте»⁶⁶, — писал В. И. Ленин. В этих условиях от Союза союзов фактически отходят многие либеральные элементы отдельных союзов, а также союзы земцев-конституционалистов и академический в целом. Эти элементы в основном пополняют собой ряды кадетской партии. Подавляющая же масса членов Союза союзов идет тем временем дальше по революционному пути, углубляя разделительную грань между Союзом союзов и кадетской партией, возникшую сразу же после образования последней.

Однако процесс перехода Союза союзов в революционно-демократический лагерь так и остался до конца не законченным в связи с тем, что ко времени распада объединения не закончился еще процесс становления последовательного революционного демократизма основной массы его членов и в его составе продолжали находиться значительные либеральные слои. Такое положение сказывалось в итоге на противоречивости и непоследовательности как политической платформы, так и деятельности Союза союзов в период его расцвета.

Вместе с тем, несмотря на все недостатки и слабые стороны Союза союзов, сохраняющаяся до сего времени в советской историографии оценка этой организации как буржуазно-либеральной на всех этапах ее истории несомненно представляется ошибочной. Она явно расходится с фактами. Начиная с октября 1905 г. практически по всем принципиальным вопросам революционной борьбы — от участия во всеобщих политических стачках до поддержки вооруженного восстания — Союз союзов занимал в общем и целом позиции, которых придерживался лагерь революционной демократии. В ходе революции на революционные позиции перешло большинство входивших в Союз союзов организаций и основная часть объединенных в нем слоев. В итоге первый в истории России опыт всероссийского объединения интеллигенции и служащих различных профессий увенчался победой революционно-демократических, а не либеральных устремлений в их среде.

Подавляющее большинство членов профессионально-политических союзов и Союза союзов нельзя исключать из состава «той широкой, могучей, революционной демократии», без которой, как писал В. И. Ленин, «пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции»⁶⁷. Они влились в движущие силы буржуазно-демократической революции и выступили тем самым в качестве союзника пролетариата. Такая эволюция Союза союзов дала основание Ленину охарактеризовать его позицию в конце 1905 — начале 1906 г. как тяготение к «союзу с революцией или, по крайней мере, к поддержке ее», а сам Союз союзов назвать одним из «боевых элементов буржуазной демократии и крестьянства»⁶⁸.

История Союза союзов, ускорившего политическое самоопределение и организационное сплочение демократической массы интеллигенции и служащих, продемонстрировала крах попыток либеральной буржуазии захватить руководство движением средних городских слоев. Либералы, создавшие Союз союзов, по признанию П. Н. Милюкова, оказались в положении «курицы, высижившей утят». «Я не предвидел, — писал он, — что очень скоро мне самому придется отойти от „Союза союзов“, когда он послушно пойдет за ленинской линией»⁶⁹.

Решающую роль в политической эволюции Союза союзов в сторону сближения с революционным народом сыграло воздействие на него борьбы проле-

тариата. Все крупные выступления объединения союзов начинались и развивались под непосредственным влиянием выступлений рабочих. Пролетариату удалось сплотить вокруг себя многомиллионное крестьянство и городскую демократию, повести их на штурм твердынь самодержавия. Российский либерализм вплоть до своей политической смерти остался без широкой социальной базы.

Примечания

- ¹ См.: С. Д. [Кирпичников]. Союз союзов. СПб., 1906; е го же. Всероссийский союз инженеров и техников. СПб., 1906; Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906; Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2, ч. 2. СПб., 1910.
- ² См.: Кирпичников С. Д. Л. И. Лутугин и Союз союзов // Былое, 1925, № 6 (34), с. 134—146; Сверчков Д. Союз союзов // Красная летопись, 1925, № 3 (4), с. 149—162.
- ³ См.: Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905—1907 гг.: Сб. Л., 1926, с. 43—45; Большая Советская Энциклопедия. Т. 52. М., 1947, стб. 354—355.
- ⁴ См.: Спиридонов И. В. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955, с. 19, 147—148; Янковский М. Театральная общественность Петербурга в 1905—1907 гг. // Первая русская революция и театр: Статьи и материалы. М., 1956, с. 171.
- ⁵ См.: Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский союз // Исторические записки, т. 50. М., 1955, с. 95—141; Гришина З. В. Союз равноправности женщин (1905—1908 гг.) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977, с. 255—272; Иванов А. Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977, с. 102—126.
- ⁶ См.: Слонимская И. А. Медицинские работники и революция 1905—1907 гг. М., 1955; Лебедев В. Н. Участие работников связи в революционном движении в России. М., 1974; Пушкарёва И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975.
- ⁷ См.: Ониани В. С. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2. М., 1970; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981; Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России: Посobie для учителя. М., 1985.
- ⁸ Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981.
- ⁹ См.: Революция 1905—1907 гг. в России и профсоюзы. Сборник статей. М., 1975, с. 84; Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971, стб. 1022.
- ¹⁰ См.: Белоконский И. П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914, с. 211.
- ¹¹ См.: Шацillo К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985, с. 314—315; Кирпичников С. Д. Л. И. Лутугин и Союз союзов, с. 137.
- ¹² Освобождение, 1905, № 69—70, с. 307—308.
- ¹³ Искра, 1905, 21 июня.
- ¹⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Нелегальная поездка в Россию. М., 1930, с. 246.
- ¹⁵ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 278—290.
- ¹⁶ Милюков П. Н. Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. Париж, 1935, т. 57, с. 295.
- ¹⁷ Шаховской Д. И. «Союз освобождения» // Зарницы: Литературно-политический сборник. СПб., 1909, № 2, с. 132.
- ¹⁸ Цит. по: Пушкарёва И. М. Указ. соч., с. 114.
- ¹⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 280.
- ²⁰ См.: Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М., 1976; Степанский А. Д. Общественные организации в России на рубеже XIX—XX веков М., 1982.
- ²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 12, с. 139.
- ²² Там же, т. 11, с. 87.
- ²³ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1934, с. 393.
- ²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 2 об.
- ²⁵ Там же, л. 38.
- ²⁶ Там же, л. 52.
- ²⁷ Там же, л. 2 об.—3.
- ²⁸ Там же, д. 22, л. 12.
- ²⁹ Там же, д. 11, л. 9—27, 33; д. 14, л. 10—17, 55; д. 16, л. 12—31, 57 об.; д. 18, л. 16—21, 36; д. 22, л. 1; ДП, 00, 1905, д. 999, л. А, л. 1—4, 6—8, 71—73; С. Д. [Кирпичников]. Союз союзов, с. 16—17.
- ³⁰ См.: Российские партии, союзы и лиги, с. 171—186.
- ³¹ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 67, л. 5; ДП, 00, 1905, д. 999, л. Б, л. 47—48 об.
- ³² В этом отношении явно заниженными представляются сведения В. Р. Лейкиной-Свирской,

утверждавшей, что в июле 1905 г. общая численность входивших в состав Союза союзов организаций составляла примерно 22,5 тыс. (Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., с. 232).

³³ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 16, л. 47; д. 67, л. 5; д. 18, л. 15; д. 14, л. 36, 38; Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907, с. 158.

³⁴ ЦГАОР, ф. 518, оп. 1, д. 2, л. 17; д. 15, л. 8.

³⁵ Там же, д. 2, л. 2, 5.

³⁶ С. Д. [Кирпичников]. Союз союзов, с. 14.

³⁷ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 169—171, 200, 208.

³⁸ Там же, с. 149—150, 166, 199.

³⁹ Там же, с. 266. Это высказывание часто неправомерно используется для доказательства тесной связи Союза союзов с кадетской партией. При этом не учитывается, что здесь речь идет не о партии кадетов, которой тогда еще не существовало, а о «Союзе освобождения», который после опубликования «Платформы конституционно-демократической партии», принятой его III съездом (март 1905 г.), нередко определялся Лениным термином «конституционно-демократическая» партия. См. там же, с. 154, 183—184, 200.

⁴⁰ Там же, с. 201.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 29, л. 17 об.; д. 14, л. 32 об.; Русские ведомости, 1905, № 262.

⁴² Иванов Л. М. Бойкот булыгинской Думы и стачка в октябре 1905 г. (К вопросу о расстановке боровшихся сил) // Исторические записки. Т. 83. М., 1969, с. 156.

⁴³ Кирпичников С. Д. Л. И. Лутугин и Союз союзов, с. 142; Общественное движение в России в начале XX века, т. 2, ч. 2, с. 194.

⁴⁴ Новая жизнь, 1905, № 1, 27 октября.

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 10, л. 2.

⁴⁶ Геллер Л., Ровенская Н. Петербургский и Московский Советы рабочих депутатов 1905 года в документах. М.—Л., 1926, с. 9—10.

⁴⁷ См.: Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907 гг.). М., 1976, с. 23; ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 11, л. 46—47, 51.

⁴⁸ См.: С. Д. [Кирпичников]. Союз союзов, с. 29—30.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 9, л. 8; д. 14, л. 13—14 об.

⁵⁰ Там же, ф. 518, оп. 1, д. 18; л. 8—10 об.; Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 163.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 14, л. 5.

⁵² Там же, л. 51 об.

⁵³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1955, с. 342.

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 18, л. 8—12; Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979, с. 111—112; Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985, с. 47.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 16, л. 57—57 об.;

⁵⁶ Там же, д. 14, л. 5 об.

⁵⁷ Там же, л. 7 об., 20.

⁵⁸ Там же, д. 11, л. 12—12 об.

⁵⁹ Там же, л. 15.

⁶⁰ Там же, л. 17—20; д. 14, л. 33 об.

⁶¹ Там же, д. 14, л. 47—48.

⁶² См.: Ерман Л. К. Указ. соч., с. 247—250; Гришина З. В. Указ. соч., с. 264.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 518, оп. 1, д. 4, л. 6; д. 11, л. 28.

⁶⁴ Там же, ДП, 00, 1905, д. 999, т. 2, л. 65.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 166.

⁶⁶ Там же, т. 21, с. 102.

⁶⁷ Там же, т. 13, с. 97.

⁶⁸ Там же, т. 12, с. 169, 206.

⁶⁹ Милюков П. Н. Роковые годы (Из воспоминаний) // Русские записки, Париж, 1938, № 12. с. 125.

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО в 1767 году

(К проблеме консолидации)

История Уложенной комиссии 1767—1768 гг., пожалуй, один из наиболее исследуемых сюжетов отечественной историографии послепетровской России. Это понятно, ведь как бы ни оценивали деятельность комиссии современники и потомки, дореволюционные и советские историки, она остается ярким и весьма своеобразным эпизодом русской истории эпохи позднего феодализма. Кроме того, комиссия оставила огромный комплекс документов — ценнейший источник по социально-экономической истории России второй половины XVIII в. Вот почему уже более 100 лет не иссякает поток публикаций, посвященных Уложенной комиссии и основанных на ее материалах. Среди них немало работ и по истории дворянства, однако даже беглый обзор этих публикаций убеждает в том, что изучению материалов комиссии в нашей историографии присуща определенная односторонность, проявляющаяся как в проблематике исследований, так и в их источниковой базе. Большинство трудов по истории комиссии появилось в 70—90-х гг. прошлого столетия, когда ее материалы печатались в сборниках Русского исторического общества. Помимо работ общего характера, в которых оценивалась деятельность комиссии, изучалось ее влияние на последующее законодательство, причины ее неудачи, в то время вышли исследования и по более конкретным вопросам участия дворянства в работе комиссии¹. Отдельные работы были посвящены участию украинского дворянства² и роли в комиссии М. М. Щербатова³. Тщательный анализ материалов Уложенной комиссии по вопросу о правах дворянства содержится в капитальном труде В. Н. Латкина по истории законодательных комиссий в России в XVIII в.⁴

Анализируя дворянские указы, историки XIX в. констатировали их крайне узкосословный характер, почти полное игнорирование общегосударственных вопросов, неразвитость общественного сознания, охранительную тенденцию в отношении представителей других сословий и дворянства других национальностей, практицизм наказов. Отмечалось также значительное влияние дискуссий в комиссии на последующее законодательство екатерининского времени, изучалась степень выполнения правительством требований дворянства. Некоторые исследователи, однако, были склонны идеализировать русское дворянство середины XVIII в. и даже усматривали в дворянских указах отражение требований крепостного крестьянства⁵.

Стремясь восполнить пробелы историографии XIX — начала XX в., советские историки, анализируя материалы Уложенной комиссии 1767 г., сосредоточили внимание на изучении положения черносошных и приписных крестьян, однодворцев и других социальных групп. В свете проблемы просвещенного абсолютизма рассматривался «Большой наказ» Екатерины II⁶.

Практически вне поля зрения как дореволюционных исследователей, сосредоточивших свое внимание почти исключительно на дворянских указах, так и советских историков, остались материалы дискуссий в самой комиссии⁷, проект «правам благородных», составленный частной комиссией «о государственных родах», его обсуждение сначала в Дирекционной комиссии, а затем в Большом собрании Уложенной комиссии, частные проекты. Между тем анализ

этих документов позволяет не только более отчетливо представить себе характер внутриворонских противоречий и иногда взгляды дворян на различные проблемы общественной жизни, но и поставить вопрос о степени развития дворянского самосознания. Значение этих вопросов велико для изучения характера абсолютизма в России, а также конкретных вопросов политической и социально-экономической истории позднего феодализма, что настоятельно требует исследования эволюции правового положения, структуры, общественных и культурных идеалов и запросов дворянства в XVIII в. В жизни русского общества XVIII в. проблемы, связанные с правовым статусом дворянства и его участием в управлении государством, вопросы службы дворян и их роли в развитии торговли и промышленности были предметом постоянного обсуждения в различных государственных комиссиях, а также в сочинениях публицистов и историков. В течение всего XVIII в. шел процесс оформления и закрепления юридических норм, определявших положение дворянства как правящего класса России, его сословные права и привилегии. Этот процесс сопровождался интенсивной борьбой различных группировок внутри самого дворянства, причем на протяжении столетия соотношение сил между этими группировками, характер разногласий между ними и их взаимоотношений с правительством претерпели значительные изменения. Изучение характера этих изменений проливает свет и на особенности периода позднего феодализма и просвещенного абсолютизма в России.

В предложенной читателю статье предпринимается попытка на основе материалов Уложенной комиссии раскрыть характер внутриворонских противоречий середины XVIII столетия и отношение правящего класса к некоторым социально-экономическим проблемам этого периода, выяснить состояние процесса консолидации дворянства в начале царствования Екатерины II, вскоре после появления Манифеста о вольности дворянства 1762 г. При этом консолидация дворянства рассматривается как один из важнейших процессов социально-политического развития России периода позднего феодализма, особенности которого находятся в тесной взаимосвязи с особенностями этого периода в целом. Однако, поскольку выводы статьи основаны на одном, хотя и столь репрезентативном источнике, как материалы Уложенной комиссии 1767 г., их следует считать предварительными, требующими уточнения и дополнения на основе других источников.

* * *

Источниковой базой данной статьи послужили документы Уложенной комиссии 1767—1768 гг., хранящиеся в ЦГАДА и Отделе рукописей ГБЛ⁸. Это прежде всего так называемые дневные записки (протоколы заседаний) Большого собрания, Дирекционной комиссии и частной комиссии «о государственных родах». В первых из них исследователь находит подробное описание хода заседаний, выборов депутатов в частные комиссии, изложение письменных «мнений» и выступлений. Дневные записки Дирекционной и частных комиссий не отличаются такой подробностью. В них перечислены лишь присутствовавшие на заседаниях члены комиссий, названы причины отсутствия остальных, обсуждавшиеся вопросы и принятые решения. Как в ЦГАДА, так и в ГБЛ имеется множество копий «Проекта правам благородных» с поправками, внесенными в него Дирекционной комиссией. В ЦГАДА имеется еще один экземпляр проекта, где в двух отдельных столбцах параллельно с каждой статьей проекта в сжатой форме изложены возражения на нее депутатов Уложенной комиссии, высказанные во время дебатов в Большом собрании⁹.

При рассмотрении дискуссий по дворянскому вопросу необходимо иметь в виду, что дворянские депутаты вместе с депутатами правительственных органов составляли в комиссии примерно 33%, в то время как городские депутаты примерно 40%. Таким образом, с учетом крестьянских, казацких и «иноверческих» депутатов правящий класс в Уложенной комиссии оказался в явном меньшинстве. Подобное соотношение сил, видимо, и послужило причи-

ной того, что ни один из вопросов дворянских прав на первом этапе дискуссии так и не был поставлен на голосование. Тем не менее дворянство представляло в комиссии весьма влиятельную группу: по подсчетам В. И. Сергеевича, две трети дворянских депутатов составляли военные, из них 30 имели генеральские чины¹⁰. Большинство гражданских депутатов также принадлежало к высшим чинам. Сюда же следует отнести и 29 депутатов от правительственных органов. Императрица со своей стороны оказывала дворянским депутатам всяческое содействие. Утверждая, например, результаты выборов в частные комиссии, она старалась не пропустить в них ни одного представителя низших классов. Кроме того, регламент был составлен таким образом, что из пяти членов каждой частной комиссии двое фактически назначались по представлению генерал-прокурора Сената и депутатского маршала. Существенным для анализа дискуссий является также то, что около двух третей крупных государственных деятелей, входивших в состав Уложенной комиссии, не приняли участия в прениях¹¹. Можно предположить, что часть этих депутатов была избрана в состав частных комиссий и на заседаниях Большого собрания не присутствовала, другие не могли быть на заседаниях из-за выполнения своих прямых служебных обязанностей. Вероятно, также крупные государственные деятели не считали целесообразным участвовать в дискуссиях, поскольку лучше других были осведомлены о мнениях правительства и самой императрицы по обсуждавшимся вопросам¹².

* * *

Обсуждение дворянского вопроса в Уложенной комиссии началось на ее 21-м заседании 11 сентября 1767 г. чтением выписок из законов о дворянстве. Оно продолжалось восемь заседаний и вызвало оживленную дискуссию. И хотя на 28-м заседании 25 сентября приступили к чтению законов о купечестве, формально дискуссия о правах дворянства продолжалась до 2 октября, когда депутатский маршал А. И. Бибиков объявил, что все поданные «примечания и возражения» будут отосланы в Дирекционную комиссию, а оттуда в частную комиссию «о разборе родов государственных жителей», «где уповательно на все сие в сходность данного комиссии от е. и. в. наказа лучшие и полезные положения сделаны быть могут»¹³. Фактически же обсуждение дворянских прав не прекращалось до конца 1767 г., что связано с чтением в Большом собрании выписок из законов о привилегиях лифляндского и эстляндского дворянства, начатым 26 ноября, и их обсуждением, продолжавшимся до конца заседаний Уложенной комиссии в Москве, т. е. до 14 декабря 1767 г. Таковы хронологические рамки первого этапа дискуссий о правах дворянства (11 сентября — 14 декабря), в которых приняли участие 54 человека.

Второй этап связан с обсуждением в Большом собрании «Проекта правам благородных». Его выработка совпала с первым этапом дискуссии: состав комиссии «о государственных родах» был объявлен также 11 сентября. В нее вошли А. М. Голицын, И. А. Унгерн-Штернберг, Ф. Г. Орлов, Н. Свешников и Я. А. Брюс. Последнему было поручено составление проекта прав дворянства¹⁴. 18 февраля 1768 г. готовый проект был зачитан в комиссии «о государственных родах»¹⁵, а 21 февраля передан в Дирекционную комиссию¹⁶. 11 марта проект возвращен в частную комиссию¹⁷, где до начала июля шла его доработка. Наконец, 10 июля проект был внесен на обсуждение Большого собрания. Уже первое его чтение вызвало бурную реакцию депутатов. После повторного чтения депутатский маршал предложил поставить проект на голосование по каждой статье в отдельности. Однако ему удалось провести голосование лишь по первым четырем статьям первой главы. Пятая статья, текст которой был сильно изменен Дирекционной комиссией и по которой было подано особое мнение ее членов — сенаторов З. Г. Чернышева и Д. В. Волкова, предлагавших ее вообще снять, вызвала значительные разногласия. В результате дискуссия была отложена на неделю¹⁸. Так начался второй этап дискуссии о правах

дворянства, продолжавшийся до 29 сентября. 6 октября было решено вернуть проект в Дирекционную комиссию¹⁹. В обсуждении проекта приняли участие 72 человека. В результате доработки проекта появилась его вторая редакция, дошедшая до нас в составе сборника проектов Уложенной комиссии, хранящегося в ЦГАДА. Анализ этой второй редакции проекта показывает, что его общий характер и направленность остались прежними.

* * *

Прежде чем обратиться непосредственно к ходу дискуссий в Уложенной комиссии, необходимо остановиться на причинах созыва Екатериной II этой комиссии. Вопрос этот имеет не только академический интерес, ибо ответ на него поможет лучше понять то, что происходило на заседаниях Большого собрания.

В литературе причины созыва Уложенной комиссии 1767 г. формулируются по-разному. Так, В. И. Недосекин считает, что создание комиссии «явилось следствием обострения противоречий между трудящимися массами и эксплуататорами, с одной стороны, и поместным дворянством и формирующейся городской буржуазией — с другой»²⁰. М. Т. Белявский утверждает, что «выработка нового свода законов, удовлетворявшего требованиям тех, кто посадил ее (Екатерину II. — А. К.) на престол, и созыв некоего подобия Земского собора должны были укрепить ее положение»²¹, а Уложенная комиссия «должна была не только выработать новый кодекс законов, но и расширить социальную базу абсолютизма, предотвратить опасность социального взрыва, создать иллюзию, будто бы сами выборные подготовили необходимые справедливые законы на благо всех подданных независимо от их сословной принадлежности»²².

Утверждения обоих авторов безусловно справедливы. Хочется лишь подчеркнуть, что созыв Уложенной комиссии явился результатом действия комплекса факторов. Причем сам факт создания специального учреждения для выработки нового свода законов отнюдь не был изобретением Екатерины. Новой была форма: составление наказов, участие в комиссии представителей разных сословий. И здесь все же не следует сбрасывать со счетов образ мысли императрицы, находившейся под определенным влиянием французских просветителей, и сохранявшиеся еще у нее в этот период идеалистические представления о своих возможностях как продолжательницы дела Петра I. Необходимо, однако, иметь в виду, что если теоретически избранная для Уложенной комиссии форма и открывала депутатам определенные возможности для реализации чаяний представляемых ими сословий, то на практике мелочная регламентация деятельности комиссии уже изначально глушила подобные попытки.

Отметим еще один фактор. По вступлении на престол Екатерина II столкнулась с необходимостью считаться с требованиями давшей ей трон аристократии. Не удовлетворенная «Манифестом о вольности дворянства» 1762 г., аристократия представила императрице новый проект дворянских прав вместе с проектом манифеста о восшествии на престол. Подписав последний, Екатерина задержала у себя первый документ, так как поощрение стремлений аристократии к независимости от государственной власти, ясно выраженных в проекте, отнюдь не входило в планы новой императрицы. Вместе с тем она не могла открыто отказать авторам проекта и вынуждена была создать в 1763 г. специальную комиссию, состоявшую из высших сановников и в силу этого также не способную создать угодный Екатерине проект, т. е. проект, учитывавший интересы не только аристократии, но и всех слоев дворянства, а следовательно, более соответствовавший политике абсолютистского государства²³. М. Т. Белявский справедливо отмечает, что эта «политика на укрепление позиций дворянства сочеталась с уступками другим классам и сословным категориям — купечеству, заводчикам, казацкой старшине, феодализирующейся знати национальных окраин, порой и отдельным категориям государствен-

ных крестьян», однако «все эти уступки делались только в таких размерах и в тех случаях, когда они способствовали интересам абсолютистского государства и не подрывали экономических и политических позиций дворян»²⁴. Любые уступки можно делать только за счет кого-то, а уступки купечеству и заводчикам, естественно, только за счет правящего класса — дворянства. Такие уступки не означали, конечно, подрыва экономического и политического господства дворянства, но ослабляли его позиции и объективно создавали предпосылки для развития буржуазных отношений. Думаю, что императрица вполне могла предвидеть некоторые конфликты, которые обнажились в Уложенной комиссии, и, созывая ее, намеревалась, в частности, столкнуть аристократию как с широкими кругами дворянства, так и с представителями других слоев общества. В этом смысле безусловно прав М. Т. Белявский, говоря, что созыв Уложенной комиссии должен был способствовать расширению социальной базы абсолютизма.

* * *

Уже на первом этапе дискуссии о правах дворянства с особой остротой встал вопрос о дослужившихся до дворянского звания. Поскольку в Большом Наказе лишь в самых общих выражениях говорилось о возможности получения дворянства за заслуги как в военной, так и в гражданской службе, многие депутаты воспользовались этой неопределенностью, чтобы прямо высказаться за отмену положений Табели о рангах. Представители родового дворянства во главе с М. М. Щербатовым ссылались при этом на то, что Табель о рангах и связанное с нею законодательство повлекли за собою стирание граней между отдельными сословиями, вызвали значительное увеличение численности дворян, мелких поместий, «унизили» дворянское достоинство, присоединив к «благородному» сословию «неродословных» людей. Подобная аргументация была не совсем добросовестной: результаты современных исследований показали, что «в большинстве случаев одворянивание части бюрократии не вело к появлению новых помещиков. Чиновники-дворяне получали лишь юридическое право владеть населенными землями»²⁵.

Решительность представителей аристократии объяснялась, в частности, неоднозначностью трактовки Табели о рангах и многочисленных поправок и дополнений к ней, сделанных Петром I и его преемниками. Многие депутаты утверждали, что учреждение Табели о рангах носило временный характер и было вызвано трудностями преобразовательной деятельности Петра I. По их мнению, с первой четверти XVIII в. отношение дворян к службе изменилось и, следовательно, отпала нужда в поощрении выходцев из других сословий²⁶. Часть депутатов, не высказываясь прямо за отмену петровских законов, предлагала ограничить права выслужившихся. Так, дворянские депутаты Н. Хомяков и И. П. Губарев предложили запретить дослужившимся до обер-офицерского звания по военной службе пользоваться дворянскими привилегиями после выхода в отставку, а по гражданской службе — покупать деревни. В этом же духе говорил депутат от ржево-владимирского дворянства И. М. Игнатьев. Отвечая на подобные выступления, депутат от однодворцев М. И. Давыдов предлагал или разрешить дослужившимся по гражданской службе покупать недвижимое имущество, или определять им пенсии.

По мнению многих дворянских депутатов, родовое дворянство должно было иметь перед выслужившимися определенные льготы по службе. Так, С. Скрипцын предлагал утвердить порядок награждения дворян, служивших в рядовых более 12 лет, обер-офицерским чином независимо от заслуг, а Б. А. Потемкин предлагал принимать на службу дворян с образованием сразу же присваивая им обер-офицерские чины. Таким образом, речь шла, по сути дела, о разделении дворянства на две категории с различными юридическими правами. Подобная точка зрения получила в Уложенной комиссии отпор со стороны мелкопоместного дворянства и других социальных групп. Один из наиболее известных

депутатов комиссии, Я. П. Козельский, выступая в защиту петровских преобразований, утверждал, что увеличение числа помещиков есть меньшее зло, чем разорение поместий в руках старого дворянства, а лишение выходцев из недворянской среды права на получение дворянства усердной службой устранил стимул к ней и тем самым принесет вред государству. Ссылаясь на прочитанные в Большом собрании законы о дворянстве, Козельский говорил, что не все дворянские роды произошли от самых знатных фамилий, а «получили дворянство сие добродетелью и превосходством службы»²⁷. К мнению Козельского присоединились 23 депутата от городов, чернососного крестьянства и однодворцев. Не случайно именно это выступление вызвало в ответ наиболее известную речь Щербатова, которую он произнес, по свидетельству дневной записки, «с крайним движением» и в которой доказывал «благородное» происхождение русского дворянства и его исторические заслуги перед Россией. Речь Щербатова, однако, не убедила сторонников Табели о рангах и никак не повлияла на соотношение сил. То, что представители родового дворянства остались в меньшинстве, видно из данных о количестве «согласившихся» депутатов. Так, если к выступавшим за отмену Табели о рангах А. Похвисневу и С. Нарышкину присоединилось по три депутата, то выступления ее защитников А. Янова и Н. Миронова собрали соответственно 15 и 14 голосов. 25 депутатов присоединились к мнению другого сторонника законов Петровского времени, И. Зарудного, видевшего их преимущество еще в том, что они привлекают в Россию иностранцев, остающихся на русской службе до конца жизни, в то время как русские дворяне часто вынуждены выходить в отставку, чтобы заниматься хозяйством в своих поместьях.

Весьма своеобразно толковал значение петровских преобразований служавший Герольдмейстерской канцелярии и известный публицист того времени Н. Н. Матонис, утверждавший, что они искоренили в России «подлое» сословие: «Земледелец, мещанин, дворянин, всяк честен и знатен трудами своими, добрым воспитанием и благонравием, а подлы те только, которые худые, противные законам, непристойные званию своему и общее свойство нарушающие имеют поступки, и которые, не радея о благе отечества, жизнь свою праздно провождают». По словам Матониса, и первые дворяне были тоже «мещане или земледельцы, люди не подлые, но добродетельные»²⁸. Ссылаясь на предисловие к Бархатной книге, зачитанное в Большом собрании, Матонис утверждал, что Петр I лишь узаконил всегда существовавший в России порядок производства в дворянство.

Авторы «Проекта правам благородных», контролируемые непосредственно генерал-прокурором, обошли вопрос о выслужившихся молчанием. Третья статья первой главы гласит: «Благородные разумеются все те, которые от предков того имени рождены, или вновь монархами сим нарицанием пожалованы»²⁹. Однако избежать обсуждения проблемы не удалось, хотя дискуссия и не приняла столь острый характер, как на первом этапе. Из 11 выступавших депутатов ни один на сей раз не решился выразить сомнение в правомерности законов Петра I, и лишь А. В. Нарышкин усомнился в целесообразности упоминания дослужившихся до обер-офицерского звания в тексте проекта, как предлагали другие депутаты, мотивируя это тем, что если таковые являются дворянами, то, следовательно, о них и идет речь в проекте, если же нет, то и упоминать о них в проекте не следует. Кроме того, Нарышкин утверждал, что в вопросе о принадлежности выслужившихся к дворянству Уложенная комиссия не компетентна. К мнению Нарышкина присоединились лишь 34 дворянских депутата, в то время как к мнению его оппонента А. А. Нартова — 113 человек. Здесь были депутаты от всех социальных групп, представленных в Уложенной комиссии, в том числе и те, кто выступал за отмену положений Табели о рангах на первом этапе дискуссии о дворянстве, и среди них М. М. Щербатов³⁰. Материалы Уложенной комиссии не раскрывают причин подобной перемены, тем более, что, как видно из публицистических сочинений Щербатова, его позиция не изменилась. Может быть, бесплодность дальнейшей

борьбы стала очевидной для лидера дворянской оппозиции: большинство было не на ее стороне, а императрица в этом вопросе явно не собиралась идти навстречу и никак не поощряла Щербатова и его сторонников.

Несколько необычное для этой эпохи мнение было высказано депутатом г. Дерпта профессором Я. И. Урсинусом, возражавшим против передачи дворянского звания по наследству на том основании, что многие дворяне незаслуженно пользуются привилегиями, доставшимися им от предков. Это, впрочем, была крайняя позиция, и сам Урсинус, «уступая несколько человеческой слабости», предлагал так сформулировать третью статью проекта: «дворяне суть все, кои августейшими нашими монархами чрез дипломы дворянским именем пожалованы, и законные тех людей дети, також и те, кои поныне в службе находились или впредь находиться будут и отправляют такие чины, к которым император Петр Великий присвокупил дворянство, и законные их потомки должны иметь участие в дворянстве»³¹. Варианты текста этой статьи, предлагавшиеся другими депутатами, отличались лишь стилистически. Поэтому во 2-ю редакцию проекта никаких существенных изменений внесено не было.

Другим насущным для дворянства вопросом, вызвавшим в Уложенной комиссии острые дискуссии, был вопрос о владении фабриками и заводами. В наказах дворянство просило отменить для дворян установленный Петром I порядок, согласно которому для заведения фабрик требовалось разрешение Берг- или Мануфактур-коллегии. Подобное установление значительно ограничивало привилегии дворян в этой области, занимавшей все более важное место в жизни Российского государства.

Вопрос о владении фабриками был впервые поднят на заседании Уложенной комиссии 17 сентября, когда депутат курского дворянства Ф. Языков заявил в своем «мнении», что «фабрикантам деревень иметь не надлежит», а следует лишь «дозволять им покупать землю под строение фабрик и по несколько человек для мастерства без земли»³². Он утверждал, что и дворянам не следует иметь фабрики, так как в стремлении получить наибольшие доходы они не нанимают работников со стороны, а используют собственных крестьян, принося этим вред сельскому хозяйству: вырванные однажды из деревни, эти крестьяне, как правило, уже не в состоянии бывают вернуться к своему прежнему труду. Языкову возражал депутат О. Кожин, указывавший на то, что работа на фабрике может поддержать крестьян в неурожайные годы, а также на большую пользу, приносимую фабриками государству. Он, однако, советовал держать фабрики только дворянам, не находящимся на государственной службе, отставным, а чтобы работа на фабрике не мешала сельскому хозяйству, ограничить ее временными рамками — с октября по апрель. Купцам же, по его мнению, фабрики держать вовсе не следовало. Причем аргументация его носила не столько сословный, сколько морально-этический характер: «Купцы... содержат оныя (фабрики. — А. К.) по большей части в городах и при них же харчевни, где работные люди проедаются, а в кабаках пропиваются и приходят от того в разные пороки»³³.

Обе эти точки зрения были крайними и не вызвали ответной реакции ни со стороны дворянства, ни со стороны купечества. Вновь к вопросу о владении фабриками Большое собрание вернулось лишь две недели спустя в связи с «мнением» депутата от купечества А. Попова, который утверждал, что если лишить купечество права владеть фабриками, то оно «и с ним вся коммерция притти может в всеконечное истребление». Попов предлагал не только разрешить купцам заводить фабрики, но и покупать для работы на них крестьян, а имеющим таких крестьян оставлять их в потомственное владение. Дворянству же, по его мнению, наоборот, следовало запретить владеть фабриками, чтобы «не торговали, а продавали бы только то, что у них в вотчинах экономией произведено быть может»³⁴. Мнение Попова, с которым согласились 69 депутатов из городов (почти треть всех избранных в Уложенную комиссию городских

депутатов), вызвало острую полемику, совпавшую по времени с чтением выписок из законов о купечестве.

Городские депутаты Р. А. Глинка (от г. Серпейска), С. Д. Солодовников (от г. Тихвина) и другие доказывали, что дворянству не следует участвовать в торговле и заводить фабрики, ибо «дворянство есть первый род в государстве и оное за службы к отечеству пожаловано поместьями и вотчинами... купечество за службы гражданския и другая отягощения пожаловано торговыми...»³⁵, что участие дворян в торговле унижает дворянское звание и вредит купечеству³⁶. Зачитав ряд выдержек из Большого наказа, Солодовников заключал, что если «всякой бы спокойно оставался в своем звании», то от этого была бы «немалая государственная польза»³⁷. Присоединяясь к мнению Солодовникова, городские депутаты указывали, что русское купечество и так, в отличие от купечества других европейских стран, не имеет достаточных привилегий и что работать на фабриках должны крепостные крестьяне. Глинка предлагал разрешить купцам первой гильдии покупать по 3—5 душ. На следующий же день, 3 октября, в Большом собрании было зачитано представление депутата от Коммерц-коллегии С. Межанинова, который, напротив, не только предлагал дворянам разрешить заводить фабрики, но и призывал их организовывать производство такой продукции, какой «еще в России не бывало»³⁸. Особую остроту дискуссия приобрела со вступлением в нее М. М. Щербатова, хотя в данном вопросе он не стоял на столь крайних аристократических позициях, как в вопросе о выслужившихся: в отличие от Кожина, Щербатов признавал и за купцами права на владение фабриками и приобретение земли под предприятия. Однако он возражал против покупки фабрикантами крестьян, считая, что это приносит вред сельскому хозяйству. Впрочем, он соглашался сохранить за владельцами фабрик уже купленных крестьян. Отмечая бедственное положение приписных крестьян, Щербатов полагал необходимым заботиться об условиях их жизни, постепенно переводя их на положение вольных в награду за «добрые нравы и лучшее знание искусства», определив им при этом «указанных лет выслужить в благодарность у того фабриканта». При продаже владельцами-недворянами фабрик им следовало вменить в обязанность продавать также и принадлежащие им деревни, причем эти последние непременно дворянам³⁹. Защищая свое право владеть фабриками, дворянские депутаты утверждали, что некоторые отрасли промышленности вообще не могут обойтись без участия дворян (например, традиционно находящееся в их ведении ткачество полотна, «доведенное до совершенства»)⁴⁰.

В «Проекте правам благородных» пункт о привилегиях дворянства в области торговли и промышленности был сформулирован более определенно, чем о выслужившихся: «На основании законов благородным дозволяется на своих землях и в своих деревнях заводить фабрики и заводы»⁴¹. Однако дискуссия по этой статье проекта протекала так же бурно, как и о выслужившихся. На этот раз брали слово почти исключительно городские депутаты, выступления которых теперь отличались большим единством. Общие требования были выражены депутатом от г. Яранска И. М. Антоновым, который предлагал ограничить дворянское предпринимательство исключительно переработкой того, что выращивают или добывают на помещичьих землях, и запретить покупать сырье. Дворянство пыталось защищаться, но перевес был явно на стороне городских депутатов. Результатом прений между депутатом Главного магистрата Н. Дурасовым и Я. И. Урсинусом было соглашение о том, что «комиссии о рудокопании, збережении и растении лесов и о торговле вообще должно рассмотреть, какие в деревнях надлежит заводить фабрики и сей закон не должен быть предосуждением тем законам, кои для общей пользы установятся»⁴².

С дискуссией о дворянских правах связано и обсуждение вопроса о «свободных деревнях», упоминавшихся в 13-й статье проекта, где, возможно, под влиянием Большого наказа, значилось: «Благородные могут, если пожелают,

право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных. Но свободных деревень паки на право крепостных переменить уже не можно»⁴³. В трех последующих статьях уточнялись права дворянства на продажу, наследование и дарение «свободных деревень». Часть дворянских депутатов вообще не поняла, что подразумевается под «свободными деревнями»; те же, кто понял, решительно отвергли положения этих статей проекта. Так, Щербатов утверждал, что крестьяне не нуждаются в освобождении, так как «час от часу богатея и благоденственнее становятся»⁴⁴. Это подтверждалось, по его мнению, расширением крестьянской торговли, на которое жаловалось городское население. Щербатов и другие дворянские депутаты требовали вовсе исключить статьи о «свободных деревнях» из «Проекта правам благородных». Тем не менее во второй редакции проекта статьи о «свободных деревнях» были оставлены практически без изменений⁴⁵, статья о владении фабриками несколько дополнена, и ее формулировка смягчена: «Благородная дозволяется на своих землях и в своих деревнях заводить фабрики и заводы с позволения Берг- и Мануфактур-коллегий, или тех мест, которым дела оных поручаются на основании предписанных тем коллегиям правил»⁴⁶.

Обсуждение дворянских прав и привилегий депутатами, съехавшимися со всех концов Российской империи, не могло не привести к столкновению интересов русского дворянства с интересами национального и местного дворянства окраинных губерний.

Первым заявило о себе в Большом собрании сибирское дворянство. Оно было относительно молодым (сложилось в основном к концу XVII в.) и в своем большинстве не могло похвастаться «благородным» происхождением, так как «постоянные кадры сибирских служилых людей» формировались, как правило, «в самой же Сибири из гулящих людей и ссыльных» и в значительной степени из казачества⁴⁷. При этом правительство уже тогда предпринимало шаги по выделению новых служилых людей в привилегированную сословную группу. Так, указ 1680 г. о поверстании на службу новых казаков «признавал, что право на несение гарнизонной службы в Красноярске принадлежит исключительно родственникам красноярских служилых людей, превращая эту службу в монополию местного служилого класса, а самый служилый класс в замкнутую касту»⁴⁸. На протяжении XVII — первой половины XVIII в. в Сибири медленно складывалось крупное землевладение, и среди служилых людей оказывались лица, обладавшие значительными даже для России состояниями. Так, сибирский губернатор Д. И. Чичерин, жалуюсь Екатерине II на двух заводских управителей, писал, что они, «ведя происхождение свое от рядовых казаков, подлейшего в Сибири народа, имеют чины сибирского дворянства и, получая жалованья от 10 до 15 рублей в год, имеют от 400 до 500 лошадей и множество всякого скота и богатства»⁴⁹. Однако в большинстве сибирские дворяне оставались малоземельными. В связи «со слабостью, а иногда даже полным отсутствием экономической основы привилегированного положения» на чин сибирского дворянина «смотрели как на должность», т. е. этот чин был не наследственным и означал именно чин, а не сословную принадлежность. В результате сибирские дворяне «оставались вне четкой сетки военных и гражданских чинов петровской Табели о рангах», что выражалось и «в позиции властей, устанавливавших строго ограниченное число дворян по штатным ведомостям и охотно записывавших не служивших потомков или близких родственников дворян в подушный оклад»⁵⁰.

На первом этапе дискуссии о правах сибирского дворянства спор возник между Щербатовым и депутатом от г. Енисейска С. Самойловым. Последний говорил о необходимости уравнивания сибирского дворянства в правах с русским. Щербатов же предлагал считать сибирских дворян лишь высшей степенью «среднего рода людей», а потому учредить особый «корпус сибирских дворян», сибирскому губернатору дать право производить в сибирские дворяне, и разрешить им при этом покупать земли, но только у инородцев. Щербатову возражал

депутат от Берг-коллегии А. А. Нартов, который настаивал на необходимости отмены понятия «сибирское дворянство», указывал на общую для большинства депутатов точку зрения, что только государь может жаловать дворянство, а никак не сибирский губернатор. И хотя пути получения дворянства в Сибири ни в коей мере не соответствовали аристократическим принципам, точка зрения Щербатова и его предложение создать «корпус сибирского дворянства» не получили в Уложенной комиссии сколько-нибудь значительной поддержки.

Иные отношения сложились между русским и прибалтийским дворянством. Наказы лифляндского рыцарства содержали требования признать за ним право на привилегии, данные в прошлые века польскими и шведскими королями. Эти требования возмутили русских дворян, на этот раз выступивших единодушно и в союзе с представителями городов. Депутат от г. Романова Е. Демидов, требуя для прибалтийских дворян равных прав с русскими, ссылаясь на исторические труды Вольтера и Ломоносова, а также «Кранцевы летописи»⁵¹ и утверждал, что «древних привилегий, на которые в чтении прав лифляндских жителей ссылка весьма часто бывает, в подлиннике не имеется»⁵². Так же относилось к претензиям лифляндского рыцарства и правительство. Можно считать, что его мнение выразил депутат А. Похвиснев, утверждавший, что все народы, входящие в состав Российской империи, должны управляться по одним законам и что такое единство способствует укреплению государства. В письме к П. А. Румянцеву Екатерина II писала: «Господа лифляндцы, от коих мы ожидали примерное поведение как в просвещении, так и в вежливости, не соответствовали нашему ожиданию»⁵³. Видя, что ситуация в Большом собрании складывается не в их пользу, лифляндские депутаты составили собственный проект своих прав и подали его императрице, но та его отвергла. Во время обсуждения «Проекта правам благородных» лифляндцы вновь попытались настоять на получении особых привилегий, но безуспешно.

Лифляндское рыцарство не было единственной национальной дворянской корпорацией, стремившейся получить подтверждение своих прав, данных в прошлые века. К тому же стремилось и украинское дворянство, положение которого, однако, было несколько иным. Известие об учреждении Уложенной комиссии было встречено на Украине без всякого энтузиазма; напротив, именно здесь произошло наибольшее количество неприятных для правительства эксцессов. В своих наказах малороссийское шляхетство открыто требовало восстановления гетманства и избрания гетмана совместно с Запорожской Сечью. Но так же, как и сибирское дворянство, украинское, как правило, не имело доказательств своего «благородства», из-за чего при выборах депутатов в Уложенную комиссию шляхтичи много ссорились, спорили, обвиняя друг друга в «подлом» происхождении. Поэтому представители украинского дворянства, выступая в Большом собрании, требовали дать им такие же знаки отличия, как русскому дворянству (дипломы, родословные книги). При обсуждении вопроса о выслужившихся депутаты украинских полков, как правило, выступали за сохранение положений Табели о рангах, рассчитывая, по-видимому, таким образом закрепить свое дворянство, если не останется иных способов. Разница в положении украинской шляхты и прибалтийского рыцарства была и в том, что с ликвидацией гетманства и превращением Украины в одну из губерний Российской империи была потеряна всякая надежда на возможность сохранения остатков самобытности социально-политического устройства, по сути несомненно более демократического, нежели в метрополии. Осознать это в полной мере в 1767 г. украинские дворяне, конечно, еще не могли, но они, бесспорно, ощущали необходимость приспособиться к новым условиям, любым способом влиться в состав правящего сословия.

На получение особых привилегий претендовало и смоленское дворянство. Однако правительство отнюдь не собиралось удовлетворять требования какого-либо местного дворянства. На заседании 9 сентября 1768 г. А. И. Бибииков, вероятно, по указанию императрицы, заявил: «А как от господ депутатов

лифляндского, эстляндского и финляндского дворянства, тож и от малороссийского и смоленского шляхетства и других... поданы так названные ими предохранения и требования, дабы тех провинций их собратия остались на особливых привилегиях и капитуляциях, а тем от права общих российских дворян изъятые были, но понеже комиссия... не может входить ни в какое разбирательство, касающееся до правления, а еще меньше — зависящее единственно от монаршей власти, они же предохранения не только в проекте прав благородных написаны, ниже приняты быть не могут»⁵⁴.

Из выступлений депутатов по вопросу о выслужившихся видно, что сторонники и противники законов Петровского времени равно нуждались в четком определении самого понятия «дворянство», а также принципов, позволяющих установить принадлежность к нему. Зачитанные в Большом собрании выписки из законов о дворянстве могли восполнить этот пробел лишь в незначительной степени. Попытка авторов первой редакции «Проекта правам благородных» дать определение дворянства была не слишком удачной: за основу ими был взят Большой наказ с заменой слова «дворянство» на «благородство». Однако именно это и вызвало возражения депутатов. «Ибо, — говорил В. Г. Баскаков, — слово „дворянство“ означает всегда либо достоинство или множество людей, имеющих оное достоинство, а благородством означаетя обыкновенно похвальное в человеке качество и добродетельные поступки вообще»⁵⁵. Тем не менее во второй редакции проекта «благородство» было сохранено, но сделано следующее примечание: «...благородство вообще означалось пред сим многими различными названиями, как то дворянством, шляхетством и тому подобным, но все сии названия, единое знаменование имеющие, ныне под именем благородства означаются»⁵⁶.

Не менее остро нуждался правящий класс второй половины XVIII в. и во внешних атрибутах дворянского достоинства — дипломах, гербах, родословных книгах. Об этом немало говорили депутаты Уложенной комиссии на ее заседаниях.

Указ о составлении новой родословной книги был издан Елизаветой Петровной еще в 1761 г.⁵⁷ Работа над ней велась, но не была окончена, а то, что было сделано, не удовлетворило аристократию, которая требовала разделения дворянства на «разряды» по происхождению⁵⁸. На этом же настаивали Щербаков и его сторонники в Уложенной комиссии, однако основная масса депутатов с ними не согласилась. По их мнению, все дворяне независимо от способа получения этого достоинства должны были пользоваться одинаковыми правами, а разница между титулованными и прочими заключалась лишь в обладании титулом. Во время обсуждения «Проекта правам благородных» кн. И. А. Вяземский предложил обратиться к Екатерине с просьбой о составлении новой родословной книги. Все депутаты комиссии, кроме Я. И. Урсинуса и Е. Борзова, согласились с этим предложением; последние же считали, что не следует утруждать императрицу рассмотрением дел, о которых должна заботиться Герольдмейстерская контора. И хотя сначала их выступления убедили большинство депутатов, однако решающим оказалось сообщение представителя Герольдии М. Н. Приклонского, что никакие работы по составлению родословной книги там не ведутся. Прошение было подано, а через некоторое время Бибииков сообщил депутатам, что императрица, рассмотрев прошение, «указала требовать мнение о сем Правительствующего Сената»⁵⁹.

Екатерина задала сенаторам четыре вопроса: «1. Надобен ли помянутый разбор дворянства? 2. Настоит ли ныне удобное к тому время? 3. Естьли настоит, то каким образом к сему разбору приступить? и 4. Какая положить к тому правила?»⁶⁰ В течение почти всего сентября 1768 г. Сенат изучал и обсуждал вопросы императрицы; некоторые материалы этого обсуждения сохранились в фонде Воронцовых Архива ЛОИИ. Здесь, в частности, имеется черновик мнения А. Р. Воронцова, в котором о способах доказательства дворянского происхождения говорится: «...о утверждении оных не на одном Разрядном

архиве надлежит полагатца, которой часто был разными случаями разорен, а наиболее утверждение онаго на Вотчинной коллегии по переписным и приправочным книгам, по которым значит дворянския роды, когда из оных за службы жалованы поместьными и вотчинными окладами»⁶¹. С этим мнением не согласились П. И. Панин, Д. В. Волков и Г. Н. Теплов — авторы доклада, который после дебатов в Сенате был подан императрице. Они указывали, что «в прежния времена и самым нижним приказным чинам и служителем вместо жалованья поместные оклады даваны были, почему просто поместные оклады, а не по дворянской службе, и не могут служить доказательством дворянства»⁶². В докладе подробно рассматривались как трудности составления родословной книги, так и необходимость такой работы. Большая же часть доклада была посвящена вопросу о том, кто может быть дворянином и какие существуют формальные доказательства принадлежности к дворянству, причем особое место было уделено дослужившимся до обер-офицерского звания. В принципе авторы доклада были согласны с положениями Табели о рангах, но полагали, что получение дворянства не должно автоматически следовать за обер-офицерским чином, а получивший такой чин должен сам обратиться к государю с прошением о пожаловании дворянства и только в том случае, если он официально откажется от своих купеческих прав. Авторы доклада также полагали, что дослужившихся до секретарского чина не в центральных, а в местных органах управления следует исключать из дворянского достоинства и, наоборот, причислять к нему состоящих «в статской и придворной, в архитекторском звании и их помощники, геодезии офицерах и других подобных сему службах... капитанскими, капитан-порутческими, порутческими и подпорутческими чинами»⁶³. По этому вопросу в Сенате возникли разногласия. П. И. Панин, М. Н. Волконский и Н. И. Чичерин настаивали на том, чтобы оставить дворянское звание за теми «городовыми секретарями», чьи отцы также имели секретарский чин или перешли в штатскую службу из военной с обер-офицерским чином. Доклад в целом, по мнению его авторов, должен был лечь в основу высочайшего манифеста о составлении новой родословной книги и последующей работы над ней.

Ставя перед правительством вопрос о составлении новой родословной книги, дворянские депутаты, например, депутат от романовского дворянства Н. Давыдов, требовали пожаловать дворянство дипломами «с сопряженными тому правами»⁶⁴. При этом депутат Ф. Языков предлагал произвести пересмотр всем дворянским фамилиям с тем, чтобы исключить из этого звания «недостойных», после чего считать дворянами только имеющих дипломы. А депутат от однодворцев М. И. Давыдов на том же заседании предлагал выявить доказательства на дворянство среди однодворцев и тех, кто сумеет доказать свое дворянское происхождение, исключить из однодворческого подушного оклада⁶⁵.

Однако лишь спустя несколько лет после закрытия Уложенной комиссии правительство приняло компромиссное решение: все дворяне получили общие права, но в родословных книгах, которые было повелено составлять по губерниям, дворяне делились на шесть разрядов по способу получения дворянства и степени знатности.

* * *

Такова в самом кратком виде фактическая сторона проблемы, вынесенной в заголовок статьи. Попробуем теперь на основе изложенных фактов охарактеризовать процесс консолидации правящего класса в начальный период екатерининского царствования и фактически накануне Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Однако прежде необходимо уточнить само понятие консолидации дворянства. Единой точки зрения по этому вопросу в литературе нет. Основной ошибкой многих авторов, на мой взгляд, является

отождествление этого понятия с понятием формирования класса дворян, т. е. фактически ставится знак равенства между понятием консолидации и классообразования, само слово «консолидация» используется как синоним слова «объединение». Так, М. Т. Белявский прямо говорит о «консолидации господствующего класса в единый класс-сословие дворян»⁶⁶. При этом хронологические рамки процесса консолидации оказываются неправомерно растянутыми: по мнению Н. Л. Рубинштейна, он имел место уже в XVI в., с ним солидарен А. Н. Котляров⁶⁷. При подобной трактовке понятия консолидации окончание этого процесса совпадает с образованием класса-сословия дворян, т. е. завершается уже в первой четверти XVIII в.⁶⁸ М. Т. Белявский полагал, что процесс консолидации был более длительным: он имел место «в конце XVII — первой половине XVIII в.», однако отмечал как важный этап консолидации событие, произошедшее уже во второй половине XVIII в., — секуляризацию церковного землевладения в 1764 г.⁶⁹

Правящий класс допетровской России состоял из многочисленных сословных групп, очень несхожих между собой. Это не только московское дворянство и дворянство провинциальное, служилые люди «по отечеству» и «по прибору», но это и отдельные городские корпорации, почти не связанные друг с другом и подчас различающиеся и по внутреннему устройству. Эта разнородная масса в целом обладала такими отличительными признаками класса, как общность отношения к средствам производства, общность роли в общественной организации труда, но все это не было закреплено и оформлено в законах и, более того, правовое положение отдельных сословных групп, входивших в правящий класс, было различным. Процесс классообразования дворянства в значительной степени и представлял собой постоянную ликвидацию различий в социально-правовом положении отдельных групп правящего класса, изменение положения и значения среднего и мелкого служилого дворянства (последнее в значительной степени было следствием модернизации армии: усиление в ней значения пехоты, организация полков «нового строя», а затем и введение рекрутских наборов). Уложение 1649 г., окончательно закрепившее за дворянством привилегию владения крепостными, отмена местничества⁷⁰, завершение процесса слияния поместья и вотчины, оформление сословной категории однодворцев, введение, наконец, Табели о рангах⁷¹ — все это этапы образования класса дворян. Дату появления последнего из упомянутых законодательных актов — 1722 г. — и можно, думается, считать датой завершения процесса классообразования дворянства.

Однако как нельзя было отобрать старые чины у тех, кому они были уже пожалованы⁷², так невозможно было законодательным путем уничтожить и те внутридворянские противоречия, которые складывались на протяжении столетий⁷³. Невозможно, конечно, было создать единовременным актом и классовое самосознание. Именно на это, т. е. на ликвидацию внутридворянских противоречий и выработку классового самосознания дворянства, и был нацелен процесс консолидации (упрочения, укрепления, сплочения) дворянства как правящего класса. Другими словами, на мой взгляд, целесообразно разделить понятия классообразования дворянства и его консолидации, учитывая, что первый процесс завершился в Петровское время, и подразумевая под вторым эволюцию дворянства в последующий период. Собственно говоря, о консолидации дворянства и может идти речь лишь тогда, когда это сословие уже сформировалось.

Попытаемся теперь представить себе, что представляло бы собой российское дворянство, если бы процесс консолидации был уже завершен. Прежде всего оно должно было бы обладать юридическими нормами, четко регламентирующими его права как правящего класса, определяющими его права и привилегии по сравнению с другими социальными группами и превращающими его в замкнутую корпорацию⁷⁴. Во-вторых, должна была бы быть ликвидирована разница в правовом положении отдельных групп дворян, не равных по происхождению, имущественному положению, и, как следствие, уничтожены основанные на ней

противоречия. В-третьих, должны были быть ликвидированы противоречия и различия между русским дворянством и дворянством национальных окраин, прежде всего Сибири, Украины, Прибалтики, основанные на неодинаковом правовом статусе. Наконец, в-четвертых, дворянство должно было бы обладать единым классовым сознанием, в данном случае — осознанием себя правящим классом со специфическими правами, привилегиями и запросами. Такова идеальная модель правящего класса дворян, процесс консолидации которого уже завершился. Как всякий идеал, и эта модель вряд ли была достижима (ниже станет отчасти понятно почему). Материалы Уложенной комиссии 1767 г. дают возможность выяснить состояние процесса консолидации в этот период, выяснить, насколько приблизилось дворянство к своей «идеальной модели» за время, прошедшее с петровских преобразований.

Прежде всего бросается в глаза своеобразие влияния Табели о рангах на процесс консолидации. Если в XVII в. интересы дворянства и правительства не противоречили друг другу и последнее ограждало дворянскую среду от проникновения в нее недворянских элементов, то к первой четверти XVIII в. ситуация стала меняться: реформы в области государственного управления, судопроизводства и организации армии потребовали соответственно и новых, бюрократических принципов формирования общества и чиновничества. Они были провозглашены в 1722 г. в Табели о рангах, узаконившей получение дворянства всеми дослужившимися по военной или гражданской службе до чина 8-го класса. Дворянство сразу же разделилось на старое родовое и новое выслужившееся, и, таким образом, появилась почва для новых внутрдворянских противоречий, поскольку родовое дворянство не могло не видеть в выслужившемся конкурента в получении прибыли от монопольного владения поместьями и крепостными. Процесс превращения дворянства в замкнутую корпорацию был прерван. Однако одновременно усилился рост дворянского самосознания, стирались противоречия между отдельными группами: перед лицом опасности со стороны выслужившегося дворянства родовое дворянство сплачивалось, забывая о старых спорах. Таким образом, если вопрос о ликвидации различий в правовом положении отдельных групп дворянства был ко второй половине XVIII в. решен правительством законодательным путем, то на превращении правящего класса в изолированную корпорацию это же законодательство сказалось отрицательно. Как отмечал С. М. Троицкий, «приток людей, получивших дворянство за государственную службу, находился в явном противоречии с тенденцией к обособлению различных разрядов служилых людей по отчеству в замкнутое привилегированное сословие, вполне ясно наметившейся еще в XVII в. и усилившейся в первой половине XVIII столетия», причем этот приток «влиял на состав и имущественное положение правящего класса... до известной степени изменял его социальный облик в период позднего феодализма», в результате чего российское дворянство так и не превратилось в изолированную корпорацию «вплоть до своей гибели в октябре 1917 г.»⁷⁵ Хорошо известно, что и екатерининское, и все последующие правительства делали все возможное, чтобы не допустить «размыв» дворянства, однако тот факт, что положения Табели о рангах, вызвавшие такой гнев аристократии в Уложенной комиссии, так и не были отменены, явно свидетельствует о вынужденном маневрировании абсолютистского государства.

Если Уложенная комиссия была призвана выработать законоположения, определяющие в государстве место различных сословий, то дворянству нужны были юридические нормы, формулирующие его права и привилегии как правящего класса. Требования дворянства были ясно изложены в наказах, причем здесь проявилось значительно большее единство, чем впоследствии при обсуждении прав выслужившихся. Претензии дворянства носили сугубо практический характер и сводились прежде всего к приобретению монопольных прав на владение крепостными, а также широких прав в области торговли и промышленности, что заставило дворянство столкнуться с другой социальной группой

того времени — нарождавшейся буржуазией. Активное участие дворянства в промышленности и торговле, как показано советскими историками⁷⁶, было одной из характерных черт переходного периода от феодализма к капитализму в России.

Дискуссии в Уложенной комиссии, выявив существующие противоречия между дворянством и зарождающейся буржуазией, показали, что ни тот, ни другой класс не обладал еще внутренним единством. С одной стороны, купечество в традициях средневекового сознания рассматривало занятия торговлей и промышленностью как свою сословную привилегию. С другой, необходимость покупки земли под строительство фабрик и поиски рабочей силы в условиях крепостничества заставляли его вступать с дворянством в определенные экономические отношения и, следовательно, идти на уступки. Дворянство, в свою очередь, признавая роль купечества в промышленности и торговле, ни в коей мере не собиралось отказываться от получения дополнительных доходов за счет предпринимательства. Его развитие приводило к тому, что «дворяне вступали в тесный контакт с русскими и иностранными купцами, промышленниками, посадскими людьми, своими и чужими торгующими крестьянами, банкирами, владельцами судов». Своеобразное, по выражению С. М. Троицкого, «обуржуазивание» дворянства вело к тому, что «уже к середине XVIII в. начал складываться союз дворянина-чиновника и купца-промышленника, причем иногда дворянин сам был в то же время купцом-предпринимателем, не брезговавшим никакими способами для увеличения своих доходов и широко использовавшим свое положение в государственном аппарате»⁷⁷. Одновременно с «обуржуазиванием» дворянства шел и процесс своего рода «одворянивания» буржуазии через ее представителей, попавших в состав бюрократии. Все это создавало возможность компромисса между дворянством и буржуазией и определило появление в Уложенной комиссии компромиссных по сути проектов законоположений о владении фабриками, землей под них, о найме рабочей силы. Закрепление за дворянством прав на участие в торговле и промышленности безусловно укрепляло правящий класс, его экономическое и политическое господство, т. е. способствовало процессу консолидации.

Ход дискуссий в Уложенной комиссии ярко свидетельствует об отсутствии единства русского дворянства и дворянства национальных окраин. Как уже говорилось, существовали группы, стремившиеся к ассимиляции с русским дворянством, что предполагало повышение их социального статуса, но была и значительная группа прибалтийских дворян, выступавших за автономию. Позиция последних не получила какой-либо поддержки правительства. Как справедливо отмечал Я. Зутис, «просвещенный абсолютизм в России отличался от западноевропейского рядом особенностей, которые придавали ему еще более непримиримый по отношению ко всякой автономии характер... бюрократическая теория просвещенного абсолютизма Екатерины II являлась прямым отрицанием всякой областной обособленности и оправданием всех правительственных мероприятий по укреплению самодержавной власти и установлению строго централизованной системы административного управления. Проводя такие мероприятия, она не считалась ни с историческими, ни с национальными или географическими особенностями отдельных районов обширной империи»⁷⁸.

Активно выступая против привилегий прибалтийского дворянства, русские дворяне оказались равнодушными к судьбе прав и привилегий представителей правящего класса в Сибири. Это обстоятельство позволяет судить об уровне дворянского классового самосознания, в основе которого лежал не столько сословно-аристократический, сколько охранительный принцип, стремление защитить свое общественное и материальное положение. Если увеличение числа дворян за счет выслужившихся означало для родового дворянства затруднения в продвижении по служебной лестнице, частичную ликвидацию привилегий, связанных с происхождением, то имевшее незначительную земельную собственность в Сибири и там же служившее сибирское дворянство не представляло

для русских дворян непосредственной угрозы. Здесь, таким образом, налицо определенная ограниченность взглядов дворянских депутатов на права и привилегии представляемого ими сословия. К такому же выводу пришли и исследователи, изучавшие дворянские наказы: «... дворянство в гораздо меньшей степени просило о привилегиях в личных правах, чем о материальных льготах»⁷⁹. Но в вопросе о сибирском дворянстве была и другая сторона. Во-первых, то, что предлагал Щербатов, уже имело прецедент в русской истории: таково было в XVI — начале XVII в. положение служилых людей Новгорода, Пскова, Казани и других городов, незадолго до этого вошедших в состав Русского государства⁸⁰, как и Сибирь в XVIII в. Как и сибирское дворянство, служилые люди этих городов не были местными по происхождению. Во-вторых, проект Щербатова был весьма близок к реально существовавшему положению, речь шла лишь о его законодательном оформлении и о придании понятию «сибирский дворянин» значения социальной категории, а не чина. Однако очевидно, что во второй половине XVIII в., в условиях развитого абсолютизма выделение сибирского дворянства в отдельную корпорацию шло вразрез с общей тенденцией консолидации господствующего класса, в целом отвечавшей интересам и самого дворянства, и правительства.

Тот факт, что принципы материальной выгоды в сознании русского дворянства превалировали над сословно-аристократическими, конечно, не случаен. Ведь, как отмечал американский историк Дж. Блюм, само «сознание принадлежности к одному классу возникло (у русских дворян. — А. К.) лишь в правление Петра I»⁸¹. Вместе с тем, как видно из высказываний дворянских депутатов, ко времени воцарения Екатерины II дворянство уже вполне четко представляло себе границу, отделявшую его от остальных сословий, в полной мере ощущало себя привилегированным классом, играющим главную роль в управлении государством. При этом оно усвоило фразеологию просвещенного абсолютизма и научилось ловко ею манипулировать: практически вся аргументация дворянских депутатов по вопросам промышленности основывалась на принципе государственной пользы, ссылки же на монопольное право дворян на владение землей и крепостными почти полностью отсутствуют. Русскому дворянству была также чужда характерная для дворянства некоторых западноевропейских стран мысль о том, что предпринимательская деятельность унижает дворянское достоинство. Здесь вновь сословно-аристократические принципы оттесняются соображениями материальной выгоды, что, очевидно, объясняется недостаточной развитостью этих принципов.

Непосредственное отношение к проблеме формирования дворянского самосознания имеет вопрос об эволюции значения и употребления понятия «дворянин». Выше уже говорилось об отсутствии четкого определения этого понятия. Это проявлялось не только в сознании общества, но и в официальных документах. Так, говоря о сибирском дворянстве, М. М. Громыко указывает: «В 1765 г. Василий и Ефим Текутевы в официальных бумагах назывались „жителями“ деревни Борковской... Такой прием нередко употреблялся в сибирском делопроизводстве в неясных и затруднительных случаях». Исследовательница отмечает также употребление таких понятий, как: «служил там-то в дворянах», «отставной дворянин», «из детей боярских» и т. д.⁸² Однако с аналогичным положением мы встречаемся не только в Сибири, но и на юге. Так, в материалах Ряжской воеводской канцелярии конца 40-х, 50-х и даже 60-х гг. XVIII в. в официальных документах слово «дворянин» часто употребляется там, где согласно формуляру должен быть назван чин, и лишь со второй половины 50-х гг. на смену слову «дворянин» приходит слово «помещик». Встречаются здесь и такие словосочетания, как «отставной дворянин» и даже «отставной недоросль»⁸³. Подобное положение связано, конечно, с наличием здесь такой же сословной пестроты внутри одной и той же семьи, как и в Сибири.

Как видно из вышеизложенного, дворянство второй половины XVIII в. не обладало единством взглядов на целый ряд существеннейших вопросов

своего правового положения, в том числе и на получение дворянского достоинства. Не существовало и единства взглядов на крепостное право. Большинство дворян, прежде всего из провинции, было за сохранение крепостнических порядков в неизменном виде, но из дворянской среды вышли и противники таких порядков, как, например, Г. С. Коробьин, Я. П. Козельский, а также другие депутаты Уложенной комиссии, разделявшие их взгляды: спустя неделю после выступления Коробьина в защиту крепостных он получил 260 голосов из 306 возможных при выборах в частную комиссию, что, безусловно, было проявлением симпатий к его позиции.

* * *

Материалы Уложенной комиссии 1767 г. убедительно свидетельствуют о том, что процесс консолидации дворянства в России в третьей четверти XVIII в. был еще далек от завершения: этому препятствовали и внутридворянские противоречия, и недостаточно развитое классовое самосознание, и, что самое главное, постоянный приток в ряды дворянства недворянских элементов. Эта незамкнутость дворянской корпорации тормозила завершение процесса консолидации правящего класса и позднее, когда уже произошло законодательное оформление прав и привилегий дворянства, созданы органы дворянского сословного управления, составлены губернские родословные книги.

Длительность и незавершенность процесса консолидации русского дворянства объясняется, на мой взгляд, тем, что процесс этот по времени не предшествовал, но совпал с периодом разложения феодального общества. Специфические черты консолидации дворянства в России как одного из важнейших социальных процессов периода позднего феодализма предопределили и его влияние на другие социальные и социально-политические процессы. Так, отказываясь идти навстречу аристократии и маневрируя в интересах различных социальных групп, абсолютистское государство объективно действовало в интересах дворянства, ибо «... чем больше способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»⁸⁴. Следовательно, незамкнутость правящего класса вела к сохранению феодальных порядков и препятствовала развитию капитализма, а соответственно, и присущих ему социальных процессов. Вот почему «стремление выходцев из других социальных слоев войти в состав дворянства способствовало консервации сословности и явилось негативным фактором в процессе формирования буржуазии, ее классового самосознания»⁸⁵. Сам же процесс формирования буржуазии как класса изначально протекал в условиях неизбежного компромисса с дворянством, связанного и с его «открытостью» и необходимостью сотрудничества в торговой и предпринимательской деятельности. В результате взаимоотношения этих двух классов не приобрели столь остроантагонистический характер, как, например, в Англии или Франции, а русская буржуазия так и не стала революционным классом.

Эти обстоятельства сыграли немаловажную роль и в политическом, социальном и экономическом развитии России всего дореволюционного периода, сказались и на характере самой революции.

Примечания

¹ Б-ва С. Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху // Вестник Европы, 1876, № 1; Абрамов Я. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии // Северный вестник, 1886, № 4; Богословский М. М. Дворянские наказания в Екатерининскую комиссию 1767 г. // Русское богатство, 1897, № 6—7; Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 г. // Русская старина, 1915, № 1—5.

² Авсеенко В. Г. Малороссийское шляхетство в 1767 г. // Русский вестник, 1863, № 8; его же. Малороссия в 1767 г. Киев, 1864; Теличенко В. Сословные нужды и желания малороссиян в эпоху Екатерининской комиссии // Киевская старина; 1890, № 10—12; 1891,

№ 1—2; Пичета В. Наказы украинских городов 1767 г. // Украинская жизнь, 1915, № 10; Максимович Г. А. Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Нежин, 1917.

³ Брикнер А. Князь М. М. Щербатов как член Большой комиссии 1767 г. // Исторический вестник, 1881, № 10.

⁴ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887, т. 1, с. 185—424.

⁵ Богословский М. М. Указ. соч., с. 49.

⁶ Белявский М. Т. Однودворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.). М., 1984; Горюхова Е. Г. Наказы крестьян Русского Севера в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. как исторический источник: Канд. дис. М., 1982; Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России. М., 1964; Иванов П. В. К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та, 1954, т. 3; Коровайников В. Ю. О наказах приписных крестьян, мастеровых и работных людей в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980; Лаппо Ф. И. Наказы однودворцев как исторический источник // Исторические записки, т. 35; Недосекин В. И. О дискуссии по крестьянскому вопросу в России накануне восстания Пугачева // Известия Воронежского гос. пед. ин-та, 1967, т. 63. Новый подход — комплексное изучение наказов на основе системного анализа — намечен в работе А. Н. Медушевского «Наказы в Уложенную комиссию 1767—1769 гг. как источник изучения социальных противоречий эпохи» (Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987, с. 147—181).

⁷ Исключение составляет лишь монография М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» (М., 1965), в которой приводится обстоятельное изложение хода дискуссий, в том числе и по дворянскому вопросу. Автора, однако, интересовали аспекты дискуссий, имеющие отношение к основной теме его книги — формированию антикрепостнической идеологии.

⁸ Обращение к подлинным документам связано с недостатками публикаций в Сборниках РИО. См.: Сергеевич В. И. Предисловие к Сборнику РИО, т. 32. М., 1981.

⁹ ЦГАДА, ф. 342, д. 245, л. 48—128 (в деле утеряна часть листов).

¹⁰ Сергеевич В. И. Откуда неудачи Екатерининской комиссии // Вестник Европы, 1878, № 1, с. 208—209.

¹¹ Там же, с. 208.

¹² Сводные данные о степени активности депутатов см.: Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России..., с. 84—85.

¹³ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 1, л. 71—71 об.

¹⁴ Там же, д. 130, ч. 1, л. 5а—5б.

¹⁵ Там же, ч. 2, л. 2.

¹⁶ Там же, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 14.

¹⁸ Там же, д. 114, ч. 3, л. 15—20.

¹⁹ Там же, л. 215.

²⁰ Недосекин В. И. Об изучении наказов в законодательную комиссию 1767 г. // Источниковедение отечественной истории. 1979 год. М., 1980, с. 192.

²¹ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России..., с. 73.

²² Его же. Однودворцы Черноземья..., с. 6.

²³ Кстати сказать, тот факт, что Екатерина в течение пяти лет могла противостоять натиску своего ближайшего окружения и не подписывать новый законопроект дворянских прав, свидетельствует о том, что положение ее было значительно более устойчивым, чем это принято обычно считать.

²⁴ Белявский М. Т. Однودворцы Черноземья..., с. 5—6.

²⁵ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974, с. 315.

²⁶ Заметим, что подобного рода аргументация была знакома уже членам Комиссии 1763 г. (см.: Троицкий С. М. Комиссия о вольности дворянства 1763 г. // Россия в XVIII в. М., 1982, с. 175).

²⁷ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 1, л. 81 об.

²⁸ Там же, л. 74—74 об.

²⁹ Сборник РИО, т. 32, с. 577. Поскольку все копии «Проекта правам благородных» не отличаются друг от друга и соответствуют тексту публикации, ссылки на статьи проекта даются по этой публикации.

³⁰ М. Т. Белявский, по-видимому, не заметил этого факта, когда писал о поощрении Щербатова Екатериной II; к тому же и вся последующая служебная карьера историка не свидетельствует о симпатиях императрицы к самому яркому оратору Уложенной комиссии (Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России..., с. 248).

³¹ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 3, л. 33.

³² Там же, ч. 1, л. 71.

³³ Там же, л. 84.

³⁴ Там же, л. 104—104 об.

³⁵ Там же, л. 139.

³⁶ Налицо средневековая идея разделения сословных занятий, не свойственная, как мы увидим, русскому дворянству.

³⁷ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 1, л. 174.

³⁸ Там же, л. 109 об.

³⁹ Там же, л. 116—117 об.

⁴⁰ Там же, л. 214—215.

⁴¹ Сборник РИО, т. 32, с. 582.

⁴² ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 3, л. 191 об.

⁴³ Сборник РИО, т. 32, с. 580.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 342, д. 244, л. 88.

⁴⁵ Подробное изложение хода дискуссии о «свободных деревнях» см.: Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России..., с. 243—249.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 342, д. 220, ч. 1, л. 73 об.

⁴⁷ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968, т. 2, с. 110.

⁴⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959, т. IV, с. 63.

⁴⁹ Цит. по: Соловьев С. М. История России, кн. 14, с. 23.

⁵⁰ Громыко М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири периода феодализма. М., 1973, с. 357—359.

⁵¹ Имелось в виду сочинение немецкого средневекового богослова и историка Альберта Кранца (вторая пол. XV—1517 г.) «Chronica Regnorum Agri Ionarium, Daniae, Suetiae, Norvegiae».

⁵² ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 1, л. 268.

⁵³ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1850, т. III, с. 195. (Почти полный текст этого письма привел С. М. Соловьев: История России, кн. 14, с. 116—117).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 3, л. 158—159.

⁵⁵ Там же, л. 31 об.

⁵⁶ Там же, д. 220, ч. 1, л. 36.

⁵⁷ ПСЗ, т. 15, № 11340.

⁵⁸ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870, с. 44.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 342, д. 114, ч. 3, л. 155.

⁶⁰ Там же, д. 254, л. 1.

⁶¹ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 398, л. 245—245 об.

⁶² ЦГАДА, ф. 342, д. 254, л. 9.

⁶³ Там же, л. 10 об.

⁶⁴ Там же, д. 114, ч. 1, л. 78.

⁶⁵ Там же, л. 71—72.

⁶⁶ Белявский М. Т. Однودворцы Черноземья..., с. 17.

⁶⁷ Рубинштейн Н. Л. Дворянство // Советская историческая энциклопедия, т. 5, стб. 23; Котляров А. Н. Эволюция служебных отношений и ее влияние на консолидацию господствующего класса в России в XVI в. // Тезисы докладов IX научной конференции студентов и аспирантов. Новосибирск, 1971, с. 9—11.

⁶⁸ См., напр.: Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982, с. 135—137.

⁶⁹ Белявский М. Т. Однودворцы Черноземья..., с. 17.

⁷⁰ Интересный культурологический аспект отмены местничества как «законодательного отклика на проблему соревнования поколений» показал А. М. Панченко. Нельзя, однако, согласиться с его мыслью о том, что «отмена местничества санкционировала русский фаворитизм». По сути дела, это повторение мысли М. М. Щербатова, высказанной в сочинении «О повреждении нравов в России», но фавориты были у русских царей и до 1682 г., и до этого приходили к власти фамилии, девицы из которых «стали царскими женами», достаточно вспомнить Бориса Годунова. (Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 152—154).

⁷¹ Ю. М. Лотман рассматривает введение Табели о рангах как вообще изменение взаимоотношения дворянина и государства, принцип договора пришел на смену принципу «вручения себя» (Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности / Ученые записки Тартуского гос. ун-та, 1981, с. 3—16). Думаю, однако, что такое изменение произошло позже, после Манифеста 1762 г.

⁷² Г.-Ф. Миллер во время путешествия по Сибири (1733—1743 гг.) «застал еще... в одном городе одного дьяка и одного секретаря за одним столом дела секретарские справляющих» (Миллер Г.-Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1790, с. 235).

⁷³ В определенном смысле рецидивом этих противоречий были события 1730 г., сопровождавшие вступление на престол Анны Ивановны.

⁷⁴ Под замкнутостью дворянской корпорации имеется в виду не полная изолированность от проникуемых извне, но отсутствие постоянного узаконенного притока недворянских элементов.

⁷⁵ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство..., с. 115, 151, 315.

⁷⁶ Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII—XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960, с. 54—75; его же. История металлургии в России в XVIII в. М., 1962, с. 387—457; Волков М. Я. Очерки истории промыслов в России. М., 1979, с. 291—313 и др.

⁷⁷ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство..., с. 362.

- ⁷⁸ З у т и с Я. Остзейский вопрос в России в XVIII в. Рига, 1946, с. 289—290.
- ⁷⁹ Богословский М. М. Указ. соч., № 7, с. 152.
- ⁸⁰ См.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Вступительная статья // Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. М., 1979, ч. 1, с. 32.
- ⁸¹ Blum G. Lord and Peasant in Russia, N. Y., 1964, p. 345.
- ⁸² Громыко М. М. Указ. соч., с. 355, 359.
- ⁸³ ЦГАДА, ф. 566, оп. 1, 1749 г., д. 53, 160; 1752 г., д. 102, 150; 1755 г., д. 10, 178, 214, 219; 1756 г., д. 103; 1758 г., д. 44, 58; 1759 г., д. 80; 1761 г., д. 23; 1762 г., д. 93; 1765 г., д. 10, 17.
- ⁸⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 150.
- ⁸⁵ Кошман Л. В. К вопросу о формировании русской буржуазной нации // Истории СССР, 1986, № 5, с. 61.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.

Краткий очерк (1917—1945 гг.)

В Институте истории СССР АН СССР завершается подготовка научно-популярной книги «История советского общества. Краткий очерк» (ч. 1. 1917—1945 гг.). Ее авторами являются: член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков, доктора исторических наук Ю. С. Борисов, В. П. Данилов, В. П. Дмитренко, Г. А. Куманев, В. С. Лельчук, В. Я. Сиполс, Г. А. Трукан. Предполагается, что отдельным изданием «Очерк» выйдет в 1991 г. В течение 1990 г. журнал «История СССР» будет публиковать его в сокращенном варианте.

Цель настоящей работы — в какой-то степени удовлетворить резко возросший в условиях перестройки интерес общественности к истории Октября и послеоктябрьского развития страны. Сейчас все отчетливее наблюдается стремление ликвидировать «белые пятна» в освещении истории страны, вернуть незаслуженно забытые имена, отказаться от застарелых схем узкопонятого классового подхода. Новые факты, события, фамилии, оценки выстраиваются в новые исторические и логические ряды, требуют новых подходов и выводов. Под напором этого обновленческого потока сметаются искусственные наукообразные построения. Суровое испытание проходит и ряд «устоев». Действительно, достаточно ли определения «социалистическая» для раскрытия всего величия (по предпосылкам, причинам, содержанию, историческому значению, воздействию на весь мир) Октябрьской революции? Можно ли ограничиться выделением лишь полярных лагерей — революции и контрреволюции — при осмыслении причин, масштабов, динамики, ожесточения гражданской войны? Произошла ли лишь смена форм экономической политики при переходе от «военного коммунизма» к нэпу? Была ли понята и принята ленинская концепция социалистической революции и ее перспектив, получила ли она адекватное отражение в плане построения нового общества, осуществлявшемся с середины 20-х гг.? Таких и подобных вопросов набирается много. Дискуссионными представляются и отдельные положения, появившиеся в историографии в последние годы и претендующие на роль новых «устоев». В их числе — о логической и исторической связи марксизма, ленинизма и сталинизма, об альтернативах Октябрю и сталинской политике индустриализации и коллективизации, об утрате Лениным перспективы построения социализма в Советской стране, о сущности советской модели (состоящей из ряда чередующихся моделей) социализма, о чертах и противоречиях возникшего к концу 30-х гг. общественного строя.

Вопросы, вопросы, вопросы... Они подводят к пониманию необходимости не «латания» созданной ранее картины революционной перестройки общества, а выработки новой концепции. В ее основе должны лежать подсказанные жизнью, опытом XX в. выводы о реальной динамике различных общественных систем и ходе их соревнования, о соотношении общедемократических и социалистических задач в рамках переходного периода, о сложном взаимодействии масс, наций, классов, партий, личностей, о роли научно обоснованных и ошибочных ходов, реальных достижениях и просчетах, победах и поражениях. Есть ли сегодня такая концепция? Нет. И закономерно нет. Она может сложиться только на базе развитой историографии.

Предлагаемый «Краткий очерк» является одной из первых попыток привести в некую систему то, что разработано учеными-обществоведами на этапе перестройки, продвинулось в осмыслении логики и диалектики переходного периода, его закономерностей и особенностей, важнейших рубежей и итогов. Читатель легко заметит фрагментарность, различие подходов в освещении событий. Публикуя в журнале главы этого труда, авторский коллектив рассчитывает на активную реакцию читателя, на его требовательную оценку избранных направлений, делаемых акцентов, предлагаемых выводов. В читательских письмах, дискуссионных материалах, возможно, и альтернативных текстах мы будем искать пути совершенствования издания, не отказываясь от права на авторскую позицию, но проверяя ее аргументированной критикой.

В. П. Дмитренко, заместитель директора
Института Истории СССР АН СССР.

Глава первая

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРАЯ ПОТРАЯСА МИР

Г. А. ТРУКАН

Победа пролетарской революции в России была в своем роде феноменальным явлением, которое не случайно потрясло весь мир. Со времен Маркса считалось, что такая революция — удел развитых государств. Почему же Россия — страна, заметно отстававшая в социально-экономическом развитии от передовых капиталистических держав, первой вступила на путь социалистического строительства? Было ли это проявлением магистральных тенденций мирового развития или отклонением от них? Не совершили ли большевики насилие над историей, свернув с «нормального», буржуазно-демократического пути? Возможен ли был тогда, в 1917 г., другой, не революционный выход из кризиса российского общества?

Эти и многие другие вопросы истории Великого Октября продолжают вызывать споры и сегодня. Значение переломных событий в жизни человечества познается по мере того, как раскрываются все новые грани рожденных ими долговременных процессов. Вот почему, стремясь осмыслить окружающую нас действительность, представляющую собой наследие Великого Октября, мы вновь и вновь обращаемся к его истории, чтобы полнее воссоздать достоверный образ Революции — прочную духовную опору в перестройке, обновлении советского общества.

ВЫБОР ПУТИ

К 1917 г. Россия являлась страной второго эшелона капитализма. Она не прошла в полном объеме капиталистической стадии, в ней наблюдался резкий контраст между относительно развитыми центральными районами и обширной провинцией, не освободившейся от остатков средневековья и патриархальности. В 1913 г., в период высшего экономического подъема, Россия занимала пятое место в мире по объему промышленного производства, но по производству промышленной продукции на душу населения отставала, например, от США почти в 13 раз¹.

В нашей историографии до сих пор ощущается стремление подтянуть Россию по уровню и типу капиталистического развития к западноевропейскому образцу и не всегда полностью учитываются специфические условия страны. Важным показателем капиталистической зрелости является соотношение городского и сельского населения. В начале века в городах России проживало около 13% населения². Явно недостаточной была протяженность современных коммуникаций, железных и шоссейных дорог, низким технический уровень производства.

Под воздействием промышленной революции на Западе капитализация в стране в целом ускорялась. За 1861—1913 гг. Россия в 12 раз увеличила объем промышленного производства, обогнав по темпам Германию, Англию и Францию. Однако это достигалось интенсивным нажимом на положение народных масс, и без того очень тяжелое. Достаточно сказать, что зарплата российских рабочих была в 4 раза ниже, чем в США. Существенную роль играли прямое вмешательство государства и большое участие иностранного капитала в индустриализации страны.

Наиболее жгучим вопросом оставался аграрный, когда на одном полюсе находилось 10,5 млн. крестьянских дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн.

Трукан Герман Антонович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

дес. земли, а на другом — 30 тыс. семей крупных землевладельцев (около 150 тыс. населения) с 70 млн. дес. земли³. Помещичья собственность не благоприятствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве. Триста лет крепостничества не прошли бесследно. Бремя огромных налогов давили на крестьянские дворы с огромной силой. Все это влияло и на общее положение в стране, на емкость внутреннего рынка, на условия экономического и общественного прогресса в целом.

Развитие капитализма настоятельно требовало новых форм управления обществом. Однако окостенелый, бюрократический, коррумпированный и крайне консервативный аппарат самодержавия сковывал активность буржуазных предпринимателей: накануне войны число чиновников превышало полмиллиона⁴. Царизм уже по своему характеру являлся препятствием в решении назревших национальных задач. Его невозможно было реформировать, его можно было только свергнуть. Эту задачу и выполнила Февральская буржуазно-демократическая революция.

После падения царизма перед страной встала альтернатива: идти буржуазно-реформистским путем к развитому капитализму или пролетарско-революционным путем — к социализму.

Вопрос выбора пути в решающей степени зависит от расстановки классовых сил. До сих пор ведутся дискуссии по поводу того, какие социальные силы действовали на исторической арене в период Февраля — Октября. Было ли их две: рабочий класс и остальные слои, стоявшие в стороне от него, в том числе крестьянство и буржуазия, или все-таки состав этих сил был более дробным? Вопрос этот предстоит еще выяснить. Но ясно, что основным содержанием борьбы этих классов и социальных слоев была тогда борьба за выбор того или иного пути общественного развития.

Рабочий класс России начал формироваться позднее, чем пролетарские отряды ведущих капиталистических стран, и был малочисленнее их. В 1917 г. он насчитывал 15 млн. человек при общей численности населения страны в 166 млн. человек⁵. Но его воздействие на все стороны экономической и общественно-политической жизни было значительным. Концентрация рабочих масс на крупных предприятиях создавала благоприятные условия для их политического просвещения и организационного сплочения. Сила пролетариата заключается не только и не столько в его численности, сколько в сознательности и организованности. Формирование этих качеств в решающей мере обеспечила большевистская партия. Сыграло свою роль и то, что рабочее движение в России зародилось в 70-е гг., когда социалистическое учение получило достаточное распространение в Западной Европе. Российский пролетариат прошел через две буржуазно-демократические революции как их ведущая сила, накопив огромный политический опыт. Его боевым ядром являлись рабочие фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности. Их насчитывалось всего 3,4 млн. человек⁶, но они были сосредоточены в главных политических и экономических центрах страны. Однако с началом первой мировой войны значительная часть кадровых пролетариев была мобилизована в армию, и массовые рабочие организации по существу прекратили свою деятельность.

Русская буржуазия была классом в основном с низким уровнем политического сознания, в массе своей реакционным, не способным к борьбе за завершение буржуазно-демократических преобразований страны. Она довольствовалась лишь робкой оппозицией царизму. Главная причина этого исторического феномена состояла в запоздалости развития российского капитализма, в результате чего буржуазия не сложились в мощную самостоятельную экономическую и политическую силу. Она была тысячами нитей связана с царизмом и дворянством, помогавшими ей выжимать соки из народных масс.

После Февральской революции класс помещиков, составлявший около 0,5% населения (700—800 тыс. человек), уступил буржуазии место у кормила власти. Представители партий меньшевиков и эсеров, которым принадлежало

большинство в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов — руководящем органе революционных масс, помогли буржуазным политикам создать свое Временное правительство. Так в результате революции, совершенной рабочими и солдатами, у власти оказалось несколько богатейших помещиков и промышленников во главе с князем Львовым.

Наиболее многочисленным классом в России являлось крестьянство, которое в социальном отношении было неоднородным. Из 15 млн. крестьянских хозяйств около 10 млн. являлись бедняцкими, около 3 млн. — середняцкими и более 2 млн. — кулацкими⁷. То, что две трети составляли бедняки, было реальной предпосылкой привлечения широких крестьянских масс на сторону рабочего класса. Война, которая привела крестьян в армию, поставила их в рамки военной организации, дала им в руки оружие, повысила их роль в жизни страны.

К социальным слоям, стоявшим между пролетариатом и буржуазией, принадлежало также мелкобуржуазное городское население: ремесленники, мелкие торговцы, служащие.

Народные массы, за исключением передовой части рабочих, не были готовы сделать сознательный выбор между капитализмом и социализмом. Они были всего лишь за народовластие и демократию, за поиск выхода из критической ситуации «полегче», с помощью социально-классового партнерства на базе симбиоза Советов и буржуазных органов власти⁸.

Мелкобуржуазные массы численно преобладали над пролетариатом и буржуазией вместе взятыми, а их колебания между этими классами в значительной степени определяли продолжительность, ход и характер классовой борьбы в стране.

Февральская революция, превратив Россию в политическом отношении в одну из передовых стран мира, не разрешила основных социальных, экономических, межнациональных противоречий, которые лежали в основе кризиса российского общества. Продолжалась кровавая война, в стране царили разруха и голод, сохранялись жестокая эксплуатация рабочих, малоземелье и нищета крестьян, в угнетенном положении находились национальные меньшинства. Вопрос о путях решения этих задач объективно встал как вопрос о выборе направления дальнейшего исторического развития России.

Большевики открыто заговорили о необходимости социалистического выбора весной 1917 г., разъяренная народом, что останавливаться на буржуазно-демократическом этапе революции нельзя, «ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение», которое неизбежно «потребует шагов вперед, к социализму». Партии предстояло дать научный анализ чрезвычайно противоречивой обстановки, сложившейся в стране, выработать политическую программу, стратегию и тактику борьбы пролетариата и его союзников в радикально изменившихся условиях. Чтобы охватить своим влиянием миллионы трудящихся, пробудившихся в Феврале к активной политической жизни, нужна была массовая пролетарская партия. Руководящие партийные работники возвращались из тюрем, ссылки и эмиграции. Начался бурный рост партийных рядов — от 24 тыс. в феврале до 350 тыс. к октябрю 1917 г.⁹

Функции Центрального Комитета большевиков в начале 1917 г. выполняло Русское бюро ЦК. Его возглавлял А. Г. Шляпников. Членами бюро были В. М. Молотов и П. А. Залуцкий. 12 марта (все даты — по старому стилю. — *Ред.*) в Петроград вернулись из ссылки Л. Б. Каменев, Н. К. Муранов, И. В. Сталин. 33-летний Каменев к этому времени был известен как публицист и теоретик, автор талантливых очерков по истории общественной мысли в России. Авторитет Каменева в партии подорвало, однако, его поведение во время процесса депутатов-большевиков IV Государственной думы. Защищая себя, он заявил тогда, что никогда не был согласен с тезисами и лозунгами Ленина и ЦК по вопросу о войне. Муранов был до войны популярным депутатом Государственной думы, Сталин — членом ЦК, известным в партии как сильный практик. Опираясь на авторитет Муранова, кооптированного в Бюро ЦК, они произвели редакционный

переворот в «Правде», войдя в состав редколлегии¹⁰. С 15 марта на страницах газеты начали появляться их статьи, утверждавшие, что возникшая после падения царизма буржуазная власть просуществует долго и что большевики будут по отношению к ней лояльной оппозицией. Они исходили из ошибочных воззрений, считая буржуазно-демократическую революцию незавершенной, а поэтому движение к социалистической революции преждевременным. Соответствующим образом они сформулировали партийную политику по отношению к буржуазному Временному правительству и к империалистической войне. В материалах, опубликованных в «Правде», ставился вопрос о поддержке Временного правительства в соответствии с формулой «поскольку — постольку». Дескать, пока оно «не исчерпает себя», пока оно искореняет остатки царско-помещичьего режима, ему надо оказывать поддержку. А в редакционной статье «Без тайной дипломатии», написанной Каменевым, не осуждалось продолжение войны. Линию Каменева, Муранова и Сталина постепенно приняли партийные организации всей страны. Она была закреплена на Всероссийском совещании партийных работников, состоявшемся в конце марта — начале апреля.

Ленин же в своих «Письмах из далека», а затем и в «Апрельских тезисах» выдвигал совсем другую задачу. Подчеркивая, что революция в России уже движется от своей буржуазной фазы «ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства», он требовал: «никакой поддержки Временному правительству», ни его военным усилиям, ни его внутренней политике. По возвращении из эмиграции, еще в Белоострове, встретившись с Каменевым, Сталиным и др., он упрекает их за допущенные ошибки в «Правде».

Главной задачей нового стратегического плана являлось свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Основные требования политической платформы, предложенной Лениным, — республика Советов как политическая форма диктатуры пролетариата, немедленное заключение демократического мира, национализация всего земельного фонда страны при конфискации помещичьих земель, установление рабочего контроля за производством и распределением — отвечали насущным потребностям страны.

В партии, особенно в руководящих органах, сначала было открытое несогласие с выводами Ленина. Оно проявилось и на заседании ЦК 6 апреля. Каменев перенес затем полемику на страницы «Правды». В статье «Наши разногласия» он писал: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»¹¹.

Учитывая сложность обстановки, Ленин предложил партии обсудить спорные вопросы. Стратегический поворот весны 1917 г., потребовавший нового взгляда на ход исторического процесса, нового подхода к конкретно-исторической ситуации, до сих пор рассматривался в нашей историографии упрощенно, как сугубо политическая борьба большевиков с антиленинскими силами, а не как образец коллективной выработки нового курса на крутом изломе истории. А ведь ошибки отдельных членов партии и даже лидеров, выявившиеся тогда, далеко не всегда можно ставить в вину им лично. Ведь речь шла о новом политическом мышлении.

Апрельская Всероссийская конференция большевиков, намечавшая линию поведения партии на ближайший период, не могла не ответить на вопрос, какая же революция разворачивается — только буржуазная или же социалистическая? В докладе Ленина и содокладе Каменева содержались разные ответы. Ленин считал, что необходимо делать первые конкретные шаги к переходу на рельсы социалистической революции. Для Каменева же думать так — значило впасть в «величайшее заблуждение». Он исходил из прежних теоретических положений, согласно которым победа могла считаться полной лишь при установлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и не видел того, что эта задача уже решена весьма своеобразно — в рамках двоевластия.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не могла, по мнению Ленина, в сложившейся ситуации остаться ни единственной, ни главной альтернативой, как утверждал Каменев. Перед революцией стояли задачи, от решения которых зависела судьба страны. Поэтому нельзя было ждать, пока все крестьянство, вся мелкая буржуазия осознают в полном объеме историческую неизбежность революционных преобразований. Лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, выдвинутый большевиками в 1905 г., должен был поэтому быть заменен лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Этот лозунг стал главным в политической линии большевиков.

Более половины жителей России составляли в прошлом угнетаемые царизмом народы. Поэтому большевикам пришлось огромное внимание уделять национальному вопросу, который имел не только российское, но и всемирное значение. Ленин первым из марксистов увидел в демократических освободительных движениях угнетенных народов в эпоху империализма революционный потенциал глобального масштаба, раскрыл их связь с судьбами социалистической революции. Ленинская стратегия заключалась в том, чтобы объединить эти силы в интересах поступательного хода истории. Для этого следовало осуществить требование права наций на самоопределение, вплоть до отделения, т. е. на полное национальное освобождение, на полную независимость. Этот тезис стал центральным в ленинской программе по национальному вопросу. Он резко контрастировал с разговорами о равноправии граждан или культурным самоопределением.

Совместно с большевиками выступала небольшая, но влиятельная группа межрайонцев, созданная в Петрограде в 1913 г. В нее входили представители разных направлений социал-демократии. Межрайонцами, например, были Л. Д. Троцкий, вернувшийся из эмиграции в начале мая, А. В. Луначарский, В. Володарский, М. С. Урицкий, А. А. Иоффе, Л. М. Карахан, Д. З. Мануильский, К. К. Юренев. Все они впоследствии стали видными деятелями большевистской партии. Организационное объединение межрайонцев с большевиками было закреплено на VI съезде РСДРП (б). Спорные вопросы, по которым Ленин и Троцкий резко расходились в эмиграции, были либо разрешены, либо потеряли свою актуальность. Важную роль в идеологической и политической борьбе прошлых лет играла, как известно, теория «перманентной революции» Троцкого. В ее основе было убеждение, «что революция в России, начавшаяся как буржуазная, должна будет неизбежно завершиться социалистической диктатурой». Демократический и социалистический переворот сольется в одно целое. Крестьянство поддержит рабочих при решении демократических задач, но окажет сопротивление при переходе к социалистическим мероприятиям. А так как Россия — отсталая и преимущественно крестьянская страна, то пролетариату для победы необходим союз с социалистической революцией в Европе. В противном случае он потерпит поражение¹².

Сходство многих существенных элементов ленинской концепции социалистической революции и теории «перманентной революции», как отмечает чехословацкий исследователь М. Рейман, едва ли можно отрицать¹³. Сам Троцкий в статье «Наши разногласия», написанной в ответ на критику его «Уроков Октября», но опубликованной в США только в 1988 г., отмечал: «Если „тактически-центристские тенденции“ отделяли меня от большевизма и противопоставляли ему, то основное политическое убеждение в том, что русская революция должна будет передать власть пролетариату, противопоставляло меня меньшевикам и через все этапы вело в лагерь большевизма».

Однако сходство не исключало и принципиальных расхождений: Ленин не отождествлял, как Троцкий, содержание, задачи и возможности социалистической революции с характером сил, которые ее возглавляли, подчеркивал ее демократическую сторону, обращал больше внимания на степень зрелости страны, на внутренние задачи революции, учитывал в большей степени роль и инте-

ресы крестьянства и не связывал так категорически успех революции в России с непосредственным революционным выступлением европейского пролетариата. Троцкий, отвечая своим критикам в той же статье, отвергал «как нечто смехотворное» приписываемое ему мнение, будто Ленин пришел к его формуле революции, убедившись в ошибочности собственной формулы. Вернувшись из эмиграции, Троцкий сразу же высказался «за полное организационное слияние» с большевиками.

В полемику о возможных путях развития России включились все партии, и прежде всего две наиболее крупные мелкобуржуазные партии — меньшевиков и эсеров. Февральская революция выдвинула их на авансцену политической жизни страны. Они пользовались поддержкой значительной части трудящихся масс. К лету 1917 г. партия эсеров насчитывала несколько сотен тысяч членов¹⁴. Меньшевики заметно отставали от них, но и они получили значительное «мартовское» пополнение своих рядов. Их лидеры возглавляли Петроградский Совет, который до июня 1917 г. руководил всеми Советами страны, а затем и ЦИК, избранный на I Всероссийском съезде Советов. Представители этих партий с мая входили в состав Временного правительства.

И меньшевики, и эсеры считали своей главной целью социализм. Недаром они именовали себя социал-демократами и социалистами-революционерами. Но ни те, ни другие и не помышляли о практических шагах к его осуществлению. Первые составляли реформистское, мелкобуржуазное крыло рабочего движения, они считали свою партию истинно марксистской рабочей партией. Эсеры являлись представителями неонароднического крестьянского социализма, их утопические представления вообще не могли привести к социализму.

Меньшевики не были политически едины. На их правом фланге находился патриарх русского рабочего движения Г. В. Плеханов. В последние годы жизни он поддавался шовинистическим настроениям и призывал к более решительным мерам против левых течений. К нему примыкали старые учителя русской социал-демократии В. И. Засулич и Л. Г. Дейч. На левом крыле находился Ю. О. Мартов, некогда близкий соратник В. И. Ленина, а затем идейный вождь меньшевизма. Видной фигурой был И. Г. Церетели, который по возвращении из ссылки возглавил меньшевиков. Хороший оратор, он в первые митинговые месяцы революции стал очень популярен. Вокруг него группировались меньшевистские деятели умеренного центра, входившие в руководящее ядро Петроградского Совета. Церетели был фактически главой блока меньшевиков и эсеров, пока руководство в Советах не перешло к большевикам. После этого он уехал в Грузию, а затем эмигрировал. Наиболее известными после него были меньшевистские депутаты Государственной думы Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев, занявшие в Петроградском Совете посты председателя и его товарища (заместителя). Большим влиянием среди меньшевиков пользовался Ф. И. Дан, считавшийся всегда вторым теоретиком после Мартова.

Штаб народнических партий и течений был столь же неоднородным, но гораздо менее значительным и ярким. Фактически крайне правый фланг эсеров возглавлял А. Ф. Керенский. Попав в IV Думу, он стал председателем серой и безликой фракции трудовиков — гибрида либерализма с народничеством. Ни теоретической подготовки, ни политической воли у него не было. Вместо этого — легкая воспламеняемость и красноречие, действовавшие не на мысль, а на нервы. Выступления в Думе, а также на процессе большевиков — членов думской фракции в качестве адвоката создали Керенскому популярность. В первом составе Временного правительства он занял пост министра юстиции.

Признанным вождем и теоретиком эсеров считался В. М. Чернов, будущий министр земледелия и председатель Учредительного собрания. Его ближайшими соратниками являлись Н. Д. Авксентьев и А. Р. Гоц. У эсеров было и левое крыло. К нему принадлежали П. Александрович, Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев, В. А. Карелин. Они сотрудничали с большевиками и оказывали заметное влияние на революционное движение.

Церетели, Чхеидзе, Чернов и другие лидеры меньшевиков и эсеров обвинили Ленина в том, что он «разрывает революционный фронт», а Плеханов назвал «Апрельские тезисы» «грезофарсом».

Эти две крупнейшие и влиятельнейшие партии оказались во главе высших органов демократии. Основой их политической деятельности стала концепция меньшевиков: Россия — наиболее отсталая из мировых держав, в ней еще не созрели экономические предпосылки социализма и любой социалистический эксперимент заранее обречен на провал. Исходя из того, что революция в России буржуазно-демократическая, меньшевистский орган «Рабочая газета» писал, что буржуазное правительство — единственно подлинное правительство страны. Отношение же Совета к правительству определялось известной формулой «поскольку — постольку», что означало поддержку правительства, когда оно действует в интересах демократии, и выступление против него, когда оно пытается тормозить революцию. Но созданная Петроградским Советом так называемая контактная комиссия, в которую входили в разные периоды Чхеидзе, Н. Н. Суханов, Ю. М. Стеклов, Скобелев, Церетели, Чернов и др., вместо «контроля» и «нажима» стала проводить политику компромиссов с правительством.

Ленин отмечал, что эсеры и меньшевики в отличие от буржуазии защищали капитализм против социализма «идейно», бескорыстно, из предубеждения и боязни нового ¹⁵. Однако, вступив на путь соглашательства с буржуазией, они постепенно превратились из участников революционного процесса в его тормоз, а позже — в ударный отряд «демократической контрреволюции».

Ленинский курс на социалистическую революцию противостоял программе главной партии буржуазии — кадетов. Ее VII съезд в конце марта высказался за умеренное реформаторство, которое должно было приблизить Россию к европейским странам. Выражая классовые интересы буржуазии, кадеты были за войну до победного конца, против немедленного введения 8-часового рабочего дня, уклонялись от решения крестьянского вопроса, отрицательно относились к мысли об автономии национальных окраин, не говоря уже об их отделении ¹⁶. Решение всех принципиальных вопросов они откладывали до созыва Учредительного собрания. До Февральской революции они находились в оппозиции, выступая за конституционную и парламентскую монархию. Теперь кадеты отказались от монархии, превратились в правящую партию: ее лидеры вошли во Временное правительство. П. Н. Милюков, бывший московский профессор истории, автор многих научных трудов, основатель кадетской партии, обладал неоспоримым превосходством над другими русскими буржуазными политиками. Все, кто был правее, шли за кадетским вождем, поругивая и даже проклиная его за слабость. Однако кадеты прекрасно понимали, что удержаться у власти в революционной России можно, лишь опираясь на левые силы. Поэтому VII съезд кадетов в марте торжественно провозгласил тактику «левого блока», т. е. союза с мелкобуржуазными партиями.

Многие кадеты, хотя и поддерживали в то время блок как средство, способное направить революцию в буржуазное русло, но в глубине души считали его лишь промежуточным этапом на пути к установлению единовластия буржуазии. Не случайно лидеры кадетов дипломатично умолчали о том, что еще раньше они вступили в блок со всеми правее их стоящими политическими группами.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революция каждый день проверяла концепции и способности политических партий решать насущные проблемы страны. Главным был тогда вопрос об отношении к войне, которая резко ухудшила и без того нелегкое положение страны. Потери убитыми, ранеными, пленными и больными составили 8730 тыс. человек ¹⁷ — больше, чем в любой другой стране мира. Без радикального вмешательства в экономику, в социальные и политические отношения невозможно было преодолеть усиливающуюся разруху и приступить к решению долгосрочных задач подъема страны. Быстрое окончание войны становилось первой

предпосылкой дальнейшего национального существования. «В 1917 г. в чем был весь гвоздь? — задавался позднее вопросом Ленин. — В выходе из войны... и это покрывало все»¹⁸.

Первые документы Временного правительства были сформулированы в духе империалистической политики. Соглашательские вожди Петроградского Совета, стоявшие на позиции революционного оборончества, видели быстрейший способ для достижения практических результатов в нажиме на правительство, чтобы оно осудило аннексии, вместе с союзными государствами предприняло шаги, направленные на мирные переговоры, а также в созыве международного конгресса социалистов. До тех же пор, пока мирная инициатива русской революции не даст положительных результатов, укреплять обороноспособность страны.

14 марта 1917 г. Петроградский Совет принял манифест «К народам всего мира». В нем содержался призыв к борьбе против империалистических целей войны и одновременно признавалась революционная война России против Германии¹⁹. Логическим следствием такой непоследовательности должна была стать рано или поздно поддержка правительства.

18 апреля (1 мая) 1917 г. впервые в нашей стране открыто праздновали Международный день пролетарской солидарности. Министр иностранных дел Милюков направил в тот день союзникам правительственную ноту, в которой заявил, что Россия будет вести войну до решительной победы. Это вызвало возмущение трудящихся масс. На улицах столицы возникли стихийные демонстрации. Утром 20 апреля перед Мариинским дворцом — резиденцией Временного правительства собралось более 15 тыс. солдат. Они требовали немедленной отставки Милюкова и военного министра Гучкова. В противовес выступлением рабочих и солдат состоялась манифестация сторонников Временного правительства, которых в Петрограде было немало. Произошли первые столкновения...

Лидеры Петроградского Совета искали возможности компромисса с правительством, удерживая массы от демонстраций. ЦК партии большевиков 20 апреля принял резолюцию, в которой отмечалось, что нота доказывает империалистический характер правительства и что персональные изменения не могут дать положительных результатов. Демократический мир может быть обеспечен, когда власть перейдет в руки Советов²⁰.

Демонстрации продолжались и 21 апреля. Движение охватило другие города, армию. Особенно большой размах оно приобрело в Москве. Все чаще появлялся лозунг «Долой правительство!» ЦК кадетов призывает к демонстрациям в защиту правительства. Начальник Петроградского гарнизона генерал Л. Г. Корнилов приказывает выслать на улицы две артиллерийские батареи — он склоняется к решению применить силу.

Выступление масс напугало соглашателей не меньше, чем буржуазию. Они добились от правительства словесных уступок в виде «разъяснения» к ноте: под «решающей победой» подразумевается в соответствии с декларацией от 27 марта «достижение прочного мира». Исполком Петроградского Совета 34 голосами против 19 (большевиков и меньшевиков-интернационалистов) признал инцидент исчерпанным. Было принято также решение о запрещении в течение двух дней уличных манифестаций.

Апрельский кризис не только показал неустойчивость буржуазной власти, но и усилил ее. Поэтому Временное правительство решило пожертвовать Гучковым и Милюковым, удалить их из правительства и ввести в его состав лидеров меньшевиков и эсеров. Таким приемом, испытанным в западных государствах, правящие круги рассчитывали расширить опору правительства и проводить империалистическую политику руками социалистических министров. В случае отклонения предложения правительство угрожало отставкой.

Среди руководящих деятелей Совета не было единства. Эсеры в основном высказывались за коалицию, но с обязательным участием меньшевиков. Многие меньшевики колебались. 28 апреля Исполком Совета незначительным большинством голосов отклонил предложение о коалиции. Но через два дня он изменил

это решение и 44 голосами против 19-ти при двух воздержавшихся высказался за вхождение в правительство ²¹.

На следующий день образование Временного правительства было одобрено на Пленуме Совета — против голосовали большевики и левые социалистические группы. 5 мая, наконец, образовано коалиционное правительство на базе программы, в основном выработанной Советом. В принятой декларации говорилось о скорейшем достижении мира без аннексий и контрибуций, всеобъемлющем государственном контроле и регулировании, налогообложении имущих классов, давались обещания о защите труда и увеличении производства хлеба. В состав правительства, премьер-министром которого остался Львов, вошли 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов (Керенский, Скобелев, Церетели, А. В. Пешехонов, Чернов, П. Н. Переверзев).

Политика соглашательского блока получила новую возможность проверить свою действенность теперь уже в качестве правительственной политики. Но все мероприятия, которые министры-социалисты сумели провести за время существования первой коалиции, были частными и недостаточными. Они отставали от поляризации классовых сил и развития революционного движения. Разруха усиливалась также из-за организованного капиталистами саботажа, которые закрывали свои предприятия. Буржуазия обратила против революции и такое страшное орудие, как безработица и голод. Инфляция обесценила валюту. И хотя рабочим и служащим удавалось добиться роста номинальной заработной платы, их материальное положение ухудшилось. Коалиция не внесла принципиальных изменений в аграрную политику. Земельная реформа откладывалась на неопределенное время со ссылкой на большую сложность ее подготовки. Помещики спешно распродавали земли, переходившие в руки спекулянтов.

Резко усилилось национальное движение, особенно в Финляндии и на Украине. Меньшевики и эсеры, которые в свое время осуждали стремление к насильственной русификации и на словах признавали право наций на самоопределение, на деле же сползали в национальном вопросе на позиции кадетов, ссылаясь на несвоевременность такого шага в условиях войны. Иначе говоря, предлагали ждать Учредительного собрания. Национальная буржуазия, которая надеялась на поэтапное получение широкой внутренней автономии, не помышляла при этом об отделении от России. Трудящиеся массы, борясь за ликвидацию национального гнета, связывали проблемы национальные с социальными, требовали мира, 8-часового рабочего дня, решения аграрного вопроса, создавали свои демократические организации, в которых усиливалось влияние большевиков. Нежелание Временного правительства удовлетворить даже скромные требования об автономии вело к конфликтам между национально-освободительным движением и коалиционным правительством.

Большевики основывали свою тактику на принципиальном отказе от коалиции, на усилении радикализма масс и популяризации лозунга «Вся власть Советам!» Этот лозунг был, с одной стороны, средством агитации и привлечения масс, с другой — давления на соглашательское большинство Совета. Он ориентировал на мирное развитие революции. Политика меньшевистско-эсеровского блока должна была после создания советского правительства рано или поздно потерпеть поражение или коренным образом измениться. Советское правительство, таким образом, имело перспективу преобразоваться демократическим путем в правительство большевиков или другую форму революционного правительства.

Между тем недовольство политикой коалиционного правительства нарастало и могло в любой момент вылиться в уличные демонстрации и столкновения. В Петрограде назревала солдатская демонстрация протеста против политики правительства и подготовки наступления на фронте. Военная организация ЦК решила 1 июня пойти навстречу настроениям солдат и устроить демонстрацию. Но дальнейшее обсуждение в ЦК и Петроградской организации выявили различные мнения. В. И. Ленин, Н. И. Подвойский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, И. Т. Смилга, В. Володарский и др. высказались за демонстрацию, но

с участием рабочих, настроенных более умеренно, чем солдаты. На заседании ЦК с представителями Военной организации и Петербургского комитета 6 июня против демонстрации высказались Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. П. Ногин. Они говорили о том, что перелом в настроении масс в пользу партии только начинается, цели демонстрации не вполне ясны, появление вооруженных солдат на улицах вызывает столкновение²².

Через два дня на партийном совещании подавляющим большинством голосов было решено «направить движение в русло организованной и мирной манифестации против контрреволюции». Это решение, утвержденное ЦК, было встречено с энтузиазмом на фабриках, заводах, в казармах. В тот же день Всероссийский съезд Советов, обсуждая вопрос о захвате анархистами дачи Дурново, запретил вооруженные демонстрации без согласия Петроградского Совета²³. Решение большевиков вступало в противоречие с постановлением съезда Советов.

Вечером 9 июня президиум съезда получил сообщение о готовящейся демонстрации и потребовал от большевиков отменить ее во избежание кровопролития, но они не согласились с этим. Тогда Чхеидзе перенес обсуждение вопроса на заседание съезда. Съезд на три дня запретил демонстрации²⁴.

Это резко меняет положение. Ночью собрался ЦК большевиков. Присутствовали пять из девяти его членов. Отменить демонстрацию — значит рисковать политическим авторитетом, осуществление же ее грозит поражением. Зиновьев, Каменев и Ногин голосуют против демонстрации, Ленин вместе со Свердловым воздерживаются от голосования, чтобы на следующий день защищать постановление ЦК от протестующих членов ЦК — Смильги и Сталина, выразивших свое несогласие предложением отставки²⁵. В Выборгском районе и Кронштадте проявляется сильное возмущение действиями съезда.

Только постановление ЦК дает возможность не допустить демонстрации. Но соглашатели пустили в ход чудовищную выдумку о «военном большевистском заговоре». Церетели договорился до того, что предложил разоружить большевиков. Возмущенный Каменев отвечал ему: «Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер, не ограничивайтесь речью, арестуйте меня и судите за заговор против революции». Большевики покинули зал заседаний. Мартов напомнил Церетели известное изречение Кавура: «При помощи осадного положения может управлять каждый осел...»²⁶

Соглашательские лидеры съезда решили сманеврировать и провести официальную демонстрацию под лозунгами доверия Временному правительству. Демонстрация, в которой участвовало около 500 тыс. человек, состоялась 18 июня, но в совершенно иной атмосфере, чем предполагали вожди Совета. Она развеяла пустые речи о большевиках-заговорщиках. Над колоннами были подняты большевистские лозунги. Массовые демонстрации прошли в Москве, Киеве, Иваново-Вознесенске и других городах.

Из июньского кризиса коалиционное Временное правительство сумело выйти только благодаря начавшемуся наступлению (хотя оно и не было подготовлено) на фронте. Это был прежде всего политический шаг. Правительство рассчитывало отвлечь внимание масс от нерешенных социальных проблем. Подготовка наступления давала возможность приступить к организации военного путча и установления военной диктатуры²⁷. Все это объясняет позицию большевиков — единственной партии, выступившей против наступления. «...Кадеты знают, где раки зимуют, — писал Ленин. — Они знают, что вопрос о наступлении вовсе не как стратегический вопрос *поставлен жизнью* сейчас, а как политический, как вопрос *перелома всей русской революции*»²⁸.

Весть о провале наступления и угроза расформирования революционного Петроградского гарнизона накалили обстановку в столице. 2 июля министры-кадеты подали в отставку, вызвав правительственный кризис. По их расчетам, министры-социалисты должны были занять более решительную позицию в борьбе с углубившейся революцией и партией большевиков.

Вечером 2-го, а особенно 3 и 4 июля весь Петроград охватили стихийные

демонстрации рабочих, солдат и кронштадтских матросов. Главным их требованием был немедленный переход власти в руки Советов. Поздно вечером 3 июля рабочая секция Петроградского Совета, в которой большевики теперь преобладали, после выступлений Зиновьева, Каменева, Троцкого выносит решение признать демонстрации организованный характер²⁹.

С утра на улицы столицы вышло свыше 500 тыс. человек. Около Таврического дворца, где заседал ЦИК, собралась огромная толпа демонстрантов. Их представители ворвались в залы заседаний, бурно требуя покончить «сделки с буржуазией», немедленно взять власть.

Соглашательские вожди сразу заняли отрицательную позицию по отношению к демонстрантам. Они предприняли совместные шаги для вооруженной защиты режима. По демонстрантам был открыт ружейный и пулеметный огонь у Сенной площади, на Литейном проспекте, около Инженерного замка.

Вечером 4 июля на расширенном заседании ЦК большевиков, проходившем под руководством Ленина, который только что вернулся в город, было принято решение закончить демонстрацию на следующий день. ЦК вступил в переговоры с ЦИК, но его лидеры не проявили миролюбия. Утром 5 июля отряд юнкеров разгромил редакцию «Правды», был убит рабочий-большевик Воинов, распространивший листок «Правды», 6 июля правительственные войска захватили особняк Кшесинской, где размещался ЦК партии большевиков. На улицах юнкера и казаки разоружали группы матросов, солдат и рабочих. Были отданы распоряжения арестовать Ленина, Зиновьева, Каменева в связи с событиями 3—4 июля³⁰.

У каждой партии, участвовавшей в острейшей политической борьбе, были свои лидеры, свои вожди. Но все они по влиянию на массы далеко отставали от вождя большевиков. Поэтому устранение Ленина с политической арены стало одной из главных задач всех, кто был против социалистической революции. В ход была пущена фальшивка о «государственной измене» Ленина, подкупленного якобы германским генеральным штабом и переброшенным им в Россию для «разложения» тыла. Кампанию травли открыла буржуазная пресса, но вскоре это дело взяло в свои руки Временное правительство. В фонде Милюкова архива Гарвардского университета (США) хранится неопубликованная стенограмма выступления А. Ф. Керенского в 1932 г., где раскрывается картина подготовки крупнейшей провокации. В апреле приехавший в Петроград французский министр-социалист А. Тома сообщил, что немецкий банк перевел деньги большевикам, на которые Ленин должен «сделать» революцию в России. Это же подтвердил вскоре провокатор прапорщик Ермоленко, в прошлом агент контрразведки, «бежавший» из германского плена.

Началась «большая игра», и, чтобы не рисковать, в тайне от других членов правительства его глава Львов и два министра — Керенский и Терещенко — распорядились провести расследование с целью «собрать данные для предания большевистского ЦК суду» (ср. с публикацией В. И. Старцева в этом номере журнала, с. 151. — *Ред.*). Керенский был уверен — «история пошла бы иначе», но тут произошло непредвиденное. В ночь с 4 на 5 июля министр юстиции Перверзев, не посвященный в заговор «тройки», передал правой прессе для опубликования часть материалов, попавших в его руки. Газеты запестрели провокационными заголовками: «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!» Нашлись люди, особенно среди обывателей, поверившие этому. Но удар, готовившийся Керенским два месяца, — «большая игра» — сорвался. И когда Временное правительство объявило о привлечении Ленина к суду, ЦК РСДРП(б) уже принял необходимые меры. По его указанию Ленин и Зиновьев скрылись от ареста и находились в подполье вплоть до Октябрьской революции. Вначале они жили в Разливе, затем Ленин переселился в Финляндию, а Зиновьев вернулся в Петроград. О нелегальном положении Ленина и Зиновьева велись большие споры в партии, часть большевиков считала, что они должны явиться на суд, если будет обеспечена их личная безопасность. Однако подавляющее большинство не согласилось с этим. Каменев был арестован, но в начале августа за недостаточ-

ностью обвинения освобожден. Троцкий некоторое время скрывался, потом был арестован и выпущен из тюрьмы только в сентябре.

Июльский кризис завершил перелом в развитии революции. Его следствием было не только поражение революционных сил, но и провал политики соглашательских партий. Власть полностью перешла в руки буржуазии, возможность мирного развития революции исчезла. Правительство было реорганизовано. 8 июля министром-председателем стал Керенский, который получил чрезвычайные полномочия. Его правительство было полностью свободно от контроля со стороны Советов, что являлось главным требованием кадетов, а его режим можно характеризовать как бонапартистский. 24 июля был объявлен состав нового правительства, в которое вошли 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадет, 2 члена радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Разорвав с революционным народом, Керенский должен был теперь покорно дрейфовать по кадетскому курсу. В сложившихся условиях могло быть лишь два исхода: либо полная победа контрреволюции и установление военной диктатуры, либо свержение власти буржуазии путем вооруженного восстания.

БОРЬБА ЗА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Задачи большевистской партии в новой исторической обстановке определил VI съезд РСДРП(б), проходивший с 26 июля по 3 августа в Петрограде. Главных вождей партии на нем не было. Основные доклады делали Сталин, Свердлов, Милютин и Бухарин, которые руководствовались предложениями, подготовленными Лениным.

Наибольшее значение имел доклад Сталина о политическом положении. Некоторые товарищи спорят, говорил он, что капитализм у нас не развит в такой мере, чтобы можно было ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны и экономической разрухи. У нас очень высокая организованность рабочих, которая дает им возможность вмешаться в отношения производства и обмена, и тем самым фактически выдвигает вопрос о социалистической революции. Перспективой является немедленное прекращение войны, которое подорвет связи с союзниками и откроет эру пролетарской революции. В противном случае победу одержит контрреволюция. Сталин поставил возможность пролетарской революции в зависимость прежде всего не от степени зрелости экономики, а от политических факторов, от движения социальных и политических сил³¹.

В развернувшейся широкой дискуссии о тактике в центре внимания был главным образом вопрос о дальнейшей роли Советов. Делегаты съезда В. П. Ногин, П. А. Джапаридзе, В. Н. Залезский возражали против снятия, даже и временно, лозунга «Вся власть Советам!» Они питали иллюзии, что Советы могут взять власть в свои руки, как и в период мирного развития революции. Некоторые делегаты, в том числе и Сталин, считали, что нужно сосредоточить внимание на вооруженном захвате власти и не связывать себя с Советами, которые в руках соглашателей потеряли свое значение. Исходя из ленинских указаний, съезд решил снять лозунг «Вся власть Советам!» как лозунг мирного развития революции и принял ленинскую установку на вооруженное восстание. Это, однако, не означало призыва к немедленному выступлению и не исключало других форм борьбы против контрреволюции.

После разгрома июльских демонстраций правительство и весь буржуазный лагерь попытались установить диктатуру, которая должна была помешать росту революционного движения и укрепить режим. На роль военного диктатора был выдвинут генерал Корнилов, назначенный верховным главнокомандующим вместо Брусилова после провала наступления.

26 августа Корнилов предъявил Керенскому ультиматум: немедленно уйти в отставку и передать всю власть в руки главнокомандующего. Керенский не ждал такой развязки заговора, организованного при его же участии. Почувствовав, что власть ускользает из его рук, он поспешил отмежеваться от Корнило-

ва, объявил его мятежником и обратился за помощью к Советам и даже к большевикам, против которых он до последней минуты боролся. Кадеты, стремясь помочь Корнилову в формировании нового правительства, вышли в отставку, вызвав тем самым новый правительственный кризис.

Между тем корниловские войска уже наступали на Петроград. Угроза установления военной диктатуры привела в движение миллионные массы. В борьбе с корниловщиной выявился подавляющий перевес сил революции. 1 сентября Корнилов и его сподвижники были арестованы.

В стране сложилась чрезвычайно своеобразная обстановка. Правительство Керенского в результате отставки министров-кадетов фактически распалось. После переговоров с лидерами ЦИК, несмотря на несогласие большевиков и левых меньшевиков, Керенский создал Директорию, заменившую правительство. Его планы заключались в восстановлении правительства на той же социальной базе, на какой было основано правительство с участием кадетов.

Однако эти планы натолкнулись на сопротивление лидеров соглашательских партий, которые временно поспорились с кадетами из-за Корнилова. Опыт корниловщины оказал влияние на их политическую платформу. Идее коалиции с кадетами был нанесен тяжелый удар, в результате чего наметился поворот соглашательских политиков в сторону создания так называемого демократического правительства и более радикального осуществления основных требований народных масс. 31 августа ЦК меньшевиков высказался против любых попыток ввести в правительство лиц, замешанных в контрреволюции. Речь шла о каде-тах. ЦК эсеров решил отозвать из правительства своих министров, если в правительство войдут кадеты. Однако и те, и другие отвергли идею создания чисто социалистического правительства.

В конце концов после бурных дебатов в ЦИКе была создана новая Директория, которая должна была функционировать вплоть до созыва Демократического совещания, где меньшевики предполагали создать демократическое правительство и Предпарламент, чтобы покончить с таким положением, когда правительство не было ответственно за свою деятельность ни перед каким органом.

Этими шагами соглашательские партии, переставшие быть решающей силой в развитии событий, пытались вернуть утраченные позиции. Но революционная волна уже выдвинула на передний план большевиков. Они самым резким образом выступали против любой коалиции с кадетами и ценовыми элементами, против чрезвычайных полномочий кабинета Керенского, за создание правительства из представителей революционных рабочих и крестьян. Позиция большевиков, сформулированная Каменевым 31 августа на заседании ЦК, была в тот же день принята Петроградским Советом, а через несколько дней — Советом второй столицы — Москвы. Поворот масс в сторону большевиков был бесспорным.

В период борьбы с корниловщиной Советы действовали очень активно. Их распоряжения беспрекословно выполнялись большинством населения страны. Это снова выдвинуло лозунг «Вся власть Советам!» Однако он не стал еще тогда лозунгом партии большевиков. На установки ЦК в те дни оказал сильное влияние Каменев. В своем выступлении 31 августа он отделял требование революционного правительства рабочих и крестьян от Советов, что явилось в известной степени рецидивом его позиции в марте — апреле 1917 г.

Как только стало ясно, что начался большой революционный подъем, Советы становятся хозяевами положения, а правительство бессильно, Ленин в статье «О компромиссах», написанной 1—3 сентября, предложил пойти на компромисс с меньшевиками и эсерами в целях мирного развития революции. Он считал возможным вновь выдвинуть лозунг «Вся власть Советам!» Правительство, ответственное перед Советами, должны были сформировать меньшевики и эсеры. Большевики в этом случае получили бы полную свободу агитации и добились бы таким путем большинства в Советах, чтобы в последующем преобразовать правительство и его политику. Следовательно, речь шла о возврате к той политике, которую большевики проводили в период двоевластия — до июля.

Однако чувствовалось, что Ленин проявляет большую сдержанность, опасаясь встать на путь бесплодных компромиссов с партиями, глубоко завязшими в соглашениях с буржуазией.

Но то, что было ясно Ленину, не было понятно многим партийным руководителям, которые не смогли в полной мере оценить глубину поворота, вызванного корниловщиной. Предложения Ленина натолкнулись на сопротивление в редакции газеты «Рабочий путь», куда входили Сталин, Г. Я. Сокольников, В. П. Милютин. Ленин, однако, настоял на публикации своей статьи. Сокольников писал об этом позже: «Конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция ЦО, желавшая взять „чутьку левее“»³². 7 сентября, через день после опубликования статьи «О компромиссах», ее обсуждал Петербургский комитет большевиков. В прениях выявились различные точки зрения. Преодолеть колебания относительно правильности ленинских предложений удалось только на заседании ЦК 13 сентября, когда обсуждалась декларация большевистской фракции на открывающемся Демократическом совещании. Комиссия в составе Троцкого, Каменева, Сталина, Милютина и А. И. Рыкова, готовившая этот документ, решительно отвергла коалицию с буржуазией и высказалась за власть Советов на основах, изложенных Лениным³³. Но в это время обстановка снова круто изменилась. К середине сентября стал очевидным резкий поворот масс влево, к большевикам. Победа большевистских резолюций в Советах Петрограда и Москвы оказалась предвестником перехода на позиции большевиков многих других Советов страны, в том числе на фронтах, в армейских частях. Лозунг «Вся власть Советам!» перестал быть лозунгом компромисса с соглашателями, а объективно вел к передаче власти большевикам.

За две недели, прошедшие после корниловского мятежа, раскол в партиях меньшевиков и эсеров усилился. Наряду с укреплением левого крыла соглашательских партий, их лидеры резко «поправили» и предприняли срочные меры, чтобы поддержать падающую власть буржуазии. Для этого они решили использовать подтасованное Демократическое совещание, созыв которого был назначен в тревожные дни корниловщины, превратив его в представительство мелкобуржуазных верхов. Героям подлога, как назвал Ленин соглашательских лидеров, не удалось, однако, добиться вотума доверия правительственной коалиции с кадетами. Тогда они предложили срочно сформировать Предпарламент (Временный Совет республики). Понятно, что от этого «парламента» трудящимся массам нечего было ждать.

Большевикам был ясен характер Демократического совещания, но они не исключали использование его для борьбы против коалиции с буржуазией в целях возможного компромисса. 13 сентября ЦК принял ленинское предложение, а 15 сентября он уже собрался для обсуждения новых ленинских предложений о вооруженном восстании. В письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» Ленин резко обличал Демократическое совещание и его неспособность к компромиссу, фактически отвергнутому меньшевиками и эсерами. Власть необходимо взять без промедления, так как временные правители России надеются удушить революцию руками немецких империалистов. На совещании нужно потребовать немедленного смещения правительства, перехода власти в руки революционного пролетариата. Затем большевики должны покинуть это поддельное совещание, оставив несколько человек для связи, а все свои силы бросить на предприятия и в казармы. Должен быть немедленно создан штаб повстанческих отрядов, заняты все важнейшие пункты в городе, генеральный штаб и правительство арестованы.

Письма Ленина, требовавшие от членов ЦК радикального изменения своей ориентации в связи с резким поворотом событий, вызвали колебания у многих из них, считавших восстание преждевременным. «Мы все ахнули <...>, — рассказывал позднее Бухарин. Потом, посоветовавшись, решили... сжечь письма тов. Ленина»³⁴. Но если от эмоций перейти к протоколу, то нетрудно заметить резкие разногласия внутри ЦК по вопросу об отношении к вооруженному восстанию, которые будут постепенно нарастать вплоть до октябрьских дней³⁵.

Центральный Комитет отверг план Ленина, не считая момент достаточно зрелым для восстания. Позднее, на III конгрессе Коминтерна, Ленин скажет, что он представил ЦК чересчур левый план, который, к счастью, был отвергнут³⁶. Троцкий, сославшись на эти слова Ленина, отмечал, что тем не менее «отвергнутый план оказал положительное действие на ход событий» и ленинское письмо «было целесообразно, заставляло конкретнее, тверже и смелее подходить к вопросам восстания»³⁷.

18 сентября Троцкий огласил на совещании от имени большевиков декларацию, в которой социалистическим партиям предлагался компромисс на базе власти Советов. Но в это время было уже достаточно ясно, что соглашение с лидерами меньшевиков и эсеров невозможно. 20 сентября Каменев предпринял еще одну попытку добиться соглашения. Он предложил на заседании президиума Демократического совещания отвергнуть коалицию и создать демократическое правительство, действующее до съезда Советов³⁸. Вопрос о Демократическом совещании и Предпарламенте обсуждался на заседании ЦК 21 сентября. Было решено остаться на совещании, но незначительным большинством (9:8) отвергнуто участие в Предпарламенте³⁹. Окончательное же решение вопроса передавалось большевистской фракции Демократического совещания. Два докладчика — Троцкий и Рыков — отстаивали противоположные точки зрения. Троцкий предложил бойкотировать Предпарламент и все силы сосредоточить на борьбе за власть через Советы. Убедившись, что большинство не примет этого, он предложил компромисс: не участвовать в Предпарламенте, но окончательное решение поставить в зависимость от результатов съезда Советов. Большевистская фракция 77 голосами против 50-ти лозунг бойкота отвергла⁴⁰.

В тот же день Петроградский Совет принял резолюцию, предложенную Бухариным. В ней Предпарламент был назван «ширмой империалистической политики», содержался призыв к Советам страны вступить на путь борьбы за власть, создавать органы для борьбы с контрреволюцией. Требуя немедленного созыва съезда Советов, Петроградский Совет подрывал сопротивление соглашательского ЦИК в этом вопросе, открывая большие возможности для созыва съезда в рамках советской легальности и для повышения роли Советов в предстоящей борьбе за власть. В своем исследовании М. Рейман высказывает предположение, что эта резолюция содержала наметки тактического плана той части членов ЦК, которая высказалась за бойкот Предпарламента⁴¹. С этим можно согласиться, учитывая, что 24 сентября на совещании ЦК и ПК РСДРП (б) с местными работниками после доклада Бухарина была принята резолюция, которая объявила переход власти в руки Советов лозунгом, а деятельность в Предпарламенте — лишь вспомогательным шагом⁴². Ленин смог вмешаться в дискуссию только 23 сентября; он высказался за бойкот Предпарламента. Тактика бойкота победила окончательно 5 октября.

Вопрос об участии в Предпарламенте был лишь частью тех разногласий, которые охватывали основные вопросы борьбы за власть и усилились в конце сентября. Еще до открытия Предпарламента Керенский закончил переговоры с кадетами и лидерами московских капиталистов и сформировал 25 сентября третье коалиционное правительство. Коалиционным оно было лишь формально: буржуазное большинство (11 из 17 членов кабинета) открыто диктовало социалистам свою волю.

Положение нового кабинета было еще менее устойчивым, чем прежнего. В день его создания Петроградский Совет, председателем которого в результате его большевизации стал Троцкий, потребовал отставки правительства насилия и призвал создать истинно революционную власть. Через два дня к резолюции присоединилось Объединенное заседание исполкомов московских Советов рабочих и солдатских депутатов. Аналогичные резолюции принимали Советы Баку, Киева, Донбасса, Урала, Кавказа, Финляндии, Ревеля, Екатеринбурга, Кронштадта, Одессы, почти всей Сибири. Решительный перелом в настроении масс после корниловщины выражался прежде всего в большевизации Советов.

У обновленных Советов наблюдалось постепенное расширение и укрепление функций органов власти, что сильно подрывало стабильность режима.

Чувствительный удар престижу правительства нанесла всеобщая забастовка железнодорожников, вспыхнувшая 24 сентября. Несмотря на угрозы, Керенский не решился применить силу и пошел на уступки, согласившись повысить зарплату.

В стране все чаще возникали острые политические конфликты. Направленность революционной инициативы трудящихся масс, отражая своеобразное «наложение исторических эпох», проявилась в развертывании пролетарских, крестьянских, солдатских, национально-освободительных движений, объективно скалывающихся в революционно-демократический фронт.

Но существовало и нечто главное, что объединяло устремления народов России, — вопрос о мире. Наиболее ошутимо шло сужение спектра возможностей политического развития страны именно по этому вопросу: либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. У масс был только один выбор — между властью Советов и режимом контрреволюционной военщины. Именно против последней выступало большинство народа, хотя оно было еще недостаточно далеко и от идеалов социализма. Требование выхода из империалистической войны было желанием не только уставших от бессмысленного кровопролития солдат, но и всех трудящихся. Рабочий класс должен был выступить прежде всего под знаменем общечеловеческих ценностей, ибо он представлял собой единственно надежную силу для их утверждения.

Обстановка в стране благоприятствовала успеху восстания. Опасаясь, чтобы правительство своими действиями не уничтожило этот исторический шанс рабочего класса, Ленин со всей настойчивостью ставит вопрос о взятии власти. Каменев и Зиновьев при поддержке группы руководящих партийных работников не считали, «что созрели условия для взятия власти», и предлагают сосредоточить все силы на подготовке съезда Советов, назначенного ЦИК на 20 октября, который и решит этот вопрос.

Редакция органа «Рабочий путь», где наиболее активную роль играли Сталин и Сокольников, задерживает и подвергает цензуре статьи Ленина. Он резко протестует против этого, угрожая своей отставкой и тем, что он обратится прямо к членам партии. Газета публикует ряд статей, выражающих надежды на съезд Советов, автором которых был Зиновьев. 29 сентября ЦК одобряет предложенное им воззвание «Перед съездом Советов». Оно фактически связывает решающие шаги к взятию власти со съездом Советов, объявляет его гарантом созыва Учредительного собрания⁴³.

Ленин энергично борется против выжидательной позиции, все более заметной в действиях ЦК. В письме от 29 сентября, адресованном ЦК, он пишет: «... „Ждать“ съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*»⁴⁴. Не ограничиваясь критикой ЦК, Ленин продолжает разрабатывать свой план⁴⁵. ЦК же считал, что еще некоторое время необходимо вести широкую политическую кампанию за переход власти в руки Советов. Причины расхождений заключались в различной оценке зрелости ситуации и в сознании чрезвычайной ответственности решения о восстании. Зиновьев вспоминал: «Наш ЦК не согласился тогда с тов. Лениным. Почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эсеры имеют еще довольно много сторонников»⁴⁶.

А между тем в конце сентября — начале октября революционное настроение продолжало усиливаться. В стране развернулась настоящая крестьянская война против помещиков, обострились национальные противоречия. Армия выходила из повиновения правительству, перестала служить орудием насилия эксплуататорских классов. Между настроениями масс и настроениями части партийного актива, опасавшегося преждевременного выступления, усиливался разрыв, что грозило возможной изоляцией партии. Возросла опасность промедления.

В такой обстановке в ЦК под давлением Ленина начинается поворот к активной подготовке восстания. 3 октября принято решение о переезде Ленина

из Выборга в Петроград. 10 октября состоялось решающее заседание ЦК, на котором присутствовало 12 из 21 его члена. Товарищи радостно приветствовали Ленина. Страстно, с большой убедительностью доказывал он необходимость сосредоточить внимание на подготовке восстания. Точку зрения Ленина поддерживали Свердлов, Сталин, Троцкий и др. Против выступили только Каменев и Зиновьев. Они по-прежнему считали, что силы большевиков слишком малы. Нельзя, по их мнению, ставить на карту вооруженного восстания все наше будущее, а следует ждать Учредительного собрания и там добиться уступок. ЦК принял предложенную Лениным резолюцию. На первом месте — назревание мировой революции. Восстание в России рассматривается как звено общей цепи. Позже Ленин скажет, что большевики начали восстание исключительно в расчете на мировую революцию.

Для политического руководства действиями было создано Политическое бюро в составе: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов.

16 октября состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б) с участием представителей Петроградского комитета и Совета, Военной организации, профсоюзов и фабзавкомов. Ленин огласил резолюцию от 10 октября и глубоко обосновал содержащиеся в ней установки, подчеркнув, что история не простит нам, если мы не возьмем власть теперь. Каменев и Зиновьев снова выступили против вооруженного восстания, повторяя прежние доводы. Жаркие прения продолжались до 7 часов утра. Свердлов, Сталин, Скрипник, Сокольников, Дзержинский поддержали Ленина. Заседание ЦК 19 голосами против 2 при 4 воздержавшихся одобрило резолюцию от 10 октября и призвало усилить подготовку восстания. Предложение Зиновьева о недопустимости выступления до совещания с большевиками — делегатами съезда Советов было отвергнуто. Был создан партийный Военно-революционный центр, в который вошли Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий ⁴⁷.

Петроградский Совет еще до заседания ЦК окончательно решил вопрос о создании Военно-революционного комитета (в него и должен был войти Военно-революционный центр). Произошло острое столкновение с правыми эсерами и меньшевиками, которые увидели в этом создание штаба для захвата власти. Троцкий, отвечая им, заявил, что мы не делаем из этого тайны, так как нужно взять власть из рук безответственных деятелей.

В эти напряженные дни, когда всюду шла подготовка к решающему сражению, о разногласиях в партии и о позиции двух «видных» большевиков появилось сообщение в левой социалистической газете «Новая жизнь». Не было сомнений, что это будет использовано всеми противниками восстания. А 18 октября в той же газете было напечатано обширное заявление Каменева, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева подтвердил, что высказался против инициативы партии в вопросе о вооруженном восстании. В это же время Ленин пишет «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)». Он называет Каменева и Зиновьева «штейкбрехерами» и требует их исключения из партии ⁴⁸. Своей острейшей полемикой Ленин рассеивает впечатление, созданное выступлением Каменева, помогает окончательно покончить с колебаниями, добиться такого положения, чтобы противники восстания подчинились решениям ЦК.

Возвращаясь позже к этому конфликту, Ленин характеризовал позицию Каменева и Зиновьева не так резко. В 1920 г. он говорил о «превосходных коммунистах» ⁴⁹, совершивших ошибку из опасения, что большевики изолируются и что они чересчур рискованно ориентируются на подготовку восстания.

20 октября Сталин публикует в газете «Рабочий путь» письмо Зиновьева, в котором тот отказывается от полемики с Лениным. При этом он подчеркивает, что его подлинные взгляды очень далеки от тех, против которых выступает Ленин. Сталин от имени редакции добавляет, что осуждает резкость ленинского тона и заявляет о единомыслии «в основном». На заседании ЦК в тот же день

Троцкий заявил о недопустимости «заметки от редакции». Свердлов поддержал его, Сокольников квалифицировал это как ошибку⁵⁰.

Большинство членов ЦК решительно осудило выступления Каменева и Зиновьева, однако не приняло и предложение Ленина об исключении их из партии. Чувствовалось желание не обострять разногласий.

Складывание к осени 1917 г. объективных политических предпосылок создавало возможность завоевания власти пролетариатом. Но никакая зрелость условий для социалистической революции не могла автоматически, «с неизбежностью» привести к ее победе. И только от смелости и решительности партии большевиков, ее лидеров, готовности к борьбе рабочих и солдат зависело превращение данной возможности в реальность. И этот исторический шанс существовал в краткий исторический миг. Всего, может быть, несколько недель, в ходе которых политическая обстановка в стране могла бесповоротно измениться в пользу контрреволюционного правого лагеря. Ленин убедил большинство ЦК в своей правоте и сумел доказать несостоятельность политического анализа своих оппонентов, преодолеть их колебания и прямое нежелание бороться за власть.

ПОБЕДА

Почти непрерывно заседало Временное правительство. Оно начало стягивать в столицу отборные отряды из Петергофа, Гатчины, Ораниенбаума, Павловска. Вынашивались планы нанесения ударов по другим важнейшим городам страны, чтобы разбить там революционные силы и не дать им прийти на помощь Питеру.

20 октября состоялось первое заседание Военно-революционного комитета. В его работу включилась по указанию ЦК партии Военная организация большевиков со своим аппаратом и партийной сетью. ВРК принимает решение выслать в воинские части и на важнейшие объекты своих комиссаров, чтобы прочно овладеть положением⁵¹.

На следующий день Троцкий информировал представителей гарнизона о создании ВРК и по вопросу о власти. Штаб Петроградского военного округа, однако, не признал комиссаров ВРК⁵². Сопротивление штаба становится новым импульсом для активизации революционных сил. Отныне распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, объявляются недействительными⁵³.

Действия партии большевиков, Петроградского совета и его ВРК создали предпосылки для мирного исхода переворота в столице и тем самым способствовали относительно спокойному развитию революционных событий в большинстве промышленных центров страны.

Временное правительство решило перейти в наступление, чтобы упредить начало восстания. В ночь с 23 на 24 октября оно приняло решение закрыть большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат», арестовать членов ВРК, занять штаб революции Смольный. Рано утром 24 октября отряд юнкеров и милиции занял большевистскую типографию. Воинским частям было запрещено покидать казармы. Были вызваны части для охраны Зимнего дворца, юнкера стали занимать правительственные здания, вокзалы, разводить мосты на Неве.

На заседании ЦК РСДРП(б) 24 октября было решено не подчиняться Временному правительству и снова открыть типографию. По предложению Троцкого создается запасной штаб в Петропавловской крепости. Через несколько часов состоялось заседание Петроградского комитета большевиков совместно с партийным активом, которое признало необходимым перейти в наступление без малейшего промедления.

Обреченное историей правительство Керенского судорожно цеплялось за власть. В 13 часов 24 октября Керенский выступил в Предпарламенте с внеочередным заявлением. Он характеризовал положение как восстание и потребовал безоговорочной поддержки. Его речь, полная угроз по адресу большевиков,

была встречена аплодисментами правых и центра, но несогласием Мартова. Предпарламент вместо безусловной поддержки принимает туманную резолюцию.

В 14 часов собралась большевистская фракция Всероссийского съезда Советов, чтобы обсудить вопрос о захвате власти. Докладывали Троцкий и Сталин. По мнению Троцкого, военное положение складывалось в высшей степени благоприятное. Власть могла перейти к большевикам мирно. Теперь все зависело от съезда: «Если размякнет, то начнут колебаться нестойкие и нейтральные части»⁵⁴.

Петроградский Совет заседал в это время круглые сутки без перерыва. На вопрос, обращенный к большевикам, — собираются ли они выступить, Троцкий отвечал: «У нас есть правительство, жалкое и бессильное, которое ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы пытаемся избежать столкновения. Когда съезд Советов организует власть, он завершит ту работу, которая проделана по всей стране. Если же правительство попытается вонзить нож в спину, то мы ответим контратакой. На удар — ударом, на железо — сталь»⁵⁵.

Во второй половине дня ВРК начинает теснить правительственные войска. Был занят Главный телеграф, соединены мосты, разведенные юнкерами, район Зимнего дворца оказался в кольце революционных войск. Ожидаемые подкрепления с фронта не приходили, они задерживались по приказу ВРК.

24 октября Ленин узнает о попытках правительства остановить революцию. Газеты все еще отражали вчерашний и даже позавчерашний день: они были полны описаний митингов 22 октября, угроз по адресу большевиков, которые своими «выступлениями» срывают съезд Советов и Учредительное собрание. В буржуазных газетах сообщалось о якобы готовящемся компромиссе со штабом. Ленин крайне встревожен и, вероятно, предполагает, что в ЦК вновь усилились выжидательные тенденции. Всякая задержка представляется ему губительной. Он пишет и около шести вечера отправляет в Выборгский комитет партии письмо членам ЦК: «Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью... Промедление в выступлении смерти подобно»⁵⁶.

Письмо Ленина отметило главный недостаток в действиях большевиков — нерешительность в действиях, в результате чего восстание затягивалось. Поздно вечером Ленин в сопровождении Рахьи направился со своей нелегальной квартиры в Смольный. Ночью заседал ЦК. Ленин поставил вопрос о создании советского правительства, предлагал наметить состав, чтобы вынести его на утверждение съезда Советов, настаивал на немедленном захвате Зимнего дворца⁵⁷. С его приходом восстание приняло более стремительный характер. В 2 часа ночи были заняты Николаевский и Балтийский вокзалы, центральная электростанция, около 6 часов утра — Государственный банк, в 7 часов взята Центральная телефонная станция и выключены телефоны Временного правительства. И хотя оно еще заседало, город уже был в руках восставших.

В 10 часов утра ВРК опубликовал обращение «К гражданам России!», написанное Лениным, в котором говорилось, что государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Но успех революции нельзя было считать полным, пока не взят Зимний дворец и не арестовано Временное правительство. Керенский еще утром 25 октября, бросив своих министров на произвол судьбы, выехал на фронт за подкреплениями. Однако все его попытки окончились неудачей.

В 14 часов 35 минут состоялось экстренное заседание Петроградского Со-

вета. Троцкий под гром оваций доложил о результатах восстания. Восторженный гул, еще более возрос, когда на трибуне впервые после июльских дней открыто появился Ленин. Свое выступление он начал словами, которые облетели всю страну, весь мир: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»⁵⁸. После него выступил Зиновьев, выразивший уверенность в победе восстания. А в газете «Рабочий путь» он писал: «Последние надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние надежды, которых, каюсь, до самых последних дней был не чужд и пишуший эти строки, разбиты жизнью»⁵⁹. По предложению Володарского Совет громадным большинством принял ленинскую резолюцию, выражавшую поддержку победоносной революции.

В 22 часа 40 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. Состав съезда засвидетельствовал полную победу большевиков. Из 649 человек, прошедших регистрацию, 390, или более 60%, являлись большевиками⁶⁰. На возвышении сидели лидеры старого ЦИК. В последний раз открывали они заседание непокорных Советов, которыми правили с первых дней революции. В президиум съезда избираются большевики и левые эсеры. После этого члены старого ЦИК покидают трибуны, а их места занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Председателем съезда становится Каменев.

Меньшевики, правые эсеры и бундовцы огласили свои декларации, призывающие начать переговоры с Временным правительством об образовании нового кабинета и осуждающие восстание как преступление большевиков. Но они не были поддержаны и покинули зал. Вслед им неслось: «Дезертиры! Предатели! Скатертью дорога!»

В 11 часов вечера возобновился обстрел Зимнего дворца. Красногвардейцы и матросы проникли во дворец и начали растекаться по его многочисленным залам, кабинетам, лестницам, шаг за шагом преодолевая сопротивление юнкеров. В 2 часа ночи весь Зимний был в руках восставших, а спустя десять минут В. А. Антонов-Овсеенко арестовал 13 министров последнего буржуазного правительства.

Бурной овацией встретили делегаты съезда Советов это сообщение и приступили к обсуждению вопроса о власти. Меньшевики-интернационалисты внесли предложение найти мирный выход, но оно было отвергнуто подавляющим большинством. «Нет никакого мирного выхода! — гремел зал. — Единственный выход — победа!» Меньшевики-интернационалисты также покинули зал. От имени фракции большевиков Луначарский огласил написанное Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!» «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, — говорилось в обращении, — опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»⁶¹.

В 5 часов утра 26 октября обращение было принято абсолютным большинством голосов при 2 против и 12 воздержавшихся. Лозунг большевиков «Вся власть Советам!» воплотился в жизнь.

Вечером 26 октября открылось второе и последнее заседание съезда. Ленин, руководивший завершающими операциями восстания, на первом заседании не присутствовал. Обширный зал уже давно был переполнен делегатами, а президиум все еще не появлялся... Большевики и левые эсеры отдельно вели фракционные заседания. Весь день ушел у Ленина на борьбу со сторонниками компромисса. Часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства, опасаясь оказаться в изоляции. Но Ленин, которого особенно поддерживал Троцкий, был тверд: «Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство!» Левые эсеры, колебавшиеся между революцией и соглашательством, не приняли предложения участвовать в новом

правительстве, настаивая на примирении большевиков с покинувшими съезд правыми эсерами и меньшевиками. Тогда Ленин предложил составить правительство из одних большевиков.

Было ровно 20 часов 40 минут, когда громовая волна приветствий и оваций возвестила появление членов президиума и Ленина среди них. По его докладом съезд принимает исторические декреты о мире и земле и утверждает постановление об образовании Временного рабочего и крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. В его состав вошли: В. И. Ленин — Председатель, А. И. Рыков — нарком по внутренним делам, В. П. Милютин — нарком земледелия, А. Г. Шляпников — нарком труда, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. А. Дыбенко — образовавшие комитет по военным и морским делам, В. П. Ногин — нарком торговли и промышленности, А. В. Луначарский — нарком просвещения, И. И. Скворцов-Степанов — нарком финансов, Л. Д. Троцкий — нарком иностранных дел, Г. И. Оппоков (Ломов) — нарком юстиции, И. А. Теодорович — нарком продовольствия, Н. П. Авилов (Глебов) — нарком почт и телеграфа, И. В. Сталин — нарком по делам национальностей. Пост наркома железнодорожного транспорта остался незамещенным. Позднее, в ноябре — декабре, в результате переговоров, в состав Совнаркома вошли шесть левых эсеров, и правительство стало двухпартийным.

Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. В него вошел 101 человек, в том числе 62 большевика. Его председателем стал Каменев, который через несколько дней из-за разногласий с ЦК был заменен Я. М. Свердловым. Началась организация Советской власти по всей стране.

Октябрьская революция победила под лозунгом «Вся власть Советам!» Роль всенародного Учредительного собрания выполнил II съезд Советов. Но идея Учредительного собрания была очень популярна среди народных масс, особенно крестьянских. Учитывая это, большевики не отказывались провести выборы и созвать собрание. По имеющимся данным, в 68 округах голосовало 44 443 тыс. избирателей. Большевики, получив 24% голосов, имели решающий перевес в Петрограде, в Москве, в других крупных городах, во многих тыловых гарнизонах, на Северном и Западном фронтах и на Балтийском флоте. За мелкобуржуазные партии проголосовало 59% избирателей, за буржуазно-помещичьи — 17%⁶². Большинство в Учредительном собрании получили правые эсеры.

Учитывая неблагоприятные для большевиков итоги выборов, контрреволюционные силы стали готовиться к реваншу, связывая свои планы с Учредительным собранием. В этой опасной ситуации большевики предприняли ряд шагов. Советам было предоставлено право отзыва депутатов из Учредительного собрания. Декрет об аресте вождей гражданской войны, принятый 28 ноября, был направлен и против кадетов-депутатов Учредительного собрания. Бухарин, которого поддержал Троцкий, потребовал изгнать кадетов и объявить левую часть Учредительного собрания революционным конвентом. На II съезде Советов крестьянских депутатов была принята резолюция большевиков и левых эсеров, предупреждавшая, что Учредительному собранию будет оказано противодействие, если оно откажется признать за Советами право на власть. Вслед за Учредительным собранием созывался III съезд Советов.

Существовала ли тогда возможность комбинирования Учредительного собрания и Советов как российской модели демократии? Зиновьев и Каменев в своем письме «К текущему моменту» отвечали на этот вопрос положительно. Они считали, что большевики будут в Учредительном собрании сильной оппозицией, а Советы, где они преобладали, станут опорой для революционной работы Учредительного собрания. Так могла решиться проблема национального согласия. Но этого не произошло. Ленин и его сторонники усмотрели в такой комбинации отказ от власти, от диктатуры пролетариата, без чего они не мыслили движения к социализму. Лидеры Учредительного собрания во главе с Черновым выдвинули лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», прямо противопоставив его власти Советов. Непримиримость оппонентов, отвергавших полити-

ческий плюрализм, разгоравшаяся гражданская война — все это предопределило драматический финал судьбоносного спора.

Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г. Я. М. Свердлов предложил обсудить и утвердить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В соответствии с ней Россия объявлялась Республикой Советов, учреждаемой на основе свободного союза свободных народов. Декларация призвала немедленно осуществить самые сокровенные чаяния народных масс — о мире, земле, национальном освобождении. Учредительному собранию предлагалось подтвердить выбор революционно-демократического пути к социализму. Но право-социалистическое большинство Учредительного собрания расценило это как ультиматум, принятие которого обрекало Учредительное собрание на роль придатка Советов и означало его самороспуск. Оно отказалось обсуждать Декларацию и перешло к рассмотрению законопроектов о мире, о земле, о государственном устройстве России, подготовленных правыми эсерами. Большевики и левые эсеры восприняли это как открытую конфронтацию правых социалистов с Советской властью, как открытый вызов всей трудящейся России. Большевики покинули зал заседаний. Вслед за ними ушли и левые эсеры. В ночь на 7 января по докладу В. И. Ленина ВЦИК утвердил декрет о роспуске Учредительного собрания. Ни один депутат не пострадал. Позднее многие из них примут участие в создании контрреволюционных правительств, первыми поднимут оружие против Советской власти. Но гибель свою они примут не от рук большевиков, а будут казнены по приказу адмирала Колчака в Омске, на берегу Иртыша.

В нашей литературе многие годы доказывалось, что народные массы встретили с одобрением действия большевиков. Но это не совсем так. Разгон Учредительного собрания не приняла значительная часть мелкобуржуазного населения страны, возлагавшая на демократически избранное учреждение большие надежды. Эта акция вызвала и ожесточенное сопротивление большевикам других социалистических партий, отход от революции части демократически настроенной интеллигенции.

* * *

В революционном 1917 году в сознании большинства трудящихся масс определился качественный сдвиг: отчаянная борьба за выживание, породившая волну социальных утопий и ожиданий, заставила их сделать выбор в пользу большевизма. В сложившихся условиях неизмеримо усложнилась задача управления процессом создания основ социализма на том сложном многоукладном базисе, где преобладала неподготовленная к социалистическому переустройству жизни крестьянская стихия.

Ленинский путь развития нового строя учитывал это и был ориентирован на общедемократические и первоочередные социальные интересы масс. Декрет о мире отвечал интересам абсолютного большинства трудящихся всех стран. Декрет о земле, объявив землю общенародной собственностью, учитывал представление подавляющего большинства крестьян о справедливости. Декрет о рабочем контроле открывал путь для создания рабочего самоуправления. Декларация прав народов России и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа обеспечивали удовлетворение запросов свободного национального развития угнетенных народов. Строительство основ социализма предполагалось осуществлять в ходе окончательного выполнения демократических задач революции; социалистическое воспитание масс предполагалось вести на базе развития их собственного опыта⁶³.

Социалистическая революция могла считаться законченной по-настоящему только с завоеванием демократии. Как и когда зарождалась авторитарная альтернатива развития советского общества, почему она победила? — эти вопросы нуждаются в дальнейших исследованиях.

Примечания

- ¹ Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982, с. 129.
- ² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 54, с. 82.
- ³ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 68.
- ⁴ Энциклопедический словарь Гранат, т. 16, с. 11—12.
- ⁵ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия в 1917 году. М., 1964, с. 16.
- ⁶ Там же, с. 16.
- ⁷ Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917—1970). 2-е доп. изд. М., 1973, с. 12;
- Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975, с. 385.
- Подробнее об этом см.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, современность. М., 1987, с. 177, 179.
- ⁹ История КПСС, т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 244.
- ¹⁰ Шляпников А. Семнадцатый год, т. 1. М.—Л., 1923, с. 180—182.
- ¹¹ Правда, 1917, 8 апреля.
- ¹² См.: Троцкий Л. Д. Перманентная революция. Берлин, 1930.
- ¹³ Рейман М. Русская революция 23 февраля — 25 октября 1917. Прага, 1968, с. 17. Эта книга была в свое время подвергнута несправедливой критике в нашей печати. (См., напр.: Голуб П. А. История Октября с позиций реформизма // Вопросы истории КПСС, 1968, № 12)
- ¹⁴ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 49.
- ¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 169.
- ¹⁶ См.: Речь, 1917, 26, 28, 29 марта.
- ¹⁷ См.: Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925, с. 20.
- ¹⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 109.
- ¹⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, док. 189, с. 252—253.
- ²⁰ Правда, 1917, 4 мая (21 апреля)
- ²¹ Рейман М. Указ. соч., с. 196, 197.
- ²² Революционное движение в России..., док. 434, с. 485—486.
- ²³ Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. М.—Л., 1930, с. 261—269.
- ²⁴ Там же, с. 380.
- ²⁵ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.—Л., 1927, с. 153—166; Вопросы истории КПСС, 1966, № 5, с. 49—50.
- ²⁶ Правда, 1917, 26 (13) июня; Суханов Н. Записки о революции, кн. IV. М., 1922, с. 302—310.
- ²⁷ Подробнее об этом см.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- ²⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 300—301.
- ²⁹ Троцкий Л. Д. История русской революции, т. 2, ч. 1. Берлин, 1933, с. 40—41.
- ³⁰ Новая жизнь, 1917, 8 июля.
- ³¹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958, с. 44—45.
- ³² Сокольников Г. Как подходить к истории Октября // Сб.: За ленинизм. М.—Л., 1925, с. 166.
- ³³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 49.
- ³⁴ Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 319.
- ³⁵ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 55.
- ³⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 53, с. 14.
- ³⁷ Троцкий Л. Д. Наши разногласия // Коммунистическая оппозиция в СССР, т. 3 [США], 1988, с. 127.
- ³⁸ Рейман М. Указ. соч., с. 280.
- ³⁹ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 65.
- ⁴⁰ Там же; Троцкий Л. Д. Соч. Т. 3, ч. 1. М., 1925, с. 305—307, с. 359—360; его же. История русской революции, т. 2, ч. 1, с. 378.
- ⁴¹ Рейман М. Указ. соч., с. 283.
- ⁴² Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., с. 288—290.
- ⁴³ Рабочий путь, 30 сентября 1917; Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 73.
- ⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 281.
- ⁴⁵ См. там же, с. 383.
- ⁴⁶ Зиновьев Г. Е. Ленин. М., 1924, с. 42.
- ⁴⁷ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 93—105.
- ⁴⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 427.
- ⁴⁹ Там же, т. 41, с. 417.
- ⁵⁰ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 115; Троцкий Л. Д. История русской революции, т. 2, ч. 2, с. 179.
- ⁵¹ Великий Октябрь и защита его завоеваний. Победа социалистической революции. М., 1987, с. 164—165.

- ⁵² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957, с. 228.
- ⁵³ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. Т. 1. М., 1966, т. 1, с. 60—62.
- ⁵⁴ Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 88—90.
- ⁵⁵ Рабочий путь, 1917. 26 октября.
- ⁵⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 435—436.
- ⁵⁷ Владимир Ильич Ленин. Биохроника. Т. 4, с. 401—402.
- ⁵⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 2.
- ⁵⁹ Рабочий путь, 1917, 25 октября.
- ⁶⁰ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2, М., 1968, с. 957.
- ⁶¹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 11.
- ⁶² Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976, с. 270—271, 173. Всего было 79 округов с 90 млн. избирателей.
- ⁶³ Более подробно см. Булдаков В. П. 1917 год: большинство народа и революционное сознание // Вопросы истории КПСС, 1989, № 6, с. 55, 56.

© 1990 г.

Ш. З. ИЛЬЯСОВ

УЧАСТИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВОМ

(К вопросу об определении содержания понятия)

Без широкого привлечения трудящихся к реальному управлению общественным производством немыслима активизация человеческого фактора в той мере, в какой этого требует успешное осуществление перестройки. Поэтому «предметом особого внимания партии является использование всех форм непосредственной демократии»¹, прежде всего «развитие демократии на производстве, последовательное внедрение подлинно самоуправленческих начал в работу трудовых коллективов»². Партия рассматривает развитие демократии на производстве как «важнейшее направление в углублении и расширении социалистической демократии в целом», как «рычаг, который поможет обеспечить широкое и активное участие трудящихся во всех сферах общественной жизни, позволит избежать многих ошибок и просчетов»³. В связи с этим партия и добивается «... организации производства», при которой «трудящиеся реально выступают как его хозяева...»⁴.

Однако, отмечая огромное значение широкого привлечения трудящихся к управлению производством в условиях перестройки, следует подчеркнуть, что это сущностная потребность социализма вообще. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин указывал, что «необходимо еще и еще расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства»⁵, что «если мы этой задачи не решим... тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца»⁶. Поэтому вполне понятно, что вопрос о привлечении рабочего класса к управлению производством ставился и решался на всех этапах социалистического строительства в нашей стране. Но решался он в зависимости от конкретно-исторических условий и требований.

О состоянии изученности этой темы в советской историографии существуют различные точки зрения. Одни авторы считают, что она достаточно разработана⁷, по мнению других, она находится в стадии формирования⁸. Такое противоречие во многом объясняется различным пониманием «участия рабочих в управлении производством». Судить об этом понимании можно в ряде случаев по содержанию работ, которые лишь попутно касаются этого вопроса⁹. В литературе были предприняты и попытки дать определение понятия «участие трудящихся

Ильясов Шамсудин Запирович, кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета.

в управлении производством». В частности, это определение сводится к перечислению вопросов производственной деятельности коллектива, в решении которых трудящиеся участвуют¹⁰.

Существует в литературе понимание участия трудящихся в управлении производством в самом широком смысле. Утверждается, что все трудящиеся как граждане государства заняты в процессе управления, поскольку они участвуют в выборах в верховные и местные органы власти, в различных общественных кампаниях по месту работы и жительства, в массовых дискуссиях о тех или иных народнохозяйственных проблемах, во всенародном обсуждении проектов законов, пятилетних планов, выступают по этим вопросам в печати. Каждый трудящийся управляет своим предприятием хотя бы потому, что является членом данного трудового коллектива. Такой подход, конечно, не способствует решению проблемы. Более того, он является по существу отказом от серьезной ее разработки. Вполне обоснованно опасение, что «утверждение о том, что трудящиеся в той или иной форме а то и сразу в нескольких формах уже участвуют в управлении производством, создает псевдооптимистическую картину», тем самым фактически игнорируется актуальность проблемы¹¹.

Лишено необходимой качественной определенности и понимание участия рабочего класса в управлении производством как вообще практической деятельности рабочих на своих предприятиях, так и их деятельности в различных общественных организациях. «Участие рабочих в управлении производством, — считает, например, В. Д. Атрощенко, — идет по следующим основным направлениям: участие в управлении производством через своих представителей в выборных партийных и советских органах и непосредственное участие в управлении народным хозяйством в целом, в работе различных формирований в промышленных коллективах»¹². При данной трактовке под участием рабочих в управлении производством можно подразумевать любую их общественную деятельность, любое проявление инициативы.

Некоторые исследователи, придерживаясь в основном широкого понимания участия трудящихся в управлении производством, делят формы этого участия на две группы. Первая включает формы непосредственного участия в управлении производством, вторая — формы, содержащие элементы как «прямых» управленческих функций, так и «косвенных», способствующих воспитанию сознательного стремления трудящихся добиться роста производительности труда, повышения эффективности общественного производства, снижения затрат на изготовление продукции¹³.

Более точным, на наш взгляд, представляется определение, которое предлагают В. И. Мухачев и В. С. Боровик: «Участие трудящихся в управлении производством есть их целенаправленная деятельность на общественных началах по подготовке и принятию управленческих решений, организации их выполнения, корректированию и контролю. Трудящиеся участвуют в управлении, работа в общественных органах управления предприятием, а также внося предложения, направленные на улучшение работы производственного коллектива»¹⁴. Но и здесь нет четкости в том, что же собой представляют управленческие решения и насколько реально участие рабочих в их подготовке и принятии.

Вообще следует отметить, что при всей своей несхожести формулировок понятия «участие трудящихся в управлении производством» они совпадают по существу — все они априорны. Это, конечно, не случайно и прежде всего потому, что конкретные условия развития исторической науки исключали возможность всестороннего подхода к разработке этой проблемы и в более ранние периоды, и в 60-х — первой половине 80-х гг. Поэтому обобщение опыта по вовлечению трудящихся в управление производством, особенно в последний, доперестроечный период, освещение методологического и историографического аспектов темы имеют большое теоретическое, практическое и политическое значение. В этот период была осознана необходимость перехода к интенсификации общественного производства, намечены пути ее осуществления, что получило

подтверждение и развитие в материалах мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС, XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии, определивших основные направления экономической политики партии на этом этапе развития советского общества. Это, в свою очередь, обусловило необходимость привести в соответствие с новыми задачами хозяйственного строительства формы и методы производственной активности трудящихся. Однако, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, несмотря на множество «призывов и разговоров на этот счет», «дела практически стояли на месте»¹⁵.

В документах и выступлениях того времени, имевших директивное значение, период, когда «в жизни советского общества начали проступать застойные явления»¹⁶, характеризовался как «развитой социализм», важнейшие отличительные признаки которого определялись как «полный простор для действия законов социализма, для выявления его преимуществ во всех сферах общественной жизни, органическая целостность и динамизм социальной системы, ее политическая стабильность, несокрушимое внутреннее единство»¹⁷. Подобная трактовка обуславливала изначальную заданность характера освещения проблем развития советского общества, в том числе и проблем развития демократизма в управлении производством, исключала объективный анализ реальностей. В реальности налицо был процесс отчуждения рабочих от управления производством. Причин этого можно назвать много. Но среди них прежде всего следует выделить те, которые обусловлены характером форм социалистической собственности.

Социалистическая собственность в нашей стране сложилась в основном в форме государственной собственности. Государственная собственность в большинстве случаев стала отождествляться с общенародной, хотя таковой на деле не была. Государственная собственность в значительной степени являлась материальной базой для развития бюрократии. Сфера непосредственно общественной собственности, опирающейся на самоуправление, была резко ограничена. При таком положении, как справедливо отмечает В. П. Шкредов, предприятие выступало в качестве лишенного самостоятельного интереса исполнителя государственной воли. Практически трудовые коллективы ставились в положение, вынуждающее их относиться к средствам производства не как к своим или нашим, а как к чужим либо ничейным¹⁸.

Решения апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС положили начало перестройке советского общества на основе всемерного развития социалистической демократии и радикальной экономической реформы. Первые же итоги социологических обследований в свете гласности и правдивости, как того требует практика перестройки, показали, что вопросы самоуправления трудящихся на производстве нуждаются в научном осмыслении.

В этой связи особый интерес представляет социологическое обследование на промышленных предприятиях г. Иванова в мае 1987 г., проведенное сотрудниками Института международного рабочего движения АН СССР и кафедрой научного коммунизма Ивановского энергетического института. Оно показало, что 68% рабочих чувствуют себя «хозяевами» производства на своем рабочем месте. Это чувство на уровне бригады и участка сохраняется лишь у 38%, цеха и отдела — у 21%, а предприятия в целом — лишь у 11% опрошенных. Примерно тоже демонстрируют и другие данные, характеризующие настроение членов коллектива, их готовность к проявлению инициативы и самостоятельности. На вопрос об отношении к мнению коллектива различных представителей администрации 63% опрошенных ответили, что с мнением коллектива обычно считаются бригадиры, 44% — мастера, 26% — начальники цехов и лишь 13% — директора предприятий. Изъявили готовность критиковать публично рядовых рабочих 84% опрошенных, рядовых инженерно-технических работников и мастеров — 73—77%, начальников цехов — 59% и директоров предприятий — 39% опрошенных¹⁹.

Командный метод позволяет администрации руководить производством без привлечения к управлению трудящихся. По данным анкетного опроса, проведенного Академией общественных наук при ЦК КПСС, лишь 16% руководителей предприятий отметили необходимость привлечения трудящихся к управлению. Свыше половины руководителей не смогли дать ответ на вопрос о том, каковы формы участия трудящихся в управлении производством. В анкетном же опросе, проведенном сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, лишь 10% из числа опрошенных директоров указали на необходимость развития демократии на производстве²⁰.

Сверхцентрализация в экономике привела к консерватизму, к развитию узковедомственных тенденций, к своеволию руководящих государственных органов и лиц, породила бюрократизм, некомпетентное управление, ослабление государственного контроля за производством, распределением, обменом и потреблением продуктов общественного труда. Механизм управления, десятилетиями формировавшийся в указанном направлении и в одночасье который перестроить невозможно, стал важнейшей причиной все нарастающей колоссальной неорганизованности в развитии производства. «Бесхозяйственность, — указывалось на мартовском 1989 г. Пленуме ЦК КПСС, — уносит до 20, а по некоторым продуктам — до 30—40 процентов всего производимого на селе»²¹. В среднем ежегодные потери в народном хозяйстве приблизились к 240 млрд. руб. Материальные потери только за 1986 г. были эквивалентны потерям нашей страны за 4 года Великой Отечественной войны²². Такая практика хозяйствования не только расхолаживает трудящихся. Она утверждает в них убеждение во всесиилии бюрократии, сеет сомнения в целесообразности творческого инициативного труда, хозяйского подхода к делу.

Данное положение усугубляется отсутствием очевидной зависимости уровня материальной обеспеченности трудящихся от количества и качества их труда. В условиях административно-командной системы управления материальное вознаграждение добросовестного работника существенно не отличается от вознаграждения работающего кое-как. Ограничение возможного заработка определенным и при этом довольно низким пределом, снижение расценок сдерживают проявление инициативы и творческой активности трудящихся, умеющих и желающих эффективно работать, не позволяя им добиться должной материальной обеспеченности за счет общественно полезного труда.

Административно-командный подход игнорирует необходимость тесного сочетания индивидуальных и общественных интересов. При нем нет достаточно тесной зависимости индивидуальной оплаты от общих результатов производственной деятельности предприятия. Оплата труда формируется как величина, производная от общегосударственного фонда, и по своей сути больше уподобляется пособию, нежели заработной плате, которая нередко бывает выше на отстающих предприятиях, чем на передовых. Нарушение принципа социализма, предполагающего оплату по труду, лишило заработную плату одного из важнейших своих предназначений, заключающегося в том, чтобы служить предпосылкой преодоления отчуждения трудящихся от средств производства.

Довольно активно служит отчуждению трудящихся от средств и продуктов общественного производства снижение значения заработной платы в качестве предпосылки воспроизводства рабочей силы. Для большинства трудящихся масс заработной платы становится все менее надежным источником существования.

Средняя заработная плата рабочих и служащих составила в 1986 г. 195,6 руб., в 1987 г. — 217 руб.²³. Однако сами по себе эти данные мало что говорят о материальном положении трудящихся, тем более о его изменении. Для этого они должны быть дополнены сопоставлением величины рационального потребительского бюджета в расчете на члена семьи и достигнутого совокупного дохода, в том числе и среднемесячной заработной платы, тоже в расчете на члена семьи, так как мера материального благополучия определяется в конечном счете не

столько доходом самого работника как такового, а долей этого дохода, приходящегося на члена его семьи.

По расчетам экономистов, величина рационального потребительского бюджета на члена семьи в месяц в начале 80-х гг. составляла 250—300 руб.²⁴. А совокупный доход в месяц в расчете на члена семьи составлял в 1980 г. 121 руб., в 1985 г. — 135 руб. и в 1987 г. — 143 руб.²⁵. Среднемесячная заработная плата в расчете на члена семьи была еще ниже. В 1980 г. она составляла 83,6 руб., в 1985 г. — 90,8 руб. и в 1987 г. — 95,9 руб. Рост заработной платы ежегодно в расчете на члена семьи составлял в среднем 1,7%²⁶, в то время как цены ежегодно росли в среднем на 5—7%²⁷.

Так характеризуют средние показатели роль заработной платы в материальном обеспечении трудящихся. Но у весьма значительной части трудящегося населения подобные показатели намного ниже средних. По официальным данным, около 40 млн. человек в нашей стране имеют совокупный доход до 75 руб. в месяц²⁸. Если исходить из соотношения между совокупным доходом и заработной платой членов семьи, определенного Госкомстатом СССР, заработная плата в расчете на члена семьи трудящихся указанной категории составляет в пределах 52 руб. 32 коп.²⁹ — значительно ниже прожиточного уровня.

Сложилась ситуация, когда заработная плата перестала обеспечивать для довольно значительной части работающих прожиточный минимум по самым скромным меркам лично им самим, не говоря уже о семье. Эта проблема появилась, конечно, не в условиях перестройки. Перестройка ее лишь более четко обнажила.

Однако не в столь отдаленном прошлом данная проблема тщательно оберегалась от общественной огласки. Более того, наблюдалось стремление обойти ее, сделать вид, что такой проблемы вообще не существует. Уже тем фактом, что заработная плата формировалась как величина, производная от общегосударственного фонда, как бы официально признавалась возможность для трудящегося даже при минимальной заработной плате существовать без ущемления элементарных жизненных потребностей. Подобное мнение утверждалось всеми возможными средствами воздействия. Факты повышения средней заработной платы, а также ее минимального размера преподносились как свидетельство неуклонного роста благосостояния трудящихся. Однако все это резко противоречило реальности, а потому и воспринималось в общественном сознании в большинстве случаев как официальный цинизм. В противовес ему формировался цинизм житейский, обыденный, который бытовал в таких довольно широко распространенных поговорках, как «пусть лошадь думает, на то у нее и голова большая», «чтобы ты жил на одну зарплату» и т. д.

Официальные попытки в этих условиях внушить трудящимся, что они хозяева производства, воспринимались равнодушно, даже встречали противодействие. Мелкие хищения государственной собственности многие трудящиеся стали расценивать не как воровство, а как «добирание» у государства в дополнение к низкой заработной плате. В массовом обыденном сознании предпочтение все больше стало отдаваться не работе ради заработной платы, а условиям работы, дающим возможность «добирать».

Одним из негативных условий, способствующих отторжению трудящихся от общественного производства, является ручной труд. Им в стране занято около 50 млн. человек: примерно треть рабочих в промышленности, более половины — в строительстве, три четверти — в сельском хозяйстве³⁰. Ручной труд малопроизводителен, обычно не требует квалификации. Он нередко довольно тяжел и изнурителен, но низкооплачиваем и непрестижен. Для лиц, занятых ручным трудом, незначительны шансы профессионального роста, продвижения по работе. Зачастую сам характер и содержание ручного труда резко ограничивают возможности творческого поиска, не способствуют стремлению развивать, совершенствовать производство. В большинстве случаев ручной труд ис-

пользуется во вспомогательных производственных процессах, и лица, занятые им, поневоле оказываются как бы отстраненными от сферы основного производства, от его проблем.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но в отчуждении трудящихся от управления производством определенную роль сыграла и ситуация, сложившаяся в связи с ростом уровня народного образования. Образование, конечно, само по себе является необходимым условием развития социальной, в том числе и производственной активности трудящихся. Но то, как решалась проблема развития народного образования в нашей стране, особенно осуществление обязательного всеобщего среднего образования, породило немало и негативных моментов.

С введением в стране обязательного всеобщего среднего образования стал неуклонно расти удельный вес лиц, получивших такое образование. Отметим, что речь идет о населении трудоспособного возраста. В расчете на 1000 человек удельный вес такого населения вырос с 588 в 1970 г. до 764 в 1987 г.³¹ Около 80% выпускников средних школ настроено учиться в вузах, попадает же в них лишь около 20%³². Это порождает неоправданную миграцию молодежи, ее недовольство своей судьбой, которое с приходом на производство закрепляется, а порою даже усиливается, так как молодежь, как правило попадает на работу низкооплачиваемую, малопrestiжную, не требующую особой квалификации, оказывается в условиях, ставящих под сомнение целесообразность иметь среднее образование. Но даже и там, где необходимость среднего образования диктуется условиями труда, многие выпускники не чувствуют себя уверенно.

Еще один важный аспект, связанный с образованием населения. Дело в том, что между провозглашенным и якобы существующим всеобщим средним образованием молодежи и ее реальной образовательной подготовкой имеется большой разрыв. Курс на всеобщее среднее образование не был подкреплен соответствующей материальной базой. Состояние ее постоянно ухудшается. С 1970 по 1986 г. доля расходов на образование в бюджете нашей страны сократилась с 11% до 8%. Техническая оснащенность учебных заведений оказалась в два раза ниже минимально необходимой³³. Как свидетельствуют и социологические данные, и многочисленные выступления в печати, да и сама жизнь, всеобщее среднее образование стало превращаться в формальность, из школы стало выходить немало выпускников, не освоивших даже его азов. Не лучше положение и в системе профессионально-технического образования. Все это породило серьезные общественные проблемы, в том числе и на производстве. Трудно приживается молодежь в сфере общественного производства, что не может не вызывать тревоги. Показательны в этом отношении социологические данные, в частности, исследования проведенные учеными научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Из них следует, что около 60% молодых рабочих на производстве являются «временщиками»³⁴.

Отчуждение трудящихся от общественного производства, от управления им является реальностью. Породила его административно-командная система управления. Однако нельзя признать это, не признавая несовместимости самой системы с природой социализма в его ленинском понимании. Ведь общеизвестно ленинское указание, что «социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»³⁵. Поэтому до апрельского 1985 г. Плenum ЦК КПСС приемлемыми мог быть только утвердительный ответ на вопрос о наличии у нас демократии вообще, производственной в особенности. Командно-административная система тщательно прикрывалась широко демонстрируемой формальной демократией. Было бы даже вернее назвать ее принудительной демократией, так как демонстрация демократического ритуала была делом обязательным.

Широко демонстрировалась как представительная, так и непосредственная демократия на производстве и вообще в общественной жизни страны. Численность депутатов Советов всех степеней вместе с их активом составляла обычно

около четверти взрослого населения страны, в 1987 г., например, около 32,5 млн. человек³⁶. Однако партийно-советский аппарат подмял Советы, взяв на себя решение вопроса о том, кому быть депутатом. Выборы без выбора превратились в формальность, а депутаты — в безмолвный и безголосый придаток аппарата. В депутатах, избранных по разнарядке «сверху», трудящиеся по существу перестали видеть своих представителей в выборных органах власти. Такие депутаты не пользовались авторитетом в своих трудовых коллективах. Во многих случаях по отношению к ним складывались даже неприязненные отношения. Подобное положение явилось одной из основных причин политической реформы в нашей стране, так как перестройка, предполагающая всемерное развитие социалистической демократии, невозможна без обеспечения полновластия Советов и высокого авторитета их депутатов как подлинных представителей трудящихся в выборных органах власти.

Сложилась широкая сеть массовых общественных организаций, призванных вовлекать трудящихся в управление производством. Самые многочисленные среди них — профсоюзы. Членами профсоюзов являются почти все трудящиеся нашей страны. В связи с этим профсоюзы и были определены в качестве основного звена системы, через которую должно было осуществляться развитие демократизма трудящихся на производстве. Профсоюзы и были наделены всеми возможными функциями. Однако фактически они не получили юридического статуса осуществления этих функций. А роль их была сведена к содействию деятельности хозяйственных руководителей. Соблюдение самостоятельных начал в профсоюзной жизни свелось к формальному акту. Профсоюзные организации оказались лишенными такой жизненно необходимой для самостоятельной организации возможности, как самим решать вопрос о своих руководящих органах. Вопрос о составе этих органов фактически решался представителями соответствующих партийных и административных инстанций, а роль выборов в профсоюзных организациях сводилась лишь к формальному закреплению этого решения. Все это привело к тому, что руководящие профсоюзные органы ориентировались на партийные и административные инстанции.

Формальное, а не реальное проявление активности рабочих стало характерным для всех общественных формирований на производстве. Именно это требовалось административно-командной практике хозяйствования. Более того, она была заинтересована во все большем увеличении количества подобных общественных формирований как свидетельстве все расширяющейся «демократизации» управления производством. Количество общественных организаций все больше росло, а следом появлялось и дублирование ими функций друг друга. По существу, одними и теми же вопросами стали заниматься организации научно-технических обществ (НТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Дублировали друг друга постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), советы бригадиров, советы мастеров, советы начальников цехов и т. д. Однако количество всевозможных штабов, комиссий, советов, комитетов, бюро на общественных началах не уменьшалось, а все больше увеличивалось. Сколько-нибудь существенного положительного влияния на производство они не оказывали. В большинстве случаев их деятельность приводила к растранижению времени трудящихся, отрывало их от основной работы. Исследователи неоднократно указывали на это положение, выступали с рекомендациями об его улучшении. Но их предложения не учитывались.

Справедливости ради, следует отметить, что административно-командная практика хозяйствования знает немало инициатив и начинаний трудящихся. Многие широко известны во всей стране. Щекинский химкомбинат выступил с инициативой увеличить выпуск продукции путем совершенствования организации производства, труда и системы заработной платы при одновременном уменьшении численности работающих. Свердловчане и ивановцы предложили пути повышения эффективности производства за счет реконструкции активной

части основных фондов. На Львовщине родилась комплексная система управления качеством продукции. Из Москвы и Мурманска шагнул на стройплощадки бригадный подряд. В Тольятти вызрела вазовская система организации труда и производства. Нурек дал путевку «рабочей эстафете».

Однако однозначно оценить эти почины и начинания как демонстрацию эффективности самой административно-командной практики хозяйствования, видимо, нельзя. Многие из этих починов по существу были отрицанием той самой системы, в рамках которой они развивались. Именно поэтому эти начинания могли существовать только при специальной поддержке и только в качестве отдельных образцовых примеров. Это понимали в ряде случаев и сами их инициаторы. Например, комплексная бригада управления Зеленоградской Главмостроя, возглавляемая дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, автором метода бригадного хозрасчета в строительстве Н. А. Злобиным, когда был поставлен вопрос о переводе всего управления на коллективный подряд, единодушно проголосовала против. Для многих это оказалось полной неожиданностью. На самом же деле ничего неожиданного здесь не было. Бригада восприняла это как угрозу своему привилегированному положению, ведь ее в первоочередном порядке обеспечивали всеми необходимыми материалами, конструкциями, ей создавались, в отличие от других бригад, условия для эффективной работы. Корреспондент, ознакомившийся с инцидентом, метко подметил суть хозяйственной практики, породившей его. «Удивительное дело: требование полностью загрузить бригаду работой считалось привилегией! Даже труд в поте лица,— пишет он с возмущением,— бюрократ готов преподнести как нечто аморальное»³⁷.

По данным социологических исследований, около 40% рабочих не участвовало ни в каких формах управленческой деятельности и не видело никакой необходимости в этом. Многие же из тех, кто участвовал, считали эту деятельность малоэффективной. При этом чем выше у рабочих были образование и квалификация, тем ниже была их оценка меры реальности своего участия в управлении производством³⁸.

Вместе с тем следует отметить, что нарастающая по масштабам агитационно-пропагандистская работа по развитию инициативы масс на производстве, довольно пристальное внимание к созданию и обеспечению функционирования многочисленных общественных формирований на производстве, набегавшие одна на другую различные кампании по привлечению трудящихся к изысканию внутренних резервов производства содействовали осознанию определенной частью трудящихся необходимости и реальности своего участия в управлении производством. Если в общей массе, как уже указывалось выше, на уровне предприятия лишь 10—15% рабочих чувствовали себя хозяевами производства, то среди участвующих в различных формах общественной деятельности таковых было уже свыше одной трети.

Вообще нельзя полностью согласиться с мнением, что в «застойные годы» идеологическая работа в силу явного расхождения установок, на которые она была нацелена, с жизнью не имела влияния в массах, превращалась в формальный ритуал. Это не совсем так. В частности, социологические исследования, проведенные АОН при ЦК КПСС, показали, что уровень политической информированности у слушателей политического и экономического образования, их общественная активность в 2—3 раза выше, чем у тех, кто не охвачен учебой. Среди обучающихся в различных формах политической и экономической учебы число людей, не интересующихся производственной жизнью своего коллектива, в 4 раза меньше, чем среди необучающихся³⁹.

В работах, характеризующих понятие «участие рабочих в управлении производством», видное место занимает вопрос о социалистическом соревновании. Оно рассматривается как форма участия трудящихся в управлении производством. Это прочно утвердившееся в научной литературе мнение. И тем не менее с ним трудно согласиться. Исходные посылки, послужившие утверждению этого

мнения, кроются в истории развития советского общества с его нарастающими, постепенно накапливающимися противоречиями, которые «не найдя своевременного разрешения, приобрели, по существу, предкризисные формы»⁴⁰. Однако не было реализма в оценке создавшегося положения. В обществе «распространились настроения благодушия, самоуспокоенности, нетребовательности»⁴¹. В этих условиях социалистическое соревнование стало пониматься как общественное явление без противоречивой сути, как проявление товарищеской взаимопомощи и сотрудничества, как форма трудовой активности и инициативы. Вопрос же о состязательных отношениях при его освещении, по существу, обходился, т. е. умалчивалось о главном в этом общественном явлении.

Классики марксизма-ленинизма считали, что суть социалистического соревнования, составляет состязательность, возникающая в процессе кооперации труда, когда «пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия»⁴². Социалистическое соревнование как проявление здорового трудового соперничества является средством повышения эффективности любой формы коллективной трудовой деятельности, в том числе и различных форм участия трудящихся в управлении производством. Но само оно не является формой этой деятельности, в том числе и формой участия трудящихся в управлении производством.

Нельзя сказать, что этот тезис не вызывал возражений среди исследователей. Но они в основном касались формальной стороны проблемы. Так, В. В. Мичуров пишет, что «социалистические обязательства, а также проверку их выполнения участниками соревнования трудно назвать стадиями управленческого процесса»⁴³.

В условиях перестройки реальность участия рабочего класса в управлении производством становится предметом исследования с гораздо большим числом проблем, чем может показаться на первый взгляд. Это не только теоретические и практические, но в значительно большей мере, чем прежде, — идейно-политические аспекты.

В свете гласности четко обнажилась несовместимость административно-командной системы хозяйствования с развитием производственной демократии. Не проявила в должной мере пока еще свои возможности в этом отношении и формирующаяся новая система хозяйствования. В этих условиях игнорировать возможность экстраполяции недостатков конкретно-исторического этапа в части массового общественного сознания на социализм вообще значит отмахнуться от реальной и весьма острой проблемы. Нельзя недооценивать при этом и влияние значительного фактического материала о практике капиталистического хозяйствования, ставшего доступным для самых широких масс трудящихся, в том числе и материала о формах развития инициативы и самостоятельности трудящихся на производстве, долгое время преподносившихся нашей пропагандой лишь как приобретение только социалистической практики хозяйствования. Однако оказалось, что эти формы используются и на капиталистических предприятиях, и зачастую более эффективно. В частности, весьма активно действуют на японских предприятиях «кружки качества». На одного их члена в среднем в год приходится около 60 предложений, в то время как в СССР два предложения в среднем в год дают 7 членов ВОИР⁴⁴.

Для многих уже не является открытием, что на капиталистических предприятиях функционирует система рационализаторских предложений, стимулируемая администрацией в целях обеспечения непрерывного роста творческих потенций рабочих, проводятся мероприятия по изменению организации труда, отказу от конвейера, расширению функций рабочих, совмещению профессий, созданию автономных и полуавтономных рабочих групп, где рабочие сами распределяют и регулируют порученную им работу и т. д.

Сегодня признаются такие инициативы трудящихся на производстве, которые в недалеком прошлом считались совершенно неприемлемыми для советской действительности. Всего лишь несколько лет назад не могло быть и речи о так

называемой «капитализации» заработной платы трудящихся в СССР. Мировая практика показала, что распространение акций среди трудящихся резко меняет социально-психологический климат в трудовом коллективе, заметно усиливая энергию его саморазвития. Но в связи с этим может возникнуть вопрос: насколько подобная практика соответствует идеалам социализма? Не является ли она заимствованием капиталистического способа производства? Ответ, на наш взгляд, таков. Речь идет лишь о поиске эффективных путей социалистического хозяйствования, о творческом следовании ленинскому указанию, что социалистическое строительство надо вести «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»⁴⁵. Этим определяется суть коренной перестройки управления экономикой страны, призванной обеспечить «переход от преимущественно административных к экономическим методам руководства на всех уровнях, к управлению интересами и через интересы»⁴⁶ (курсив мой. — Ш. И.). В условиях перестройки все активнее входит в хозяйственную практику бригадный, семейный, арендный, коллективный подряд, расширяется кооперативное движение. Все полнее проявляется их роль в повышении материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, в формировании у них чувства хозяина производства.

Социализм обеспечивает возможность непосредственного участия трудящихся в управлении производством, а, следовательно, и воспитания у них чувства хозяина производства. Но в конкретных исторических условиях проблема реализации этой возможности осложнилась. Она приобрела и серьезный идеологический аспект. Важным стало, и это уже подчеркивалось в литературе, «не только то, чтобы рабочий перестал продавать свою рабочую силу, но и перестал думать и чувствовать, что он ее продает»⁴⁷. И, конечно, решение этой проблемы лежит не в рамках административно-командной системы управления. Только перестройка, направленная на широкое утверждение действительно общественной собственности, основанной на самоуправлении в его многообразных формах, обеспечивает возможность ее успешного решения. Поиск форм и методов хозяйствования, который ведется в условиях перестройки, имеет основной своей целью реализовать эту возможность, покончить с отчуждением трудящихся от общественного производства, управления им. Нужно радикально изменить, подчеркивал М. С. Горбачев на мартовском 1989 г. Пленуме ЦК КПСС, формы реализации прав социалистического собственника через широкое использование разнообразных форм хозяйствования и хозрасчетных отношений⁴⁸.

Думается, изложенное выше подводит к следующему определению понятия «участие рабочего класса в управлении производством»: участие рабочего класса в управлении производством есть их общественно-политическая и производственная активность, проявляющаяся в участии на общественных началах в планировании и организации производства, его рационализации, учете и контроле через органы непосредственной демократии и представительные общественные органы управления производством и вне их, при разнообразных формах социалистической собственности, объективно необходимой как для успешного развития общественного производства, так и для воспитания человека социалистического общества, осознающего себя совладельцем этой собственности и заботящегося о ее сохранности и приумножении.

Таким образом, это — многоаспектное понятие, неразрывно связанное с проблемами развития экономики, системы социально-политических отношений и институтов, всей совокупности условий труда и жизни советского общества. Всесторонняя реализация его содержания предполагает всемерное развитие социалистической демократии и осуществление радикальной экономической реформы — важнейших составляющих перестройки, целостная концепция которой дана в материалах XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной конференции КПСС, апрельского (1985 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС и суть которой заключается в обеспечении достижения нового качественного состояния советского общества.

Примечания

- ¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 109.
- ² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 26.
- ³ См. там же.
- ⁴ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 87.
- ⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 450.
- ⁶ Там же, с. 450—451.
- ⁷ См.: Социалистическое соревнование. Вопросы теории и практики организации. М., 1978, с. 85; Андросенкова З. М. Советская историография общественно-политической деятельности рабочего класса // Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 7. Л., 1980, с. 206 и др.
- ⁸ См.: Остапенко И. П. О состоянии изучения проблемы участия рабочего класса в управлении производством в 50—60-х годах. Вопросы историографии рабочего класса СССР. М., 1970, с. 293; Ворожейкин И. Е. Очерки историографии рабочего класса СССР. М., 1975, с. 138; Сиохина Т. А. Советская историография о рабочем классе СССР периода зрелого социализма // Вопросы истории, 1982, № 2, с. 12, 13 и др.
- ⁹ См.: Аврус А. И. Деятельность партийных организаций по привлечению трудящихся к управлению производством в период строительства коммунизма (Постоянно действующие производственные совещания промышленных предприятий и строек). Саратов, 1966; Алиев О. А. Управление производством и творчество масс. Махачкала, 1972; Владыченко И. М. Участие трудящихся в управлении производством. М., 1972; Алексеев Г. П. Профсоюзы в системе управления социалистическим производством. М., 1975; Остапенко И. П. Рабочий класс СССР в управлении производством. 1956—1970 гг. М., 1976; Дятлова М. М. Деятельность КПСС по развитию активности рабочих в управлении производством в период развитого социализма. Л., 1977; е е же. КПСС, рабочий класс и управление производством: методология и историография проблемы. Л., 1987; Тюков В. А. Участие трудящихся в управлении производством (1966—1975 гг.) Львов, 1980; Драницин А. И. Участие рабочих в управлении производством (По материалам постоянно действующих производственных совещаний за 1958—1975 гг.) М., 1981; Мочалов Б. М. Трудовой коллектив и управление производством // История СССР, 1986, № 2; Александров А. А. Партийные организации во главе технического творчества масс. М., 1986 и др.
- ¹⁰ См.: напр.: История СССР, 1974, № 2, с. 190.
- ¹¹ См.: Рабочий класс в условиях научно-технической революции (по итогам исследований на предприятиях СССР по международной программе «Автоматизация и промышленные рабочие»). М., 1979, с. 219.
- ¹² Атрошенко В. Д. Деятельность партийных организаций по вовлечению рабочих в управление производством // Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма. М., 1973, с. 121—122.
- ¹³ Гриценко Н. Н. Общественные формы управления производством: проблемы, история, современность. М., 1975, с. 11; Бурко Л. П. Формы и методы участия трудящихся в управлении производством. Минск, 1975, с. 65 и др. См. также: Орлов А. К. Трудящиеся в системе управления производством. Челябинск, 1976; е го же. Советский рабочий и управление производством. М., 1978.
- ¹⁴ Мухачев В. И., Боровик В. С. Рабочий класс и управление производством. М., 1975, с. 19.
- ¹⁵ См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 23.
- ¹⁶ Там же, с. 4. Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г.: М., 1987.
- ¹⁷ См.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 627.
- ¹⁸ См.: Шкредов В. Социализм и собственность // Коммунист, 1988, № 12, с. 32.
- ¹⁹ Гордон Л., Клопов Э. Главная сила революционных преобразований // Коммунист, 1987, № 16, с. 26.
- ²⁰ См.: Коммунист, 1988, № 12, с. 52.
- ²¹ Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 марта 1989 года // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. М., 1989, с. 37.
- ²² См.: Реформа — не проформа: материалы «круглого стола» // Литературная газета, 1988, 9 ноября.
- ²³ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987, с. 431; Аргументы и факты (далее — АиФ), 1989, № 4, с. 3.
- ²⁴ АиФ, 1989, № 3, с. 6.
- ²⁵ Там же, с. 5.
- ²⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 443; АиФ, 1989, № 3, с. 5.
- ²⁷ АиФ, 1989, № 3, с. 3.
- ²⁸ Там же, с. 4.
- ²⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет с. 443; АиФ, № 3, с. 4.
- ³⁰ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. М., 1987, с. 258.
- ³¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 523.
- ³² Бовкун В. У семи нянек // Комсомольская правда, 1988, 9 сентября.
- ³³ Анисин Н. Деньги на школу // Правда, 1988, 6 сентября.

- ³⁴ Комсомольская правда, 1988, 9 сентября.
³⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 57.
³⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 382.
³⁷ См.: Ш и п и л и н П. Место под солнцем: 1. Злобин голосует против. 2. Будущее подернулось туманом // Московская правда, 1987, 4 и 5 сентября.
³⁸ См.: Вопросы истории, 1988, № 1, с. 20—21.
³⁹ См.: Политическое самообразование; система, методика, методология. М., 1976, с. 29—31.
⁴⁰ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года. М., 1987, с. 7.
⁴¹ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. М., 1987, с. 328.
⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337, 340.
⁴³ См.: Мичуров В. В. Проблемы демократии в управлении социалистическим производством // Проблема научного коммунизма. Вып. 15. М., 1981, с. 88.
⁴⁴ Осыченко А. Группа качества // Комсомольская правда, 1988, 6 августа.
⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 151.
⁴⁶ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года, с. 84.
⁴⁷ См.: Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975, с. 241.
⁴⁸ Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 марта 1989 года // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта, с. 50—51.

© 1990 г.

К. Б. ЛИТВАК

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1897 года О КРЕСТЬЯНСТВЕ РОССИИ

(Источниковедческий аспект)

Среди источников о крестьянстве России конца XIX — начала XX в. перво-степенное значение имеют данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Из 125 640 021 жителя Российской империи, зарегистрированного переписью, 96 896 648 человек (или 77,1%) принадлежали к крестьянскому сословию.

В дореволюционной России эта перепись так и осталась единственным опытом определения численности и состава населения всей страны, проведенным единовременно, по общей программе и при однородных приемах и требованиях. В отличие от многих источников по социально-экономической истории России периода капитализма опубликованные результаты Первой всеобщей переписи населения хорошо известны и неоднократно привлекали внимание исследователей¹.

В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, отмечая погрешности переписи, в то же время указывал, что статистика занятых населения за 1897 г. не только может, но и должна быть использована «для *приблизительного* определения того, на какие *основные* категории делится все население России по своему *классовому* положению»². В целом, однако, в использовании этого источника наблюдается поистине парадоксальная ситуация. Явные недостатки в подготовке, а затем и разработке данных переписи вызвали уже у некоторых ее современников стойко негативное отношение к ней и признание недостоверным всего полученного цифрового материала. Такого рода взгляды на этот источник в определенной мере повлияли на то, что в советской историографии публикации Первой всеобщей переписи так и не

Литвак Константин Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

стали предметом специального источниковедческого изучения. В частности, историки-аграрники используют данные переписи в иллюстративных целях, отрывочно, без анализа всей совокупности показателей в их взаимосвязи. Материалы переписи 1897 г. до настоящего времени служат своеобразным статистическим справочником, позволяющим авторам при необходимости давать цифровые выкладки по какому-либо одному вопросу. Подобный подход освобождает от критического анализа источника. В результате среди аграрников наблюдается, с одной стороны, почти полное исследовательское забвение переписи, вызванное боязнью недостоверности ее сведений, с другой — постоянное локальное использование данных переписи без соответствующей их критики. Какова же степень достоверности этого источника? В чем его ценность для исследователей аграрного строя России? Эти вопросы занимали не одно поколение ученых.

Уже публикация в «Правительственном вестнике» (май 1897 г.) далеко не полных, предварительных сводок переписи вызвала волну откликов. Среди них — статья В. Г. Михайловского в «Новом слове»³. Сопоставив сведения переписи с данными текущей и земской статистики, он констатировал почти полное их совпадение в конечных итогах. К сожалению, простота и наглядность такого анализа не заинтересовали других исследователей. У многих отношение к переписи складывалось под воздействием работ одного из участников ее проведения, сотрудника ЦСК МВД А. Котельникова. Осознавая необходимость всеобщей переписи населения, он еще на подготовительной стадии выступал против ее проведения, мотивируя это неготовностью народа и отсутствием лиц, способных руководить переписью на местах. Уже после 1897 г. он был вынужден признать, что переписью собран «богатый и обширный материал»⁴, в обработке и публикации которого, однако, имелось множество недостатков. Так, в сведениях переписи обнаружились кочующие калмыки в Московской губернии, женатые среди малолетних, киргизы католического вероисповедания и проч. Столь анекдотичные факты, приведенные Котельниковым в своей книге⁵, соответствующим образом повлияли на научное мнение о переписи, хотя оценка Котельникова нередко подкреплялась не аргументами, а эмоциями. Прекрасно зная все перипетии обработки собранных переписью сведений, он тем не менее свое отрицательное отношение к точности данных по отдельным показателям и рубрикам невольно распространил на всю перепись.

Другие исследователи переписи 1897 г. были более объективными в своем анализе. Признавая отдельные недостатки источника, они пытались с помощью различных приемов извлекать достоверную часть информации. Так, А. Лосицкому, обстоятельная работа которого была отмечена В. И. Лениным⁶, удалось проиллюстрировать глубину процесса социального расслоения в России. Перепись, по его мнению, показала, что продажа рабочей силы составляла исключительный или по крайней мере главный заработок, а связь с землей отступала на задний план более чем для 9 млн. человек⁷. Не все поправки Лосицкого были приняты современниками. В частности, экономист Г. Г. Швиттау, изучавший данные переписи, пришел к выводу о том, что ошибка, связанная с преувеличением численности несамодеятельного земледельческого населения, должна определяться иначе. Он предложил свою методику корректировки некоторых показателей переписи⁸. Другой вариант подсчета наемных сельскохозяйственных рабочих находим в работе Б. П. Кадомцева⁹.

Материалами переписи 1897 г. широко пользовался В. И. Ленин. После ознакомления с ними он писал: «Статистика должна иллюстрировать установленные всесторонним анализом общественно-экономические отношения, а не превращаться в самоцель, как у нас это слишком часто бывает. Затушевывать многочисленность мелкобуржуазных слоев в населении России значило бы прямо фальсифицировать картину нашей экономической действительности»¹⁰. При этом В. И. Ленин и не помышлял игнорировать данные переписи. На их основе он произвел примерный расчет классовых групп в крестьянстве, выделив

зажиточных мелких хозяев, беднейших мелких хозяев и население неимущее, живущее главным образом продажей рабочей силы. Приведенное В. И. Лениным процентное соотношение этих групп вызвало в свое время бурю негодования со стороны мелкобуржуазных экономистов. Они пытались уличить В. И. Ленина в неточности его конкретных вычислений. Однако он использовал материал переписи для характеристики в принципе проблемы раскрестынивания деревни, подчеркнув, что относительно «*степени приближения*» тех или иных цифр возможны, конечно, частные разногласия»¹¹.

Каким же образом можно определить степень достоверности тех или иных итогов Первой всеобщей переписи населения России? В советской историографии поиск ответа на этот вопрос в целом был явно недостаточным. Материалы переписи 1897 г. были положены в основу исследования Б. В. Тихонова, изучавшего миграционные процессы в пореформенной России¹². Источник, правда, не позволил проследить передвижения рабочих в пределах отдельных уездов и губерний, что побудило автора обратиться к сведениям паспортной статистики и другим данным. Из сводок же переписи отбирались только сведения о месте рождения — показатели, которые вряд ли нуждаются в проверке, да и возможность подобной проверки весьма проблематична. Иначе говоря, для характеристики переселений в России конца XIX в. подробного источниковедческого исследования материалов переписи 1897 г. не потребовалось. Не было оно проведено и А. Г. Рашиным при подготовке им обширного демографического описания России за 100 лет¹³. Лишь А. И. Гозулов в своем капитальном труде о переписях населения в самых общих чертах осветил организационный план и некоторые методологические дефекты переписи 1897 г., уделив основное внимание характеристике опубликованных таблиц*.

Проверка достоверности сведений переписи 1897 г. предпринималась В. М. Кабузаном¹⁴. Сравнив их с материалами административно-полицейских исчислений, он выяснил, что в учете населения всей страны расхождения составили 1,7%, а по Европейской России данные этих источников почти совпали. Столь же незначительные отличия наблюдались и при сопоставлении местных губернских статистических комитетов¹⁵. Это доказывало точность данных переписи о численности населения России. Понятно, однако, что такой общественный уровень, когда отдельные погрешности переписи нивелировались, позволяет учесть не столько степень достоверности, сколько тенденцию адекватности сведений действительному демографическому положению. Кроме того, сравнивались данные, полученные в основном одним и тем же ведомством (причем не за один год), и, следовательно, методика и обобщение сведений текущего статистического учета и переписи были схожими.

Иной путь оценки достоверности был предложен И. Д. Ковальченко. Основываясь на методах математической статистики, он пришел к выводу о пригодности использования переписи 1897 г. для изучения сравнительной степени применения наемного труда в различных губерниях. Это удалось доказать, выяснив сопряженность обеспеченности наемными рабочими по данным переписи населения и материалам Комиссии 16 ноября 1901 г с другими показателями социально-экономического развития¹⁶. Но, заметим, ответ был дан на вопрос о возможности использования лишь одного показателя переписи, причем не в абсолютных цифрах, а в относительных — по губерниям.

Конечно, достоверность различных показателей в публикациях переписи не равнозначна. Как и всякое большое статистическое исследование перепись отнюдь не была лишена погрешностей. Другое дело — какова их степень? Для уяснения этого требуется специальный источниковедческий анализ и, в частности, экскурс в историю проведения Первой всеобщей переписи населения.

После реформы 1861 г. сведения X ревизии во многом потеряли практическую ценность. Бывшие крепостные крестьяне, не получившие надела, выходили из своих сельских обществ. Некоторые из них вообще никуда не приписывались, другие же приписались к волостям или перешли в разряд мещан. В результате был серьезно затруднен подсчет подлежащих воинской повинности. Учет крестьян проводился лишь волостными правлениями и приходским духовенством. Данные, которые представляла уездная полиция губернаторам, также извлекались из исповедных записей и посемейных списков.

Ведение посемейных списков для крестьянского сословия являлось по сути вынужденной временной мерой. Посемейные списки составлялись волостными правлениями на основании ревизских сказок с ежегодной проверкой прибылей и убыли населения. Помимо них составлялись алфавитные, призывные списки, а также списки временно- и бессрочноотпускных солдат. Кроме того, данные о народонаселении можно было почерпнуть из податных и паспортных книг волостных правлений. Однако несостоятельность этого учета была очевидна. Церковный учет крестьян тоже был далек от совершенства. «Записи об умерших самими священниками признавались менее исправными, нежели записи о родившихся»¹⁷.

Вся эта мозаика разрозненных сведений отнюдь не способствовала решению насущных государственных задач. Поэтому в связи с введением в 1874 г. нового устава об общей воинской повинности при Министерстве финансов была образована комиссия, принявшая после некоторой доработки проект переписи, подготовленный известным географом, статистиком и этнологом П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Проект «Положения о всеобщей народной переписи» был внесен 26 февраля 1877 г. на рассмотрение в Государственный совет, но так и не стал предметом обсуждения, сначала по причине начавшейся русско-турецкой войны, а затем из-за финансовых затруднений. Лишь в 1895 г. «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» было наконец утверждено царем.

О каждом лице перепись должна была дать следующие сведения: 1) фамилия (прозвище), имя и отчество; 2) пол; 3) отношение к главе хозяйства и к главе своей семьи; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) место жительства; 10) отметка об отсутствии, отлучке и о временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать и место обучения; 14) занятие, ремесло, промысел, должность или служба (с указанием как главного занятия, так и вспомогательного). Помимо этого в переписном листе следовало отмечать — дома или на стороне было место работы респондента, наличие у него физических недостатков, состояние жилища, а также отношение к воинской повинности.

Общее руководство подготовительными работами для проведения переписи было возложено на Главную переписную комиссию. В ее компетенцию входило составление форм переписных бланков и инструкций, объединение губерний и областей в переписные районы, руководство местными переписными комиссиями, распределение денежных средств и т. п.

Комиссия, в частности, установила, что для каждого крестьянского хозяйства предназначался отдельный переписной лист, в который записывались все лица, как принадлежавшие к составу хозяйства, так и временно находившиеся там в день, к которому приурочена перепись. Причем в состав отдельного хозяйства входили не только члены семьи, но и все лица, «зависящие от хозяина и проживающие с ним вместе»¹⁸. Для крестьянских дворов, входивших в состав общины, предназначался переписной лист формы А. Все остальные хозяйства, находившиеся во владельческих усадьбах и хуторах, а также в черте крестьянских селений, но принадлежавшие лицам как некрестьянского

сословия (священники, учителя, торговцы и др.), так и крестьянам, приписанным к другим обществам, считались владельческими и описывались на листе формы Б.

Если листы формы Б должны были заполняться самими хозяевами при содействии в случае надобности счетчика, то листы формы А заполнялись непосредственно счетчиками. Значит, данные об основной массе крестьянских хозяйств фиксировались людьми, получившими некоторую специальную подготовку.

До проведения переписи счетчик был обязан обойти все крестьянские дворы своего участка в сопровождении сельского старосты или лица, его заменяющего, и внести в переписные листы необходимые сведения. Затем эти листы просматривались заведующим переписным участком, а в день переписи счетчику необходимо было исправить в листах отметки соответственно с переменами в составе хозяйств за время от внесения сведений в переписной лист до «рассвета дня, к которому приурочена перепись»¹⁹. Эти поправки вносились счетчиком «или посредством вторичного обхода и опроса всех переписанных им хозяйств, или посредством созыва и опроса всех хозяев каждого селения отдельно»²⁰. Само исправление могло продолжаться два дня, при этом состав населения в хозяйствах должен был соответствовать тому, который в действительности был в день переписи. Все листы, описывающие хозяйства в черте селений, вкладывались счетчиком в обложку формы I, а прочие — в обложку формы II.

Вырабатывая порядок проведения переписи, Главная переписная комиссия, установила, что вне городов переписные участки по возможности необходимо приурочивать к участкам земских начальников, которые, как правило, становились заведующими участками. Там же, где их не было, к заведованию привлекались чиновники по крестьянским делам, члены уездных по крестьянским делам присутствий и другие знакомые с местными условиями лица. Счетчики же набирались заведующими из представителей сельского духовенства, учителей, приказчиков помещичьих имений, грамотных крестьян и проч. В связи с этим Главная переписная комиссия в сентябре 1896 г. решила просить министра народного просвещения об освобождении учителей от школьных занятий хотя бы на две недели²¹.

Хотя привлечение в качестве счетчиков народных учительниц и лиц еврейского происхождения было признано нежелательным²², большинство заведующих, стремясь обеспечить свои переписные участки грамотными людьми, не всегда следовали подобным рекомендациям. В фонде Московского губернского статистического комитета сохранились интересные сведения о счетчиках. Чтобы во время проведения переписи не были забыты сами непосредственные ее участники, по просьбе Клинской уездной переписной комиссии заведующие переписными участками заполняли переписные листы на всех счетчиков уезда²³. Имеются данные всего лишь о 150 счетчиках. Эта своего рода естественная выборка позволяет воссоздать своеобразный коллективный портрет счетчика переписи 1897 г. 84,6% счетчиков участвовали в переписи, не требуя вознаграждения. Лишь 23 счетчика были платными. Такое же соотношение наблюдалось и между полами: 127 счетчиков — мужчины, а остальные женщины.

По сословной принадлежности все счетчики Клинского уезда распределялись следующим образом: 34,6% относились к духовному сословию, 30,5% — к крестьянам, 18,6% — к мещанам, 11,3% — к дворянам и почетным гражданам и чуть более 5% — к купечеству. По главному занятию 26% счетчиков составляли священнослужители, 22% — учителя, примерно столько же — конторщики, волостные писари, писцы, приказчики. 15 счетчиков в уезде (10%) были крестьянами-земледельцами, 8 (5,3%) — торговцами. Среди счетчиков были и врачи, и хозяева заводов, и литераторы, и фельдшеры, и даже жандармы и полицейские урядники. Средний возраст счетчиков уезда составлял 34 года, хотя встречались и 16-ти, и 62-летние. По сути единственным и решающим критерием

при отборе счетчиков служила грамотность. Конечно, ее уровень был самым разным: 5 счетчиков (3,3%) имели университетское образование, 106 (70,7%) — среднее и среднее специальное, 28 (18,7%) окончили земскую одноклассную школу и 11 (7,3%) получили образование дома. Но в целом уровень грамотности, по всей видимости, был достаточным для выполнения счетчиком необходимой работы. Документы, разработанные Главной переписной комиссией, о порядке проведения переписи, были столь доходчивы, что практически не потребовали каких-либо дополнительных разъяснений. Судя по протоколам заседаний Главной переписной комиссии, осенью 1896 г. вопросы с мест сводились лишь к неясности записи в переписные листы формы А или Б сведений о крестьянских семьях, живущих не на наделных землях. На такого рода частные вопросы в каждом конкретном случае комиссией давались соответствующие рекомендации.

В декабре 1896 г. был окончательно установлен день проведения Первой всеобщей переписи населения России, и, наконец, 28 января 1897 г. на территории всей страны по общей программе и единой методике силами 135 тыс. счетчиков²⁴ были получены данные о географическом, возрастном, религиозном распределении населения, о его грамотности, занятиях, бытовых и прочих особенностях.

Для крестьян многих губерний, с 1870-х гг. привыкших к земским обследованиям, перепись не была каким-то непонятным новшеством. С чем-то похожим они уже сталкивались и, может быть, неоднократно. Однако знакомство с таким мероприятием не гарантировало от распространения самых нелепых домыслов. Причины этого явления зиждятся в социальной психологии крестьянства и требуют особого анализа. Нам же важно уяснить, как эти слухи о переписи повлияли на достоверность полученных сведений.

Отзывы 195 заведующих переписными участками и 3403 счетчиков Тверской, Ярославской и Костромской губерний свидетельствуют, что по частоте встречаемости народные толки о переписи распределялись следующим образом: забота государя о подданных; толки о земле; слухи о переселении на Амур, в Китай и на «необитаемый» Сахалин; толки о налогах; слухи о войне и солдатчине; ожидание помощи бедным, больным и увечным; опасения, вызванные переписью у раскольников. Явно слабым было воздействие на народ правительственных разъяснений по поводу целей и задач переписи. «Что ни говори, — возражали мужики, подумав, — а из-за таких пустяков (количество населения, пол и проч.), столько тревоги не сделают»²⁵. Перепись воспринималась как очередная ревизия, цель которой заключалась в уточнении числа ревизских душ для нарезки дополнительного надела. И это в целом сказалось благоприятно на ее проведении.

Судя по свидетельствам очевидцев, слухи и толки о переписи негативно отражались на качестве ее материалов не в деревне, а в городе²⁶, где заполнение переписных листов вменялось в обязанности по преимуществу самому населению. Среди же сельского населения России слухи не оказали сколь-нибудь существенного влияния на достоверность сведений, кроме тех случаев, когда крестьяне опасались гонений за конфессиональную принадлежность. Тогда вероятность неточных ответов возрастала, но опять же это коснулось лишь вопроса о вероисповедании.

Чаше неудовлетворительность многих ответов была вызвана непониманием опрашиваемых. Среди вопросов, вызвавших у крестьян наибольшие сложности, было выяснение их отношения к воинской повинности. В 46% случаев, по отзывам счетчиков Костромской, Тверской и Ярославской губерний, крестьяне не могли дать на этот вопрос вразумительного ответа. Далее затруднения у крестьян вызывали вопросы: о месте приписки (сообщается в 350 отзывах), о занятиях (32%), возрасте (23%), постоянном месте жительства (15%), происхождении (8%), вероисповедании (6%), временной отлучке (5%), месте рождения (4%) брачном союзе (1%), наконец, некоторые крестьяне (0,3% отзывов) не знали даже имен, отчеств, фамилий²⁷.

Неумышленное искажение ответов вследствие неведения или непонимания крестьян было явным, и возможные ошибки здесь довольно легко устранялись с помощью наводящих вопросов или опроса других людей. Для этого, в частности, счетчиками использовалась хорошо проверенная методика опроса на поселенных сходах. По данным Я. А. Плющевского-Плющика, из 956 донесений, полученных им по этому поводу, в 750 было указано о применении счетчиками при обходе своих участков в день проведения переписи сходов крестьян²⁸.

Значительно хуже обстояло дело с неточными ответами в результате преднамеренного уклонения населения. Затруднено было получение ответов на вопрос об отношениях «разошедшихся самовольно супругов, устроивших новые незаконные связи»²⁹, при выяснении вероисповедания у раскольников. Но попытки ввести в заблуждение счетчиков встречались нечасто и серьезно не повлияли на качество переписи. Другое дело — сведения о занятиях крестьян. Опасаясь увеличения налога, крестьяне старались утаить действительное значение для хозяйства того или иного занятия. Вот сообщение из Архангельска, отражающее весьма типичную картину: «...Почти ни один из крестьян не говорит о побочных занятиях, указывая на землю как на единственный источник существования, хотя всякому очевидно, что жить здесь одной землей совершенно немыслимо, и каждый крестьянин имеет непременно хоть какие-нибудь побочные заработки»³⁰. Главным аргументом при этом являлась сословная принадлежность («какое же у нас может быть другое занятие, кроме земледелия?»). Иногда бывало и наоборот: скрывалась истинная роль земледелия, а в качестве главного занятия признавались промыслы. Крестьяне буквально сговорились более «ничего не показывать». А 315 тыс. человек, или 0,24% наличного населения, вообще уклонились от показаний на вопрос о занятиях³¹.

Ясно, что и для счетчиков, и для заведующего переписным участком преобладающий характер промысловой деятельности так же, как и соотношение земледелия и промыслов конкретного региона, не составляли секрета. Но мы лишены свидетельств, производилась ли необходимая корректировка показаний крестьян или же счетчики вносили в переписные листы ответы о занятиях, мирясь даже с явным обманом. Единых рекомендаций по этому поводу не существовало, и, видимо, каждый счетчик действовал по собственному разумению.

Итак, в ходе переписи впервые удалось получить обширный и ценнейший материал одновременно о каждом наличном жителе страны. При проведении переписи сельского населения был уточнен и использован опыт земских подворных обследований с их хорошо отлаженным механизмом выявления нарочито неверных сведений. Характеристика методики и техники сбора сведений, определение факторов, влиявших на их точность, позволяют за некоторыми исключениями положительно оценить степень достоверности первичных материалов переписи 1897 г. Но, как известно, в едином комплексе эти данные не сохранились. В фонде ЦСК МВД хранятся ведомости для подсчета населения по каждому счетному участку³², т. е. своды данных, суммированных по обложкам формы I и II, в которые вкладывались переписные листы. Поэтому сейчас исследователи вынуждены обращаться только к итоговым публикациям.

Путь от первичных материалов до опубликованных оказался довольно длительным. По окончании переписи переписные листы отнюдь не сразу поступили в Главную переписную комиссию. Сначала они были проверены самими счетчиками, суммировавшими данные на обложках, затем — заведующими переписными участками, а также местными переписными комиссиями. Судя по сохранившимся ведомостям подсчета населения по счетному участку, записи счетчиков подвергались неоднократной проверке. Счетчик обязан был заполнять все переписные материалы чернилами, а в указанных ведомостях наряду с чернилами одновременно присутствуют карандашные пометы синего, красного и зеленого цветов. Значит, арифметические погрешности — наиболее слабое

звено в работе счетчиков в силу монотонности и тяжелых условий их труда при минимальном его вознаграждении — практически исключались.

Постепенно материалы переписи начали стекаться в Главную переписную комиссию. К марту 1897 г. ею было получено около $\frac{3}{5}$ всех уездных подсчетных ведомостей³³. Но в связи с ее упразднением 5 июня 1897 г. вся дальнейшая разработка переписного материала целиком передавалась отделу переписи Центрального статистического комитета. Здесь переписные листы сначала подвергались смысловой проверке с целью определения соответствия ответов заданным вопросам и правильности записи.

Если, например, человек, обозначенный солдатом, указал приписку к городу или уезду, то по сословной принадлежности его необходимо было относить соответственно к мещанам или к крестьянам.

После проверки сведения переписных листов кодировались с помощью специальных условных знаков и затем переносились в отдельную для каждого лица перфокарту. Перфокарты использовались непосредственно при подсчете, производившемся на электрических счетных машинах. Чтобы избежать ошибок во время всей этой процедуры многоступенчатого переноса данных из одного документа в другой, специальный штат людей проводил проверку на каждом этапе. Однако при сокращении до минимума технических погрешностей оставляла желать лучшего методика формализации сведений. Рекомендации по разметке (кодированию) переписного материала не отличались необходимой конкретностью и в затруднительных случаях допускали неоднозначные толкования³⁴. Их авторы уповали на здравый смысл каждого разметчика, что, конечно, не гарантировало от произвола в записях.

Никакой критики не выдерживают и некоторые более принципиальные положения, лежавшие в основе методики обработки первичных данных переписи. Так, сотрудники ЦСК предложили выделять пять типов хозяйств. Первые четыре — частные, пятый — хозяйства учреждений. К частным были отнесены семейные хозяйства, хозяйства одиноких лиц с посторонними (к которым принадлежали и наемные рабочие, и нахлебники, и жильцы, и временно проживающие родственники), хозяйства полностью одиноких людей, хозяйства не связанных родством лиц. В последнюю категорию наряду со всеми оказавшимися в день переписи на постоялых дворах или в гостиницах лицами включались жившие отдельно от господ рабочие и прислуга, артельные рабочие, служащие торговых домов и «другие лица, живущие совместно и ведущие одно общее хозяйство»³⁵. Таким образом, в одном «хозяйстве» оказывались и совершенно не знакомые, не имевшие ничего общего люди. В результате полностью исключается возможность анализа этих сведений.

Не менее странной выглядит и типология хозяйств учреждений, куда наряду с казенными учреждениями включались также и богадельни, приюты, закрытые учебные заведения, казармы, монастыри и т. п. Причем «в число членов этого хозяйства входят только лица, опекаемые учреждением», лица же, служащие при учреждении, составляют отдельные хозяйства³⁶. Любопытно, что у современников переписи установленная ее разработчиками классификация хозяйств, несмотря даже на явные технические промахи, не вызвала существенных возражений. Для сегодняшнего же исследователя она явно неприемлема и служит примером того, как на стадии разработки был испорчен интереснейший первичный материал.

Наконец, пожалуй, самый существенный недостаток переписи заключался в отнесении к самостоятельному населению лишь глав хозяйств. В переписных листах счетчики указывали род занятий каждого работоспособного человека, в результате чего, например, была зафиксирована целая иерархия типов крестьян (хозяин-земледелец, работник-земледелец, батрак-земледелец, земледелец на отхожих промыслах и пр.). При разработке же материалов переписи вся эта градация исчезала. Положение лица в занятии обозначалось следующими знаками: «Сх — старшие лица на службе, в промысле, ремесле и пр.;

Нс — низшие служащие в промысле и пр.; Рп — рабочие, служители и прислуга», — и далее разъяснялось: «Отметки Сх, Нс и Рп ставятся только тем лицам, которые самостоятельно приобретают от своих занятий или имеют обеспеченные средства для существования. Что же касается членов их семей, не имеющих самостоятельных средств или обеспечения, то они обозначаются соответственно ... отметками ссх, снс, срп, определяющими на чьи средства они живут; так, жена хозяина-земледедца — ссх, жена канцелярского служителя — снс, жена сторожа или рабочего — срп»³⁷.

Таким образом, члены семьи крестьянина были отнесены к лицам, живущим за счет средств хозяина, хотя их участие в сельскохозяйственном производстве могло быть отнюдь не меньшим. В итоге по публикациям переписи невозможно определить численность фактически участвовавших в том или ином виде занятий.

Кроме того, совершенно не было определено понятие «низшие служащие». К ним причислялись наряду с бухгалтерами, кассирами, писцами, конторщиками также призреваемые в богадельнях и приютах, питомцы воспитательных домов, больные в больницах, арестанты в тюрьмах!³⁸ И эти последние «занятия» относились, естественно, к самостоятельным. Поэтому большая часть взрослого крестьянского населения оказывалась пассивной, в то время как, к примеру, жившие на казенный счет призреваемые или новорожденные питомцы воспитательных домов — активной частью населения.

При разметке переписного материала сохранялась возможность и крайне произвольного толкования занятий. Никак не разграничивались понятия «земледелец-работник» и «земледелец в работниках», что позволяло разметчику обратить независимого работника в наемного и наоборот. А к категории «Рп» одновременно относились: курьеры, таможенные досмотрщики, сторожа, служители в общественных и сословных учреждениях, при дворцах и в госучреждениях, прислуга в учреждениях, на фабриках и заводах, прислуга домовая (швейцары, дворники и т. п.) и домашняя (повара, лакеи, кухарки, горничные, кормилицы, прачки, кучера и т. п.); поденщики, чернорабочие рабочие на фабриках и заводах. Критерии классификации занятий так и остались неопределенными. На железнодорожном транспорте, например, к категории «нс» относились механики, машинисты, кондукторы, а к категории «рп» — смазчики, весовщики, проводники паровозов³⁹.

Еще один недостаток переписи был связан с сильно затянувшейся подготовкой ее материалов к публикации. Неудовлетворительные темпы работ потребовали создания сначала специальной комиссии И. И. Кауфмана, а затем — Особого совещания под председательством П. Н. Дурново, которое нашло программу разработки слишком обширной и с целью сокращения расходов ограничило публикации по каждой губернии 25 таблицами в одном томе. Но к тому времени уже были изданы по 18 губерниям и двум столицам первые тетради (тома) результатов переписи и по 6 губерниям — вторые. Они отличались большим набором таблиц, что делает их данные отнюдь не во всем сопоставимыми с теми, которые стали печататься после проведенной в 1902 г. унификации. К январю 1905 г. все погубернские своды были закончены и увидели свет в 119 книгах.

Итак, история проведения Первой всеобщей переписи населения России убеждает в определенной ущербности лишь некоторых сведений публикаций. В первую очередь это относится к сведениям о занятиях населения вообще и крестьянства в частности. Вместе с тем определение степени достоверности данных переписи 1897 г. о крестьянстве предполагает и их сравнительный анализ с другими источниками. В том же 1897 году в Ярославской, Костромской и Калужской губерниях были проведены земские подворные переписи. По Мышкинскому, Угличскому, Нерехтинскому, Калужскому, Лихвинскому и Перемышльскому уездам их данные сопоставимы с данными Первой всеобщей переписи населения. Это сравнение показывает, что расхождения в численности

наличного населения между двумя источниками составили около 6,3 тыс. человек (чуть более 1% для региона с населением свыше 0,5 млн. человек). Близость сведений столь различных переписей еще раз подтверждает достоверность общего учета населения России Первой всеобщей переписью 1897 г. В то же время различия с земскими переписями в учете мужчин и женщин весьма существенны (земские переписи выявили примерно на 11% больше мужчин и на 8% меньше женщин, чем всеобщая перепись), и требуется специальное изучение, насколько эти колебания определялись сезонной миграцией крестьян, а, во-вторых, каковы причины преобладания в этих шести уездах более чем на $\frac{1}{4}$ численности женщин, по данным Первой всеобщей переписи населения. Ведь на губернском уровне и в целом по стране таких крупных расхождений в половом составе сельского населения перепись не выявила: среди крестьянского населения преобладание числа женщин не превышало 1%. Поэтому рассмотрим еще один возможный путь определения достоверности публикаций переписи 1897 г.

Общеизвестно, что первичные материалы переписи были уничтожены. Однако из истории проведения переписи следует, что счетчики заполняли вторые экземпляры переписных листов, которые не отсылались в Главную переписную комиссию, а оставлялись для местных нужд, в частности, в волостных правлениях. Конечно, выявление этих документов и конкретно-исторический анализ содержащихся в них данных остаются в рамках локальных исследований. Но в источниковедческом плане такие находки могут внести известную точность в определение наиболее достоверных сведений переписи.

Переписные листы Московского, Богородского и Клинского уездов Московской губернии были обнаружены в фонде губернского статистического комитета. В основном они охватывают отдельные счетные участки: 649 листов — по Дороховской волости Богородского уезда⁴⁰, 914 листов — по Выхинской, Троицкой и Ростокинской волостям Московского уезда⁴¹. Помимо листов А и Б сохранились обложки форм I и II, а также ведомости для подсчета населения по счетному участку, по уезду или городу, что раскрывает всю последовательность трансформации первичных данных. Фрагментарность найденного массива во многом определяется отсутствием в 1897 г. точных указаний о том, в какие учреждения должны были поступать дублетные переписные листы, кто должен был обеспечивать их хранение. Поэтому эвристическая работа в архиве не может ограничиваться фондами местных отделений ЦСК. Так, в 1900 г. ЦСК обращался на места с просьбой об извлечении данных из вторых экземпляров переписных листов, которые, как прямо указывалось, хранятся в архивах губернских правлений⁴². Это вовсе не означает, однако, что в фондах этих учреждений исследователь обнаружит первичные материалы переписи 1897 г. Неясность циркуляра Главной переписной комиссии, согласно которому вторые экземпляры переписных листов должны были поступать для хранения «впредь до особого распоряжения» в местные переписные комиссии⁴³, привела к тому, что их местонахождение в каждой губернии не было единственным, и ныне архивный поиск не может ограничиваться фондом какого-либо одного учреждения. Например, переписные листы по Приморской области Южно-Уссурийского округа сохранились в фонде Хабаровского музея краеведения⁴⁴.

Выявленные переписные листы, бесспорно, являются вторыми экземплярами, так как в них нет ни одного исправления и листы формы А и Б заполнены одним почерком (а счетчики заполняли в основном лишь листы А). Кроме того, были найдены заполненные тем же почерком копии листов формы Б, выполненные не на типографских бланках, а на обычной разлинованной бумаге⁴⁵. Правда, среди них оказался и единственный подлинник, попавший туда, видимо, случайно. Это лист формы Б, заполненный самоучкой-старообрядцем⁴⁶. На это показывают и характерный почерк, и орфографические ошибки в названии населенного пункта.

Даже поверхностное знакомство с переписными листами многое дает для понимания качества первичного материала переписи 1897 г. Тщательно запол-

Население двух уездов Московской губернии по данным переписи населения 1897 г.*

Уезды	Сведения по переписи	Наличное население					
		муж.	жен.	всего	в том числе крестьянское		
					муж.	жен.	всего
Богородский	опубликованные	107 726	114 615	222 341	95 222	100 397	195 619
	архивные	107 931	114 779	222 710	95 196	100 593	195 789
	разница в %	0,18	0,14	0,16	0,02	0,19	0,08
Клинский	опубликованные	50 788	64 374	115 162	46 715	59 584	106 299
	архивные	50 998	64 371	115 369	46 462	59 308	105 770
	разница в %	0,41	0,004	0,17	0,54	0,46	0,49

* Источник: ЦГИА г. Москвы, ф. 199, оп. 2, д. 462, л. 41, об.; д. 482, л. 194; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 24. СПб., 1905, с. 5, 59.

нялись практически все графы за исключением данных о побочном занятии, которые указывались, как правило, только для главы хозяйства или вообще отсутствовали. Сведения же о главном занятии фиксировались для каждого члена семьи. Для малолетних в этой графе отмечалось: «при отце», «при матери», а для остальных — род занятий, хотя и с последующим указанием: «при муже», «при отце». В Богородском уезде достаточно высока была доля старообрядцев, однако, судя по заполненности переписных листов, нет оснований считать, что состав населения по вероисповеданию искажался. Наоборот, в листах формы Б заполнявшие указывали даже согласие старообрядчества, к которому они себя причисляли.

Наиболее точными следует признать данные об общей численности наличного населения, о «постоянно здесь» проживающем населении, о числе лиц крестьянского и некрестьянского сословий в наличном населении. Эти сведения, приведенные отдельно по составу населения, выносились на первую страницу переписного листа, а затем обобщались в обложках, ведомостях и прочих сводных материалах еще во время проведения переписи непосредственными ее участниками. В дальнейшем при разработке данных и подготовке публикаций они служили своеобразным эталоном, по которому выверяли все остальные сведения. Это особенно важно с точки зрения достоверности учета крестьянского населения и его доли во всем наличном.

В фонде статкомитета Московской губернии сохранились две ведомости подсчета населения по Богородскому и Клинскому уездам, составленные переписными комиссиями на основе материала, поступившего от заведующих переписными участками. Если признать эти итоги подсчета, произведенного «вручную» и многократно проверенного различными людьми, верными, то любопытно было бы сравнить их с теми же показателями опубликованных сводок. Ведь последние, напомним, были получены с помощью кодирования, затем переноса на перфокарты и далее обработки на счетных машинах сведений каждого переписного листа. Такое сопоставление показывает, что расхождения между первичными и опубликованными данными переписи 1897 г. в целом составляли доли процента (см. табл.). Следовательно, техническими погрешностями, допущенными при разработке материалов переписи, можно пренебречь. Вся техническая работа ЦСК МВД, предшествовавшая публикации итогов переписи, не оказала существенного влияния на искажение полученных счетчиками сведений. В принципе этот тезис можно проверить, используя также для сравнения с публикациями сведения обложек формы I и II, хранящихся в фонде ЦСК в полном объеме.

Итак, материалы уникального источника о крестьянстве России, каким является Первая всеобщая перепись населения 1897 г., научно разработаны далеко недостаточно. Комплексное использование историками-аграрниками

содержащихся в них сведений сдерживалось именно из-за достоверности последних и разноплановости тех данных, включенных в публикации переписи. Это приводило к включению в научный оборот отдельных блоков показателей, иллюстрирующих весьма ограниченную сферу жизнедеятельности крестьян. Перепись фактически не привлекалась для развернутой демографической характеристики крестьянства.

Проведенный источниковедческий анализ материалов переписи 1897 г. показывает неоправданность столь недоверчивого к ним отношения. Некоторые недостатки опубликованных сводок переписи 1897 г. коренятся исключительно в самой методике разработки переписного материала. Следовательно, претензии к достоверности переписи правомерны лишь по отношению к нескольким показателям и к характеру их подачи в публикациях. Точность и достоверность большинства сведений Первой всеобщей переписи населения России нужно признать со всей определенностью. Таким образом, возможно и необходимо исследовательское освоение данных переписи в комплексе, что будет способствовать существенному расширению наших представлений о крестьянстве России конца XIX в.

Примечания

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899—1905; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905 и др.

² Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 502.

³ Михайловский В. Факты и цифры из русской действительности. Население России по Первой всеобщей переписи // Новое слово, 1897, № 9, с. 97—117.

⁴ Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.

⁵ Там же.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 505.

⁷ Лолицкий А. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир божий, год изд. XIV, № 8, с. 242.

⁸ Швиттау Г. Г. Профессии и занятия населения. СПб., 1909, с. 294—295.

⁹ Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909, с. 48—49.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 506.

¹¹ Там же, с. 505.

¹² Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978.

¹³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956.

* Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936, с. 189—206.

¹⁴ Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1857—1917) // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.

¹⁵ Там же, с. 109.

¹⁶ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 262—263, 269—271.

¹⁷ Временник ЦСК МВД, 1890, № 15, с. 26.

¹⁸ Всеобщая перепись населения. Проект наставления сельским счетчикам. СПб., 1896, с. 3.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ Там же, с. 17.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 22, л. 299.

²² Там же, л. 281, 294.

²³ ЦГИА г. Москвы, ф. 199, оп. 2, д. 482, л. 71—122.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 68, л. 175.

²⁵ Плюшевский-Плющик Я. А. Суждения и толки народа об однодневной переписи 28 января 1897 г. СПб., 1898, с. 49.

²⁶ Г-ин С. Провинциальные картинки // Новое слово, 1897, № 7, с. 152.

²⁷ Пересчитано по: Плюшевский-Плющик Я. А. Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // Временник ЦСК МВД, 1898, № 45, с. 138—139.

²⁸ Там же, с. 111.

²⁹ Там же, с. 160.

³⁰ Г-ин С. Указ. соч., с. 159—160.

³¹ Швиттау Г. Г. Указ. соч., с. 296.

³² ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11.

- ³³ Там же, ф. 1290, оп. 10, д. 68, л. 238.
³⁴ Пособия при разработке Первой всеобщей переписи населения. СПб., 1898. Вып. 2, с. 2.
³⁵ Там же, Вып. 3. СПб., 1899, с. 6.
³⁶ Там же, с. 6.
³⁷ Там же, с. 89—90.
³⁸ Там же, с. 97, 114.
³⁹ Там же, с. 96, 109.
⁴⁰ ЦГИА г. Москвы, ф. 199, оп. 2, д. 462—470.
⁴¹ Там же, д. 487—506.
⁴² ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 27.
⁴³ ЦГИА г. Москвы, ф. 199, оп. 2, д. 482, л. 148.
⁴⁴ Путеводитель по фондам Госархива Хабаровского края и его филиалов. Хабаровск, 1981.
⁴⁵ ЦГИА г. Москвы, ф. 199, оп. 2, д. 494, л. 41—49.
⁴⁶ Там же, л. 7.

© 1990 г.

М. М. НАРИНСКИЙ

НАПОЛЕОН В СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Личность и деяния Наполеона Бонапарта заняли столь видное место в общественной мысли и литературе XIX в. в России, что тема эта представляется необъятной и неисчерпаемой. Не претендуя на полноту охвата обширного материала, я попытался охарактеризовать основные подходы в публицистике и литературе наших соотечественников к этой противоречивой исполинской фигуре. Мемуары и публикации, появившиеся после 1821 г., привлекались мной лишь в качестве дополнений, а литературные произведения последующего периода не рассматривались вовсе. Посему и некоторые существенные аспекты темы (например, Наполеон в творчестве Пушкина) остались за рамками данной статьи. Не включены в предмет рассмотрения также письма и записки русских современников о Наполеоне, поскольку они уже фигурировали в советской историографии¹.

* * *

С лета 1789 г. из Франции в Россию стали поступать необычайные сообщения: взбунтовавшаяся парижская чернь штурмом взяла Бастилию, принята «крамольная» «Декларация прав человека и гражданина», власть захватили выходцы из третьего сословия, дворянские титулы отменены, а привилегии аристократии ликвидированы, католическую церковь лишили ее прав, санкюлоты установили режим террора и успешно воюют против половины Европы. «В 1789 году весь свет потрясен был столь сильно, что везде открылись чрезвычайные движения, и произошло в Европе начало *новой эпохи человеческого рода*. После многих столетий 1789 год есть самый достопамятный», — подчеркивал уже в начале следующего года московский «Политический журнал»².

События во Франции особо привлекали внимание российской общественности, поскольку эта страна давно вызывала устойчивый интерес. Российское дворянство в XVIII в. приобщилось к господствовавшему тогда в высших слоях

Наринский Михаил Матвеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

европейского общества французскому стилю жизни; в царских дворцах подражали версальскому двору, в петербургских гостиных усваивался парижский этикет. Вошли в моду французские гувернеры и книги, великая Екатерина переписывалась с Вольтером и Дидро. И вот в Париже революция.

Вся российская публицистика и литература полны сообщениями о событиях во Франции. Наполеон Бонапарт интересен общественности прежде всего как политик. При этом, конечно, отношение к нему русского общества не было единым и неизменным, на его эволюции сказались как политические перемены в России, так и повороты в русско-французских отношениях.

Полководческий и политический талант Бонапарта в полной мере раскрылся в итальянской кампании 1796—1797 гг. Все удавалось молодому главнокомандующему: он словно чудом одерживал одну за другой блистательные победы — Монтенотто, Мелидимо, Сан-Микеле, Мондови, Лоди, Милан; он выигрывал битвы, в которых французская армия была на грани поражения, — Кастильоне, Аркольский мост, Риволи; он заключил мир с римским папой и подписал выгодный для Франции Кампо-Формийский договор с Австрийской империей. С этого времени Бонапарт как «человек необыкновенный» фигурирует во внешнеполитических документах и конфиденциальных письмах русских государственных деятелей, в Петербурге заметили военные дарования молодого французского генерала.

Екатерининский вельможа поэт Г. Р. Державин в оде «На новый 1798 год» писал о Бонапарте: «Кто весть, что галльский витязь, Риму / Словами только вольность дав, / Надеть боялся диадиму, / Но что, гордыней обув, / Еще на шаг решится смелый / И, как Самсон, столпы дебели / Сломив, падет под ними сам?»³. Позднее, в 1809 г., автор так разъяснил эти строки: «Герой Франции Наполеон, покоря тогда Италию, учинил там республику, но после, упоясь самовластием, сделался императором, некоторых королей лишил престола и возвел на оный своих братьев»⁴. Положим, когда Державин сочинял свою оду, мало кто мог помыслить, что родственники генерала Бонапарта займут троны правителей итальянских государств. Однако поэт верно нащупал слабое место итальянской политики Бонапарта: на смену одному гнету его армия несла другой — «словами только вольность дав». Конечно, Державин вовсе не поборник свободы и вольности; он осуждает «галльского витязя», обуянного гордыней, с официозно-консервативных российских позиций.

Но при этом Державин почувствовал масштаб Бонапарта. Ведь сравнивает же он его с Самсоном — библейским героем, обладавшим сверхъестественной силой и совершавшим богатырские подвиги, в частности, победившим в единоборстве льва. (Возможно, поэт намекал и на борьбу Франции с Великобританией, символом которой являлся именно лев, тем более что Бонапарт как раз в октябре 1797 г. был назначен командующим «английской армией», предназначенной для вторжения на Британские острова.) Это сравнение подкреплено и в комментарии 1809 г.: «герой Франции Наполеон». Вместе с тем Державин предостерегает Бонапарта от дальнейших завоеваний, напоминая ему о судьбе Самсона. По преданию, ветхозаветный герой взят в плен врагами-филистимлянами и ослеплен. Однако впоследствии необычайная физическая сила вернулась к нему, когда торжествовавшие враги привели его во время праздника в храм. Самсон оперся на два центральных столба храма, сдвинул их с места, обрушил все здание на собравшихся и погиб вместе с врагами. Подобная участь — гибель под обломками рухнувшего мира — грозит и Наполеону Бонапарту.

Некоторые российские наблюдатели и комментаторы событий понимали связь между неограниченными завоевательными устремлениями первого консула и его властолюбивыми притязаниями. Профессорско-консервативный «Политический журнал» в середине 1801 г. писал: «Давно уже заметили мы, что Бонапарте не может заключить всеобщего мира, хотя бы он того и желал, пока будет продолжаться теперешний образ французского правления. Сколь неограниченно Бонапарте господствует на войне, столь же он ограничен в мирных догово-

рах»⁵. Военные успехи нужны были правителю Франции, чтобы победоносной шпайгой проложить дорогу к самовластию.

Поворот российской политики к примирению с Францией и к антибританской ориентации заставил замолчать хулителей первого консула. Укрепление его диктаторской власти расценивалось как благо: «...если он утвердит навсегда личную безопасность, собственность и свободу жизни в своем государстве, то История благословит его властолюбие...»⁶. В этот период и сам Бонапарт стремился обрести репутацию умеренного правителя, обеспечившего внутреннее успокоение и благоденствие Франции, поборника европейского мира. Влиятельная часть русской общественности проявляла готовность по-новому посмотреть на зарубежные события, принять Наполеона Бонапарта, отделив его от Французской революции, одобрить первого консула. «Не Бонапарте свергнул Бурбонов с трона,— писал просвещенный Карамзин,— не Бонапарте сделал Революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия»⁷. Бонапарта представляли как сторонника порядка, как правителя, покончившего с революционной смутой и достойного всяческого одобрения. «Вестник Европы», называя Бонапарта «главным историческим характером» того времени, утверждал: «Если же мы, перестав на минуту быть эхом иностранных крикунов, называемых журналистами, должны объявить собственное мнение о Консуле, то скажем, что он, умертвив чудовище Революции, заслужил вечную благодарность Франции и даже Европы»⁸. У Бонапарта-правителя обнаружили массу достоинств. «Можно осуждать Бонапарта в системе его правления,— писал Карамзин,— однако же надобно согласиться, что он имеет редкий талант повелевать людьми и государствами»⁹.

Сошлись на том, что он — великий человек. И к тому же человек необычайной судьбы, поразительной удачи. Вспоминали, как счастливо он проскользнул мимо британских кораблей, возвращаясь из Египта, каким ослеплением поражены были австрийские генералы, как неожиданно склонялось на сторону Бонапарта военное счастье, каким чудесным образом спасался он несколько раз в минуты смертельной опасности. «Фортуна воздвигала престол своему любимцу...», «любимец счастья всегдашний...», — читала русская публика¹⁰. За Бонапартом закрепилась репутация любимца судьбы, баловня фортуны.

Наполеон Бонапарт вошел в России в моду. Его портреты украшали гостиные, красовались на платках. В книжных лавках появились сочинения, восхвалявшие первого консула.

Неумеренное увлечение Бонапартом высмеял поэт И. Дмитриев в шуточном стихотворении 1803 г. Автор иронизировал по случаю отъезда за границу Василия Львовича Пушкина: «Я был в Лицее, в Пантеоне, / У Бонапарта на поклоне, // Стоял близехонько к нему, / Не веря счастьем моему»¹¹.

Шутки — шутками. Но отношение к Наполеону Бонапарту стало частью культурной жизни России начала XIX в., предметом напряженной, хотя временами и подспудной, идейной борьбы. Столкновения мнений, споры, толки о Бонапарте органично вписались в это необычное для России время — «дней Александровых прекрасное начало», время надежд на прогрессивные реформы, на перемены, время резкого подъема духовной жизни, складывания новых представлений, нового типа культурного человека.

Понять и принять Бонапарта готова была либеральная часть русского общества. Ведь он не был правителем по рождению, милостью божьей. Хотя он и укротил гидру революции, но ведь воспользовался же ее результатами, через революцию и пришел к власти. Поэтому проявлять симпатии к Бонапарту, восхвалять этого «великого человека» означало, пусть косвенно, одобрять результаты революции, отвергать притязания Бурбонов и принимать республику (что само по себе казалось крамолой). Барон Ф. Ф. Вигель вспоминал: «...Я не только разделять, но даже понимать не мог восторгов при имени первого консула республики. Она в глазах моих была продолжительным преступлением, а он был сын ее,

и долго — ее подпора, ее слава»¹². Правда, выразители подобных настроений вынуждены были отойти в тень, но лишь на время...

Отношение российского общества к Наполеону Бонапарту заметно изменилось после казни герцога Энгийенского и принятия правителем Франции императорского титула; изменилось в неблагоприятную сторону.

В Париже подозревали, что один из младших отпрысков королевского дома Луи-Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгийенский, находившийся на территории соседнего с Францией Бадена, якобы участвовал в заговоре роялистов. В ночь с 14 на 15 марта 1804 г. он был захвачен вторгшимися на чужую территорию французскими драгунами, а утром 21 марта расстрелян во рву Венсенского замка. Расстрел герцога, а он был молод и хорош собой, вызвал волну бурного возмущения во всем мире, в том числе и в России.

А еще через два месяца, 18 мая, постановлением Сената «правительство Республики доверялось императору, который примет титул императора французов». Какое-то время титул Наполеона звучал несколько странно — «Император Республики», а на серебряных монетах чеканили: «Французская республика. Император Наполеон I». Но дни республики были сочтены. 2 декабря 1804 г. в Соборе Парижской богородицы состоялась торжественная церемония коронации. Глава католической церкви римский папа Пий VII освятил восшествие на трон императора Наполеона I.

Только очень немногие русские современники пытались осмыслить и трезво оценить значение политических перемен во Франции. Симпатизировавший Наполеону «Вестник Европы» М. Каченовского писал: «Надобно знать, что во Франции составила́сь новая аристократия, которой выгоды хотя не суть одни и те же с прежней аристократией, но которая думает, что ее политическое влияние, ее примущество тогда только утвердится на основании прочном, когда она сравнится с прежнею аристократией и составит с нею одно тело... Новая аристократия, разрушившая республику, может быть, чувствует себя слабой для поддержания восстанавливаемого трона и, может быть, вверила власть неограниченную простолюдину единственно для того, чтобы изгладить все следы народного правления: но, вручая ему самовластие, она без сомнения не хотела вводить правления деспотического»¹³. Поразительно глубокий для того времени социальный анализ. Не воля всевышнего, не властолюбие Бонапарта, а интересы новой аристократии как основной фактор провозглашения Наполеона императором.

Российские правящие круги и подавляющее большинство общества не склонны были к подобным умствованиям. Новый титул Наполеона не признавался, во всех документах и изданиях его именовали «господин Бонапарте» — именно Бонапарте, на итальянский манер, подчеркивая корсиканское происхождение императора. Рассуждая о судьбе французского трона, «Политический журнал» писал: «Французы не имели даже и той отрады, чтобы из них кто-нибудь возвысился в обладатели. Корсиканец приходит, господствует над ними, над гордыми победителями света, и на месте Генриха Четвертого, Людовика Великого, садится на троне Бурбонском!»¹⁴. Присвоение Наполеоном императорского титула расценивалось как дерзкая попытка удачливого простолюдина стать вровень с законными государями. «Венец и порфира казались мне запачканными его полуплебейским прикосновением», — вспоминал Ф. Ф. Вигель¹⁵.

К осени 1805 г. против «узурпатора» была создана третья антифранцузская коалиция с участием Англии, России, Австрии, Швеции и Неаполитанского королевства. В августе русская армия выступила в поход. Командующий авангардом П. И. Багратион накануне отправился в Александро-Невскую лавру, чтобы стать на колени пред могилой А. В. Суворова, как бы призывая на помощь тень великого полководца. Дым прошлых побед кружил головы. «Трудно представить, — писал гвардейский офицер И. С. Жаркевич, — какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»¹⁶. Многие надеялись на быстрый разгром Наполеона.

Наполеон вскоре разрушил эти надежды. В сражении под Аустерлицем 2 декабря 1805 г., «битве трех императоров», он одержал блестящую победу. Союзники понесли большие потери, Австрия вынуждена была согласиться на унижительный Пресбургский мир, третья коалиция распалась.

По приезду в Париж Наполеон принимал поздравления с благополучным возвращением от сената и прочих правительственных учреждений. При этом военный министр Бертье, пожалованный титулом герцога Невшательского, просил императора от лица народа и войска принять звание великого. Наполеон соизволил согласиться.

Русский поэт В. Вельяминов-Зернов в «Оде на войну» размышлял по этому поводу о ложном и подлинном величии: «Тому ль великим называться, / Кто кровью любит упиваться, / Похитив власть из рук царей?— / Кому стон, слезы — утешенье; / Кому закон — страстям служенье: / Тот и в величестве — злодей»¹⁷. Хотя и великий, но злодей! Стоны, слезы и кровь несовместимы с подлинным величием. Наполеон становится олицетворением войны и бедствий.

К осени 1806 г. сложилась четвертая антифранцузская коалиция, объединившая Англию, Россию, Пруссию и Швецию. 30 августа император Александр I обнародовал манифест, в котором предупреждал своих подданных о предстоящей войне с Францией»¹⁸.

Союзники по новой антифранцузской коалиции еще не успели собрать свои силы, как Наполеон молниеносными ударами разгромил при Иене и Ауэрштедте армию Пруссии и занял большую часть ее территории, включая Берлин. Хотя король Фридрих Вильгельм III еще продолжал борьбу, война приближалась к западным границам Российской империи.

16 ноября 1806 г. Александр I манифестом объявил о начале войны с Францией. Но и этого царскому правительству показалось недостаточно. 30 ноября последовал манифест о составлении и образовании временных ополчений или милиции.

6 декабря царский указ призвал Синод Русской православной церкви предписать всем священникам действовать во благо России и внушать прихожанам, «что не искание тщетной славы, но безопасность наших пределов, безопасность Отечества, их собственное личное благосостояние влагает им в руки оружие»¹⁹.

По царскому указу Святейший правительствующий синод составил особое воззвание, в котором изображал грядущую войну как религиозную войну против врага православной церкви и имени Христова. Кто же этот злобный враг?— Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший царственный венец Франции, коварством и силой оружия распространивший свою власть на соседние государства, опустошивший огнем и мечом их города и села. Синод не только заклеймил Наполеона как богоотступника, но и призвал всех православных христиан к священной вооруженной борьбе против него. Воззвание Синода приказано было огласить во всех церквах Российской империи в первый праздничный или воскресный день, а затем читать его в каждый праздник. Многие ревностные служители церкви в своих проповедях дошли до того, что объявляли Наполеона антихристом.

Эффект воззвание Синода произвело колоссальный. Ведь именно церковь была центром тогдашней жизни в деревнях и городах России. При неграмотности большинства населения, при почти полном отсутствии того, что ныне называют средствами массовой информации, к слову пастыря относились с особым вниманием, молва разносила его и приукрашивала. Получалось, что Наполеон— антихрист, а если и не антихрист, то все же связан с нечистой силой, есть в нем нечто дьявольское. Подобные представления были понятны и удобны, они легко улеглись в сознании простых людей, вошли в русскую литературу, стали частью литературной традиции.

Зимняя кампания 1806/07 г. оказалась для Наполеона трудной и малоуспешной. В сражениях под Пултуском и Прейсиш-Эйлау русские войска задержали наступление французской армии. «В течение войны 1806 г. и учреждения народ-

ной милиции,— вспоминал князь П. А. Вяземский,— имя Бонапарте (немногие называли его тогда Наполеоном) сделалось очень известным во всех углах России. Народ как будто предчувствовал, угадывал в нем Бонапартия 12-го года»²⁰.

Поэт Г. Р. Державин, откликаясь на сражение при Прейсиш-Эйлау, громогласно трубил о дьявольской сущности Наполеона Бонапарта. В оде «Персей и Андромеда» император французов изображался ужаснейшим драконом из преисподней: «Стальночешуйчатый, крылатый, / Серпокогистый, двурогатый...»²¹. Страшно и представить-то подобное чудище. И уж ясно, что это порождение сатаны. И все же у Державина русский витязь, конечно, поверг дракона из преисподней с «изгибистым хвостом» и «рогатым адским лбом». Доблестный воин поразил «живого саламандра» и освободил Европу, выведенную в образе Андромеды.

Русские литераторы в стихах и прозе клеймили Бонапарта, как умели, чернили его, как могли. Часто обращались к однозначным образам-символам. При этом дракон из преисподней, Соловей-разбойник соседствовали с реальными историческими личностями: Тамерланом, Батыем и т. п. В мифологическом сознании того времени легко стирались грани между преданием и действительной историей, между легендарным вымыслом и реальным прошлым. Про Наполеона говорили «Атилла» — это значило ужасный завоеватель, бич божий; «Тарквиний» — безжалостный тиран, нарушающий все законы. Эти образы-символы были хорошо знакомы, понятны, не требовали никаких разъяснений. Вместе с тем Наполеона как бы лишали ореола уникальной исключительности — уже было, пережили. Впоследствии и сам Наполеон станет в русской литературе образом-символом, только разноликим, очень многозначным.

Особенно суровые инвективы обрушили на Наполеона авторы консервативного толка. В 1807 г. находившийся в отставке сановник граф Ф. В. Ростопчин анонимно опубликовал свое сочинение. Повествование велось от лица отставного подполковника Силы Андреевича Богатырева, который рассуждал о Французской революции, а потом и о Наполеоне: «А там явился Бонапарт, ушел из Египта, шикнул и все замолчало. Погнал Сенат взашей, забрал все в руки, запряг и военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептаться, там головой качать, а наконец кричать: шабаш, республика! Давай Бонапарта короновать, а ему-то и на статься. Вот он и стал главой французская...»²². Наполеон неприемлем для Ростопчина не только как повелитель враждебной державы, не только как полководец, с которым сражаются русские войска, но и как наследник Французской революции, как иноземец. Критика автором бездумного увлечения французскими модами и гувернерами перерастает в оголтелое неприятие всего французского, а патриотизм графа — в ксенофобию. Очень характерны псевдонародный язык и тон Ростопчина — это стиль балагана, раешника, рассчитанный главным образом на городского мещанина, на обывателя. Сочинение графа имело успех, разошлось громадным для того времени тиражом в 7 тыс. экз., его одобряли люди «среднего сословия», читали и обсуждали в Английском клубе²³.

Конечно, и прогрессивная часть русского общества осуждала и обличала Наполеона, но по-иному, чем консерваторы, с других позиций, чем реакционеры-крепостники. Искренний патриот, будущий декабрист Николай Иванович Тургенев (тогда 18-летний студент) записывал в дневнике 9 декабря 1806 г.: «Вчера читал я новый манифест о составлении земских войск или милиции. Теперь бы всякому, кто свободен и ни от кого не зависит, или всякому, кто может, надобно идти на войну и участвовать в побеждении нарушителя общего спокойствия.— Мне кажется все, что Бонапарте придет в Россию; я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам Московским...» (Поразительное предвидение: французы на улицах Москвы! Казалось, невозможным, невообразимым, а ведь сбылось в сентябре 1812 г.) И надо было всем выступать против Наполеона, «нарушителя общего спокойствия». Для передовых, мыслящих людей в России Наполеон — прежде всего виновник войны и бедствий народов. Именно

потому и обрушивается на него Н. И. Тургенев: «О проклятый Бонапарте! Ты один был причиною пролития *рек* крови человеческой. Сколько существование одного человека может переменить на земном шаре»²⁴. Вот и надобно идти на войну против Наполеона, чтобы прекратить кровопролитие и восстановить мир. Подлинный патриотизм Н. И. Тургенева сочетался с благородным стремлением к благоденствию всех народов, любовь к отечеству соединялась с широким взглядом на цивилизованный мир.

Яркую картину наполеоновских завоеваний нарисовал в стихотворении «Песнь воинов» (1806) Н. М. Карамзин: «Цари, народы слезы льют: / Державы, воинства их пали, / Европа есть юдоль печали. / Свершился ль Неба Страшный суд?»²⁵

Но обличать козни Бонапарта и громить «злодея» на бумаге оказалось гораздо легче, чем победить «надменного галльского вождя» на поле битвы. В июне 1807 г. русская армия потерпела поражение при Фридланде, после чего Россия вынуждена была заключить перемирие. Дело шло к миру с Наполеоном. По Тильзитскому миру Александр I признавал изменения, произведенные Наполеоном в Европе, и одновременно заключил с ним договор об оборонительном и наступательном союзе.

Тильзит потряс русское общество. Злодей, ужасный тиран, почти антихрист — и вдруг император Александр I осыпает его знаками дружбы, да еще и обнимает?! Обличали наполеоновскую политику грабежа и захватов в Европе — и вдруг союз с Францией против Англии?! Россия привыкла к викториям Румянцева и Суворова, верила в непобедимость своих армий — и вдруг сомнительный мир?! Все это не укладывалось в головы, порождало разные толки и слухи.

Любопытен рассказ П. А. Вяземского: «Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. Как же это (говорит один) наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом. Ведь это страшный грех! — Да, как же ты, братец (отвечает другой), не разумеешь и не смекаешь дела? Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые, царские очи»²⁶.

Недоумение и недовольство выражали не только простые мужики. Царская цензура перехватила письмо, отправленное из Москвы 22 ноября 1807 г., так и не найденный автор которого писал: «Кто бы мог вообразить, что наш император заключит союз с начальником гильотины, с величайшим убийцею и недостойнейшим тираном, какой едва ли когда существовал...»²⁷.

А все же приходилось считаться с тем, что правитель Франции из «господина Бонапарте» превратился в императора Наполеона; царь в посланиях к нему обращался: «Государь, брат мой» — и заверял в глубоком уважении и неизменности дружеских чувств. 17 июля последовало высочайшее повеление: известное воззвание Синода против Бонапарта более по церквам не читать. От печати потребовали полнейшего уважения к Наполеону. Журналы, не сразу уловившие изменение политической конъюнктуры, получали внушение цензурного комитета²⁸.

Большая часть русского общества не одобряла профранцузского правительственного курса, сохраняла недоверие, а то и враждебность в отношении Наполеона. Эти настроения усиливались по мере нарастания русско-французских противоречий. Г. Р. Державин в записке, написанной между 1807 и 1810 гг., предлагал различные меры по устройству военных сил Российской империи, «дабы, внутренних и внешних врагов своих всякие покушения в первом их начале отражая, предупредить ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом»²⁹. Что ж, говоря о стремлении Наполеона господствовать в Европе, отставной саванник был близок к истине.

Открыто антифранцузскую патриархально-монархическую позицию занял «Русский вестник», основанный в 1808 г. писателем и публицистом отставным майором С. Н. Глинкой³⁰. Его журнал решительно выступал против иностранных веяний, в первую очередь против пагубного влияния Французской революции, противопоставляя им «нравы и добродетели праотцов» и воспевая великих предков: Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова. В декабре 1809 г. «Русский вестник» опубликовал стихотворение поэта Ф. Иванова, призывавшего не бояться «надменного победителя», который «с несметным полчищем своим гремит пред нашими вратами»³¹.

С конца 1810 г. в петербургских салонах только и разговоров, что о надвигавшемся столкновении с Наполеоном. Его самовластные акции в Европе, пренебрежение протестами императора Александра вызывали растущее раздражение и недовольство русского общества. Эти настроения отразил И. А. Крылов в известной басне «Кот и повар», написанной в феврале — марте 1812 г. Наполеон изображен нахальным котом, на которого не действуют никакие уговоры и увещевания: «А Васька все-таки курчонка убирает», «А Васька слушает да ест»³².

Время увещеваний и протестов кончалось, отношения между двумя странами неотвратимо ухудшались, надвигалась война.

На рассвете 24 июня 1812 г. «великая армия» Наполеона по трем понтонным мостам переправилась через Неман на территорию Российской империи. Для России началась борьба с наполеоновским нашествием, очень скоро превратившаяся в Отечественную войну, продолженную затем победоносными заграничными походами русской армии 1813—1814 гг.

Официозная пропаганда представляла войну прежде всего как борьбу против Наполеона Бонапарта. Император французов воспринимался в России как сверхъестественная ужасная сила, как некий злой рок. С приближением войны любое необычайное явление, всякое стихийное бедствие приписывалось влиянию Наполеона и его агентов. В 1811 г. на небе наблюдалась комета. Пошли толки: не к добру эта звезда — пометет она русскую землю.

Распространялись фантастические слухи, ждали чего-то чрезвычайного, чуть ли не «страшного суда». Вспомнили и про антихриста. В самом имени Наполеона при обозначении букв латинского алфавита цифрами (сначала единицы, затем десятки) находили апокалипсического зверя, обозначенного числом 666. (Откровение святого Иоанна Богослова. Глава 13. Видение зверя с двумя рогами, число которого 666). Правда, Апокалипсис вселял и надежду, ибо предел власти зверя (антихриста) был определен числом 42. Утверждали, что 1812 год должен принести падение Наполеона, которому исполнилось 43 года³³.

«Сын Отечества» опубликовал перевод «Гражданского катехизиса», написанного в традиционной для этого жанра форме вопросов и ответов и распространенного в Севилье в 1808 г.:

«В. Кто враг нынешнего благополучия?

О. Император французов.

В. Кто он таков?

О. Новый, бесконечно кровожадный и корыстолюбивый властелин, начало всякого зла и искоренитель всего добра, скопище всех пороков и злодейств.

В. Сколько он имеет естеств?

О. Два: сатанинское и человеческое.

В. От чего происходит Наполеон?

О. От ада и греха»³⁴.

Все очень ясно и понятно, просто и убедительно. Может быть, у некоторых читателей в наш просвещенный век подобные утверждения вызовут улыбку. Но человеком той эпохи, пропитанным религиозными представлениями, с сознанием того времени, с его глубинной верой в Провидение, подобные утверждения воспринимались совершенно серьезно; они давали ответ на мучительный вопрос: если на все воля божья, то откуда же взялся этот бич народов, как же небеса допустили его поразительные деяния?

Русская публицистика и литература обличали и разоблачали Наполеона, рисовали страшную опасность, нависшую над Россией, воспевали доблесть русского оружия — они отразили тот могучий патриотический подъем, который превратил кампанию 1812 г. в Отечественную войну против наполеоновского нашествия.

Ярким свидетельством народного характера этой войны стали и посвященные ей басни И. А. Крылова, в частности, одна из наиболее известных — «Волк на псарне». Она была передана супруге Кутузова, княгине Екатерине Ильиничне, а та отправила ее с письмом главнокомандующему. Однажды, после сражения под Красным, полководец, объехав войска, уселся на открытом воздухе среди приближенных к нему генералов и офицеров, вынул из кармана рукописную басню Крылова и прочел ее вслух. «При словах: „Ты сер, а я, приятель, сед“, произнесенных им с особою выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины. Все присутствовавшие восхищены были этим зрелищем, и радостные восклицания раздавались повсюду»³⁵.

Однако чуткое ухо улавливало в общем патриотическом хоре русских литераторов различные ноты. Одни авторы, более просвещенные и думающие, видели в Наполеоне прежде всего властолюбивого тирана, завоевателя, попиравшего права народов. Поэт и публицист Федор Глинка, служивший в 1812 г. поручиком Апшеронского пехотного полка, писал: «Можно ль боль мне помнить ран / И остаться с вами, / Если всем грозит *тиран* / Рабством и цепями»³⁶. Борьба против рабства и тирании, за свободу воодушевляла будущих декабристов, звала их на ратные подвиги, заставляла задумываться о судьбах собственного отечества.

Горячий патриот Н. И. Тургенев в августе 1812 г. занес в дневник размышления о природе завоевательных походов Наполеона: «С тех пор, ободренный последовавшими успехами, Наполеон Бонапарт жертвовал на поле брани всем для удержания начальства над французами, а внутри государств жертвовал всем для удержания и распространения своих завоеваний... Конечно, Франция неотменно должна была чувствовать тяжесть железного его скипетра. Изнуренная революцией во время республиканского правления, Франция не приобрела покоя и отдохновения при монархическом или, в сущности, деспотическом правлении...»³⁷. Суждение поражает ясностью видения масштабов бедствий, которые правление Наполеона принесло самой Франции, глубиной понимания теснейшей взаимосвязи между деспотическим характером его власти и внешними завоеваниями.

Суровое обличение деспотизма Наполеона содержалось и в листовках, выпущавшихся при штаб-квартире Кутузова. Так, в воззвании к французским солдатам (декабрь 1812 г.) говорилось: «Именно на Россию изливает сейчас Наполеон свою неистовую ненависть к человеческому роду. Именно для войны с этой державой он вырвал вас из благословенной страны, где вы родились, и подвергает самым страшным опасностям под небом, губительное влияние которого вы уже почувствовали»³⁸.

Другие, идеологи консервативного направления, подчеркивали, что Наполеон — наследник Французской революции, враг церкви и религии. Вот характерные выражения «Русского вестника»: «Следуя во всем правилам Робеспьеров, Маратов и прочих чудовищ Французской революции, Наполеон...»; «Во Французскую революцию, которой главный выродок Наполеон-Бонапарт...»³⁹.

Одним из наиболее последовательных приверженцев этой точки зрения был писатель и государственный деятель, убежденный монархист и консерватор А. С. Шишков. В декабре 1813 г. он обратился к французам с гневным обличением, где назвал Наполеона порождением и наследником революции⁴⁰. Кампания же 12-го года трактовалась им как война против революционных армий, как контрреволюционная война против мятежных санкюлотов, поправших принципы легитимной монархии и старого порядка.

Да к тому же подразумевалось, что революционер — это и безбожник, нечестивец. Русские журналы с нескрываемым удовольствием цитировали антинапо-

леоновские выступления папы Пия VII ⁴¹. Тем самым борьба с Наполеоном превращалась в священную войну за православную веру, а как главное свойство русского народа подчеркивалась верность «вере отцов» и трону. Всячески пропагандировался лозунг «За бога, царя и Отечество!», в общественной жизни России усиливались реакционно-националистические охранительные тенденции.

Ярким примером псевдонародной шапкозакидательской демагогии стали ростопчинские афиши 1812 г. Известный противник французского влияния Ф. В. Ростопчин высочайшим указом от 29 мая 1812 г. был назначен московским главнокомандующим. С 1 июля он стал обращаться к москвичам через пропагандистские афиши, в самых оптимистических тонах рисуя положение Москвы и русского войска, всячески изничтожая Наполеона ⁴². Но упования на молитву да на крещенские морозы не очень-то помогли в борьбе с французами. Потребовались, как известно, колоссальное напряжение российских сил, громадные жертвы вплоть до оставления Москвы и ее пожара, упорная борьба против наполеоновского нашествия, чтобы одолеть неприятеля.

Бахвальски-уничижительный по отношению к французам и Наполеону тон был свойствен и большинству произведений весьма низкой по художественному уровню лубочной литературе с грубым оглушением противника. С афишами Ростопчина перекликались псевдонародные ура-патриотические вирши ⁴³.

Отечественная война против наполеоновского нашествия отразилась и в творчестве признанных русских поэтов того времени — Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина. В их произведениях, посвященных эпопее 12-го года, нашел воплощение и образ Наполеона.

Г. Р. Державин в своем «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества» вновь рисовал предводителя великой армии ужасающим апокалипсическим драконом, «князем тьмы и крокодильных стад». Победа над ним — закономерное торжество православно-го воинства, сражавшегося за веру, царя и отечество: «Сей мнимый гений, царь царей, / Падет злой вождь вождей» ⁴⁴.

Другой образ мыслей, иная авторская позиция, более живой литературный язык — в стихотворении В. А. Жуковского «Певец в стане русских воинов». Поэт вступил в народное ополчение и прошел вместе с русской армией путь от Москвы до Тарутина и далее к Красному. В Тарутинском лагере и было создано знаменитое стихотворение, которое в сотнях списков разошлось по армии, вызвало восхищение, заучивалось наизусть ⁴⁵.

Для Жуковского Наполеон — реальный жестокий враг, алчный завоеватель, с которым неразрывно связана тема судьбы, ее превратностей и законов, непознаваемости и неотвратимости. Эти размышления поэта отразились в стихотворении «Вождем победителей», написанном после сражения под Красным. «Закон судьбы для нас неизъясним», — утверждал Жуковский и прочерчивал счастливый путь Наполеона через все опасности: и песни пустыни, и морскую пучину, и огонь сражений. Но куда же вела фортуна своего любимца? В Россию, где ему уготовано было неминуемое поражение: «И мощь, и злость, и козни — все напрасно! / Здесь грозная судьба его ждала; / Она успех на то ему дала, / Чтob старец наш славней его низринул!» ⁴⁶ Таким образом, все успехи и победы Наполеона оказываются лишь ступенями к триумфу Кутузова, к торжеству России.

И вот 31 марта 1814 г. союзные армии вступили в Париж. Победителей возглавлял император Александр I верхом на белом коне, рядом с прусским королем и князем Шварценбергом, представлявшим Австрийскую империю. Растерянные парижане глазели на странную форму разноцветных войск шестой коалиции.

Наполеон был низложен и отправлен на остров Эльбу. В Париже все было связано с Наполеоном, дышало Наполеоном, напоминало о Наполеоне. Капитан русской армии Константин Батюшков вскоре после вступления союзных войск во французскую столицу оказался свидетелем того, как толпа парижан с возгласами «Долой тирана!» пыталась свергнуть статую Наполеона с колонны, воздвиг-

нутой в честь победы под Аустерлицем. «Суета сует! — пишет Батюшков Гнедичу. — Суета, мой друг. Из рук его (Наполеона. — М. Н.) выпали и меч, и победа! И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь и ветренная, и неблагодарная, часто неблагодарная, накинула веревку на голову Napolio Imp. Aug...»⁴⁷.

Иные уроки извлек из судьбы Наполеона Н. М. Карамзин. Он противопоставил безудержному насилию справедливый закон, варварской свирепости — просвещение, кровавому тирану — мудрого правителя. Верой в разум государей и народов проникнуты строки: «Цари да будут справедливы, / Народы верно-стью счастливы»⁴⁸. В действительности, увы, ни справедливых правителей, ни счастливых народов что-то не наблюдалось. Но в конце 1814 — начале 1815 г. казалось, что во всяком случае кровопролития и бедствия, связанные с именем Наполеона, уже позади.

Однако 26 февраля 1815 г. Наполеон Бонапарт с преданным ему отрядом покинул остров Эльбу и 1 марта высадился на южном побережье Франции. В конце марта «Вестник Европы» сообщил: «Глухая и почти невнятная молва о новых замыслах Бонапарта ныне объяснилась разбойнической вылазкою его на берега Франции...» В заключение журнал выражал надежду: «Мы в скором времени услышим приятные известия об истреблении малочисленной шайки сего нового Пугачева...»⁴⁹. Однако Наполеон очень быстро развеял эти иллюзии. Уже в следующем номере «Вестник Европы» поместил перевод сообщения парижского «Монитера» от 21 марта о триумфальном вступлении Наполеона во французскую столицу: «Париж 20 марта. Король и принц отсюда выехали. Е. В. Император прибыл сего вечера в 8 часов в свой Тюильрийский замок. Он вступил в Париж сопровождаем теми самыми войсками, кои высланы были сего дня поутру сопротивляться его вшествию сюда»⁵⁰.

Во Франции началось призрачно-фантастическое вторичное правление Наполеона — «Сто дней». Император собирал новые армии, вновь примерял сапоги 92-го года, но все получалось не то и не так. 18 июня в решающем сражении при Ватерлоо силы Наполеона были наголову разбиты англо-прускими войсками.

В один из июльских вечеров во дворце Строгановых собралось избранное петербургское общество. Появился убежденный иезуит и легитимист посланник сардинского короля граф Жозеф де Местр. «Он вошел с видом вдохновенным, пророческим: помолчав с минуту и вперив взор свой в потолок, возвестил обществу, что демон пал, ниспровергнут, истреблен и что два еретика, Веллингтон и Блюхер, были исполнителями неисповедимой небесной воли»⁵¹.

Через три дня после Ватерлоо побежденный император отрекся от престола. Он доверил свою судьбу самому непримиримому своему врагу — Великобритании. 15 июля 1815 г. Наполеон поднялся на борт британского корабля «Беллерофонт», на котором ему суждено было отправиться в изгнание на далекий затерянный в океане остров Святой Елены. Торжествующий «Русский вестник» писал: «Наконец Бонапарта уже нет во Франции»⁵².

Перед российским обществом Наполеон и наполеоновская эпопея поставила и заострила сложнейшие проблемы: воля Провидения и роль активного исторического действия, природа правителя, его подлинное и мнимое величие, государь и народ, Россия и Запад. Здесь-то и завязывались первые петли тех мучительных узлов, над которыми российская мысль билась в течение чуть ли не всего XIX века. И все эти головоломные вопросы как-то сошлись на Наполеоне, чтобы затем вылиться в споры, сочинения, концепции о легендарной фигуре маленького капрала.

При его жизни одни русские авторы, как Сергей Глинка, по-прежнему видели в Наполеоне врага законных монархов и православных алтарей, а победу над ним воспевали как «торжество веры и добродетели»⁵³. Другие решительно осуждали Наполеона как поработителя народов, наглого завоевателя. Так, прочитав сочинение французского дипломата Прадта о наполеоновской политике

в Испании, Н. И. Тургенев записывал в дневнике в апреле 1816 г.: «...Наполеон, ты много наделал шуму, но потомство будет о тебе помнить только по несчастьям, которые от тебя произошли и до него достигнут, будут вспоминать о твоих злодействах, подлостях, мерзостях; но не найдут в истории твоей ничего утешительного»⁵⁴. Дальнейшие размышления привели Н. И. Тургенева к пониманию глубинной связи между агрессивными завоеваниями Наполеона и деспотическим характером его правления, которое несло бедствия и угнетение самим французам.

Наконец, еще одна трактовка: Наполеон — великий человек, употребивший во зло свои таланты, не понявший подлинного своего призвания, а посему и пришедший к закономерному драматическому финалу своей фантастической карьеры⁵⁵.

В июле 1821 г. «Вестник Европы» сообщил читателям: «Наполеон не живет более на земном шаре, который некогда наполнял он страхом»⁵⁶. «Сын Отечества» добавлял: «Наполеон, как кажется, не имеет надобности в особом надгробном памятнике: утесистый остров, на коем сей ненасытный завоеватель кончил жизнь свою, будет служить для потомства самым красноречивым монументом»⁵⁷.

Активный участник ранних декабристских обществ поэт Ф. Н. Глинка откликнулся на смерть узника Святой Елены стихотворением «Судьба Наполеона»: «„Чья новая взнеслась могила?“ / Ответ: „Тут спит Наполеон! / И буря подвигов — как сон... / И с ним мечты, и гром, и сила / В затворе тесном улеглись“»⁵⁸.

Но Наполеон не был забыт. С наполеоновской эпопеей были связаны в России рост национального самосознания, формирование важнейших общественно-политических течений XIX в., обретение страной ведущей роли на европейской политической сцене. Наиболее емко определил влияние Наполеона на умы России А. С. Пушкин: «Хвала!...Он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал»⁵⁹.

Примечания

¹ См.: Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история, 1970, № 3—4.

² Историческое и политическое обозрение 1789 года // Политический журнал, 1790, Ч. 1, кн. 1, с. 3.

³ Державин Г. Р. Сочинения. В 9-ти т. СПб., 1864—1883. Т. 2, с. 147.

⁴ Там же, т. 3, с. 666.

⁵ Политический журнал, 1801, ч. 2, кн. 3, с. 232.

⁶ Вестник Европы, 1802, январь, ч. V, № 1, с. 78.

⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. В 9-ти т. СПб., 1834—1835. Т. 9, с. 64.

⁸ Вестник Европы, 1803, январь, ч. VII, № 1, с. 79.

⁹ Карамзин Н. М. Сочинения, т. 9, с. 76.

¹⁰ Вестник Европы, 1803, август, ч. X, № 15, с. 217; 1805, август, ч. XIX, № 1, с. 65.

¹¹ Дмитриев И. Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия // Карамзин и поэты его времени. Л., 1936, с. 205.

¹² Вигель Ф. Ф. Воспоминания. Ч. 1—5. М., 1864—1865. Ч. 5, с. 5.

¹³ Вестник Европы, 1805, февраль, ч. XIX, № 3, с. 235.

¹⁴ Историческое и политическое обозрение 1799 года // Политический журнал, 1800, ч. 1, кн. 1, с. 22—23.

¹⁵ Вигель Ф. Ф. Указ. соч., ч. 5, с. 5.

¹⁶ Записки И. С. Жаркевича // Русская старина, 1874, февраль, т. IX, № 2, с. 218.

¹⁷ Вестник Европы, 1806, ноябрь, ч. XXX, № 21, с. 31.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIX. 1806—1807. СПб., 1830, с. 701—702.

¹⁹ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2, прил. СПб., 1897, с. 353.

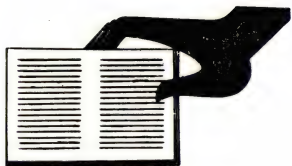
²⁰ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. VII. СПб., 1883, с. 255.

²¹ Державин Г. Р. Сочинения, т. 2, с. 613—614.

²² [Ростопчин Ф. В.] Мысли вслух на Красном Крыльце с приложением письма Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве. М., 1807, с. 10—11.

- ²³ См.: Тихонравов Н. Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 году. СПб., 1854, с. 46.
- ²⁴ Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 годы. СПб., 1911, с. 15, 65.
- ²⁵ Карамзин Н. М. Сочинения, т. 1, с. 250.
- ²⁶ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. VIII. СПб., 1883, с. 255.
- ²⁷ Дубровин Н. Ф. Наполеон I в русском современном ему обществе и литературе // Русский вестник, 1895, т. 237, № 7, с. 112.
- ²⁸ Пятковский А. П. Из истории нашего литературного и общественного развития. Ч. 2. СПб., 1881, с. 138.
- ²⁹ Державин Г. Р. Сочинения, т. 7, с. 442.
- ³⁰ См.: Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807—1812 гг.) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 513, 1981, с. 52—72.
- ³¹ Русский вестник, 1809, декабрь, ч. 8, № 12, с. 319.
- ³² См.: Брикман М. А. К истолкованию басен Крылова о войне 1812 года // Труды Ленинградского библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, т. II, 1957, с. 449—450.
- ³³ См.: Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859, с. 92. 434—435.
- ³⁴ Сын Отечества, 1812, ч. 1, № 2, с. 60.
- ³⁵ Чит. по: Дурьлин С. Крылов и Отечественная война 1812 года // И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947, с. 172.
- ³⁶ Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957, с. 126.
- ³⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. Т. 2. СПб., 1913, с. 202.
- ³⁸ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962, с. 126—127.
- ³⁹ Русский вестник, 1813, февраль, ч. 1, № 2, с. 89, 96.
- ⁴⁰ Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова. СПб., 1831, с. 232—234.
- ⁴¹ Сын Отечества, 1813, ч. 5, № 17, с. 229—230.
- ⁴² См.: Ростопчинские афиши 1812 года. СПб.: Изд. А. С. Суворина. 1889, с. 19—20. Сравните уважительное отношение к Наполеону М. И. Кутузова, приказавшему офицеру своего штаба вычеркнуть из агитационной листовки оскорбительные замечания в адрес французского полководца: «Молодой человек, кто тебе дал право издеваться над одним из величайших генералов». — Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967, с. 65.
- ⁴³ См.: Русский вестник, 1813, № 5, с. 30—47.
- ⁴⁴ Державин Г. Р. Сочинения. т. 3, с. 152.
- ⁴⁵ См.: История русской литературы. В 4-х т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981, с. 120.
- ⁴⁶ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Т. 1. СПб., 1902, с. 11.
- ⁴⁷ К. Н. Батюшков Гнедичу Н. И. 27 марта 1814 г. // Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3, СПб., 1886, с. 254.
- ⁴⁸ Карамзин Н. М. Сочинения, т. 1, с. 253—269.
- ⁴⁹ Вестник Европы, 1815, март, ч. LXXX, № 5 и 6, с. 163—164.
- ⁵⁰ Там же, апрель, ч. LXXX, № 7, с. 251.
- ⁵¹ Вигель Ф. Ф. Воспоминания, ч. 4. М., 1864, с. 156.
- ⁵² Русский вестник, 1815, № 14, с. 43.
- ⁵³ Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта, выбранные из разных французских книг, вновь вышедших и изданные Сергеем Глинкою. М., 1816, с. 1.
- ⁵⁴ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. Т. 2. СПб., 1913, с. 326.
- ⁵⁵ См.: Вестник Европы. 1815, сентябрь, ч. LXXXIII, № 18, с. 128.
- ⁵⁶ Там же, 1821, июль, ч. CXIX, № 13, с. 157.
- ⁵⁷ Сын Отечества. 1821, ч. 71, № 30, с. 180.
- ⁵⁸ Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957, с. 205—206.
- ⁵⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10-ти т. Л., 1977, т. 2, с. 60.

РУССКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО. 1906—1918 гг.

(Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира)

КОММЕНТАРИИ В. И. СТАРЦЕВА

№ 4

*Интервью с Александром Яковлевичем Гальперном*¹.
Париж, 16 и 18 августа 1928 г. (Запись Б. И. Николаевского)

36. Гальперн Александр Яковлевич

(Привел меня к нему на его парижскую квартиру А. Э. Дюбуа, предварительно предупредив по телефону, что я хочу кое о чем расспросить. Это было в среду, 15.VIII.28. После первых фраз я прямо поставил вопрос, хочет ли он мне рассказать о масонской организации? А. Я. сначала колебался — я переговорю с некоторыми коллегами, но, увидев, что я уже знаю очень многое и после того, как я объяснил мою задачу и планы /публиковать ничего не хочу,— если придется, спишусь с ним/, то он согласился рассказать. Рассказ шел в четверг, 16.VIII утром и в субботу, 18.VIII.28, вечером.)

О раннем периоде русского масонства мне известно следующее: несколько русских были посвящены в масоны во Франции (Гранд Ориент) еще давно,— среди них я знаю Сергея Дмитриевича Урусова, гр. Орлова-Давыдова, Евгения Ивановича Кедрина, доктора Баженова, М. Е. Маргулиеса, Обнинского, Бебутова, кажется, был французским масоном и Маклаков; М. М. Ковалевский был масоном шотландским. Организовались ли они в период 1906—07 гг. русскую ложу в Петербурге, или просто сходились, я точно не знаю, но несомненно, что в это время они уже и в России были в масонском контакте². Вскоре, однако, эта первая русская масонская ячейка пережила острый кризис: причиной его было то обстоятельство, что Кедрин и Баженов стали очень много болтать о своем масонстве и чуть ли не открыто появлялись на своих дачах в масонских знаках, в результате чего о русском масонстве стали очень много говорить в самых широких кругах и даже стали появляться заметки в печати. С другой стороны, в отношении некоторых масонов появилось и недоверие, основанное не на недоверии лично к ним, а к их знакомым. Речь идет о связи Маргулиеса с Бебутовым. Последний определенно подозревался в политической неблагонадежности, а так как Маргулиеса считали невоздержанным на язык и многое рассказывающим Бебутову, то недоверие распространилось и на самого Маргулиеса, хотя последнего лично никто не думал подозревать. Маргулиес это отношение почувствовал и был очень оскорблен.

Все это, повторяю, вызвало первый кризис русских масонских лож, который повел к тому, что Маргулиеса и Баженова перестали приглашать на собрания, дали им знать, что их не зовут на них, законспирировались, а Кедрина, который был одним из наиболее уважаемых членов ложи и даже «венераблем», не устранили прямо и не объявляли ему этого решения, стали под разными предлогами не приглашать на собрания³.

Я сам вошел в ложу, кажется, в 1911 г. Привлекли меня Керенский и Барт, присяжный поверенный, сын Г. А. Лопатина. Во время первых разговоров речь шла о моем отношении к вопросу о желательности создания организации, которая согласовывала бы действия различных политических партий, поскольку они борются против самодержавия, и не думаю ли я, что моя принадлежность к одной из партий может явиться причиной моего вступления в такую организацию. Когда выяснилось мое положительное отношение к этим задачам и моя готовность вступить в такую организацию, мне поставлен был вопрос, не смутит ли меня несколько необычная форма новой организации, которая стремится к объединению людей на необычной в России основе — морального сближения? Попутно, правда, очень поверхностно, было упомянуто, что вступление в ложу связано с некоторым ритуалом, и здесь же было сделано предложение вступить в эту организацию.

Ответ на этот вопрос я дал не сразу, а через несколько дней. Тогда мне объяснили, что речь идет о масонской организации и что вскоре ко мне придут официальные представители для разговоров о заполнении анкеты. Этот официальный визит имел место через несколько дней — пришли ко мне тот же Барт и еще кто-то. Я заполнил анкету, после чего меня попросили прийти в определенный день на квартиру Барта. Ничего похожего на поездку в закрытой карете на неизвестную мне квартиру, подобно той поездке, о которой Вам рассказывал Гегечкори, со мной не было. В квартире Барта меня встретил хозяин, мой старый и хороший знакомый, который сказал, что моя анкета признана удовлетворительной [здесь на полях: «Примечание. Анкетные листы, как я это узнал позже, в Верховный Совет не передавались, а уничтожались на том же заседании ложи, где решался вопрос о приеме)], и ввел меня в зал собраний, завязав предварительно мне глаза. В зале я был подвергнут устному вопросу, который был фактически повторением анкеты. Голоса некоторых из присутствующих я узнавал, другие были мне незнакомы. К этому времени обряд приема вообще был несколько упрощен; тем не менее обстановка произвела на меня странное впечатление и даже несколько покорила. После я видел, что на других она производила очень серьезное впечатление.

Когда с моих глаз сняли повязку, я увидел, что на собрании присутствует Демьянов (впоследствии товарищ министра юстиции), член Государственной думы Виноградов, Керенский, Барт, Яков Яковлевич Брусов (петербургский архитектор), А. И. Браудо, Сергей Дмитриевич Масловский (Мстиславский), Переверзев (позднее министр юстиции), Макаров⁴.

В организационном отношении каждая ложа имела председателя — «венерабля», оратора и двух надзирателей, старшего и младшего, из которых младший исполнял обязанности секретаря. В нашей ложе венераблем был Демьянов, оратором — Переверзев, старшим надзирателем — Макаров, младшим — Браудо. Все заседания открывал венерабль, который на них и председательствовал. После открытия заседания все усаживались полукругом. Венерабль задавал традиционные вопросы «закрыта ли дверь?» и др.

Функции оратора сводились к наблюдению за соблюдением условий, он же и хранил устав, произносил приветственную речь новым членам и т. д. Функции надзирателя определены в уставе, но фактически, насколько я понял, эти функции почти отмерли, кроме, конечно, секретарских функций младшего надзирателя: он заносил в записную книжку краткие записи о заседаниях.

Все члены ложи платили членские взносы, их принимал венерабль и передавал секретарю Верховного Совета.

Конспирация в организации выдержана была очень последовательно и строго. Члены одной ложи не знали никого из других лож. Масонского знака, по которому масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало. Все сношения ложи с другими ячейками организации происходили через одного председателя ложи, венерабля. Членов лож, которые раньше состояли в различных революционных организациях, поражала выдержанность и последовательность конспирации. Позднее, когда я был секретарем Верховного Совета и знал по своему положению почти всех членов лож, мне иногда бывало почти смешно видеть, как иногда члены разоблачали меня за агитирование в духе последних решений Верховного Совета, не догадываясь, с кем имеют дело.

Вновь вступивший в ложу получал при приеме звание подмастерья. Через некоторое время, обычно через год, его возводили в степень мастера. Право решения вопроса, когда именно следует произвести подобное повышение, принадлежало ложе. Но иногда повышение в степени производилось по инициативе Верховного Совета. В этом последнем случае действовали обычно сообра-

жения политического и практического характера, т. е. Верховный Совет считал полезным то или иное лицо, которым он дорожил, продвинуть вперед до лестницы масонской иерархии.

Мое личное отношение к организации, поскольку речь шла об ее политических задачах и деятельности, было выжидательным, почти несколько недоверчивым. Главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между членами — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, к помощи друг другу. Это были действительно отношения братьев в лучшем смысле слова. Позднее я изменил свой взгляд и на политическую роль этой организации, так как увидел, что она дает возможность объединить действия разных политических групп там, где в других условиях это было бы невозможно, — примером этого я считаю работу думской ложи, о чем позднее.

В течение первого года своего пребывания в ложе я был совершенно не посвящен в жизнь организации, можно сказать ни о чем даже не догадывался. Ждал только, что могут быть разные сюрпризы, например, относительно круга лиц, охваченных организацией, но какие именно, не подозревал. Приблизительно через год после моего вступления в ложу меня сделали мастером и выбрали делегатом от ложи на очередной конвент. Меня несколько удивило, почему выбор пал на меня, только после я узнал, что сделано это было по указанию Верховного Совета и какие именно мотивы руководили последним.

Конвент этот состоялся летом, кажется, 1912 года в Москве. Выборы произведены по 1 от ложи; кроме того, присутствовали члены Верховного Совета. Из участников этого конвента я помню Колюбакина, Некрасова, Степанова, Виноградова, А. И. Браудо, Константина Григорьевича Голубкова (члена петербургской городской управы, к.-д.), кажется — Керенского — от Петербурга, Балавинского, Головина (Председателя II Думы), Урусова (члена I Государственной думы), Обнинского от Москвы, Грушевского, Василенко, Штейнгеля — от Киева, Кильвейна — из Нижнего, одного делегата из Минска (фамилии не помню, какой-то присяжный поверенный по имени Иван Иванович) и одного делегата из Одессы (фамилии тоже не помню, по профессии он был врачом и участвовал на всех конвентах, на которых я был, он вообще был самым видным деятелем организации в Одессе). Возможно, что я при этом перечислении пропустил 2—3 присутствовавших, но вообще-то перечень этот почти полный.

Собрался этот конвент очень конспиративно: все сношения по его подготовке, как и по подготовке всех следующих конвентов, да и все вообще сношения с провинцией велись не путем переписки, а через специальные выезды членов Верховного Совета или их представителей.

Председательствовал на конвенте Некрасов. Первым в повестке дня стоял вопрос о конституировании русской масонской организации. Были сделаны сообщения — докладчиком от Верховного Совета был Некрасов — что в России всего имеется около 14—15 лож, из них 5 в Петербурге, — 3—4 — в Киеве, 1—2 в Москве, и по одной в Нижнем, Одессе и Минске, и что это число достаточно для выделения русских масонов в самостоятельную организацию наряду с другими Великими Востоками.

Предложение это встретило слабые возражения. Некоторые сомневались, возможно ли совершить подобное выделение, не получив предварительного согласия от Великого Востока Франции. На это сторонники немедленного решения вопроса отвечали указанием, что санкцию Франции можно будет получить потом. По существу против [выделения] никто не возражал, и вторая точка зрения победила значительным большинством.

Зато большие споры разгорелись по вопросу о том, какое название надлежит присвоить организации: в этой связи поднялся спор между русскими и украинскими масонами. Подавляющее большинство конвента стояло за название «Великий Восток России»; Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия». Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование. Его с рядом оговорок поддерживал Василенко.

Против Грушевского выступали все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня. Самыми лучшими были выступления Колюбакина (который вообще производил подкупающее впечатление), Некрасова и Штейнгеля, который, хотя и представлял киевские ложи, но целиком присоединился к сторонникам «российской ориентации». Крайними централистами выступали Степанов, Обнинский и я, — я тогда был против даже федерации. Я выступил с очень резкой филиппикой против Грушевского и заявил, что было бы позором подчиниться его требованиям и устранить слово «Россия». Выступление мое было настолько резким, что вызвало вмешательство председателя, — единственное, которое сохранилось в моей памяти от всех трех конвентов, на которых

я участвовал, — он призвал меня к порядку, указав на недопустимость выражений, употребленных мною, при разговорах в братской среде. В конце концов было принято название «Великий Восток народов России».

Далее было принято решение — поручить Верховному Совету выработать устав организации и разослать его для ознакомления ложам, с тем чтобы на следующем конвенте можно было его утвердить.

Закончился конвент избранием двух выборщиков, которым, по статуту организации, поручалось дело составления Верховного Совета. Выборы их были тайные, и фамилии избранных не оглашались. Порядок составления ими Верховного Совета был таков: эти двое выборщиков кооптировали третьего, втроем они кооптировали четвертого, вчетвером — пятого и т. д. Сами выборщики в Верховный Совет потом могли и не входить. После я узнал, что выборщиками на этот раз были выбраны Штейнгель и Головин.

Заседания этого конвента происходили на квартирах — одно у Балавинского, другое — у Головина; каждое тянулось целый день — из осторожности тут же и обедали, и никуда в течение дня не ходили. Помню, вечером у Балавинского пили чай в гостиной, и он нам показывал люстру, при свете которой в свое время Пушкин читал свои стихи. И самовар на столе в нашу честь был подан тот же самый, из которого пил чай Пушкин: Балавинский был по матери внуком Олениных, от которых ему и перешли все эти вещи.

В последний день работ конвента ко мне подошел Колюбакин и сообщил, что я кооптирован в Верховный Совет. Это меня несколько удивило: я был самым молодым из участников конвента — и по возрасту, и по масонскому стажу, и к тому же принадлежал к другой партии, чем основная группа руководителей конвента, которая, как видно из данного выше перечня, почти целиком состояла из левых к.-д.

Первое заседание Верховного Совета состоялось тут же в Москве, помнится, что на нем присутствовали, кроме выборщиков, Колюбакин, также Некрасов и Урусов. На этом же заседании мы, помнится, кооптировали Керенского, Чхеидзе и Григорович-Барского. Позднее в состав Верховного Совета был введен еще ряд лиц — всех я сейчас не помню, равно как не помню и порядка введения их. Вообще же в разное время в Верховном Совете побывали Браудо, Масловский, Макаров, Сидамон-Эристов, Карташев (последний уже в годы войны).

По своему строению Верховный Совет целиком был подобен ложе — он так и звался ложе Верховного Совета, так как в нем имелись венеребль, оратор и два надзирателя. Венереблем был Штейнгель. В тех случаях, когда он отсутствовал, его заменял Урусов. Оратор в Верховном Совете роли не играл, так как, конечно, непосредственного приема в Верховный Совет новых членов не производилось, поэтому фамилии «ораторов» Верховного Совета в моей памяти не сохранились.

Наиболее важную роль в жизни Верховного Совета играл его секретарь, который был докладчиком в Верховном Совете по всем текущим делам, а позднее, после создания Петербургского местного Совета, он же был докладчиком и в последнем; по своему положению он должен был знать всех венереблей всех русских лож, — все сношения Верховного Совета с ними велись через него или под его контролем; он один имел право требовать открытия ему имен и всех отдельных членов лож, чем, правда, на практике пользовался редко. Вообще он был главным организатором в масонской организации.

Таким секретарем до конвента 1912 г. был Некрасов; после этого конвента и до его отъезда в конце 1914 г. на фронт — Колюбакин; затем до конвента 1916 г. сначала Некрасов, затем Керенский, после конвента 1916 г. — я до самого своего выезда за границу, когда заместителем моим стал Балавинский.

Работая в Верховном Совете, я узнал, что русские конвенты бывали и до 1912 г., — всего, кажется один, много — два. Но не как верховные съезды самостоятельной русской организации, а как совещания представителей русских лож, аффилированных к Великому Востоку. Существовал и Верховный Совет, опять-таки не как самостоятельное учреждение. В его состав, насколько я знаю, входили кроме секретаря Некрасова, еще Сидамон-Эристов, Степанов и другие. Душою организации, главным ее инициатором и организатором был С. Д. Урусов, через которого главным образом и поддерживались ее связи с Великим Востоком Франции⁵.

В это же время я узнал и причины, которые побудили Верховный Совет провести меня на московский конвент 1912 г.: в ложах тогда шла борьба с Грушевским и его сторонниками, вопрос о формах будущей организации России обсуждался в ложах, и я все время высказывался в крайне централистском духе. Верховный Совет предвидел, что этот спор станет в центре работ конвента

1912 г. и стремился провести на него вполне подходящих с его точки зрения людей, т. е. определенных противников позиции Грушевского.

Верховный Совет был главным руководителем масонской организации в России. Его главнейшими функциями были:

1. Организация новых лож и контроль за приемом новых членов в старые ложы. О всех новых кандидатах в Верховный Совет сообщали венебрали тех лож, в которые намечался их прием. В Петербурге все новые кандидатуры обязательно обсуждались венебралем соответствующей ложи и секретарем Верховного Совета, а иногда вопрос о них значился и на заседаниях Верховного Совета, для провинции это правило не всегда соблюдалось.

Организация новых лож целиком была в ведении Верховного Совета. Провинцию для этой цели специально объезжали члены Верховного Совета — обычно Некрасов, Керенский, Колюбакин, Урусов, несколько поездок было сделано и мною (в Москву, Киев, Витебск). Во время этих поездок представители Верховного Совета выясняли состав местных лож, знакомились с братьями, выясняли вопросы о возможности того или иного использования их в общих интересах братства, намечались и новые кандидаты для привлечения в организацию. Инициатива приема новых членов иногда исходила и от Верховного Совета, — последний в таких случаях исходил всегда из соображений о возможной полезности данного лица для организации. Если данное лицо шло навстречу, то прием его проводился или через какую-либо из существующих лож, или, если подходящей ложи не находилось, то для вновь привлекаемого создавалась специальная ложа. Случаев последнего рода мне помнится только два, оба относятся к годам войны; в одном случае речь шла о приеме Кусковой и Прокоповича⁶, в другом — Мережковского и З. Гиппиус. В каждом случае ложа была создана из Карташева, Гальперна, А. А. Майера (религиозный философ, помощник А. И. Браудо по службе в Публичной библиотеке) и Некрасова (кажется, также и Керенского).

Создавая новые ложы, Верховный Совет пытался группировать их по роду занятий. Именно таким образом были созданы ложы думская, военная, литературная. Особенно важное значение в жизни организации имела думская ложа, руководству которой Верховный Совет уделял исключительно большое внимание. В нее входили депутаты Ефремов, Коновалов, Орлов-Давыдов, Демидов, Виноградов, Волков, Степанов, Колюбакин, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гегечкори, Чхенкели (стоял вопрос о привлечении Геловани, но его кандидатура была отклонена, так как Керенский высказался против, он считал его болтуном), — кажется все. Задачи этой группы были во многом аналогичны задачам Прогрессивного блока 1915—1917 гг., только с левым уклоном: без октябристов, но с трудовиками и с.-д. В ней Верховный Совет старался создать объединение левой оппозиции. Сознательного отстранения октябристов из этой группы не было, — об ультиматуме Чхеидзе, про который Вы рассказываете, я ничего не знал. Если бы он был поставлен в мое время, то Совет счел бы его нарушением основных принципов организации и несомненно высказался бы резко против него. Говорю об этом с такой уверенностью потому, что и в мое время вопрос о привлечении октябристов в общей форме вставал и в Верховном Совете, и в думской ложе. Я сам в то время по этому вопросу склонялся к точке зрения недопустимости приема октябристов и горячо тогда эту свою точку зрения защищал, но был разбит, что называется наголову, — и теперь думаю, что мои тогдашние противники были правы. Поэтому, если б подходящий октябрист, типа, например, Шидловского, нашелся и согласился бы вступить в ложу, то он, если б его анкетные ответы оказались подходящими, был бы несомненно принят. Фактического значения этот пункт, однако, не имеет, так как таких октябристов не имелось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал.

Стремясь к объединению левой оппозиции, думская группа заботилась о согласовании всякого рода конфликтов и трений между различными левыми фракциями в Государственной думе и к облегчению их совместных выступлений. Особенно много удавалось делать в этом направлении в кадетской партии: выступления к.-д. масонов в кадетской думской фракции и даже в ЦК кадетской партии были всегда координированы с взглядами Верховного Совета и проникнуты действительным чувством братства. У социал-демократов дело обстояло много хуже, — это объясняется личными свойствами Чхеидзе, его большим скептицизмом в отношении к задачам организации. Цели морального совершенствования, братского сближения его, по-видимому, никогда не захватывали. Этим он отличался от Гегечкори и особенно Чхенкели, которые значительно больше сблизились с нашей организацией, в значительно большей степени прониклись ее духом. Чхеидзе же всегда оставался в наших рядах в известной мере инородным телом.

Из других специальных лож около этого времени, т. е. начиная с 1912 г. и до начала войны, были

созданы ложи литературная и военная. Первая из них, т. е. литературная ложа, была создана, кажется зимою 1912—1913 г.; в нее входили Масловский-Мстиславский, Богучарский, А. А. Мейер, потом Карташев; кажется, в нее же входил и Н. Н. Суханов (в организацию вообще он входил несомненно). Широкого развития эта ложа не получила, а после истории с Мстиславским, о которой речь будет дальше, и совсем захирела. По планам в этой ложе должны были быть объединены крупные журналисты из важнейших левых газет, но осуществления эти планы не получили. Из «Речи» в ложу никто не входил (сообщенный Вами рассказ Неманова о попытке Некрасова привлечь его, Неманова, в литературную ложу, вполне правдоподобен; этим делом занимался Некрасов, и он мог сделать подобную попытку, — но мне об этой попытке ничего не известно), — тем не менее на эту газету мы в известных пределах воздействовали, давая туда через Клячко-Львова нужную информацию. Львов, который сам в организации не состоял и о существовании ее не знал, проводил через газету все, что нам казалось полезным и в нужном для нас освещении, особенно хорошо он это дело выполнял в 1917 году. Из «Дней»⁷ был намечен к привлечению в ложу Канторович, но почему-то и этот план осуществления не получил (почему именно сейчас не помню). Позднее очень хотели привлечь в ложу А. Н. Потресова. Об этом много говорили в Верховном Совете и все относились с большим сочувствием, но к нему не нашли никаких ходов: я с ним был знаком очень мало, не было среди нас и никого другого, кто бы был с ним настолько хорошо знаком, что мог бы взять на себя эти переговоры. Но этот последний план относится уже ко много позднему периоду — к концу войны или даже к началу революции.

Военная группа была создана тоже около зимы 1913/14 г. Организатором ее был Мстиславский, входили в нее Свечин, позднее генерал, какой-то генерал и кто-то из офицеров Академии. Деятельности большой она не проявляла, собиралась, если не ошибаюсь, всего 2—3 раза, а после начала войны и вообще прекратила свое существование. Вообще же разговоры о необходимости проникновения в армию, которые у нас велись очень часто и остро, так и остались разговорами и осуществления не получили. С «усыплением» Масловского, о чем я скажу ниже, дело это совсем затихло.

О собраниях с генералом Рузским, о которых Вы мне передаете со слов Горького⁸, мне ничего не известно, но организатор этих собраний, приведший на одно из них Горького, двоюродный брат генерала Рузского, профессор, кажется, Политехнического института Рузский Дмитрий Павлович состоял в нашей организации и в годы войны играл видную роль: он был венебраблем, членом местного петербургского Совета и секретарем его. Собрания, которые он устраивал, формально не могли быть масонскими, — если бы он организовал особую ложу, то мне это в должности секретаря Верховного Совета 1916—1917 гг. неизбежно должно было быть известно. Но частные попытки, организационно не оформленные, в направлении установления связей с военными кругами он мог делать и на свой личный страх, — это с точки зрения нашей организации было не только допустимым, но и желательным. Д. Рузский мог стремиться их делать еще и потому, что он был из тех, кто особенно выступал против Мстиславского и требовал его устранения, а после этого устранения взял на себя в организации работу по установлению связи с военными кругами. Но все это относится уже к 1916—1917 гг., когда организационно не оформленные связи с военными начали завязываться очень многими видными деятелями нашей организации.

Зима 1912/13 г. кроме организационной работы, особенно важной тогда в новой Государственной думе, была занята работой по выработке устава организации. Автором его явился с.-д. Масловский-Мстиславский, много руководящих указаний ему дал С. Д. Урусов, вообще повторяю, игравший очень видную роль в жизни организации. Разработанный проект устава был разослан по ложам для обсуждения и затем, после согласования предложенных изменений Верховным Советом, был предложен на утверждение конвента 1913 г.

Этот конвент собрался летом 1913 г. в Петербурге; собрания шли, помнится, на квартире Степанова. Особые подробности о нем я сейчас припомнить не могу, помню только, что из новых участников на этом конвенте был В. Я. Богучарский-Яковлев и, кажется, Скобелев. Конвент этот тогда обсуждал и кажется постановил принять предложенный проект устава и поручил Верховному Совету изыскать способ конспиративного издания его — такой, который не вскрывал бы факта существования организации и в то же время давал бы членам возможность хранить этот устав вполне легально, не навлекая подозрения полиции. Такой способ был позднее найден, и устав в 1915, кажется, году был отпечатан в виде приложения к книге Сидоренко «Италианские угольщики»⁹. Написана эта книга была Мстиславским в форме якобы исторического исследования об итальянских карбонариях 20—30 гг. XIX века. Конечно, была она очень поверхностной компиляцией, к тому же с искажениями, так как нужно было историю подгонять к нашему уставу, печатав-

шемуся в приложении в качестве исторического документа. Но поставленная изданием цель — опубликование устава без обнаружения факта существования организации, — была достигнута. По этому уставу можно установить организационную структуру нашей организации.

Финансы организации составлялись из членских взносов, которые были невелики. Они через венеerable сосредоточивались в руках секретаря Верховного Совета. Больших сумм в этой кассе не было. Наличие обычно не превышало нескольких сотен. Но когда деньги бывали нужны для какого-нибудь дела, мы их всегда могли достать, так как такие члены организации, как, например, граф Орлов-Давыдов, всегда с полной готовностью давали требуемые суммы¹⁰.

Приблизительно к этому периоду, то есть к 1912—1913 гг., относится и создание местного петербургского Совета, — по уставу такие советы создавались в том случае, если число лож в каком-либо пункте достигало 5. В состав этого совета входили венеerable всех местных лож, — я помню, что там были Богучарский, Степанов, Демьянов, Виноградов, Д. Рузский, Колюбакин, Чайковский. Секретарем был Рузский. Председателя постоянного не было, его выбирали каждый раз особо. Связь с Верховным Советом поддерживалась через секретаря Верховного Совета, который входил в этот местный Совет.

Кроме Петербурга местный Совет был создан еще и в Киеве, но уже позднее, в годы войны. Других местных советов не существовало.

Общие задачи организации, как они смотрелись в это время, я вкратце определил бы следующей формулой: стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не стояло, и если б кто-либо попытался в задачи организации такой заговор ввести, то это вызвало бы протест со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись, например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку [зрения] проводили осторожно и закрепить ее в качестве официальной точки зрения своей организации не стремились (об эпизоде с Мстиславским я сейчас не говорю)¹¹. Борьба за свободу, конечно, входила в задачу организации, об этом говорилось даже в клятве, но конкретные средства и пути нигде сформулированы не были. Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль. Таких, как Чхеидзе, которые эту сторону задач организации совершенно не воспринимали, было очень мало, для некоторых же эта сторона деятельности организации имела главное значение; так, например, в Киеве преобладали в организации люди, для которых этические задачи стояли на первом месте.

Социалистической окраски программа организации не носила, но широким социальным реформам, наверное, все члены сочувствовали и к социалистическому движению относились больше, чем терпимо. Я, пожалуй, назвал бы нашу организацию последним прибежищем великих идей 1789 г.: лозунги «братство, равенство, свобода» и нас вдохновляли в их наиболее первобытном, неискаженном и неусеченном виде.

Очень характерной для настроений большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова, революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступало, конечно, в годы войны, но в основе оно имело и раньше. Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения, можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксирована догматом организации.

В Верховный Совет, как я уже указал, поступали все предложения, вынесенные в отдельных ложах, многие вопросы он и сам поднимал. Принятые им решения обычно имели характер только руководящих указаний, значение которых было только морального порядка. При вынесении их Верховный Совет всегда старался найти линию, приемлемую для людей всех тех взглядов, которые были объединены в ложах, — и в этом была их сила. Но в принципе мы признавали и вынесение решений, связывающих отдельных членов и формально.

Начало войны захватило меня за границей. Я уехал туда в начале июля 1914 г., а вернулся только 9 сентября ст. ст. 1914 г. (через Константинополь—Одессу). Поэтому в первых заседаниях Верховного Совета времени войны, на которых определялось отношение к войне, я не присутствовал и в выработке этого отношения не участвовал. Когда я приехал, то у подавляющего числа членов я нашел настроения большого патриотизма, конечно не «ура-патристического», а патристического в хорошем смысле этого слова подъема и сознания необходимости борьбы с элементами пораженчест-

ва. Между прочим, большим влиянием в Верховном Совете в это время пользовался Мстиславский, которого считали за его военное образование большим знатоком военных дел. Настроен он был тогда так же, как и остальные члены Верховного Совета, то есть в революционно-патриотическом духе. Впрочем, моменты революционности в то время в этом настроении звучали не сильно, — рост их относится к более позднему периоду¹².

К первой зиме военных лет относится острый конфликт в братстве на почве дела Мстиславского — конфликт, создавший очень тяжелую атмосферу и даже внесший сильное размежевание в организацию. Существо этого конфликта состояло в том, что возникли подозрения относительно морально-политической благонадежности Мстиславского. Этим подозрениям большую веру давали два видных члена братства, члены петербургского местного совета — В. Я. Богучарский и Д. П. Рузский. Основаны эти подозрения были на непонятной для многих терпимости к Мстиславскому со стороны его начальства. Он служил, как известно, библиотекарем Академии Генерального Штаба, то есть учреждения ультра-охранительного, несмотря на то, что в нем хорошо было известно, что он сотрудничает в «Русском богатстве». Больше того: в 1912—1913 гг. он был арестован по одному из эсеровских дел, после кратковременного заключения в Петропавловской крепости его освободили и не только не лишили права проживать в Петербурге, что тогда было общим правилом для политически неблагонадежных, а рев[олюционны]е знакомства его были широко известны, но и оставили на службе в академии, а после начала войны его к тому же привлекли в «Правительственный вестник» на ответственную работу — составление военных обзоров.

По существу я считал и теперь считаю, что данных для обвинения Мстиславского в политической нечестности не имелось. Он был, несомненно, большим честолюбцем, вероятно, умел сохранить двойное лицо, прикидываясь в отношениях с академическим начальством совсем не тем, кем он выступал при общении со своими знакомыми из литературного и революционного лагеря, — но не больше. Надо сказать, что сам Мстиславский вел себя больше, чем легкомысленно, и давал много пищи для неблагоприятных о нем слухов.

Верховный Совет считал, как и я, что обвинения против Мстиславского не обоснованы, выступил на его защиту. Это выступление не убедило обвинителей. Богучарский вообще был очень «личный» и страстный человек, и относился он к Мстиславскому, с которым сталкивался и в ложе, и в литературной группе, с большим озлоблением. Я это хорошо понимал, так как мне по поручению Верховного Совета пришлось с ним по одному делу объясняться — чуть незадолго до его смерти, когда он лежал больной в постели¹³. Обвинение это носило очень несерьезный характер.

Развязка всей этой истории была вызвана поведением самого же Мстиславского. После возникновения слухов он на некоторое время прекратил посещение и своей ложи — Верховного Совета. На заседания последнего его, впрочем, и приглашать перестали. Так шло несколько месяцев, и вот в один прекрасный день уже осенью 1915 г. приходит он к нам и заявляет, что хочет встретиться с братьями по ложе по одному очень важному делу. Я спросил братьев по ложе, хотят ли они встретиться. Они согласились и собрание состоялось. Помню, кроме меня на собрании присутствовали Демьянов (который был в ложе венераблем и председательствовал на этом собрании), А. И. Браудо, Я. Я. Брусов, Сидамон-Эристов. На этом собрании Мстиславский заявил, что считает необходимым организовать заговор на жизнь государя, что для такого заговора имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства и что он хочет знать мнение братства о таком предприятии. Говорил он нервно, долго. Когда кончил, в комнате как бы холодом повеяло. Буквально все были аффектированы: кто верил в политическую честность Мстиславского, был удивлен и смущен его бестактностью и легкомыслием, у кого и раньше имелось недоверие (такими на том собрании были Брусов и Сидамон-Эристов), те, конечно, в этом предприятии Мстиславского видели новое подтверждение своим подозрениям. Соответственно с этим и было встречено предприятие. Прений о нем совсем не было. Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства. В персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно. Это было последнее появление Мстиславского в братстве.

Я сообщил о выступлении Мстиславского в Верховном Совете, и тут было решено «усыпить» его, то есть прекратить с ним всякие братские общения, не сообщая о том в официальном порядке по ложам.

Вся эта история с Мстиславским создала в братстве очень тяжелую атмосферу. Деятельность братства в 1915 г. почти замерла. Ложи, которые отнеслись с недоверием к Мстиславскому, считали, что Верховный Совет его покрывает и переносили известную долю своего недоверия и на Верховный

Совет. Собрания лож начали проходить нерегулярно. Сношения Верховного Совета с ложами поддерживались с большим трудом. Слухи о неладах в Петербурге проникли и в провинцию, особенно на Украину и создали и там такую же атмосферу. Возможно, что именно ввиду этого и не был созван конвент в 1915 г. В 1914 г. он не мог состояться из-за начала войны и мобилизации ряда братьев; конечно, эта последняя причина продолжала действовать и в 1915 г.

Исключением в вопросе об отношении к войне, если не считать Чхейдзе, была позиция части украинских лож, главным образом киевских, руководителем которых был Грушевский. Помню, что оттуда приезжал Григорович-Барский, который жаловался на пораженческую пропаганду в некоторых ложах. Почва для такой пропаганды там имела, ибо на Украине скептицизм по отношению к задачам войны был вообще значительно более развит, чем в Петербурге и в других городах Великороссии. Верховный Совет тогда откомандировал в Киев Некрасова, и он там вел переговоры с Грушевским и его соратниками¹⁴.

Рост активности Верховного Совета в вопросах политических относится к лету и осени 1915 г., к периоду наших поражений в Галиции. В Государственной думе и Государственном совете в это время возник Прогрессивный блок. Верховный Совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока, и основная линия его политической деятельности в это время шла в направлении усиления и заострения левой оппозиции в Государственной думе, создания левого блока из к.-д. и революционных групп. В этом смысле он стремился воздействовать на ЦК кадетской партии. Основное, что в моей памяти из этого осталось, это сообщения Некрасова в думской группе или в Верховном Совете о спорах в ЦК кадетской партии и обсуждение этих сообщений. Очень стремились мы в этот период и к установлению связи с подпольными организациями революционных партий. Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял. Мнение о том, что революция невозможна и недопустима, у нас все еще преобладало. Но интерес к революционному движению все рос и желание связаться становилось все сильнее. Связи с эсерами нам давал Керенский, связи с с.-д.—я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложи даже и некоторых большевиков, например, И. И. Скворцова-Степанова в Москве. Впрочем, большевики в это время, после скандального для них процесса членов их фракции в IV Государственной думе, были вообще на ущербе¹⁵.

С большим сочувствием Верховный Совет относился к военно-промышленным комитетам и к идее привлечения в них представителей рабочих. Вопросы, связанные с этими комитетами, обсуждались не раз; были обсуждения и вопроса о рабочих группах, но каких-либо активных шагов по проведению политики Верховного Совета в этом последнем вопросе я не помню. Рабочих в числе братьев у нас не было.

Летом 1916 г. состоялся конвент, последний из всех, бывших в России. Собрался он в Петербурге, заседал на квартире Степанова. Длился два дня. Это был предельный срок для работы наших конвентов, принятый по соображениям конспирации, так как более продолжительная работа конвента могла навевать подозрения.

Из участников этого конвента я помню:

От Петербурга: Некрасов, Керенский, Степанов, Демидов, Виноградов, Карташев, Д. П. Рузский, А. А. Майер, Макаров, Демьянов, К. Г. Голубков, я. От Москвы: Головин, Урусов. От Киева: Григорович-Барский, Штейнгель, Н. П. Василенко и др., всего человек 7 (Грушевского не было). От Екатеринбурга: Кроль. От Харькова: ? От Самары: ? От Саратова: Никонов. От Риги: латыш? От Ревеля: эстонец? От Одессы: тот же доктор? От Вильно: ? От Витебска: может быть, передан кому-то из петербургских братьев? Был еще один делегат из не помню какого города с Украины (не то Полтавы, не то Кременчуга — ложа там была организована сторонниками Грушевского).

Вначале были заслушаны доклады Верховного Совета о делах на фронте, с мест. Помню, о фронте докладывал Некрасов. Доклады с мест выявили довольно большой рост организации.

Затем конвент перешел к обсуждению вопросов общеполитического характера. Выступления свидетельствовали о сильном понижении патриотического настроения по сравнению с первыми месяцами войны. Все сильнее звучали резкие ноты: уверенность, что это правительство не может победить, что «для победы нужна революция». Особенно сильно эти настроения звучали в речах делегатов из провинции. Среди этих делегатов особенно крупных политических деятелей не было. Выступления на военные темы были совсем не ярки, часто они звучали даже несколько [слово неразборчиво], тем убедительнее было проявлявшееся в них революционное настроение. Представители центра должны были сдерживать эти настроения провинциальных делегатов, — в этом духе выступали Некрасов, Степанов (последний вообще у нас представлял правое крыло, все время тяготел к по-

литике Прогрессивного блока), в этом же смысле говорил и я. Нам удалось убедить провинциальных делегатов ввести их настроения в желательную Верховному Совету норму, и принятая резолюция (ее не сохранилось) была составлена в духе политики Верховного Совета.

Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений — о переговорах Г. Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя, о заговорщических планах Крымова (сообщил о них Некрасов), о переговорах Маклакова по поводу какого-то дворцового заговора (Маклаков был старым французским масоном, но в русское масонство он не входил и едва ли вообще об их существовании догадывался). Был ряд сообщений в разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп. Настроения офицеров в это время были вообще очень интересны, я присматривался к ним и сам, многое слышал от других, и основное, что меня поражало, — это полное отсутствие преторианских чувств, полный индифферентизм по отношению к царской семье. Политической активности в офицерских кругах было немного, преобладало пассивное ожидание неизбежного.

Организационно братство к этому времени достигло своего расцвета. В одном Петербурге в ложи входило 95 человек. Ложи существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Ревеле, Нижнем, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Кутаисе, Тифлисе, Одессе, Минске, Витебске, Вильне, Харькове.

Из наиболее видных членов, кроме уже названных выше, я могу указать: По Петербургу: В. А. Оболенский, профессор-ботаник Костычев. По Москве: Ф. Ф. Кокошкин, И. И. Степанов-Скворцов. По Киеву: барон Федор Иудович Штейнгель (еще французский масон), Николай Прокофьевич (?) Василенко (из «Киевской Мысли»), Сергей Николаевич Чебаков (товарищ прокурора судебной палаты — по взглядам очень лево настроенный). По Риге — Земгал, после революции президент Латвийской республики.

Очень характерно, что в состав лож входило только очень небольшое число евреев. В момент моего вступления в Верховный Совет в братстве было всего только два еврея — я и Браудо; позднее в петербургские ложи были введены еще Р. М. Бланк и Штернберг, бывший народоволец, недавно умерший. Так же было и в провинции: в Киеве, например, и в Москве евреев в ложах совсем не было; из евреев в провинции я знаю одного в Одессе, да еще Кроля в Екатеринбурге. Может быть, были, конечно, и другие, особенно в Северо-Западном крае, но немного. Никаких формальных препятствий для приема евреев, конечно, не было, объяснялось это естественным отбором лиц из круга знакомых. Мало в ложах было даже иноверцев, например, лютеран и католиков. Преобладали люди коренной русской крови — великороссы и малороссы. Много было людей религиозных в полном смысле этого слова, даже православных. Интересно отметить еще, что состав лож в Прибалтике, в Риге и в Ревеле пополнялся исключительно из числа чисто русской и латышско-эстонской интеллигенции и общественных деятелей; представителей немецкого населения в них совершенно не было.

В области сближения с представителями революционных организаций значительный шаг был сделан в начале 1917 г. Как известно, в начале 1917 г. большевики сделали попытку вызвать демонстративное выступление в Петербурге, в соответствующем духе они распространяли прокламации по заводам. По этому поводу было созвано специальное собрание Верховного Совета, на котором было постановлено вступить в сношения с руководителями организации, чтобы убедить их отказаться от подобных выступлений. Были выбраны делегаты для переговоров — Керенский, Некрасов, Соколов и я. По инициативе этих делегатов были созваны те собрания у Соколова, рассказ о которых имеется в воспоминаниях Суханова¹⁶.

Несмотря на все это, революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас вначале была просто фантастическая. Насколько мало мы понимали смысл февральских событий, когда они начали носить очень серьезный характер, видно из следующего примера со мной лично. Последнее собрание Верховного Совета перед революцией было назначено на воскресенье, 26 февраля. Должно оно было состояться на квартире Коновалова (который тогда был в Верховном Совете), на Фурштадской. Мне позвонили о нем на квартиру, но не застали дома, так как я был на Васильевском острове, у своей теперешней жены¹⁷. Мне позвонили туда и очень просили придти, но после некоторого колебания я все же не пошел: у моей теперешней жены был сердечный припадок и я бегал за врачом. Дальше, в это время уже не ходили трамваи и не было извозчиков. Конечно, если бы сознавал, какие события идут, все же нашел возможность добраться до Фурштадской, но думалось, что это будет обычное очередное собрание, если не побываю на нем, ничего не убудет. На следующий день меня разбудила в 6 часов утра жена Некрасова, она звонила по просьбе мужа, чтобы сообщить, что только что ему звонил из Государственной думы

Родзянко о получении указа о роспуске и вызвал срочно в Государственную думу для совещания. Некрасов уже убежал туда и — «муж просил Вам об этом сейчас же сообщить». Я спросил, передать ли что Керенскому? Она ответила, что не знает. Звоню к нему сам, поймал его уже в передней, он шел в Государственную думу. Условились встретиться у Соколова тотчас же, как только он выяснит положение дел. Встреча эта состоялась в 10—10½ часа утра, Керенский рассказал и убежал обратно в Государственную думу. Звонил он нам каждые полчаса, мы сидели и ждали. Вскоре увидели под окном беспорядочные толпы вооруженных солдат, помню кто-то сказал: «да это настоящий бунт». Настроение у нас было больше чем пониженное, — так лидеры русской революции готовили эту революцию!¹⁸

Собрания Верховного Совета как такового в первые дни революции не было (Примечание: Первое собрание Верховного Совета состоялось уже после опубликования состава Временного правительства на квартире Керенского. Разговор на этом собрании шел о воздействии на левых. Чхеидзе на собрании не было), поэтому не было на нем и обсуждения вопроса о составе Временного правительства. Но группа руководящих деятелей Верховного Совета — Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я, — все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении. Но говорить о нашем сознательном воздействии на формирование Временного правительства нельзя: мы все были очень растеряны и сознательной задачи сделать состав правительства более левым во всяком случае не ставили. Тем не менее известное влияние мы оказывали, и это чувствовали наши противники, почему тогда приводили слова Милюкова, который заявил, что «над правительством начинается тяготеть какая-то тайная сила».

Позднее был ряд собраний Верховного Совета, бывал на них и Чхеидзе, хотя каждый раз затаскивать его туда удавалось только с трудом. Он еще с началом войны стал явно уклоняться от посещения Верховного Совета, а после революции в частном разговоре со мною и прямо говорил, что считает роль братства оконченной и настаивал на прекращении его деятельности. Официально об этом он, однако, не заявлял, соответствующие предложения в Верховный Совет не вносил, и хотя и с пропусками и очень неохотно, но посещал заседания Верховного Совета — последний раз в Верховном Совете я его видел в октябре 1917 г. на совещании с новыми членами.

Основная забота Верховного Совета в это время состояла в воздействии на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики. Значительная доля работы в этот период выпала на меня, так как все основные разговоры с Советом рабочих депутатов, то есть с Чхеидзе, в этот период вести приходилось мне. Часто Керенский, узнав о каком-либо решении Совета, просил меня съездить в Таврический дворец. Я ехал и говорил, причем тот факт, что Чхеидзе был братом, сильно облегчал мне задачу, я мог говорить с ним совсем просто: «чего кочевряжитесь, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему»¹⁹. Историю всех этих поездок, наверное, можно будет восстановить, если просмотреть комплект «Речи»: я тогда давал сведения Львову.

Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 года на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и, если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор.

Конечно, из провинции братья говорили в сношениях с теми из членов правительства, которые состояли в братстве, совсем иным тоном. Помню, я как-то говорил по прямому проводу с Гегечкори в Тифлисе, и в том, как он ко мне обращался, явно чувствовалось, что это, помимо всего прочего, брат говорит с братом. Из вновь принятых за месяцы революции братьев я помню Н. Д. Авксентьева (и ранее бывшего масоном во Франции) и Б. В. Савинкова²⁰.

За идею коалиции Верховный Совет держался до конца. Именно по решению Верховного Совета я в таком духе вел собрания в Малахитовом зале, на котором я председательствовал. Поддерживали Верховный Совет и его члены коалиции и на Демократическом совещании²¹.

Несколько раз Верховный Совет обсуждал вопрос о войне и большинство склонилось к мысли о необходимости форсировать заключение мира. Я был решительным сторонником активных шагов в этом направлении, и помню, что в период споров о стокгольмской конференции я читал на эту тему доклад в редакции «Дней», по моим же наблюдениям и в кадетских кругах ставился этот вопрос. Я считал тогда, что воевать мы не можем, — об этом говорили все доклады с фронтов, — а поэтому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры²².

Обсуждения в Верховном Совете вопроса о необходимости добиваться отставки Милюкова я не помню.

Ни Кишкин, ни Смирнов членами братства не были, и введение их в правительство объяснялось совсем не этим. В этот период формирование правительства уже не шло по линии «масон — немасон», многие с охотой искали подходящих людей из буржуазных кругов вне братства.

Из отдельных собраний Верховного Совета я помню собрание в июле 1917 г. на квартире у Некрасова (на этом собрании Чхеидзе присутствовал). Вопрос стоял о преследованиях большевиков и о коалиции. Общей точкой было в это время, что левые губят коалицию, а к.-д. являются ее стержнем. Много нападков в это время в братских кругах было на Переверзева в связи с опубликованием им документов о большевиках. Вопрос этот тогда обсуждался на этом заседании Верховного Совета, — последний, хотя и с оговорками, но встал на сторону Переверзева, найдя, что в целом он действовал правильно²³.

Последнее заседание Верховного Совета имело место в конце сентября или даже в начале октября 1917 г. в связи с приездом киевлян — Григоровича-Барского и Чебакова. Это вообще было единственное такое собрание Верховного Совета за месяцы революции, — на всех других киевлян не было. Был на этом собрании и Чхеидзе. Григорович-Барский и Чебаков приехали в Петербург, чтобы раскрыть глаза правительству, по их выражению, на подлинные вожеления украинцев, которые в это время уже стояли на позиции полного отделения от России и склонялись к немецкой ориентации, и заставить Временное правительство бороться с этим сепаратизмом. На собрании Верховного Совета киевляне горько сетовали, что правительство так далеко идет в своих уступках. Все высказывавшиеся члены Верховного Совета, — и Чхеидзе в том числе, — признавали необходимость выступления Временного правительства против украинских сепаратистов. В соответствующем духе и было принято решение, — о воздействии на Временное правительство в соответствующем смысле.

Это собрание было последним. Вскоре после этого совершился большевистский переворот, и собрания Верховного Совета стали вообще невозможны: Керенский и Некрасов были в сетях, скоро и я сам уехал в Финляндию, где пробыл до апреля 1918 г. С мая по декабрь 1918 г. я жил полулегально в Петербурге, временами наезжал в Москву, скрывался от большевистских местных властей и в то же время через знакомых хлопотал о визе на выезд в Германию. Крестинский, к которому тогда по этому делу обратились, предложил мне, если я хочу выехать за границу, занять пост эксперта в Берлине, при полпредстве. Я, конечно, отказался, раз он отказался помочь в добывании визы. В это время я видел кое-кого из членов Верховного Совета — Головина, Некрасова, Балавинского.

В декабре 1918 г. выехал за границу.

Летом 1919 г. ряд членов Верховного Совета встретились в Париже: Керенский, Коновалов, Балавинский, Волков, Демьянов, я — и решили восстановить нашу организацию в эмиграции. В Верховный Совет тогда мы ввели еще Авксентьева Н. Д. и Рубинштейна (харьковский, в России входил в харьковскую ложу, но на конвентах я его не видел ни разу). Секретарем был избран Демидов.

В дальнейшей работе Верховного Совета я участия не принимал, так как не верил в дело. К этому же присоединялось и сильное отрицательное отношение к Керенскому. Против него я не выступал: в конце концов он не виноват, ведь мы его выдвинули и вообще создали, сами мы и ответственны за него. Меня не раз пытались убедить вернуться вновь к работе, особенно часто об этом говорил со мной Чайковский, который, судя по всему, в эмиграции стал играть очень видную роль в масонстве.

С Крапоткиным дело обстояло так: знаком я с ним очень давно, и каждый раз, проводя лето в Англии, я часто бывал у него. Как-то около 1910 г. я познакомился у него с [неразборчиво], которого мне Крапоткин рекомендовал как масона и автора книги о роли масонства в революции 1789 г. Крапоткин мне об этой книге говорил, что она очень интересна, хотя автор и преувеличивает роль масонства, и очень советовал ее прочесть. Тогда я еще не был масоном и не обратил на этот совет внимания. Но когда вступил в ложу, то вспомнил этот разговор и очень им заинтересовался. Помню, я рассказывал о нем в ложе, и так как все остальные члены тогда были заинтересованы, то в следующую поездку в Англию, — а ездил я туда почти каждое лето, — я сам, при встрече с Крапоткиным навел разговор на эту тему и попытался выяснить его отношение к масонству. Был ли он сам масоном, я не знаю, — говорил он на эту тему очень осторожно. Смысл его ответа сводился к следующему: в русских условиях, при существовании самодержавия, организация, в основе кото-

рой лежит стремление к объединению людей на основе определенных нравственных принципов, может иметь большое значение для дела борьбы против самодержавия, так как она может создать действительное объединение разномыслящих людей, могущих понимать друг друга и всецело друг другу доверяющих²⁴.

Гуверовский институт войны, революции и мира. Архив. Коллекция Б. И. Николаевского. Серия 284, ящик 719, папка 4. Ксерокопия начала 60-х гг. с подлинной тетради Николаевского, л. 43—54 и 65—72.

Комментарии

¹ Гальперн Александр Яковлевич — адвокат, меньшевик. В 1917 г. по предложению А. Ф. Керенского заменил кадета В. Д. Набокова в качестве управляющего делами Временного правительства и находился на этом посту до 25 октября 1917 г. До конца 1918 г. жил полулегально в Москве и Петрограде. С конца 1918 г. эмигрант. Умер в Лондоне в 50-х гг.

² История первых русских лож 1906—1908 гг. изложена не вполне точно. Подробнее см. «За кулисами видимой власти». (М., 1984, с. 96—105), а также ранее указанную публикацию Б. Элькина и отрывок из мемуаров кн. Д. О. Бебутова (Берберова Н. Н. Люди и логи, с. 184—193).

³ Слова А. Я. Гальперна о поведении Баженова и Кедрина ближе к истине, чем рассказ об основании масонства XX в. Именно Кедрин привлек к себе внимание полиции и черносотенных писак неумеренными разговорами о масонстве и его роли, лекциями, статьями и пр. С этого началась антимасонская кампания в правых и правительственных органах печати в 1909—1911 гг. В качестве ответной реакции и были меры против Маргулиеса и Бебутова. Н. Н. Берберова опубликовала одно из писем Б. И. Николаевского, где он говорил, что им собран большой материал «о закрытии ложи Маргулиеса», который стоило бы опубликовать отдельно. За краткое время работы в архиве Гуверовского института я этот материал найти не сумел.

⁴ О Макарове в нашей историографии ничего не известно. Даже Н. Н. Берберова сообщала о нем: «Макаров, Павел (1872—?), архитектор» — со ссылкой на Парижский архив русских масонов. И все. Между тем среди собрания газетных вырезок о масонах в коллекции Б. И. Николаевского имеется некролог Д. Философова на П. М. Макарова из газеты «За свободу» от 2 декабря 1922 г. Вот его текст: «Из газетного объявления случайно узнал, что 26 ноября внезапно скончался Павел Михайлович Макаров. Не сказано — где. Вероятно, в Чехословакии, в маленьком городке, где он был преподавателем во вновь образованной русской гимназии. В последний раз я его видел в Праге весною нынешнего года. Большевицкий переворот нас разлучил. Как-то в ноябре 1917 года он зашел ко мне в Публичную библиотеку (бывшую Императорскую), сказал, что домой он вернуться уже не может. Он проделал многострадальный путь многих русских беженцев. Страшно бедствовал в Константинополе, с великими трудами попал в Чехию, где бедствовал тоже, но, по крайней мере, имел кусок, хотя и черствого хлеба.

А когда-то в Петербурге, на Разъезжей, у него был свой дом. И в этом доме была прекрасная квартира, художественно обставленная. Павел Михайлович любил книги, художественные безделушки, старые картины. В петербургской квартире его в некотором роде кусочек русской истории. Там с давних пор собирались радикальные круги русской интеллигенции. Там во время великой войны шли бурные споры, там принимались многие ответственные решения. Как иерихоновая труба, гремел неукротимый Н. Д. Соколов, нервно передергиваясь, вешал А. Ф. Керенский. У него была привычка вертеть в руках разрезальный нож, старинную табакерку и что-нибудь в своем роде. П. М., дороживший своими безделушками, спокойно подходил к А. Ф.-чу и с невозмутимым хладнокровием выдергивал у него из рук „художественное сокровище“, которому грозила опасность.

Там иногда вдохновлялся А. В. Карташев, а хитроумный грузин Чхеидзе, которого в своей компании называли „Карлом“ (в честь Карла Маркса, конечно), запутанно говорил не то как русский интеллигент, не то как грузинский националист. Там иногда смеялся, как ребенок, или проникновенно ораторствовал Д. С. Мережковский. Все чувствовали себя у П. М.-ча буквально как дома, и все знали скромное благородство и бескорыстие этого человека. Он никогда не притязал на первые роли, на власть, несмотря на то, что прав на эти роли у него было куда больше, нежели у многих его гостей: например, у беспардонного говоруна Н. Д. Соколова, натворившего столько бед во время революции.

После февральской революции П. М.-ч помогал Ф. А. Головину, бывшему председателю II Государственной думы, который при Временном правительстве состоял комиссаром по бывшему ведомству Министерства Двора. П. М.-ч старательно „охранял“ художественные ценности царских резиденций. Вскоре А. Ф. Керенский дал ему очень серьезное и ответственное поручение. Когда Временному правительству, несмотря на все старания, не удалось отправить царскую семью за границу. П. М.-чу было поручено отвезти ее в Екатеринбург (автор ошибается, Макаров вез царскую семью еще в Тобольск. — В. С.). Макаров свято исполнил возложенное на него поручение со свойственным ему внутренним благородством... Его рассказы об этой поездке были полны интереса. Не знаю, сохранился ли об этом письменный след.

С Б. В. Савиным Макарова связывала давняя дружба. В свое время ему из-за этой дружбы пришлось довольно жестоко пострадать. Возвращаясь из Ниццы, куда он ездил повидать своего друга, П. М.-ч встретил в Вержболове тоже „дружеские“ объятия жандарма. Макарова повезли пря-

мо в Петропавловскую крепость, где он и отсидел положенный ему срок. Осенью 1917 года он опять ближе сошелся с Савиновым, и, когда после корниловской истории Савинов покинул свой пост военного министра, опять на квартире П. М-ча (где жил тогда Савинов) происходили частые совещания людей, желавших более активно бороться с большевиками.

Тихий, скромный, очень русский, большой патриот, Павел Михайлович жил как-то „в сторонке“, никогда не высовывался. Бедствия, пережитые Россией, заставили его очень основательно пересмотреть старые увлечения, особенно увлечение А. Ф. Керенским. Человек очень болезненный, П. М. Макаров не легко переносил бедствия последних годов, и в конце концов, их не выдержал...

Отметим, что все до единого упомянутые в данной статье лица были масонами, входившими во всяком случае в 1915—1917 гг. в ложу «Великого Востока народов России», и собрания у «П. М-ча» были, следовательно, масонскими. Это ставит вопрос о принадлежности к масону самого Димы Философова, так как он не мог быть единственным «профана» на подобных заседаниях. Этому предположению придает вес и то обстоятельство, что Д. Философов откликнулся некрологом и на смерть другого виднейшего масона — Александра Исаевича Браудо («За свободу», 1924, 1 декабря).

Приведем цитату из воспоминаний Д. О. Бебутова о деятельности русских лож во второй половине 1908 г. и в дальнейшем, о конvente и выборах первого Верховного Совета. «Были приняты вновь депутаты: Пергамент, Букейханов, Черносвитов, Караулов, Розанов, Головин (бывш. председатель II Думы), Кильвейн, Кузьмин-Караваев, кн. Максудов, ген. Субботич, Симонов, Веретенников, Буслов, предвод. дворянства Дмитриев, проф. Гордиенко, кн. Эристов, доктор Светловский, Измайлов, четыре офицера-сапера и один артиллерист. В августе на заседании были выбраны делегаты для присутствия на ежегодном конvente масонов в сентябре, в Париже. Выбраны были я, Орлов-Давыдов, Маргулиес; Орлов-Давыдов в последнюю минуту сказался больным и не явился на конвент. Думаю, что из простой трусости. Двоюродному брату Столыпина все-таки не хотелось поехать. На конvente были только мы вдвоем, я и Маргулиес. Конвент обыкновенно длится неделю, затем происходит два обеда: обед для всех степеней и обед для 18 степеней.

На конvente принимаются решения, делают запросы правительству, которому ставят на вид решения конвента. Заседания носят характер парламента. Мы участвовали на всех заседаниях, в дебатах же не участвовали, чтобы не попасть в прессу и тем выдать нашу тайну. Мы были также и на двух обедах. Собственно говоря, хоть мы и были легализованы, ложы наши считаются законными, но этого было еще недостаточно. После установления двух лож и Совета 18 степени, нужно было официально обратиться ко всем масонам других стран и просить нашего признания, а затем посредством публикации объявить об этом. Ввиду же нашего политического положения, сделать этого мы не могли. Тем не менее мы решили сделать это иначе: мы решили объехать масонов всех стран и лично заявить о нашем существовании, избегая огласки через прессу.

В ноябре месяце мы собрали свой конвент, т. е. всех имеющихся масонов. Конвент длился три дня. Первый день он собирался у меня, председательствовал Ковалевский. Второй день у Орлова-Давыдова, председательствовал я, и третий день снова у меня — председательствовал Головин. На конvente, во-первых, решено было выбрать Верховный Совет. Выборы должны были быть тайными, записки должен был распечатывать только я один, и я должен был сообщить трем лицам, которые получили бы большинство. Эти лица имели право кооптировать еще трех лиц. Имена лиц, вошедших в Верховный Совет, никому не могли быть известны, исключая меня, и только через меня Совет мог давать свои директивы ложам и ложы могли сноситься с Советом только через меня. Во-вторых, решено было произвести выборы должностных лиц в совет 18. Выборы в этот совет должны были происходить только между теми лицами, которые имели уже эту степень. Наконец, решено было устраивать масонство во всех крупных городах. В Совете 18-ти председателем был избран я, первым наблюдателем Ковалевский, вторым Кедрин, секретарем бар. Майдель, оратором Маргулиес. В Верховный Совет, как выбранный для постоянных сношений, я входил сам собою и баллотировке не подлежал. Баллотироваться в Верховный Совет могли братья, имеющие 3-ю степень, т. е. мастера и выше. Выбранными в Верховный Совет оказались кн. Урусов, Головин и Маргулиес. Когда я увидел результаты, то у меня точно что-то сорвалось — я предвидел большие неприятности. Предчувствие меня не обмануло. Несмотря на всю идейность масонской организации вообще, а в нашей, в данном случае в частности, несмотря на клятвенное обещание, которое масоны всегда дают: любить друг друга, — чувство тщеславия оказалось у некоторых слишком большим, и очень скоро начались закулисные интриги. Баженов и Гольдовский, особенно первый, не могли мириться с тем, что они не были выбраны, а когда вдобавок они еще не были кооптированы, то недовольство их стало заметно проявляться. М[аргулиес] и тут проявил себя: попал он благодаря своему нахальству и умению ловко интриговать. Он сумел убедить многих и собрал себе голоса. На первом же заседании Совета 18-ти решено было возвести в эту степень Головина и Урусова, не потому что они попали в Верховный Совет, а ввиду их прежней деятельности» (Берберова Н. Н. Указ. соч., с. 191—193).

Рассказ Д. О. Бебутова в процитированной части важен в том отношении, что он показывает время вступления в масоны большинства активных деятелей будущего «Великого Востока народов России». Из 16 фамилий масонов, принятых в 1908 г., мы находим шесть активных членов будущей организации — Некрасова, Черносвитова, Караулова, Головина, Кильвейна, Сидамон-Эристова. Принятый еще ранее князь С. Д. Урусов оставался активным членом Верховного Совета вплоть до Февральской революции. Какую же ложу Маргулиеса «усыпили» в 1909 г.? Очевидно, тот самый «Совет 18-ти» или Капитул, имевший право возводить мастеров именно в эту степень. В самом деле, как видно из публикуемых интервью, Бебутов, Маргулиес, Кедрин, Майдель практически не упоминаются среди активно действовавших в 1911—1917 гг. масонов. Кроме того, как видно из печатаемого проекта устава, новая организация не признавала степени выше мастера, а следовательно и не

нуждалась в капитуле. Его функции перешли фактически к Верховному Совету. А вот сам Верховный Совет, его формирование, функции секретаря полностью перешли и в новую организацию. Следовательно, датой проведения первого конвента надо считать ноябрь 1908 г., а первым генеральным секретарем являлся Д. О. Бебутов. Именно его сменил Н. В. Некрасов и скорее всего, на втором конвенте, который мог иметь место в 1909 или 1910 г. Но это еще необходимо исследовать.

И последнее. Звание масона и полученная степень давались пожизненно. Поэтому, хотя Маргулис, Кедрин, Ковалевский, В. А. Маклаков и некоторые другие оказались отстраненными от руководства и активного участия в Великом Востоке народов России, их «масонская жизнь» прекратиться не могла, поскольку лично они не были усыплены. Следовательно, нужно искать следы того, как параллельно с Великим Востоком народов России продолжали действовать и ложи, прямо подчиненные Великому Востоку Франции. Никто не отбирал назад 18° и от Головина, Урусова, Некрасова и др. Поэтому мог в строго конспиративной форме продолжать действовать и Капитул. Наконец, практика назначений Временного правительства показывает, что Керенский не оставил без важной должности никого из старых масонов: В. А. Маклаков, например, получил пост посла в Париже, Баженов — уполномоченного РОКК в Париже. Маклаков играл, кроме того, важную роль в попытках уладить конфликт Корнилова и Керенского в конце августа 1917 г. Следовательно, определенные контакты между руководством Верховного Совета народов России и старыми «французскими» масонами существовали.

⁶ По сведениям Н. Н. Берберовой, С. Н. Прокопович (1871—1955) был принят в бельгийское масонство еще в 1898 г., а в русское — в 1908-м (Берберова Н. Н. Указ. соч., с. 150).

⁷ Неточность: газета называлась «День», а не «Дни».

⁸ Б. И. Николаевский записал рассказ М. Горького (разговор с ним состоялся зимой 1922/23 г. в Сорренто) об участии в одном собрании с военными. В одном доме с Горьким (Кронверкский пр., 17, — ныне проспект Максима Горького) жил Д. П. Рузский, член совета петроградских лож, видный масон. Они сначала раскланивались, а затем познакомились. В разговоре они убедились в схождении их оппозиционных настроений. Тогда Д. П. Рузский пригласил писателя на собрание военных, которое состоялось «где-то на Фонтанке». Там среди многих генералов присутствовал и двоюродный брат проф. Рузского — командующий войсками Северного фронта генерал Н. В. Рузский. Николаевский добивался подтверждения, был ли генерал Рузский членом Военной ложи? Берберова отвечает на этот вопрос положительно. Мы полагаем, что факт этот пока еще не доказан, хотя Я. Гальперн мог и не открыть правды (Колл. Николаевского, серия 284, ящ. 719, папка 4; Берберова Н. Н. Указ. соч., с. 152).

⁹ Неточность: книга вышла в 1913 г. Устав не был напечатан в целом виде, а разбит на много фрагментов и попеременно «сравнивался» с уставами карбонариев, «итальянских угольщиков».

¹⁰ Это еще раз доказывает, что масонские ветераны не теряли связи с Великим Востоком народов России.

¹¹ Данное утверждение опровергается содержанием интервью Н. С. Чхеидзе.

¹² По другим источникам споры об отношении к войне носили ожесточенный характер, поскольку одобрение войны противоречило масонскому интернационализму и идее братства народов. По сведениям Сэнсиоля и Булэ, «кураторов» русского масонства от Великого Востока Франции, в результате этого кризиса распались 12 лож из 40. В результате к моменту Февральской революции в Великом Востоке народов России оставалось только 28 лож (См.: Вяземский В., кн. Первая четверть века существования зарубежного масонства. Доклад, прочитанный в «Лотосе» 9 октября 1957 г. (Новый журнал / Нью-Йорк /, 1985, кн. 161, с. 236).

¹³ В. Я. Богучарский умер в 1915 г.

¹⁴ Несомненно эти связи имелись в виду, когда Временное правительство вопреки решению ЦК кадетской партии неофициально включило Н. В. Некрасова в состав делегации для переговоров с Центральной радой в Киеве в конце июня 1917 г.

¹⁵ В этом заявлении А. Я. Гальперна сказались его партийная необъективность. Как раз в 1915 г., особенно в связи с первым туром выборов делегатов в рабочие группы военно-промышленных комитетов, большевики в Петрограде и в других городах начинают оправляться от некоторого ослабления их позиций в связи с подъемом шовинистических настроений в 1914—1915 гг. и завоевывать новых сторонников.

¹⁶ Опять искажение: именно меньшевики из Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета призывали к организации демонстрации рабочих в день 14 февраля 1917 г. по случаю возобновления работ Государственной думы. Большевики, чтобы парализовать это стремление превратить рабочую демонстрацию в придаток буржуазно-либерального движения, и предложили рабочим устроить контрдемонстрацию 10 февраля, а когда она не состоялась, то 14 февраля, но на Невском, а не у здания Государственной думы. Большинство демонстрантов (а бросило работу около 50 тыс. рабочих) демонстрировало именно на Невском.

¹⁷ Т. е. Саломеи Андронниковой.

¹⁸ Это свидетельство будет с удовольствием воспринято нашими историками. Но не следует обольщаться. Никто, даже большевики, вечером 26 февраля не мог с уверенностью сказать, что завтрашний день станет днем восстания. Выступления солдат с утра 27 февраля были стихийными, но именно они переломили ход событий в пользу революции. К тому же надо добавить, что руководители Верховного Совета очень быстро оправались от своей растерянности. Мы, кстати, не знаем и того, о чем они говорили днем 26 февраля в отсутствие Гальперна. И проведение Н. С. Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а других масонов — членами его Исполкома, и формирование корпуса эмиссаров Временного комитета Государственной думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П. Н. Милюкова с целью немедленного

провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. — все это показывает нам энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.

¹⁹ Красноречивый пример того, чем было двоевластие в практике «высших сфер» тогдашней политики.

²⁰ С принятием в брата ордена Великий Восток народов России Н. Д. Авксентьева и Б. В. Савинкова влияние масонов на правое крыло эсеровской партии резко возросло. Газета «Воля народа» сделалась фактически именно их органом. Напомним, что Н. Д. Авксентьев был избран председателем Временного Совета Российской Республики, начавшего свою работу 7 октября 1917 г.

²¹ Идея коалиции была коренной масонской идеей, которая, строго говоря, проводилась через всю деятельность русского политического масонства начиная с 1906 г., но особенно настойчиво с 1910 г., когда социалисты стали образовывать все более увеличивающуюся часть братьев. Прощедшие масонскую ложу лидеры меньшевиков и эсеров и не представляли себе общественную жизнь России после Февральской революции вне коалиции.

²² В этом был какой-то шанс для буржуазной власти удержаться. Однако большинство членов Верховного Совета неспособны были противостоять авторитету Керенского и заставить его обратиться к союзникам с предложением о разрешении России немедленно выйти из войны. Керенский же, связав себя обещанием перед французскими «братьями» не бросать их в войне, был не в силах переступить эту клятву. Все это облегчило большевикам проведение вооруженного восстания под лозунгом немедленного мира.

²³ Суть разногласий сводилась к тому, что М. И. Терещенко и Н. В. Некрасов, зная с начала мая 1917 г. о «показаниях» Ермоленко, считали необходимым выждать с их публикацией. Их план был сначала арестовать В. И. Ленина и других руководителей большевистской партии, а потом опубликовать «документы» против них. Но военная контрразведка, также имея в своем распоряжении данные материалы, сумела убедить министра юстиции П. Н. Переверзева в необходимости немедленной публикации компрометирующих большевиков материалов. В результате они были предупреждены и сумели скрыться, перейдя на нелегальное положение. Но публикацию Временное правительство смогло также использовать в своих целях, развязав беспрецедентную пропагандистскую кампанию против большевистской партии, с обвинениями ее лидеров в шпионстве в пользу Германии. Поэтому масоны «оправдали» брата Переверзева.

²⁴ Аналогичные мысли высказывал П. А. Крапоткин и В. Д. Бонч-Бруевичу. Перепечатку воспоминаний последнего 1930 г. см. в сборнике «За кулисами видимой власти» (М., 1984, с. 94—96).

Алфавитный список русских масонов, упоминающихся в публикации в документах введения (ДВ), интервью Чхеидзе (Ч), Гегечкори (Ге), Гальперна (Га) и примечаний (П)

Абашидзе Ге
Авксентьев Н. Д. (1878—1943) ДВ, Га
Александр Михайлович, вел. кн. ДВ
Антоновский Ю. М. (1859—1911) ДВ
Аргунов А. А. (1867—1939) ДВ
Аронсон Г. Я. (? — 1968) ДВ
Арсеньев А. А. ДВ
Баженов Н. Н. (1857—1923) Га, П
Балавинский С. А. Га
Бамес ДВ
Барт Г. ДВ, Га
Бахрадзе Я. Ге
Бебутов Д. О. (1859—1916) ДА, Ч, Га
Беклемишев П. П. ДВ
Беренштам Ге
Бланк Р. М. Га
Богучарский В. Я. (1861—1915) ДВ, Ч, Га
Браудо А. И. Ч, Га
Брук ДВ
Брунс ДВ
Брусов Я. Я. Га
Букейханов П
Бурышкин П. А. (? — 1959) Ч
Буслов П
Василенко Н. П. Га
Венцовский Ч
Вересаев ДВ
Веретенников А. П. П
Вермишев Х. А. ДВ
Виноградов ДВ, Га
Волков Н. К. (1875 — ?) Ч, Ге, Га
Волковер ДВ
Гальперн А. Я. ДВ, Ч, Га

Гегечкори Е. П. (1881—1954) ДВ, Ч, Ге, Га
Гиппиус З. Н. Га
Головин Ф. А. ДВ, Ч, Га, П
Гольдовский А. (1865 — ?) П
Голубков К. Г. Га
Гордиенко П
Григорович-Барский Д. Н. Ч, Га
Грушевский Га
Гуревич Б. ДВ
Гуревич В. Я. ДВ
Демидов И. П. (1873—1946) Ч
Демьянов ДВ, Га
Диоголидзе Ге
Дмитриев П
Елшин ДВ
Ефремов И. Н. (1866 — ?) Ч, Га
Зданович Г. Ф. Ч, Ге
Земгал Га
Знаменский ДВ
Иванов Ч
Измайлов П
Исаев А. А. ДВ
Караулов М. А. Ге, П
Кармин Га, П
Кедрин Е. И. ДА, Га, П
Керенский А. Ф. (1881—1970) ДВ, Ч, Га, П
Кильвейн Г. Р. (1864—1909) Га, П
Кипиани П. Ч
Ковалевский М. М. (1857—1916) ДВ, Ге, Га, П
Кокошкин Ф. Ф. (1871—1918) Га
Колюбакин (1868—1915) ДВ, Ч, Ге, Га
Коновалов А. И. (1875—1948) ДВ, Ч
Коровиченко ДВ

Костычев С. П. (1877—1931) **Га**
 Кроль Л. А. (1871—1931) **Га**
 Кузьмин-Караваев В. Д. (1859—1927) **П**
 Кускова Е. Д. (1869—1958) **Га**
 Ледницкий **Ч**
 Лучицкий **Ч**
 Майдель Г. бар. (1877 — ?) **П**
 Майер А. А. **Га**
 Макаров П. М. (1872—1922) **Га, П**
 Маклаков В. А. **Га**
 Максудов кн. **П**
 Марголин А. Д. **ДВ**
 Маргулис М. С. (1869—1939) **ДВ, Га, П**
 Масловский (псевд. Мстиславский) (1876—1943) **ДВ, Га**
 Мациевич **ДВ**
 Мережковский Д. С. **Га, П**
 Некрасов Н. В. (1879—1940) **ДВ, Ч, Ге**
 Никонов **Га**
 Обнинский В. П. (1867—1916) **Га**
 Оболенский В. А. (1869—1938) **Га**
 Овчинникова В. **ДВ**
 Орлов-Давыдов А. А. (1872 — ?) **ДВ, Ч, Ге, Га, П**
 Павлицкий **ДВ**
 Панкратов **Ч**
 Пергамент **П**
 Переверзев П. Н. (1871—1944) **Га**
 Писаревский **ДВ**
 Прокопович С. Н. (1871—1955) **Га**
 Ржевский В. А. **Ч**
 де Роберти Е. В. (1845—1915) **ДР**

Розанов **П**
 Рубинштейн Я. Л. (? — 1963) **Га**
 Рузский Д. Н. **ДВ, Га**
 Савинков Б. В. (1879—1925) **ДВ, Га, П**
 Свечин А. (1865 — ?) **Га**
 Сигов (отец) **Ч**
 Сидамон-Эристов Г. **Ге, Га, П**
 Симонов **П**
 Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) **ДВ, Га**
 Скобелев М. И. (1885—1939) **Ч, Га**
 Соколов Н. Д. (1870—1928) **ДВ, Ч, Ге, П**
 Степанов В. А. **Ч, Ге**
 Субботич **П**
 Суханов Н. Н. **Ч, Га**
 Теплов В. (1861 — ?) **ДВ**
 Терещенко М. И. (1888—1958) **ДВ, Ге**
 Тер-Погосян М. М. (1890—1970) **ДВ**
 Туманов **ДВ**
 Урусов С. Д. (1867 — ?) **ДВ, Ге, Га, П**
 Федорович **ДВ**
 Харитонов **Ч, Ге**
 Цейтлин М. С. **ДВ**
 Чайковский Н. В. (1850—1926) **ДВ, Ч, Га**
 Чебаков С. Н. **Га**
 Черносвитов **ДВ, П**
 Чхеидзе Н. С. (1864—1926) **ДВ, Ч, Ге, Га, П**
 Чхенкели А. И. (1874 — ?) **Ч, Га**
 Шах В. М. (1880 — ?) **ДВ**
 Штернберг **Га**
 Швецов С. П. **Ч**
 Штейнгель Ф. И., бар. **Га**

Из 127 масонов, упомянутых в списке, составленном на основе публикуемых документов, в «Биографическом словаре» из книги Н. Н. Берберовой назван только 61.

© 1990 г.

З. П. СОКОЛОВА

ПЕРЕСТРОЙКА И СУДЬБЫ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

На Крайнем Севере нашей страны и в Сибири живут весьма малочисленные народы (см. таблицу). Это — ненцы, численность которых не превышает 30 тыс. человек; эвенки, ханты, насчитывающие свыше 20 тыс.; эвены, нанайцы, чукчи — от 10 до 16 тыс.; долганы, коряки, манси — от 5 до 10 тыс.; селькупы, ульчи, нивхи, саамы, удэгейцы, эскимосы — от 1,5 до 4,5 тыс.; кеты, ительмены, неучтенные переписями чуванцы — от 1 до 1,5 тыс.; нганасаны, юкагиры, тофалары, алеуты, негидальцы, орочи — от 500 до 900; энцы, ороки — от 300 до 500. Это коренные жители региона, связанные с ним своим происхождением, у каждого из них своя древняя оригинальная культура, свой язык. В 1925 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК все эти народы были выделены в группу т. н. «малых народов Севера» на основе нескольких признаков: 1) малая численность, 2) особый, уникальный характер традиционных занятий (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел), 3) особенности образа жизни и быта, связанные с традиционным хозяйством (кочевой или полуседлый), 4) низкий уровень социально-экономического развития. За проведением в жизнь специальных мероприятий партии и правительства, направленных на развитие их хозяйства, куль-

Соколова Зоя Петровна, доктор исторических наук, заведующая сектором Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

туры и реконструкцию быта, следил Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при ВЦИК СССР, существовавший с 1924 по 1936 г. Его деятельность способствовала образованию северных автономий (национальных¹ округов — Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Эвенкийского, Таймырского, Чукотского, Корякского, Витимо-Олекминского, Охотского²; национальных районов — Тымского в Томской области, Ульчского и Нанайского в Хабаровском крае, Горно-Шорского, Алеутского, Тофаларского, Эскимосского, Катангского, Зейско-Учурского, Джелтулакского, Анабарского, Булунского и др.³), развитию хозяйства и культуры народов.

Советское государство, основываясь на принципах ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех народов в нашей стране, поставило задачу помочь им достичь фактического равенства.

Большинство этих народов перед революцией находилось на стадии разложения первобытно-общинных отношений. Хотя у некоторых из них (хантов, манси, ненцев, селькупов, отдельные группы эвенков, долган и др.) уже развивалась имущественная дифференциация и отдельные их группы стояли на пороге классовообразования, тем не менее у них были широко распространены различные формы и пережитки первобытнообщинного строя: общинное или семейное землепользование (промысловыми угодьями), коллективные формы труда и распределения продуктов, принципы взаимопомощи, родовые и родоплеменные объединения, экзогамия и пр. Советское государство поставило задачу помочь народам Севера, миновав капиталистическую формацию, построить социализм. О некапиталистическом пути развития малых народов Севера написано немало⁴. Главный недостаток этих публикаций, как и всей нашей исторической литературы, состоит в том, что в основном описывались и анализировались позитивные результаты этой политики, в ряде случаев не без лакировки действительности, хотя безусловно, особенно на первых порах (в 20—30-х гг.), в стране было сделано немало положительного для ликвидации отсталости самых архаичных народов СССР. В социально-правовом аспекте большое значение имело проведение в жизнь положений, провозглашенных в Декларации прав народов России и Конституции 1918 и 1924 гг. Так, важным шагом стало принятие специального Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР, огромное значение имели организация родовых, туземных, затем кочевых и национальных Советов на основе местных традиций коренного населения, создание и деятельность Комитета Севера, создание северных автономий (национальных округов и районов).

Однако уже в середине 30-х гг. началось отступление от этой линии: Комитет Севера и национальные районы были ликвидированы, национальные округа постепенно стали терять свои автономные права; с конца 50-х гг. национальные Советы утратили свою специфику и были реорганизованы в сельские.

В социально-экономическом аспекте этим народам предоставлялась материальная и финансовая помощь в виде кредитов (нередко безвозмездных), снабжения продуктами питания, освобождения от налогов, открытия хлебозапасных магазинов; им было оказано содействие в налаживании государственной и кооперативной торговли, интегральной кооперации (занимавшейся заготовками, сбытом промысловой продукции, снабжением населения продуктами, организацией промыслов), в организации ветеринарной помощи в оленеводстве, а также в проведении земельно-водного устройства и снабжении инвентарем, в обновлении охотничьей фауны, в жилищном, социально-бытовом строительстве и др.

Но немало было и негативных моментов. Так, в ряде районов Севера темпы коллективизации были неоправданно ускоренными, наиболее простые формы коллективных хозяйств — простейшие производственные объединения (ППО), или товарищества по совместному выпасу оленей (где олени, скот, лодки не обобществлялись), не успев как следует развиваться и окрепнуть, были преобразованы (уже в 30-х гг.) в колхозы (сельскохозяйственные и рыболовецкие артели). При этом шла широкая борьба против единоличных хозяйств, многие из которых были причислены к кулацким. Совершенно не были использованы формы арендного, особенно семейного подряда, столь характерного для традиционного хозяйства народов Севера.

В социально-культурной области народам Севера были предоставлены широкие возможности для получения образования, как среднего, так и специального среднего и высшего. В 1931—1932 гг. для 13 самых больших по численности народов (ненцев, эвенков, хантов, манси, эвенов, коряков, чукчей, эскимосов, нанайцев, удэгейцев, нивхов, кетов, селькупов) была разработана письменность. На языках этих народов стала развиваться национальная литература. Создались благоприятные условия для формирования национальной интеллигенции. Обучение шло как в поселковых школах с интернатами, так и в передвижных, кочевых школах. Большую просветительскую и культурную

Динамика численности коренных народностей Севера в СССР по данным Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 гг.*

Народность	1959 г.	1970 г.		1979 г.	
	абс.	абс.	в % к численности на 1959 г.	абс.	в % к численности на 1970 г.
1	2	3	4	5	6
Эвенки	24 151	25 149	104,1	27 294	108,5
Ненцы	23 007	28 705	124,7	29 394	102,4
Ханты	19 410	21 138	108,9	20 934	99,0
Чукчи	11 727	13 597	115,9	14 000	103,0
Эвены	9 121	12 029	131,9	12 523	104,1
Нанайцы	8 026	10 005	124,7	10 516	105,1
Манси	6 449	7 710	119,5	7 563	98,1
Коряки	6 287	7 487	119,1	7 879	105,1
Долганы	3 932 ^а	4 877	124,0	5 053	103,8
Селькупы	3 768	4 282	113,6	3 565	83,2
Нивхи	3 717	4 420	118,9	4 397	99,5
Ульчи	2 055	2 448	119,1	2 552	104,2
Саамы	1 794	1 884	105,1	1 888	100,2
Удэгейцы	1 444	1 469	101,7	1 551	105,6
Эскимосы	1 118	1 308	117,0	1 510	136,3
Ительмены	1 109	1 301	117,3	1 370	105,3
Кеты	1 019	1 182	116,0	1 122	94,9
Орочи	728	1 089	139,3	1 198 ^б	110,0
Нганасаны	748	953	127,4	867	91,0
Юкагиры	442	615	139,1	835	135,8
Алеуты	421	441	104,8	546	135,8
Негидальцы	350	537	153,4	504	93,8
Тофалары	586	620	105,8	763	123,0
Ороки	—	—	—	(400) ^б	—
Энцы	—	—	—	(300) ^в	—
Итого...	131 461	153 246	116,6	157 824	103,3

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. в СССР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1972; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.

^а Переписью 1959 г. не были учтены. Уточненные полевыми исследованиями данные.

^б По переписи 1979 г. — 1198 орочей; по данным похозяйственных книг, полученным А. В. Смоляк, около 400 чел. — ороки (главным образом в Сахалинской области).

^в По данным похозяйственных книг, полученным В. И. Васильевым, энцев — около 300 чел. (в переписи 1979 г. учтены в числе ненцев).

работу вели красные чумы и яранги (передвижные культпросветотряды). Было создано 20 культбаз — постоянных селений со школами-интернатами, клубами, больницами, мастерскими, ветеринарными пунктами, магазинами, банями и т. п.

Созданный в 1930 г. в Ленинграде Институт народов Севера подготовил немало учителей, советских, хозяйственных и партийных работников. Из его стен вышли ученые, поэты и писатели — представители этих народов. Однако уже в 1941 г. он был закрыт и на его базе создан факультет народов Севера Пединститута им. А. И. Герцена.

В просветительской работе также не обошлось без перегибов. Во-первых, в процессе общих социальных преобразований и культурной революции была объявлена беспощадная война религиозному мировоззрению и культам народов Севера, всем связанным с ними традициям, в том числе и праздникам. Особенно жестокими были репрессии против шаманов. Между тем далеко не все они вызывали чувства отторжения и неприязни у своих соплеменников. Большая часть шаманов добывала себе средства к существованию подобно рядовым членам общества охотой, рыбалкой, выпасом оленей. Борьба с культом, обрядами привела к обесцениванию национальной культуры, которая перестала играть адаптирующую роль в обществе. В результате у молодого поколения появилось ощущение неполноценности, ущербности по национальному признаку, что явилось одной из причин распространения массового алкоголизма. Во-вторых, к 40-м гг. почти прекратилась работа по созданию письменности для тех народов, которые ее не имели (Великая Отечественная война приостановила социалистические преобразования на Севере).

Ускоренность экономических преобразований, репрессии против наиболее стойких ревнителей национальных традиций, а также против шаманов, кулаков и причисленных к ним лиц, ликвидация прав автономии, борьба с извечными общественными установлениями свойственны и другим периодам национального строительства на Севере. Вместе с тем в послевоенные годы проводился ряд мер по оказанию материальной помощи малым народам региона в их социально-экономическом и культурном развитии. Специальными постановлениями Советского правительства и ЦК КПСС (особенно № 300 в 1957 г. и № 115 в 1980 г.)⁵ коренному населению Севера обеспечивались различные льготы в социально-экономическом и культурном развитии (денежные ссуды на жилищное строительство с погашением значительной их части за счет государства, приданое новорожденным, медикаменты, содержание детей в дошкольных учреждениях, интернатах, а также льготы для молодежи при поступлении в вузы и др.). В результате такой политики значительно повысился материальный уровень жизни аборигенов Севера, для них были выстроены новые и реконструированы старые поселки, коренным образом изменилось их медицинское обслуживание и, как следствие этого, они стали численно увеличиваться⁶.

Однако постановление 1980 г. оказалось менее эффективным, чем постановление 1957 г., так как его объектом явились не сами народы, а территория их проживания. В результате значительная часть средств осела в административных центрах, где коренного населения очень немного. Кроме того, в последние два десятилетия проблемы региона обострились в связи с ускоренным и экологически безграмотным промышленным освоением Севера, разрушающим традиционное хозяйство региона⁷, хотя в середине 60-х гг. учеными-экономистами и этнографами указывалось на необходимость того, что «промышленное освоение Севера должно сочетаться с дальнейшим развитием отраслей промыслового и сельского хозяйства данной зоны»⁸.

Если добыча газа и нефти на Ямале, Таймыре, Чукотке, в Эвенкии и других регионах Сибири будет осуществляться такими же темпами и методами, нарушится экологический баланс на этих территориях и будет ликвидирована хозяйственная основа существования ненцев, эвенков, нганасан и других народов Севера.

В ходе промышленного освоения у коренного населения отторгаются ягельники, охотничьи и рыболовные угодья, кедровники, ягодники⁹, происходит загрязнение угодий, пожары (в августе 1988 г. только в одном Нижневартовском районе их было 300 очагов).

Прилив большого числа приезжего населения для освоения нефте- и газопромислов, в том числе иногда случайных людей с весьма сомнительным прошлым, отрицательно влияет на коренных жителей, нанося им материальный и нравственный урон. Некоторые промысловики разрушают охотничьи избушки, крадут из них имущество, занимаются вымогательством рыбы, пушнины, спаиванием местного населения и пр. Их браконьерство и вызванные им запреты ловли рыбы и охоты лишают коренных жителей традиционного промысла.

В связи с развитием промышленности уменьшается внимание со стороны советских и партийных органов к развитию исторически сложившихся хозяйства и культуры народов Севера. Происходит перераспределение материальных затрат и ресурсов на обустройство поселков газовиков и нефтяников за счет социального развития национальных районов, углубляется социальная несправедливость. Коренное население растворяется в составе всего населения округа, области, края, утрачивая свою национальную целостность. Увеличивается число случаев социальной незащищенности представителей народов Севера, что ведет к их социальной пассивности. На основе этого усиливается межнациональная напряженность.

По всему Северу площадь только оленьих пастбищ сократилась на 20 млн. га, что лишило выпаса 100 тыс. оленей. Отторжение и загрязнение оленьих пастбищ происходит особенно интенсивно в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах, где развивается нефтегазовая промышленность. Здесь изъято из оборота 11 млн. га ягельников. Численность домашних оленей на Севере с 30-х гг. к настоящему времени уменьшилась с 2,2 млн. до 1,8 млн. голов (на 18,2%). Например, в Магаданской области в начале 70-х гг. было около 1 млн. оленей, сейчас — чуть более 600 тыс. голов¹⁰. В Ханты-Мансийском автономном округе в 1930 г. было 71,1 тыс. голов оленей, в 1960 г. — 64,7 тыс., в 1978 г. — 54,4 тыс., в 1982 г. — 52,5 тыс. голов (меньше, чем в 1960 г., на 19%). Полностью исчезло оленеводство в южной части Сургутского района и в большей части Нижневартовского района, в других местах оно значительно сократилось.

Созданные на базе колхозов госпромпхозы оленеводством не занимаются. Они ликвидировали даже тех оленей, которые перешли к ним от колхозов. В результате исчезло в этих хозяйствах и личное оленеводство, так как домашних оленей всегда пасли вместе с колхозным стадом. (Домашнее

оленоводство было подорвано также тем, что рабочие экспедиций и нефтегазопромыслов нередко отстреливали пасущихся домашних оленей.)

В общем, надо заметить, что многочисленные реорганизации и укрупнения хозяйств на Севере (включая и реорганизацию сельскохозяйственных и рыболовецких артелей в совхозы или рыбоучастки рыбозаводов и госпромхозы, проводившуюся в 60-х гг.) не дали ожидаемого эффекта, особенно для таких традиционных отраслей, как оленеводство и охота. С сокращением оленеводства уменьшился удельный вес мяса в пищевом рационе аборигенов. Население лишилось оленьих шкур, из которых можно было шить промысловую и дорожную одежду и обувь.

Вследствие отторжения и загрязнения угодий сократилось количество коренного населения, занятого охотой и рыболовством... В одном только Ханты-Мансийском округе погублено 28 нерестовых рек, 17,7 тыс га нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. га лесов и пастбищ; с 1965 г. площадь рыбопромысловых водоемов сократилась в 25 раз, их количество — в 5 раз¹¹. В Ямало-Ненецком округе 28 рек и десятки озер перестали быть рыбопромысловыми. Вода в реке Обь сильно загрязнена отходами¹².

Коллегия Госкомприроды СССР специально изучила и рассмотрела состояние природоохранных мер на нефтяных и газовых промыслах Западной Сибири и пришла к выводу о том, что союзные министерства и ведомства по-прежнему наносят непоправимый урон природе, при этом ситуация стремительно приближается к кризисной черте. К 2005 г. в Западной Сибири может полностью исчезнуть рыболовство (уже загублено 25 рек, в плохом состоянии — 20), ущерб народному хозяйству от потери охотничьих угодий составит 32 млн. руб. (сейчас он равен 12 млн. руб.), утрата 6 млн. га оленьих пастбищ уже привела к убытку в 60 млрд. руб. Министерством предложено в 1990 г. разработать и представить на экспертизу территориальную комплексную схему охраны природы Западной Сибири¹³.

В Ульяновском районе Хабаровского края погублено большое живописное, богатое рыбой озеро Лизи: леспромхоз оставил на нерестовом озере 16 тыс. кубометров леса, замороженного в лед, и очистку его обещает закончить лишь в 1990 г. В ряде районов края в 1987 г. были зафиксированы массовые вырубки леса в водоохраных зонах.

На грани катастрофы находится и Амур. Амурский целлюлозный комбинат ежегодно сбрасывает в реку более 50 млн. кубометров загрязненных сточных вод. Один из его водозаборов губит молодь промысловых рыб, ежегодно нанося ущерб до 100 тыс. руб. Горнообогатительный комбинат «Солнечный» сбросил в 1987 г. в притоки Амура 6 т меди, 27 т цинка, около 10 т мышьяка. В этих реках концентрация цинка и меди превышала допустимые пределы соответственно в 198 и 511 раз. В районе г. Комсомольска Амур несет 13 предельно допустимых концентраций фенолов, 5 — нефтепродуктов, и 40 — меди¹⁴.

Из охоты и рыболовства вытесняется коренное население. Госпромхозы и коопзверопромхозы, развивающие охотничий промысел, рыбозаводы, занимающиеся добычей и переработкой рыбы, охотнее заключают договоры с приезжим населением, чем с местным. Хотя у последнего есть преимущество в знании края, экологической культуре, мигранты оказываются более конкурентоспособными — они более контактны с руководством (которое, как правило, тоже из числа приезжих), лучше оснащены технически и не отягощены природоохранными традициями. И если раньше почти все коренное население в той или иной степени занималось охотой и рыболовством, теперь лишь менее трети его занято в этих отраслях. Вследствие промышленной добычи, браконьерства катастрофически быстро уменьшаются запасы зверя и рыбы. В Амуре сегодня рыбы вылавливается в 20 раз меньше, чем в начале 60-х гг. В Ямало-Ненецком округе сократился улов рыбы за последние 20 лет на 5 тыс. т. В связи с этим на Севере широко распространились лимиты и лицензии на лов рыбы и отстрел зверя, ограничения в сроках охоты. Например, на Обском Севере ханты, манси, селькупы не могут ловить для себя рыбу ценных лососевых и осетровых пород, охотиться на лося, медведя. Здесь несколько сезонов подряд волевым решением Тюменского облисполкома была запрещена весенняя охота. Не могут ловить рыбу лососевых пород народы Камчатки, Амура и Сахалина. Морской зверобойный промысел — традиционное занятие прибрежных чукчей, коряков, эскимосов, нивхов — из-за того, что зверь был выбит промышленным способом, был значительно сокращен. Население получает теперь периодически туши китов на мясо и жир, но в зверобойном промысле почти не участвует, хотя плохо адаптируется к условиям промышленного производства, предпочитая традиционное хозяйство.

Немало нерешенных проблем и в развитии традиционных отраслей хозяйства. Никак не удастся увязать исторически сложившийся опыт их ведения (в том числе и рационального природополь-

зования) с модернизацией. Вездеходы, снегоходы, мотонарты очень недолговечны, часто ломаются (а запчастей к ним нет), к тому же они разрушают поверхностный слой почвы, который восстанавливается в течение десятков лет. Крайне низки закупочные цены на рыбу, пушнину, оленье мясо и шкуры. Например, за соболя охотник недавно получал всего 18 руб., сейчас — 75 руб. Рыба в значительной мере перерабатывается на консервы, пушнина уходит в централизованную торговлю, так что местное население в поселках и городах не получает ни свежей рыбы, ни мехов. Труд оленеводов, охотников и рыболовов по-прежнему очень тяжел, а быт, как правило, не устроен. Живут они в палатках (нередко даже зимой), в лучшем случае — в балках, чумах, но крытых не оленьими шкурами или берестой, а брезентом. В результате оседания семей в поселках оленеводам приходится в основном обслуживать себя самим (готовить пищу, сушить и шить одежду и обувь, стирать и т. п.), а между тем их жены в поселках работой обеспечены далеко не всегда. Из-за неустроенности быта многие молодые пастухи остаются неженатыми, так как девушки, выросшие в условиях интернатов, не хотят жить в тундре.

Плохо обстоит дело и с профессиональной подготовкой оленеводов, охотников, рыбаков. Молодежь не получает в школе необходимых знаний, а воспитываясь в интернатах, и опыта традиционных занятий.

В настоящее время почти нет или крайне мало даже по сравнению с 50-ми гг. национальных представителей среди руководящих советских, хозяйственных и партийных работников. Как правило, это в основном приезжие специалисты, не знающие специфики Севера, особенностей хозяйства, культуры и быта его народов. Из-за этого нередки конфликтные ситуации, коренное население не чувствует себя хозяином своей земли, большинство пассивно в общественной жизни ¹⁵.

Не оправдала себя и необоснованная практика массового перевода на оседлость оленеводов и укрупнения их поселков, при которой были ликвидированы традиционные мелкие селения, как постоянные, так и сезонные. О ее негативных последствиях еще в середине 50-х — начале 60-х гг. предупреждали сотрудники сектора этнографии народов Севера Института этнографии АН СССР ¹⁶. Произошел отрыв охотников, рыбаков, оленеводов от промысловых угодий, оказавшихся недоосвоенными. В результате не обеспечена круглогодичная занятость трудоспособного населения, наблюдается упадок традиционных отраслей. С этим связано и снижение материального уровня жизни населения. Настала пора понять, что оленеводство невозможно вести без кочевания. Необходимо изменить и концептуальный подход к проблеме развития северной оленеводческой культуры, определив ближайшую задачу — максимально благоустроить быт оленеводов в условиях кочевания. По-видимому, наиболее рациональный путь для этого — сооружение на маршрутах кочевий промежуточных баз с добротными домами и социально-культурным комплексом — баней, рацией, малокомплектной школой, красным уголком или библиотекой-кинозалом, обслуживание оленеводов развозными торговыми точками, медицинскими отрядами, агиткультбригадами, почтовыми вертолетами. К сожалению, эти проблемы до сих пор не решены.

Несмотря на принятый «Закон об охране природы» и созданный Комитет СССР по охране природы местные Советы пока не способны бороться с промышленными предприятиями, загрязняющими природную среду, так как не они, а министерства и ведомства на территории краев, областей и округов обладают подлинной властью. Научная общественность, специалисты должны выработать предложения и рекомендации с тем, чтобы разрешить это противоречие. Требуется механизм, который предусматривал бы отлаженную систему экономических взаимоотношений территории, отраслей и предприятий, чтобы в каждом регионе взаимодействие между местными органами власти и расположенными в нем предприятиями строилось на основе обоюдной заинтересованности. Ведь ни в одном документе, касающемся, например, промышленного освоения Западной Сибири, не говорится о судьбе народов Обского Севера. Об этом нет ни слова ни в материалах о поездке в Западную Сибирь М. С. Горбачева, ни в сообщениях о визите Н. И. Рыжкова в Тюменскую область. Вина за это лежит прежде всего на руководстве области и округов, даже не поставившем перед правительством страны этот вопрос.

Должен быть принят либо закон, определяющий для всей Сибири нормативные экологические требования, либо создан специальный орган (Комитет Севера при Верховном Совете или СМ РСФСР, Государственный комитет СССР по делам развития народов Сибири и Севера), постоянно занимающийся решением этих проблем при обязательном участии экспертов, в том числе и этнографов.

Особенности современного социально-экономического развития народов Севера отразились на демографических и этнических процессах в регионе. Снизились темпы прироста местного населения.

Так, с 1970 по 1979 г. его численность в целом увеличилась лишь на 3,3%, что в 5 раз меньше по сравнению с приростом за 1959—1970 гг. Кроме того, численность некоторых народов (хантов, манси, нивхов, селькупов, нганасан, кетов, негидальцев) даже несколько уменьшилась (например, численность хантов и манси на 1%)¹⁷.

Естественный прирост у народов Севера (16%) в середине 80-х гг. примерно в 1,5 раза был выше, чем по стране, но у отдельных народов (саамов, селькупов, эвенков) он был ниже среднего (6—8%). У народов, проживающих в автономных округах, он был равен 13—35%, у живущих вне автономных округов — 6—37%. Основными причинами сокращения прироста были как общее для всей нашей страны снижение рождаемости, повышение общей смертности под влиянием алкоголизма, так и высокая детская смертность в данном регионе, а также ассимилятивные процессы (в частности, увеличение числа смешанных браков). Известную роль сыграло и ухудшение медицинского обслуживания коренных жителей Севера.

Ежегодный прирост населения увеличился с 1970 по 1979 г. лишь у алеутов и тофаларов (в 4 раза), а также у эвенков (в 2 раза), неизменным (в 1,5 раза выше среднего уровня по стране) остался он у эскимосов. У всех остальных народов Севера прирост значительно сократился: в 3 раза — у коряков, удэгейцев, ительменов; в 4 — у нанайцев, ульчей; в 5—6 — у чукчей, эвенов, долган; в 8 — у ненцев, манси; в 23 раза — у саамов.

Уровень смертности коренного населения Севера, в том числе и детской, в 1,5—3 раза выше, чем среди приезжих, и в 2—3 раза выше, чем в РСФСР. Уровень заболеваемости туберкулезом — в 5—9 раз выше, чем в среднем по РСФСР. Открытые формы туберкулеза особенно часты среди лиц, живущих в неблагоустроенных селениях. Продолжительность жизни в 80-х гг. сократилась по сравнению с 60-ми гг. на 20 лет и в ряде регионов составляет лишь 45—55 лет¹⁸. Многие старики не доживают до пенсионного возраста. Например, по данным Охтеурского сельсовета Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа, в 80-х гг. среди 226 хантов было всего 5 мужчин старше 50 лет (2%), из них только один старше 60 лет, тогда как женщин — 9,7%¹⁹. Если сравнить эти сведения с материалами похозяйственных книг того же района за 1957 г. (полевые материалы), то окажется, что в то время мужчин от 50 до 60 лет было 9—13% (в 2—3 раза больше), старше 60 лет — 3,5—6,7% (в 3—7 раз больше). По словам старожил, это результат пьянства (замерзли, утонули, покончили с собой, погибли в драке). Эти факты участились с середины 60-х — начала 70-х гг. с развитием в этом районе поисков и разработки нефти, лесной промышленности. (В 70—80-х гг. каждый второй умерший из числа коренных жителей Севера погиб от травм, был убит или покончил с собой²⁰.)

Нарушение нормального воспроизводства населения (манси, селькупов, хантов, кетов, негидальцев, нганасан, нивхов) связано и с негативными изменениями в семье. Изменилась семейная структура — увеличилось число неполных малых семей, в том числе семей матерей-одиночек, вдов, разведенных (до 30%). Растет число внебрачных детей, особенно рожденных от временных связей женщин из народов Севера с приезжими мужчинами. Снижается численность семьи. Преобладают малые семьи с 2—3 детьми. Среди пастухов много (иногда до 30%) холостых. Из-за длительного проживания детей школьного возраста в интернатах, расположенных в крупных поселках, произошел разрыв поколений, свелось на нет семейное воспитание, нарушилась традиция передачи опыта народной культуры от родителей к детям.

Наблюдаются изменения и в расселении народов Севера. Хотя их численность в автономных округах несколько уменьшается с каждым десятилетием (с 1959 по 1979 гг.: эвенков — на 2%, ненцев — на 5%, хантов и манси — на 6%, коряков — на 10%, долган — на 4,8%), сократившись в целом с 57% в 1959 г. до 51,3% в 1979 г., т. е. на 5,7%, тем не менее свыше половины их проживает в автономиях (от 71 до 85,8% коряков, чукчей, манси, ненцев и долган). Вместе с тем выявляется тенденция их выхода за пределы автономных округов в области и края как РСФСР, так и других республик (особенно из Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского и Таймырского округов). В связи с ростом числа приезжих происходит и другой процесс — уменьшение удельного веса народов Севера в своих автономиях. Ни в одном из округов они не составляют теперь четверти населения. Низкий процент аборигенов в Ханты-Мансийском (3%), Чукотском (9%), Ямало-Ненецком (11%) и Ненецком (13%) автономных округах. В Хабаровском крае, Якутской АССР они составляют 1—2% и лишь доли процента — в остальных областях и краях²¹.

Среди коренного населения, живущего в автономных округах, выше процент сельских жителей, сохраняющих национальную культуру (от 44% до 78%) и знание родных языков, хотя в целом у большинства народов Севера численность горожан постоянно растет: с 1959 по 1970 г. по всей груп-

пе народов — на 7,5%, с 1970 по 1979 г. — на 5,3% (в 1979 г. — в среднем горожан было 22,8%).

Важной частью этнокультурного развития являются родной язык и письменность, которые у аборигенов Севера утрачивают свои позиции. Так, с 1970 до 1979 г. на 5% уменьшилось число представителей коренных национальностей, считающих родным язык своего народа. В 1979 г. только 61,7% в качестве родного назвали свой, а не русский и другие языки; у 10 северных народов более половины населения считают родным языком русский. Родным признают свой язык в среднем 77,7% представителей коренного населения, живущего на территории автономных округов (от 52 до 93% у отдельных народов), и 46,9% проживающих за пределами автономии. У некоторых же народов (удэгейцев, ительменов, орочей, ороков, алеутов) только 17,8—31% их представителей считают родным языком свой собственный. Тому много причин: и все увеличивающееся число инонационального населения на Севере, и смешанные браки, и ассимилятивные процессы, и свертывание в 50—60-х гг. обучения в школе на родных языках, и отрыв от родителей детей, живущих в школах-интернатах, и недостаточные тиражи учебников, книг, газет на языках народов Севера, и нехватка кадров, в том числе учителей и воспитателей дошкольных учреждений, знающих эти языки. Тому же способствует слабая разработанность письменности на родных языках (в частности, на живых диалектах, приравниваемых к самостоятельным языкам), отсутствие программ и учебных пособий для широкого изучения этих языков.

В целом двуязычие будет распространяться и в дальнейшем, а роль родного языка, если не принять необходимые меры, будет уменьшаться. К концу века число представителей народов Севера, считающих родным языком свой собственный, может уменьшиться в среднем до 50%, а язык некоторых народов может исчезнуть. Значение русского языка как средства адаптации к условиям современного индустриального освоения региона очевидно. Тем не менее остро стоит вопрос о ревитализации местных языков. С их утратой усиливаются ассимилятивные процессы, происходит угасание народной культуры и в конечном результате — этноса. В нашей стране провозглашено равноправие всех народов, каждый из них имеет право на развитие родного языка. Необходимо подчеркнуть функцию родного языка как носителя и транслятора национальной культуры. При этом существует тесная взаимосвязь развития национальной культуры и традиционных отраслей хозяйства, связанных с ними образа жизни и типов расселения. Поэтому успех всех мероприятий, направленных на ревитализацию родных языков народов Севера, зависит не столько от управленческих решений, сколько от развития в целом их традиционного хозяйства, культуры и быта.

Важно, чтобы северными языками овладели специалисты, работающие здесь (учителя, врачи, деятели советских и партийных органов и др.), из числа инонационального населения (русские, украинцы, белорусы и пр.). Вспомним, в 20—40-х гг. каждый ученый, специалист считал своим долгом изучить язык народа, среди которого ему предстояло работать.

Существенно на развитии этнических групп Севера сказываются недостатки в системе образования. В политехнизации местной школы пока еще слабо учитывается опыт ведения традиционных отраслей хозяйства, народных промыслов и ремесел. Качество общей подготовки учащихся находится на низком уровне. Нередко из школы дети выходят и с плохим знанием русского, без знания родного языка, своей культуры, слабо подготовленными к трудовой деятельности как в сфере традиционных отраслей хозяйства, так и в сфере современной экономики и культуры.

Нерешенной проблемой в регионе остается алкоголизм. Хотя в последние два года уменьшилось потребление алкогольных напитков, снизилось число несчастных случаев и преступлений на почве пьянства, но распространилось массовое браговарение, появилась токсикомания, отмечены даже случаи наркомании. В значительной мере эти явления прослеживающиеся, например, в Ханты-Мансийском автономном округе, особенно в Сургутском и Нижневартовском районах, развиваются под влиянием некоренного населения, занятого в промышленном освоении Севера. Есть случаи, когда пьют беременные женщины, брагу или вино дают детям, и даже грудным.

Вследствие урбанизационных и ассимилятивных процессов, ликвидации многих традиционных селений, насчитывавших иногда по 200 и более лет, коренное население Севера утратило многие элементы национальной материальной культуры — типы жилых, хозяйственных и культовых построек, хлебных печей, уличных кухонь, утварь. Свертывание традиционных отраслей хозяйства привело к потере многих типов одежды, обуви, головных уборов, украшений, блюд национальной кухни, видов и средств транспорта (оленьих и собачьих нарт, легких лодок, лыж, подшитых камусом). Вместе с тем элементы новой, современной материальной культуры приходят к народам Севера не в лучших вариантах. Так, массовое типовое строительство 50-х гг. имело много недостатков²²; покупные одежда, обувь, головные уборы, украшения не могут соперничать с традиционными ни по качеству,

ни по эстетическим достоинствам; мотоарты, снегоходы, мотолодки, хотя и вытесняют традиционные средства транспорта, во многом уступают им по удобству и экологической чистоте.

Несмотря на то, что ряд учреждений культуры (например, научно-методические центры по культурно-просветительной работе и народному творчеству) ведет большую работу на Севере по поддержанию народных традиций духовной культуры, последние развиваются слабо, а некоторые из них уже безвозвратно утрачены. Почти полностью исчезла традиционная культура праздников, которая была безжалостно выкорчевана в процессе борьбы за атеизм еще в 30—40-х гг.

Требуется поистине подвижническая работа национальной интеллигенции по ревитализации и развитию всех видов культуры — прикладного декоративного искусства, народной хореографии, музыки, традиций, местных праздников. Она ведется и сейчас, но, к сожалению, слабо. Уходит фольклор, исчезают народные музыкальные инструменты. К тому же, очень слаба материальная база учреждений культуры.

Нельзя не сказать и о том, что в отличие от других народов СССР у народов Севера очень слабо развивается и профессиональное искусство — живопись, графика, скульптура, музыка, хореография. В Сибири нет ни одного театра народов Севера. А ведь имена многих талантливых представителей северных народов хорошо знают в стране. Это писатели и поэты манси Ю. Шесталов, чукча Ю. Рытхэу, нивх В. Санги, нанай Г. Ходжер, хант Е. Айпин, удэгейец Д. Кимонко, эскимоска З. Ненлюмкина, долганка О. Аксенова и др. Творчество некоторых из них (Ю. Шесталова, Ю. Рытхэу) известно и за рубежом. Сейчас почти у каждого народа Севера развивается своя национальная литература. Славится в СССР и творчество чукотских резчиков по кости, художников, графиков (хантов В. Игошева, Г. Раишева), опытных мастеров прикладного декоративного искусства. В последнее время к двум профессиональным танцевальным ансамблям — корякскому «Мэнго» и чукотско-эскимосскому «Эргырон» — прибавилось несколько десятков любителейских²³. Однако до подлинного расцвета национальной культуры региона еще далеко.

Таким образом, и в этнокультурном развитии народов Севера и Сибири накопилось много сложных и нерешенных проблем. При сохранении сложившихся тенденций можно прогнозировать более или менее стабильную численность этих народов с возможным уменьшением отдельных из них в связи с падением рождаемости, высокой детской смертностью, ассимилятивными процессами; увеличение числа лиц, живущих за пределами автономий, в том числе и за пределами РСФСР; уменьшение удельного веса среди всего населения как в автономных округах, так и особенно за их пределами; увеличение городского населения, распространение элементов городской культуры, особенно за пределами автономных округов и в большей степени у народов, не имеющих своих автономий; распространение двуязычия, уменьшение роли родного языка. В то же время есть опасность депопуляции отдельных северных этносов, особенно малочисленных. Эти процессы можно приостановить при условии проведения целого комплекса мероприятий, связанных с повышением уровня жизни, улучшением медицинского обслуживания, ревитализацией национальной культуры и языков.

В настоящее время учеными и практическими деятелями разрабатывается концепция развития народов Севера до 2010 г. В подготовке документа занято свыше ста различных научных учреждений, как центральных, так и местных, а также АН СССР, ВАСХНИЛ и АМН СССР. Возглавляет эту работу Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера СО АН СССР. К сожалению, точки зрения и подходы ученых к решению этих проблем весьма различны. Так, например, одни считают промышленное освоение Севера и развитие традиционных отраслей хозяйства совместимыми, другие отрицают это и предлагают очаговое, а не сплошное развитие промышленности на Севере, при сохранении неприкосновенными зоны исторически сложившегося промыслового характера. По существу это спор о «замкнутом» и «открытом» путях развития народов Севера, но «замкнутый» путь не следует приравнять к резервациям. Одни выступают за ускоренные, другие — за медленные темпы преобразований хозяйства, культуры и быта народов Севера. Некоторые социологи, философы, экономисты ратуют за активное вовлечение этого населения в промышленность, другие (главным образом этнографы) выступают против этого. Ряд ученых и представителей самого коренного населения считают, что пора покончить с патерналистской политикой по отношению к северным народам; другие не уверены, что сами эти народы уже в состоянии решить все свои проблемы. (Не все экономисты пришли к выводу о том, что оленеводство невозможно без кочевания. По-разному смотрят экономисты и этнографы на модернизацию оленеводства как отрасли). Нет единого мнения и о путях улучшения быта оленеводов (звеньевой, бригадный выпас оленей, изгородный или с использованием промежуточных баз, либо сочетание двух-

трех подобных способов). Ученые и практики не пришли к согласию в решении вопроса об обучении на родных языках в школе — только в начальных классах с продолжением в 5—10-х классах по некоторым специальным предметам или вообще полностью с 1-го по 10-й класс; в том, как дальше развивать письменность — на одном диалекте (литературный язык) или на разных, в тех случаях, когда они очень сильно различаются; сохранять интернаты при школах или сделать упор на семейное воспитание. У философов, социологов и этнографов нет общего понимания традиционной и национальной культуры. Традиционными нередко примитивно считают хозяйство и культуру, какими они были в конце XIX — начале XX в., обвиняя при этом этнографов в намеренной архаизации современной культуры народов Севера. Между тем совершенно ясно, что традиционные хозяйство и культура никогда не бывают застывшими, неизменными, они постоянно развиваются, обновляясь, обогащаясь и видоизменяясь под воздействием времени. Поэтому национальная культура невозможна без развивающихся традиций.

Все эти нерешенные вопросы нашли отражение и в проекте Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г., обсужденной в ноябре 1988 г. в Новосибирске на Всесоюзной конференции обществоведов²⁴.

В мае 1988 г. сектор этнографии народов Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР подготовил свой вариант Концепции²⁵, который был обсужден учеными, советскими и хозяйственными работниками центральных министерств и ведомств, а также местных советских учреждений в сентябре 1988 г. Концепция в целом получила высокую оценку и была представлена в Совет Министров РСФСР.

Принципиальными являются положения этого документа о том, что ускоренные темпы преобразования хозяйства, культуры и быта народов Севера несовместимы с сохранением самобытности их национальной культуры. Преобразования необходимо дифференцировать в зависимости от истории народов, их культуры, численности, наличия у них автономии, дисперсного или компактного расселения, роли традиционных отраслей хозяйства, процентного соотношения аборигенов с интонациональным населением, степени контактов с последним в прошлом, уровня урбанизации, степени промышленного освоения территории расселения народа, его этнической группы, наконец, от наличия письменности на языке данного народа. Кроме того, одним из неперемennых условий развития национальной культуры следует считать дальнейшее развитие традиционных отраслей хозяйства народов региона, в соответствии с его расселением и образом жизни.

Таким образом, дальнейшее развитие народов Севера требует целого комплекса продуманных и научно обоснованных мероприятий как социально-правового, так и социально-экономического и социально-культурного направления.

В их жизни сохраняется большая роль автономий (автономных округов). Вместе с тем 19 из 25 народов Севера сейчас не имеют своих автономий²⁶. К тому же права существующих автономий весьма ограничены, особенно в аспекте взаимоотношений с союзными и республиканскими министерствами и ведомствами, природо- и землепользования, охраны окружающей среды и развития национальных культур. В современных условиях совершенствования нашего государства эти ограничения надо ликвидировать.

По нашему мнению, целесообразно также ввести институт национальной автономии в виде национальных районов, национальных сельских советов для наиболее малочисленных и дисперсно населенных районов Севера. В августе 1989 г. образован первый из таких районов — Эвено-Бытантайский национальный район на севере Якутской АССР, где проживает около половины (почти 6 тыс. чел.) всех эвенов, не имеющих своей автономии. С предложениями об образовании национальных эвенкийских поселков в Читинской области, создании национальных сельских советов в Ханты-Мансийском автономном округе в высшие органы Российской Федерации обратились жители и депутаты с мест. Решение вопроса задерживается из-за отсутствия определения статуса национального поселка, национального совета. В последнее время в широкой прессе высказываются и другие предложения социально-правового характера: о создании в Верховном Совете РСФСР Совета национальностей с представлением в нем депутатов от всех народов Федерации, об организации (или возрождении) при Совете Министров РСФСР Комитета Севера.

В области социально-экономических преобразований сейчас вынесено много различных предложений (в частности, в проекте Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.). Главное при этом — развитие традиционных отраслей (охоты, рыболовства, оленеводства) и соответствующих им типов расселения и образа жизни. Необходимо отказаться от волюнтаристских решений о переселении представителей народов Севера и Сибири из

мелких селений в укрупненные, о ликвидации этих мелких традиционных деревень. Для развития хозяйства народов Севера, в свою очередь, необходимо сохранение экологического баланса, с тем чтобы промышленное освоение Севера не было для этого препятствием. Важно дать самостоятельность хозяйствам в развитии инициативы на местах. По всей видимости, и формы хозяйства, существующие сейчас на Севере (совхозы, госпромхозы), в ряде случаев могут быть преобразованы по усмотрению самого населения, занятого в них. Формы семейного подряда, аренды могут найти среди северных оленеводов, рыбаков и охотников широкую поддержку, поскольку они отвечают их хозяйственным традициям.

Наконец, к социально-культурной деятельности следует активно привлечь как местную национальную интеллигенцию, так и народных мастеров, сказителей, музыкантов, танцоров, изменив застывшие, догматические формы массовой культурной работы. Необходимо всемерно развивать письменность и обучение на родных языках, пропагандировать народное искусство, воспитывать к нему уважение не только молодого поколения народов Севера, но и масс приезжего населения.

Сейчас еще есть время и возможности для того, чтобы предотвратить процесс деэтнизации народов Севера, утраты ими своих языков, культуры, самосознания. Следует учитывать, что в ряде регионов эти процессы зашли уже слишком далеко. Промедление может иметь трагические последствия.

Перестройка вызвала подъем национального самосознания у наиболее активных представителей этих народов. Избрание депутатами Верховного Совета СССР восьмью их представителей — ненцев А. И. Выучейского и С. Я. Пальчина, хантов Е. Д. Айпина и Р. П. Ругина, эвенка М. И. Монго, чукчи В. М. Етылена, коряка В. В. Косыгина, нанайки Е. А. Гаер — от всех семи северных автономных округов и Хабаровского края позволяет надеяться на то, что верховный законодательный орган страны будет более активно заниматься вопросами развития традиционных отраслей хозяйства, национальной культуры, родных языков народов Севера. Выступления на Съезде народных депутатов СССР М. И. Монго и Е. А. Гаер наметили круг актуальных проблем и пути их решения²⁷.

О высокой степени сознательности и обеспокоенности судьбой своих народов свидетельствует и то, что благодаря инициативе именно представителей народов Севера (группы писателей и поэтов), обратившихся с письмом в ЦК КПСС и лично к М. С. Горбачеву²⁸, сейчас проблемы северных народов обсуждаются на всех уровнях — в центральных партийных органах, в Советах Министров РСФСР и СССР, их отделах и комитетах, на научных форумах, в широкой прессе. Можно сказать, что ни одна центральная газета не обошла этот вопрос вниманием. Поднимались они и на Съезде Советов СССР.

Но это только первый шаг. Необходимо, чтобы представители народов Севера вошли в состав Верховного Совета РСФСР и, по крайней мере, сохранили свои позиции в местных советах, где сейчас их немало. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе, где коренные народы Севера составляют 3% всего населения, в районных и сельских советах 202 депутата — ханты и манси (от 4 до 11%), в окружном — 13 (6,5%). Очень существенно также, чтобы аппарат северных автономий всех видов в значительной степени был укомплектован представителями коренных народов, как это было в 30—50-х гг. В связи с обострением всех этих проблем в платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятой сентябрьским 1989 г. пленумом ЦК КПСС уделено особое внимание народам Севера: «КПСС разделяет озабоченность общественности положением малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Промышленное освоение населяемых ими территорий ведется без должного учета уклада их жизни, социальных и экологических последствий. Эти народы нуждаются в специальной государственной защите и помощи.

Необходимо предоставить Советам народных депутатов этих территорий исключительное право на их хозяйственное освоение, то есть на промысловые угодья, пастбища, внутренние водоемы, акватории прибрежных вод, леса, на создание заповедных зон в целях восстановления и сохранения мест проживания народов. В ближайшее время созвать съезд представителей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и образовать Ассоциацию, которая представляла бы интересы на всех уровнях управления»²⁹. Реализация выдвинутых и других предложений будет способствовать решению проблем народов Севера.

Примечания

- ¹ Теперь они называются автономными.
- ² Последние два позднее упразднены.
- ³ Часть национальных районов вошла позднее в Якутскую АССР, часть была упразднена в середине 30-х гг.
- ⁴ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955; его же. Об опыте руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов Советского Союза // Вопросы истории КПСС, 1964, № 9; Новая жизнь народов Севера. М.: Наука, 1967; Гурвич И. С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР // Советская этнография, 1970, № 1; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971; Увачан В. Н. Переход к социализму малых народов Севера. М., 1958; его же. Годы, равные векам. М.: Мысль, 1984 и др.
- ⁵ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968, т. 4, с. 331—336; Соколова З. П. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935—1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, с. 81—83. О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера // Известия, 1980, 26 февраля.
- ⁶ Так, с 1959 по 1970 гг. численность всех народов Севера увеличилась на 16,6%.
- ⁷ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист, 1988, № 16; Социалистическая индустрия, 1988, 21 августа; Советская культура, 1988, 30 августа; 27 октября; 1989, 11 февраля; 18 марта; 28 марта; Литературная Россия, 1988, 7 августа, 22 сентября; Советская Россия, 1988, 11 сентября, 1989, 26 января; Северные просторы (Туруханск), 1988, № 6; Московские новости, 1989, 8 января; Савоскул С. С., Карлов В. В. Туруханская ГЭС и судьба Эвенкии // Советская этнография, 1988, № 5; Литературная газета, 1988, 17 августа; 1989, 15 февраля; Неделя, 1989, 17 марта; Советская Россия, 1989, 31 марта; Правда, 1988, 24 декабря; 26 августа; 1989, 26 января; 2 марта; Тюменская правда, 1989, 2 марта.
- ⁸ Из резолюции Научного совещания по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Севера. Магадан, 1965 г.
- ⁹ Стоимость земли на Севере крайне низка: гектар оленьих пастбищ недавно стоил... 59 коп., хотя ученые определяют ее в 20 тыс. руб. (гектар сельхозугодий в Московской области стоит 200 тыс. руб.).
- ¹⁰ Сельская жизнь, 1988, 20 октября.
- ¹¹ Московские новости, 1989, 8 января.
- ¹² Ленинская правда, (Ханты-Мансийск), 1989, 4 февраля.
- ¹³ Советская Россия, 1989, 18 августа.
- ¹⁴ Советская культура, 1988, 27 октября.
- ¹⁵ Об этих и других острых проблемах народов Севера кроме перечисленных выше статей см. также: Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М.: Институт этнографии АН СССР, 1988 (ротапринт); 2-е изд. — 1989; Литературная газета, 1986, 17 сентября; 1988, 27 января; Солоухин В. Сосвинские мотивы // Наш современник, 1988, № 6; Советская культура, 1988, 26 июля.
- ¹⁶ Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера // Труды Института этнографии. Новая серия, т. 56, 1960, с. 7, 171, 185—198; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М.: Наука, 1987 и др.
- ¹⁷ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987, с. 101, табл. 1; Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М., 1988 (ротапринт), с. 4—7, табл. 1.
- ¹⁸ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов, с. 80.
- ¹⁹ Женщины от 50 до 60 лет составили 5,5% от их общего числа в сельсовете, мужчины — 4%, женщины старше 60 лет составили 11,9% от общего их числа (всего 17,4%), мужчины — 1% (всего — 5%).
- ²⁰ Пика А., Прохоров Б. Указ. соч., с. 80.
- ²¹ Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса..., с. 12—20, табл. 4.
- ²² Соколова З. П. Современные селения и жилища ваховских хантов // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера, с. 147—148.
- ²³ Этническое развитие народностей Севера..., с. 161—167; Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса..., с. 91—94.
- ²⁴ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.
- ²⁵ Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса...
- ²⁶ Из этих 18 народов пять (энцы, селькупы, эскимосы, ительмены, нганасаны) живут в автономных округах других северных народов, 2 народа (эвены и юкагиры) — в Якутской АССР. Вне всяких автономных образований живут 11 народов — саамы, кеты, тофалары, алеуты, нивхи, ульчи, нанайцы, удэгейцы, негидальцы, орочи, ороки. Заметно значительное размывание некоторых этносов, особенно на Амуре, Средней Оби, где нет автономии.
- ²⁷ Известия, 1989, 10 июня.
- ²⁸ Там же, 18 июня.
- ²⁹ Правда, 1989, 24 сентября.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОЛОВЕЦКОГО ВОССТАНИЯ (1666—1676 гг.)

Многолетнее Соловецкое восстание — одна из ярких страниц классовой борьбы в России. Совпадающее по времени с крестьянской войной под руководством Степана Разина, восстание проходило под старообрядческими лозунгами. Публикации Н. И. Субботина, Е. В. Барсова, Я. Л. Барскова содержат фактический материал в основном о кануне (до 1666 г.) и заключительном периоде восстания (1674—1676 гг.)¹. Приведенные ими документы воссоздают картину осады монастыря, освещают действия царских властей по отношению к восставшим. Ситуация же в осажденной обители известна неполно, фрагментарно. Поэтому до сих пор не решены вопросы о социальном составе участников восстания, о развитии идейных воззрений повстанцев. Остаются пробелы и в изложении событий. Многие строятся лишь на предположениях.

Первыми к описанию Соловецкого восстания обратились старообрядцы. Многочисленные предания легли в основу работы С. Денисова «История о отцех и страдальцех соловецких»². В центре его — выступление благочестивых иноков за веру, доказательство их духовного, религиозного противостояния нечестивым властям.

В официальной церковной историографии утверждалось, что восстание было делом исключительно невежественных монахов и ограничивалось чисто религиозными вопросами³. Социальным составом повстанцев впервые заинтересовался П. С. Казанский, но он не имел источников для решения этого принципиально важного вопроса⁴. Результаты изучения темы в рамках церковной историографии суммированы в работах И. Я. Сырцова⁵. Он впервые привлек огромный фактический материал и никто из исследователей не превзошел его в этом. Менялись концепции, но не источниковая база. Сырцов впервые создал цельную картину возникновения и развития восстания, предпринял попытку его периодизации. Многие выводы Сырцова и сегодня не потеряли своего значения.

Историк-демократ А. П. Шапов обратился к анализу социально-политических причин возникновения старообрядчества. Он считал, что Соловецкое восстание носило политический, антимонархический характер. Его причина — «антагонизм Поморской области против Москвы»⁶.

В целом в досоветской историографии был собран основной фактический материал по соловецкому восстанию. Но не была дана классовая оценка восстания, не проанализирована идеология движения.

В советской историографии Соловецким восстанием занимались А. А. Савич, Н. А. Барсуков, А. М. Борисов⁷. Они сформулировали две различные концепции восстания.

По мнению Савича, причины восстания лежали в отношениях соловецкой вотчины и правительства. Протест был вызван централизаторской политикой правительства в середине XVII в. События носили острополитический характер. Религиозная оболочка, по утверждению Савича, сначала прикрывала суть конфликта, а затем была сброшена. Миряне поддержали монашеское выступление.

Совсем иное содержание видели в Соловецком восстании Барсуков и Борисов. Они отвергали значение старообрядчества в соловецких событиях. Для них не существовало разницы между государственной церковью и расколом. Единственной движущей силой восстания Барсуков и Борисов считали мирян, которые в 1674 г. окончательно порвали с реакционным влиянием монахов. С этого времени, собственно, и началось, по мнению этих ученых восстание. Барсукову удалось найти в фондах ЦГАДА некоторые новые источники по истории Соловецкого восстания. Однако он выявил далеко не все материалы. Работа с источниками проведена была крайне неудовлетворительно: часто встречаются фактические ошибки и натяжки; все, что не подходило под концепцию автора, отбрасывалось. Это лишает нас возможности пользоваться фактическим материалом его трудов.

Цель настоящей статьи, написанной на основе новых источников, до сих пор не введенных в научный оборот, — показать ход восстания, уточняя, а порой корректируя имеющиеся представления, раскрыть новые, доселе неизвестные страницы его истории. Привлеченные к исследованию

документы представляют собой челобитные и отписки воевод, осаждавших обитель, соловецкого архимандрита Иосифа, распросные речи выходцев из монастыря и стрельцов, побывавших на Соловках, отпуски грамот и указов, направленных из Москвы к воеводам. Судя по составу документов, перед нами — части приказных архивов.

Опубликованные материалы и уже хорошо известные факты приводятся в тех случаях, когда без них невозможно понять события, изложенные в новых документах.

Противостояние церковной реформе 1652 г. началось в монастыре уже в 1650-х гг. В 1657 г. монастырь отказался принять новопечатные Служебники, а в 1661—1664 гг. выступал против наречного пения, введенного по реформе⁸. К середине 1660-х гг. ситуация в обители накалилась. Во-первых, монастырь не мог до бесконечности игнорировать решение центральных властей; необходимость искать выход из тупика — одна из постоянных причин напряженности. Во-вторых, братия и миряне в основном очень решительно и категорически были настроены против любых изменений церковного обряда. Степень этой решимости ясно показало в 1663 г. так называемое «дело Геронтия», когда мелкие и случайные нарушения порядка службы вызвали настоящий бунт в монастыре против священника Геронтия и других лиц, участвовавших в богослужении⁹. В-третьих, внутри монастыря в 1660-х гг. сформировались две группировки, боровшиеся за власть и стоявшие на принципиально противоположных позициях. С одной стороны, в монастыре была промосковская партия, ориентировавшаяся на правительство и возглавлявшаяся архимандритом Варфоломеем. С другой — оппозиционная партия, руководимая энергичными богословски образованными лидерами — Ефремом Каргопольцем, Геннадием Качаловым, Ионой Брызгало, Александром Стукаловым, бывшим архимандритом Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде Никанором, Герасимом Фирсовым, Геронтием. Активную роль в оппозиции играли некоторые ссыльные, например, князь М. В. Львов, саввино-сторожевский старец Тихон, дьякон Сильвестр и др.

Оппозиция в монастыре была направлена в первую очередь против архимандрита Варфоломея. В 1666 г. составляется обличительная челобитная, автором которой был Герасим Фирсов¹⁰. Новые материалы подробно рассказывают о составлении челобитной. Герасим написал текст и прочитал его своим единомышленникам, которые должны были подписать документ. В челобитной говорилось о «государевом слове» на архимандрита, но слушатели не поняли, в чем заключалось дело. Герасим отказался дать конкретные пояснения. Тогда они заявили, что, если Герасим «про то им не скажет, и они де к той челобитной рук своих не приложат». И Фирсов вынужден был рассказать о том, как близкий к Варфоломею инок Иринарх Тарбеев ругал царя в присутствии архимандрита¹¹.

После подписания челобитной о ней узнал келарь Саватий Обрютин. Из опубликованных источников можно понять, что челобитная была похищена келарем, затем по требованию составителей разорвана¹². Однако из новых документов выясняется, что Саватий пригласил составителя Герасима Фирсова и участника обсуждения Александра Стукалова к себе в келью и потребовал у них челобитную, которую и разорвал. Но клочки с именами подписавшихся отдал назад челобитчикам. Таким образом, вокруг челобитной началась острая борьба. В результате три главных челобитника — Ефрем Каргополец, Геннадий Качалов и Александр Стукалов — на неделю были посажены в тюрьму.

Герасим Фирсов избежал ее, так как уехал в Москву на собор. С собой он захватил новый вариант челобитной¹³. Ее авторы просили царя сместить архимандрита Варфоломея, а вместо него поставить либо архимандрита Никанора, либо соловецкого священника Вениамина.

В то время, когда Герасим Фирсов и Александр Стукалов собирали подписи под челобитной на Варфоломея, в Москву поступил донос на ближайшего помощника архимандрита — келаря Саватия Обрютина по «государеву слову». Автором доноса был ссыльный дьякон Сильвестр. Переслать донос в Москву ему помогли кн. М. В. Львов, дьякон Тихон, послушник архимандрита Никанора Питирим, т. е. те же люди, которые подписывали челобитную на Варфоломея. Сильвестр сообщал в извете, что Саватий Обрютин говорил «непристойные речи» о царевиче Алексее Алексеевиче¹⁴.

Судя по всему, возникновение двух дел одновременно против архимандрита Варфоломея и келаря Саватия — не случайное совпадение. Можно предположить, что челобитная Фирсова и Стукалова, извет Сильвестра — две части единой акции по смене монастырских властей, общее дело, организованное оппозицией в монастыре.

Центральная власть пыталась остановить опасное для нее развитие событий в обители. В октябре 1666 г. в монастырь отправился ярославский архимандрит Сергей. Обстоятельства его поезд-

ки хорошо известны по публикации Н. И. Субботина¹⁵. Сергию не удалось найти общий язык с недовольными. И в источниках, и в литературе можно встретить упоминание о какой-то другой комиссии, которая находилась в Сумском остроге под руководством стольника Алексея Севостьяновича Хитрово¹⁶. Чем занималась эта комиссия, каковы результаты ее деятельности, было неизвестно.

Среди новых материалов есть документы, прямо относящиеся к деятельности А. С. Хитрово в Сумском остроге¹⁷. Следствие по делу, начало которому положил извет Сильвестра, велось в Москве. 31 декабря 1666 г. Хитрово поехал в Сумской острог, чтобы закончить дело, допросив всех свидетелей. Заодно он должен был разобраться с делом по челобитной Фирсова и Стукалова на Варфоломея. В ходе следствия Сильвестр отказался от всех своих обвинений, но основные факты против Варфоломея (о беспорядках в монастыре, самоуправстве близких к нему лиц и т. п.) подтвердились. Правительство, убедившись в крайней непопулярности архимандрита Варфоломея и келаря Саватия Обрютина, приняло решение об их замене. Вместо Варфоломея соловецким архимандритом был поставлен бывший строитель московского подворья Иосиф, сторонник промосковской партии¹⁸. Никанора, несмотря на его покаяние на соборе 1666—1667 гг., соловецким архимандритом не назначили. Видимо, власти опасались сильного, авторитетного и не очень надежного архимандрита в отдаленной и неспокойной обители.

По окончании следствия в Сумском остроге Хитрово увез колодников кн. Львова, Саватия Обрютина, Иону Брызгалю, Геннадия Качалова и др. в Москву. Таким образом, почти все лидеры начального этапа сопротивления в Соловецком монастыре в 1667 г. покинули обитель.

В ходе допросов Сильвестр заговорил не только о письмах со смутной угрозой «извести» царевича, но и об эсхатологических слухах, распространившихся в монастыре. Он изложил версию о том, что патриарх Никон является антихристом, так как имя его соотносится с апокалипсическим числом 666. Подтверждение видели и в желании Никона стать «папою», и в начатом им строительстве Новоиерусалимского монастыря¹⁹. Выяснилось также, что Алексея Михайловича считали в монастыре последним царем, «потому что де на московском государстве было семь царей. А осмого де царя не будет»²⁰. Из речей Сильвестра можно понять, что в 1660-х гг. в Соловецком монастыре бытовала концепция чувственного антихриста, шли поиски конкретного человека, в котором он воплотился. Но наряду с этим старообрядцы обители читали сочинение анзерского священноинок Феокиста «Об Антихристе и тайном царстве его», где формулировалась концепция духовного антихриста. Так накануне восстания в монастыре зарождается важный идеологический спор, подхваченный затем всеми старообрядцами.

Во время следствия Хитрово в Сумском остроге в монастыре не было одного из главных лидеров оппозиции — Александра Стукалова. 12 октября 1666 г. Александр, старец Варфоломей, слуги Фадей Петров и Иван поехали в Москву по решению черного собора просить царя поставить в Соловецкий монастырь нового архимандрита. Н. И. Субботин издал 4 документа, относящиеся к январю 1667 г.: члены черного собора беспокоятся о судьбе Стукалова и его товарищей. Они пишут в Москву к брату Александра — Ивану Ивановичу, так как до монастыря дошел слух об аресте и ссылке челобитчиков²¹.

Обнаружено дело о поездке в Москву старца Александра Стукалова. В его составе есть монастырский соборный приговор от 11 октября 1666 г. о направлении Александра в Москву, который начинается словами: «По благословению архимандрита Варфоломея и по приговору келаря Азария и казначея Варсонофия...» Цель поездки — выступление против архимандрита — не указана в документе. Варфоломей не мог одобрить этот приговор. Он никогда не признавал Азария келарем. Видимо, упоминание Варфоломея использовалось для доказательства покорности иноков царской воле, проявления миролюбия монахов.

В состав дела о поездке Александра Стукалова в Москву входят еще два документа — письма чернеца Абросимища с припиской вернувшегося в обитель спутника Стукалова Фадейки Петрова и старца Иева Щербака²². Оба письма адресованы Александру Стукалову и рассказывают о важном этапе борьбы монастыря — отказе подчиняться новому, назначенному летом 1667 г. церковным собором архимандриту Иосифу.

События, связанные с приездом архимандритов Варфоломея и Иосифа, хорошо известны по документам, опубликованным Н. И. Субботиным²³. В них отказ подчиняться вновь назначенному архимандриту изложен с точки зрения противников восстания. Единственное свидетельство соловецкого монаха Кирилла Чаплина — это распросные речи, которые несут явный отпечаток официозности. Новые документы дают оценку событий с точки зрения рядовых участников восстания. Эти материалы отличаются от опубликованных Субботиным и по форме: там — официальные отчеты,

здесь — частные письма, в которых слова о том, что монахи «нечаянно... ожидают на себя осуждения» от царя, чередуются с вопросом, женился ли некий Сава Васильевич. Письма написаны по горячим следам событий. Архимандриты приехали в монастырь 14 сентября 1667 г., а письма написаны 5 октября. Что же узнаем мы из сопоставления всех документов?

Все источники сообщают, что первоначально Иосиф и Варфоломей остановились на Заяцком острове. Туда прибыли келарь Азарий и казначей Геронтий с братией. Монахи отказались слушать царскую грамоту на Заяцком острове, потребовал официального черного собора в монастыре. Дальше начинаются разногласия в документах. Архимандрит Варфоломей просто сообщает о поездке в монастырь, идеологическом споре на соборе, оскорблениях со стороны соловецких монахов. Письма Иева Щербака и Абросима существенно дополняют картину. Подчеркивается нежелание архимандритов ехать в монастырь. Особенно активно протестовал Варфоломей. Соловецкие иноки настаивали на том, чтобы архимандрит прибыл в обитель. Свое требование старцы мотивировали тем, что Варфоломей «не считан» в казне. Архимандрит продолжал сопротивляться. Он даже отдал приказ своим слугам стрелять по соловецким монахам, но все же бывшему архимандриту пришлось поехать в обитель.

Для авторов писем важно то, что архимандриты привезли с собой вино. В письмах рассказывается, как старцы и трудники разбили ладью с вином, а пиво и вино вылили в море. Но их не занимает идеологический спор на черном соборе, который является центром рассказа у Варфоломея. Единственное, что они хотят знать, — «на чем государь положил... дела». Старцев еще не оставила надежда на изменение государственной политики в отношении нового и старого обряда. Но по тону писем можно понять: новый обряд принят не будет. И убежденность иноков от царского решения не зависит.

Монархические иллюзии, вера в то, что царь все решит «по справедливости», — одна из характерных черт идеологии восставших старообрядцев. Почти до конца, в самых отчаянных ситуациях верил в «исправление» Алексея Михайловича протопоп Аввакум. Вновь и вновь пишут царю соловецкие повстанцы. Расставаться с иллюзиями трудно. Но сама логика событий незаметно для участников ведет их к углублению конфликта с властями. Каждый новый шаг в этом направлении четко отражается в документах восстания.

Примерно в те же дни, когда в Соловецком монастыре горячо переживали приезд архимандритов, появляется наиболее знаменитый идеологический документ восстания — пятая соловецкая челобитная. Она датирована 22 сентября 1667 г.²⁴ Текстология и история создания этого популярнейшего у старообрядцев памятника — отдельный вопрос. Но один из черновых списков этого сочинения показывает, сколь важным для соловецких повстанцев оказалось неприятие архимандрита Иосифа. В рукописи, находящейся в Соловецком фонде, после обычного окончания челобитной идет довольно большой отрывок. Авторы челобитной обвиняют Варфоломея и утверждают, что новый архимандрит Иосиф — друг Варфоломея — ничего в обители не изменит. В качестве доказательства рассказывается о вине, привезенном архимандритами и вылитом в море²⁵. Эта часть написана очень горячо. Видимо, она дописана под влиянием последних событий: 14 сентября приехали Варфоломей и Иосиф; 22 сентября — дата утверждения челобитной собором. Но это дополнение стилистически не соответствует остальной челобитной. Весь тон документа — очень спокойный, доказательный. Челобитная посвящена проблемам идеологическим, богословским. На этом фоне неуместно выглядит обращение к частной теме. Видимо, это почувствовали и сами авторы. Дополнение осталось в черновике.

С июня 1668 г. Соловецкий монастырь был осажден²⁶. Первым воеводой, возглавившим царские войска под стенами обители, стал Игнатий Андреевич Волохов. Летом 1672 г. его сменил Кlementий Алексеевич Иевлев, пробывший под монастырем год — до лета 1673 г.²⁷. В сентябре 1673 г. назначен был воеводой Иван Александрович Мещеринов, прибывший под монастырь лишь в январе 1674 г.²⁸. Именно он взял монастырь в январе 1676 г., завершив многолетнюю осаду восставшей обители.

Действовали воеводы по-разному. Волохов не столько использовал военную силу (у него было немного стрельцов), сколько убеждал восставших подчиниться царским властям. Он посылал в монастырь своих стрельцов для переговоров, писал увещательные грамоты²⁹. В этот период еще существовали надежды утишить восстание без штурма монастыря. Иевлев попытался активизировать военные действия, сжег деревянные постройки под стенами монастыря. Но его попытки не увенчались успехом. Он, как и Волохов, подходил к стенам обители только летом, а осень и зиму проводил не на Соловецком острове, а на берегу — в Сумском остроге. Только с прибытием Меще-

ринова начинаются энергичные действия против восставших. Правительство посылает дополнительные войска, торопит воеводу, запрещает ему покидать Соловецкий остров даже зимой³⁰.

Что же происходит тем временем внутри осажденного монастыря?

По опубликованным источникам и литературе сложилось представление о постоянной, непрерывной радикализации восстания, его прямолинейном развитии по нарастающей. Однако новые материалы полностью опровергают эту простую и ясную картину. Идеологическая борьба на протяжении всего восстания оказалась очень сложной, напряженной.

В Соловецком монастыре в течение всего восстания существовали два основных направления — умеренное и радикальное. Борьба между ними носила ожесточенный характер. На первых порах власть оказалась в руках наиболее радикального, решительного крыла восставших. Основными лидерами стали келарь Азарий, казначей Симон (казначей Геронтия, автора пятой соловецкой челобитной, в сентябре 1668 г. заточили в тюрьму за несогласие с руководителями восстания³¹), миряне Фадей Петров, Елеазар Алексеев и др. Оказавшись у власти, радикальные лидеры провели целую серию реформ и преобразований в монастырской жизни, в обряде, далеко превосходящих по смелости и совершенно иным по направлению, чем официальная церковная реформа 1652 г.

Во-первых, в великий пост 7 марта 1669 г. в монастыре были собраны и уничтожены все новопечатные книги³². Их оказалось много — 300—400. Все книги были вынесены из монастыря на берег, вырваны из переплетов и сожжены. Отдельно уничтожили изображения из книг, назвав их «кумирами». Видимо, старообрядцы выразили этим протест против новой формы перестосложения для благословения — именовсловной, которая была изображена на образах святых в книгах. Акт уничтожения книг стал выражением крайнего неприятия новопечатной литературы.

Во-вторых, в обители были сняты старые четырехконечные кресты. Вместо них установили новые, восьмиконечные. Кресты были заменены также на выносных хоругвях, фонарях, пеленах³³. Уничтожены были как раз старые кресты, не соответствовавшие той форме, которая признавалась старообрядцами как единственно правильная.

В-третьих, весной же 1669 г. в монастыре впервые в истории старообрядчества были введены бытовые и религиозные разграничения между «верными» и «неверными», т. е. греками. На пасхе греков не допустили к святыням, а с 22 апреля 1669 г. отлучили от церкви. Шли разговоры о том, что «гречан-киевлян» надо заново крестить. Грекам выделили особую посуду для еды и питья³⁴.

В-четвертых, весной — летом 1669 г. (точная дата неизвестна) келарь Азарий, казначей Симон и др. ввели принципиально важное новшество. Из традиционной молитвы за царя они убрали конкретные имена, вставив слова о «благочестивых князях». Вместо молитвы за патриарха и митрополитов появилась просьба о здравии «православных архиепископов»³⁵. Фактически это означало введение в монастыре (гораздо раньше, чем считалось) немоления за царя и патриарха — наиболее острой и определенной формы политического протеста старообрядчества.

И, наконец, из ряда источников улавливается, что в это же время были предприняты первые попытки восставших порвать со священниками, не поддерживавшими радикальные мероприятия восставших, отказаться от исповеди³⁶.

Таким образом, лидеры восстания, провозгласив борьбу за сохранение «старых обрядов», в реальности начали решительные и смелые преобразования, затрагивающие как сферу обряда, так и принципиальные вопросы церковной системы, отношение к царской власти. Можно ли считать это внезапным, неожиданным? Нет.

Еще задолго до начала открытой вооруженной борьбы, осады монастыря царскими войсками некоторые лидеры оппозиции высказывали мнение о возможности и даже необходимости церковной реформы, но совсем не похожей на официальную реформу 1652 г. Так, Герасим Фирсов в послании к архимандриту Никанору (ок. 1657 г.) писал о том, что в обряде, богослужебных книгах невольно накапливаются ошибки³⁷. Поэтому время от времени следует проводить кропотливую работу по их выявлению и устранению. Фирсов подробно описывал, как, с его точки зрения, нужно проводить эту работу. Сам Герасим предлагал вариант сверки современных книг и древних по вопросу об апостольских праздниках. Фирсов доказывал необходимость кардинальной перестройки системы церковных праздников. Но решительность этого раннего идеолога соловецкого восстания не относилась к политической области. Герасим Фирсов категорически выступал против изменений, неоправданных с богослужебной точки зрения. Политические доводы в культовых вопросах он отвергал.

Преемники Фирсова по руководству оппозицией, в частности его адресат — Никанор, приняв идею о возможности церковной реформы, проводили ее в другом направлении — в соответствии

со своими политическими потребностями, нуждами борьбы. Сама логика вооруженных действий подвела оппозиционеров к необходимости разрыва с официальной церковью, царем.

Но далеко не все в монастыре готовы были принять смелые новшества Азария, Никанора и их товарищей. Восстание развивалось настолько стремительно, что основная масса участников не успевала за лидерами. Как следует из новых документов, в начале сентября 1669 г. инициаторы наиболее радикальных мероприятий восстания были схвачены и посажены в тюрьму³⁸.

«В обедное время» 8 сентября четыре мирянина — Григорий Черный, Киприан Кузнец, Федор Брагин и Никита Троетчина — сумели освободиться и выпустили своих товарищей. Вооружившись, группа свергнутых лидеров попыталась заставить врасплох новых руководителей монастыря — келаря Епифания, казначея Глеба и других — в трапезной. Но в бою радикальная группа снова потерпела поражение. 37 человек, в том числе Азарий, Симон, Фадей Петров, были связаны и высланы из монастыря. Ладью с ними нашли сумские стрельцы, поехавшие на рыбную ловлю. 19 сентября 1669 г. все лидеры радикального направления, кроме Никанора, по каким-то причинам не арестованного умеренными, оказались в руках Волохова³⁹.

Итак, к власти в монастыре в сентябре 1669 г. пришли умеренные. Радикальные мероприятия отменяются, происходит возврат к более традиционным формам обрядов. На свободу выпускают стойкого защитника церковной традиции — Геронтия.

Однако уже в 1670 г. новые лидеры начинают переговоры с Волоховым о сдаче монастыря царским войскам. Власти монастыря просят у царя грамоту с обещанием милости, если ворота будут открыты⁴⁰. В 1671 г. умеренные лидеры подтверждают, что монастырь откроет ворота, если царские войска снимут осаду, а вместо Иосифа царь назначит другого архимандрита. Причем умеренные добавляют, что в случае успеха соглашения обитель примет церковную реформу⁴¹. Умеренные лидеры категорически отказались от союза с мирянами, обвиняя радикальную партию в опоре на бельцов⁴².

Но соглашательская политика умеренных лидеров не означала, что восстание идет на убыль. Пока келарь Епифаний и казначей Глеб вели переговоры с Волоховым, Никанор «по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: матушки де мои галаночки, надежда де у нас на вас, вы де нас обороните»⁴³. Миряне, поддержанные частью иноков, стреляли по царским войскам. В 1670, 1671 гг. в монастыре неоднократно вспыхивали споры: можно ли стрелять по царским войскам. Энергичным противником вооруженных действий стал Геронтий. Он «о стрельбе запрещал и стрелять не велел»⁴⁴. Но остановить развитие событий умеренные не могли. В августе — сентябре 1671 г. они потерпели окончательное поражение. Часть умеренных была заключена в тюрьму, другие бежали⁴⁵. В начале сентября для дальнейших переговоров о сдаче монастыря приехали на Соловецкий остров стрельцы Волохова. Но они не застали уже ни Епифания, ни Глеба, ни других их единомышленников. Новое руководство монастыря категорически отказалось от любого компромисса с властями⁴⁶.

Итак, двухлетний период правления умеренных закончился. Теперь восставшие снова вступили на путь радикализации. Означало ли это, что сопротивление восстанию в осажденном монастыре прекратилось? Нет. И об этом свидетельствует попытка переворота, во главе которой стоял соловецкий монах Яков Соловаров⁴⁷.

Весной — летом 1670 г. Яков был в монастыре городничим старцем⁴⁸. Он всегда относился к числу недовольных: и в период правления умеренных (в июне 1670 г.), и после победы радикальных (в октябре 1671 г.) до Волохова доходили слухи, что Яков готовит какой-то заговор. Выходцы из монастыря называли и его сторонников — священников Тихона Рогучева, Митрофана, Селиверста, Амбросима, старцев Еремея Козла, Тарасия Кокору, Киприана и его послушника Тихона и др. Все они, по словам выходцев, настроены были против восстания, хоть и молчали «страха ради» на черных соборах⁴⁹. В 1671 г. Волохов узнает, что заговор Якова Соловарова раскрыт: сам Яков и его товарищи попали в тюрьму⁵⁰.

Вскоре рассказы выходцев подтвердились. В октябре 1671 г. Яков Соловаров и конархист Михаил Харзеев были высланы из обители⁵¹. В Сумском остроге на допросе 25 октября 1671 г. Яков рассказал о своей попытке совершить переворот. Летом 1670 г., когда Волохов находился под монастырем, Яков собрал около 50 старцев и мирян. Они хотели открыть ворота и впустить Волохова с войсками в обитель. Но заговорщики решили, что их слишком мало, надо найти еще союзников. Однако, когда стали искать новых заговорщиков, информация о деятельности Соловарова дошла до монастырских властей. 14 июня Яков был арестован, но единомышленников не назвал. Больше года он провел в тюрьме, затем был выслан⁵². Яков Соловаров был решительным противником вос-

стания. Это он доказал и на берегу, донеся на старца Сидора Несоленого, который хотел уехать на Соловки весной 1672 г.⁵³

Однако, несмотря на уверения некоторых выходцев из монастыря в том, что противники восстания в Соловецкой обители сильны, Волохов не очень доверял им. Так, например, когда старец Кирилл заявил ему, что в Соловецком монастыре половина иноков «не мятежники», Волохов сообщил об этом в Москву, но добавил, что это не так. Есть ли кто-то в монастыре из противников, сколько их, — «о том в правду недоведомое дело»⁵⁴.

В последние годы восстания основной силой его стали миряне. Это закономерно, так как именно на данном этапе военные действия обеих сторон достигли наибольшего размаха. В них ведущая роль принадлежала бельцам, хотя старцы также принимали участие в боевых действиях, руководили отрядами мирян на стенах обители⁵⁵.

В развитии восстания, безусловно, немалую роль сыграли пришедшие люди. Еще в 1669 г. посетивший монастырь стрелец Петрушка Иванов отметил, что среди восставших «из московских бунтовщиков есть»⁵⁶. В 1675 г. Мещеринов заявляет: «в Соловецком монастыре воры сидят схожие из многих стран — з Дону и московские беглые стрелцы и салдаты, и из боярских дворов беглые холопи»⁵⁷. В литературе о восстании неоднократно говорилось, что были в обители и разинцы, хотя определенных свидетельств об этом нет. Новые материалы подтвердили смутное указание опубликованных источников. Один из разинцев, Петрушка, стал в монастыре пушкарем, другой — Григорий Кривоног — нашел способ пробираться по рвам к подкопам Мещеринова, закрываясь от ядер досками; так удалось сорвать строительство подкопов к стенам⁵⁸.

Но активную роль мирян в восстании не нужно понимать как полное и бескомпромиссное размежевание с иноками. До последних дней восстания во главе монастыря стоял малый черный собор — келарь, казначей, соборные старцы. Архимандрита в монастыре не было, но во всех списках главных «завотчиков» обязательно звучит имя архимандрита Никанора. В период восстания он фактически выполнял роль соловецкого архимандрита. Келари и казначей за время восстания неоднократно менялись: одних свергали (Азарий, Епифаний), другие, видимо, погибали. Новые материалы дают возможность представить последовательность смены келарей и казначеев. За годы восстания келарями последовательно были: Азарий — Епифаний — Маркел — Нафанаил Тугун⁵⁹ — Феодосий (послушник Никанора) — Левкий, казначеями: Геронтий — Симон — Глеб — Мисаил; последний, умирая, передал все дела своему духовному отцу священнику Леонтию⁶⁰.

Малый собор управлял повседневными делами монастыря. А все наиболее важные вопросы решались черным собором, на который собирались все старцы и миряне, жившие в обители. Не пускали на него лишь откровенных противников восстания⁶¹. Именно черный собор заслушивал и обсуждал царские и военские грамоты, принимал важнейшие документы, адресованные царю. Так, именно черный собор 28 декабря 1673 г. принял столь важное решение «за великого государя богомолье отставить» и «стоять друг за друга и помереть всем за одно»⁶². К черному собору апеллировали миряне, когда священники продолжали молить бога за царя⁶³.

Миряне и иноки одинаково стояли за свое дело, вместе отрицали традиционные обряды, умирали без покаяния⁶⁴. Участники восстания делились по своим убеждениям на различные группы, и это деление — именно по убеждениям, а не по принадлежности к инокам и бельцам.

Соловецкий монастырь, хорошо укрепленный, изолированный морем, обладавший значительными запасами продовольствия и боеприпасов, казалось, мог держаться еще много лет. Мещеринов активными военными действиями, жестокой круглогодичной блокадой в 1675—1676 гг. пытался вынудить восставших сдаться. Он организовал подкопы под Белую, Никольскую и Квасопаренную башни, перекрыл приток воды в Святое озеро, остановив этим соловецкую мельницу⁶⁵. Но подкопы были разрушены восставшими. А генеральный штурм монастыря через пустующую Сельдяную башню, предпринятый 23 декабря 1675 г. по совету выходцев, окончился поражением отряда Мещеринова⁶⁶.

Зимняя осада, угроза голода (подвоз продуктов стал невозможен из-за того, что войска не ушли с острова) делали свое дело. В обители началась цинга; постоянный обстрел территории монастыря со специально построенных валов вел к массовым жертвам⁶⁷. Но монастырь продолжал борьбу.

Как же был взят монастырь? Этот вопрос, казалось бы, давно ясен. Один из выходцев, старец Феокист, указал, где в стене у Белой башни есть плохо заделанная калитка. В ночь на 22 января 1676 г. отряд в 50 человек во главе с майором Степаном Келеном и старцем Феокистом сломал калитку, вошел в монастырь, а затем, растворив ворота, пустил остальные войска⁶⁸.

Этот традиционный рассказ опирается на опубликованные документы: отчет воеводы Мещеринова на следствии. Но среди новых материалов есть фрагменты отписки Мещеринова о взятии монастыря, составленные по горячим следам событий. В ней финальный штурм в ночь на 22 января описывается несколько иначе⁶⁹.

После неудачи 23 декабря 1675 г. у Сельдяной башни Мещеринов попытался возобновить строительство подкопов к Белой, Никольской и Квасопаренной башням. Одновременно воевода отдал распоряжение беспрестанно стрелять по этим башням, вынуждая защитников сойти со стен на этих участках. На этом этапе по трем башням выпущено было 700 ядер. Операция оказалась успешной для Мещеринова: когда подкопы были подведены к башням, там никого не было. Тогда в ночь на 22 января 1676 «за час до свету» у Белой и Никольской башен начался штурм. И «ратные люди на Белую башню взошли, и у той башни у калитки замок збили...» После этого начался бой внутри монастыря⁷⁰.

Трудно судить, что произошло на самом деле у Белой башни темной и ненастной ночью 22 января, так как оба свидетельства исходят от Мещеринова, а других рассказов об этом нет.

Новые материалы содержат ценные подробности и о последнем эпизоде сопротивления восставших. Защитники заперлись в трапезной. Здание обстреливали, в окна метали гранатные ядра. Часть людей погибла, другие попали в руки Мещеринова. Всего он захватил 63 человека. Из них 35 были посажены в тюрьму, а 28 — казнены. Среди пленных были лидеры движения на последнем его этапе: келарь Левкий, казначей священник Леонтий, ризничий старец Вениамин (его в 1666 г. рекомендовал Фирсов на пост архимандрита), сотники Самко и Логин⁷¹. Отметим, что среди руководителей восстания Мещеринов не назвал архимандрита Никанора. Традиционные старообрядческие легенды рассказывают о героизме Никанора в последние часы восстания. Но приходится признать, что легенды ни на чем не основаны. Никанор назван среди главных «завотчиков» в октябре 1674 г. вместе с келарем Нафанайлом Тугуном⁷². Но в октябре 1675 г. названы и келарь Феодосий («никаноров послушник»), другие лидеры, а сам Никанор не упомянут⁷³. Не исключено, что архимандрит Никанор, участвовавший в оппозиции на первых порах, прошедший все этапы восстания, не дожидаясь его поражения — к октябрю 1675 г. он уже умер.

Итак, новые материалы по истории Соловецкого восстания показывают, что борьба внутри монастыря была более напряженной, чем это считалось до сих пор. Уже на первом его этапе возникают резко антимонархические эсхатологические взгляды. Восстание развивалось не однолинейно. Оно пережило несколько крутых поворотов. И только мужество повстанцев, их убежденность в своей правоте дали возможность самому северному пункту русской обороны — Соловецкому монастырю — долгие годы жить своей жизнью, собирать недовольных и не выполнять царских приказов.

Примечания

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд. Н. И. Субботиным. Т. 3. М., 1878; Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII вв. Собр. Е. В. Барсоевым. М., 1890; Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // ЛЗСК (за 1911 г.) вып. 24, СПб., 1912.

² Это произведение шесть раз издавалось в старообрядческих типографиях с 1788 по 1914 гг., а также бытовало в списках.

³ Игнатий, Донской и Новочеркасский. Истина святой Соловецкой обители. СПб., 1844; Воздвигенская Е. В. Соловецкий монастырь и старообрядчество. М., 1911 и др.

⁴ Казанский П. С. Кто были виновники соловецкого возмущения от 1666 до 1676 гг.? // ЧОИДР. М., 1867, кн. IV, с. 1—10.

⁵ Сырцов И. Я. Соловецкий монастырь накануне возмущения монахов-старообрядцев // Православный сборник, 1879, октябрь, с. 271—298; его же. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888.

⁶ Щапов А. П. Сочинения Т. 1, СПб., 1906, с. 414, 456.

⁷ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927; Барсуков Н. А. Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Петрозаводск, 1954; его же. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.): Автореф. канд. дис. М., 1960; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1966.

⁸ Материалы для истории раскола..., т. 3. с. 7, 13—14, 80—81, 111.

⁹ Там же, с. 18—43.

¹⁰ Там же. с. 47—66.

¹¹ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 538, л. 38—40.

¹² Материалы для истории раскола, т. 3, с. 114—115.

¹³ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 538, л. 40—41.

¹⁴ Там же, д. 533 и д. 538

- ¹⁵ Материалы для истории раскола..., т. 3. с. 125—164.
- ¹⁶ Там же, с. 196—198.
- ¹⁷ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 533 и д. 538.
- ¹⁸ Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 203—206.
- ¹⁹ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 533, л. 4—6.
- ²⁰ Там же, л. 4.
- ²¹ Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 178—187.
- ²² ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 553.
- ²³ Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 207—208, 212, 276—282, 288—291.
- ²⁴ Там же, с. 213—276.
- ²⁵ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 13—35.
- ²⁶ Там же, Госархив, разряд XXVII, д. 533, л. 25—26.
- ²⁷ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888, с. 276, 281.
- ²⁸ Там же, с. 286.
- ²⁹ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 533, л. 31—35, 29—30.
- ³⁰ Там же, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 25, л. 2, 4—6; д. 23, л. 26.
- ³¹ Там же, Госархив, разряд XXVII, д. 533, л. 1.
- ³² Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7—18.
- ³³ Там же, л. 9.
- ³⁴ Там же, л. 4—5, 35—36.
- ³⁵ Там же, л. 101, 96.
- ³⁶ См.: Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 337, 344; Новые материалы для истории старообрядчества..., с. 121.
- ³⁷ См.: Показание от божественных писаний // Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова. — ПДП, вып. 188. СПб., 1916.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 98.
- ³⁹ Там же, л. 94.
- ⁴⁰ Там же, л. 298.
- ⁴¹ Там же, л. 323.
- ⁴² Там же, л. 98—99.
- ⁴³ Материалы для истории раскола..., т. 3. с. 327, 337.
- ⁴⁴ Там же, с. 327.
- ⁴⁵ Там же, с. 333, 341.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 382—390.
- ⁴⁷ В опубликованных источниках упоминаний об этом нет.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 4, 193, 267.
- ⁴⁹ Там же, 1671, д. 31, л. 33; 1670, д. 5, л. 4.
- ⁵⁰ Там же, л. 71.
- ⁵¹ Там же, л. 118, 141.
- ⁵² Там же, л. 122—123, 131, 141—142.
- ⁵³ Там же, л. 218—225.
- ⁵⁴ Там же, л. 188—189.
- ⁵⁵ Там же, 1675, д. 20, л. 10.
- ⁵⁶ Там же, 1669, д. 5, л. 96.
- ⁵⁷ Там же, 1675, д. 20, л. 5.
- ⁵⁸ Там же, 1670, д. 5, л. 137; 1673, д. 16, л. 9.
- ⁵⁹ В литературе ошибочно: Тугин.
- ⁶⁰ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 33.
- ⁶¹ Там же, 1670, д. 5, л. 125.
- ⁶² Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 337; ЦГАДА, ф. 125, оп. 1. 1674, д. 26, л. 9—10.
- ⁶³ Материалы для истории раскола..., т. 3, с. 328.
- ⁶⁴ Там же, с. 343, 328.
- ⁶⁵ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 9.
- ⁶⁶ Там же, л. 10.
- ⁶⁷ Там же, 1675, д. 20, л. 3—4.
- ⁶⁸ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 301—303.
- ⁶⁹ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 2—12 (это документ 1676 г.)
- ⁷⁰ Там же, л. 10—12.
- ⁷¹ Там же, л. 2, 12.
- ⁷² Там же, 1674, д. 26, л. 9.
- ⁷³ Там же, 1675, д. 20, л. 10.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

встреча за «круглым столом» *

16 мая 1989 г. в Институте истории СССР АН СССР прошел «круглый стол», на котором обсуждались проблемы освещения отечественной истории в современной публицистике. В дискуссии приняли участие известные советские публицисты В. В. Кожин, Л. И. Сараскина, А. И. Стреляный и ученые-историки Г. Д. Алексеева, В. И. Буганов, В. С. Лельчук, Ю. А. Поляков, А. М. Самсонов, Ю. П. Шарапов, К. Ф. Шацлло. Вел встречу директор Института истории СССР А. П. Новосельцев. Предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант выступлений участников «круглого стола».

* * *

А. П. Новосельцев, член-корреспондент АН СССР: Мы давно хотели встретиться с нашими ведущими публицистами и спокойно поговорить о различных проблемах изучения отечественной истории. К сожалению, далеко не всегда между историками-профессионалами, писателями и публицистами существует взаимопонимание. О причинах этого уже много говорилось. Мне думается, что такое положение надо постепенно изживать, надо вместе искать пути сближения, добиваться того, чтобы коренные вопросы нашей истории освещались если не одинаково, то, во всяком случае, не с диаметрально противоположных позиций.

Программа данной встречи заранее не составлялась. Проблем много, и обсудить их все практически невозможно. Поэтому мы предлагаем провести свободный обмен мнениями по тем вопросам, которые товарищи сочтут необходимым поставить в своих выступлениях.

Ю. А. Поляков, член-корреспондент АН СССР: Будем откровенны, общественно-политическая поляризация у нас сейчас значительна. И, видимо, она будет еще усиливаться. Но разграничительная линия проходит сейчас не по профессиям. Есть историки, излагающие такие взгляды, как будто Бурбоны уже возвратились, но есть и публицисты (их, правда, немного), пишущие так, словно Брежнев еще жив.

Сейчас все признают большое значение истории в жизни нашего общества. За последние два-три года история стала болевой точкой общественного сознания. И вот здесь проявилось различие между историками и публицистами. Но различие не в понимании проблем, а в степени реагирования. Основная масса историков-профессионалов поначалу проявила пассивность, инертность. В большинстве вузов, академических институтов перестройка запаздывала. На страницы газет и журналов с материалами на исторические темы первыми пришли журналисты, литературоведы, собственно писатели и поэты, а также наиболее склонные к научно-публицистическому жанру экономисты, философы, юристы и лишь небольшое число историков.

Авторы этих публикаций сделали большое дело. Они горячо откликнулись на общественный зов, сорвали многие запретные печати. Для нас особенно важно то, что они ускорили и сделали неизбежной перестройку исторической науки как таковой. И устно, и печатно я всегда признавал роль публицистики в реализации общественной потребности познания прошлого. Охотно готов подтвердить это и сегодня.

Сейчас число историков-профессионалов, активно выступающих в печати, значительно возросло. Совместными усилиями мы достигли того, что поток исторической информации стал

Материалы «круглого стола» подготовил к публикации М. Ф. Гржебин по стенограмме, хранящейся в Институте истории СССР АН СССР.

мощным. Биографии многих исторических деятелей в значительной мере восстановлены, существенные события, ранее не известные, освещены, важные проблемы, прежде даже и не ставившиеся, теперь активно обсуждаются. За полтора-два года критическая информационная масса в области истории выросла гигантски. Но с самого начала стал, на мой взгляд, ощущаться концепционный дефицит. Много фактов, много эмоций, но мало ответов, мало попыток объяснить, почему так все происходило. Я убежден, что сейчас главное не в том, чтобы наращивать добычу фактической руды (руда добывается, перекрывать этот кислородный шланг нельзя, историческая наука без фактов погибнет), а в том, чтобы осмыслить уже накопленный колоссальный материал, выработать концепцию развития нашей страны. Старая концепция разбита, разломана, быть может, еще не похоронена, но уже умерла; новой же концепции практически нет.

С таким положением цивилизованное общество мириться не может. Надо сказать, что наши коллеги — писатели, публицисты, представители других общественных дисциплин раньше нас поняли это. Борис Васильев, например, опубликовал, несомненно, концептуальную статью «Люби Россию в непогоду...» («Известия», 1989, 17—19 января). Элементы концептуального исторического поиска отчетливо прослеживаются в статьях С. Залыгина, В. Кожина, философов А. Ципко, В. Шубкина. Историки же и здесь отстали, хотя в объяснении прошлого именно они вроде бы должны быть в авангарде.

Сейчас меня тревожит волна воинствующего дилетантизма, которая захлестнула наши газеты и журналы. Я могу привести сотни примеров фактических ошибок, грубой тенденциозности и самой простой конъюнктурщины, стремления следовать моде, поветрию, угодить, попасть в струю. Все это наносит удар престижу исторической науки. Печально то, что особенно значительной популярностью пользуются авторы, которые допускают больше неправды. А ведь мы должны быть едины в своем стремлении утверждать именно правду. Правда истории — это не спящая царевна, которую можно разбудить одним поцелуем публициста или историка. До правды истории надо добраться, поднимая пласты новых источников, анализируя, сопоставляя их, творчески продумывая новые подходы к познанию исторического процесса, споря научно обоснованно и аргументированно. Легковесность, отсутствие профессионализма могут только нанести ущерб этому трудному процессу.

Давайте объявим войну дилетантизму, искажению фактов и некомпетентности. Давайте потребуем от газет, чтобы они исправляли неточности и ошибки. Вот «Известия» 9 и 10 марта 1989 г. опубликовали статью «Уроки нэпа», которая содержала множество фактических ошибок. Одна из них, связанная с Лениным, была широко раскритикована. Но там масса и других ошибок! Товарищи из нашего института написали об этом письмо в «Известия». А газета ответила: вы, дескать, правы, но публиковать мы это не будем, не принято. А почему не принято? Почему не исправить грубые искажения? В статье, например, говорится о том, что декретом 26 октября 1917 г. была введена система рабочего самоуправления на национализированных предприятиях. Но о каком декрете идет речь? Известно, что 26 октября были приняты декреты о земле и мире.

Сейчас плюрализм мнений в оценке прошлого широко представлен на страницах наших печатных изданий. Но надо иметь в виду, что выражать свое мнение, отличное от других, но основанное на фактах, это одно; искажать факты, подгонять их под заранее сформулированные выводы — совсем другое; высказывать суждения броские, но некомпетентные, явно противоречащие фактам, — третье. Одно искажение влечет за собой другие. Возникает магнитное поле искажений. И во всем этом не так просто разобраться. Когда главенствуют эмоции, это невозможно. Но когда главенствует разум, можно и должно.

Позвольте привести один пример, показывающий сложность такой задачи, после чего попробуем решить, что это: плюрализм мнений, тенденциозность или некомпетентность. Я привожу этот пример для «затравки», чтобы обострить ситуацию и поспорить с В. В. Кожинным. В одном из мартовских (1989 г.) номеров «Литературной газеты» Вадим Валериевич в диалоге с Б. Сарновым назвал Ф. К. Миронова крупнейшим полководцем гражданской войны. Заметьте — не одним из крупных, а именно крупнейшим, т. е. самым крупным из всех. Я не отрицаю заслуг Миронова. Но что значит крупнейший полководец? Ведь есть объективные критерии, по которым мы можем оценивать деятельность военачальника, сравнивая его с другими. Это командование соответствующей группировкой войск, масштабность проведения операций и т. п. В этом смысле Мионов, который командовал бригадой, дивизией, корпусом и непродолжительное время (кажется, немногим более двух месяцев) Второй конной армией, не может идти ни в какое сравнение с полководцами, которые в решающих сражениях возглавляли армии и фронты, — с Егоровым, Тухачевским,

Фрунзе, Шориним, с главноками Вацетисом, Каменевым и рядом других военачальников. Но давайте поспорим. Я думаю, Вадим Валерианович выскажет свое мнение. Мне кажется, что это скорее всего тенденциозность, потому что по ряду причин фигура Миронова привлекает сейчас повышенное внимание. Я привел этот пример, помимо всего прочего, еще и потому, что для истории гражданской войны не безразлично, кого считать крупнейшими полководцами; субъективный же подход не способствует выявлению истины.

Сейчас во всех областях общественной жизни нашей страны накопилось много горячего материала, в том числе и материала от прошлого. Тут уже ничего не поделаешь. Но плохо, если спичку подносят историки. Нельзя сеять взятые из прошлого зубы дракона. Не хочу никого пугать, но думаю, что входы будут ужасные. Немало неразумных, с моей точки зрения, молодых авторов сейчас кидают камни в наше прошлое, стараются ударить, и побольнее, по старшему поколению. Это мне представляется не просто неумным и безответственным, но и крайне вредным.

Задача всех пишущих о прошлом — не стравливать поколения, а спланивать их для общего дела, от которого зависит судьба нашей родины. Меня недавно поразило высказывание президента США Дж. Буша: прошлое не должно разъединять нацию. И это верно. Прошлое — наша общая память, наша слава и наша трагедия. Оно должно объединять, спланивать и поколения, и разномыслящих. Задачи историков я вижу в том, чтобы быть активнее, писать смелее, но в то же время ответственно и профессионально, основываясь только на фактах, на их анализе, проверке и сопоставлении.

В. В. Кожинов, кандидат филологических наук: Прежде всего отвечу на замечание Ю. А. Полякова. Действительно, формулировка «крупнейший полководец» по отношению к Ф. К. Миронову — преувеличение. Однако это не тенденциозность, а своего рода техническая издержка. Дело в том, что вначале у меня было написано «один из крупнейших». Но тот диалог в «Литературной газете» был очень напряженным, а объем строго ограничен. Когда поступили гранки, выяснилось, что какое-то количество знаков надо сократить. И я, в частности, снял слова «один из...», считая, что «крупнейший полководец» будет воспринято не как «самый крупный», а как «один из крупных». Но как бы то ни было, упрек принимаю: крупнейшим называть Миронова не следовало.

Теперь — по более общим вопросам. Сейчас многие с беспощадной отвагой ругают нашу историю. Я человек немолодой — наблюдал ситуацию после 1953 г., потом после 1964-го, а теперь вот и после 1985-го, и меня всегда поражало, какое большое количество людей сделало блистательную карьеру на том, что они критиковали прошлое, в том числе и самих себя. Но в такого рода критике есть некая нравственная недостаточность. Чаще всего ею занимаются именно те люди, которые в предыдущий период стояли на противоположных позициях. Константин Симонов, например, в каждом своем новом романе о войне критиковал те взгляды на войну, которые высказывал в предыдущем. А руководитель одного из популярнейших наших журналов сейчас громко кричит «Держи вора!» в адрес тех, кто восхвалял мемуары Брежнева, а между тем сам был чуть ли не главным хвалителем этих мемуаров. В то же время лично я и люди, которых я считаю своими единомышленниками, разве только под угрозой пыток могли бы хвалить такое позорное сочинение, написанное даже не самим Брежневым.

Критика прошлого — занятие не только слишком легкое и безопасное (хотя каждый критикующий считает себя человеком отважным), но и малопродуктивное. Ведь прошлое исправить нельзя. Я всегда считал, что критиковать надо современность. А в прошлом, если хотите, гораздо важнее найти какой-то положительный опыт — то, на что можно опереться сегодня.

Что касается нашей исторической науки (а я достаточно внимательно слежу за ее развитием), то думаю, что те громы и молнии, которые сейчас мечут в адрес историков, не вполне обоснованы. Да, историки мало занимались (а когда занимались, то многое искажали) послеоктябрьским периодом. Но в том вина не только историков. Что же касается освещения нашей дооктябрьской истории, то тут нашим историкам есть чем гордиться. Например, издание «Древнейшие государства на территории СССР», на мой взгляд, одно из культурнейших изданий в мире (а я немного знаком с зарубежной историографией). Если, скажем, взять начало XX в., то посвященные этому периоду книги К. Ф. Шацилло, В. И. Старцева, В. С. Дякина, Г. З. Иоффе, скончавшегося недавно А. Я. Авреха — это очень серьезные исследования, которые, конечно, значительно выше всего того, что пишут о предреволюционной истории наши публицисты.

В 1988 г. вышли две хорошие книги по послеоктябрьскому периоду: А. Г. Кавтарадзе — «Военные специалисты на службе Республики Советов» и А. В. Басова — «Крым в Великой Отечест-

венной войне». В первой из них показано, что в годы гражданской войны 80% командиров Красной Армии являлись бывшими царскими генералами и офицерами, которые верой и правдой служили новому строю, и что именно они одержали победу в этой войне, а вовсе не те самые комиссары, которые шли сзади с пулеметами и выискивали врагов и предателей. К сожалению, в этой книге не сказано, что в 1930 г. под руководством Тухачевского была проведена операция под кодовым названием «Весна», в результате которой 5 тыс. победителей в гражданской войне были арестованы и бесследно исчезли. Пока об этом написала только скрупулезная исследовательница Мариэтта Чудакова в своем жизнеописании Булгакова. Так что когда меня призывают преклониться перед Тухачевским, который «прославился», на мой взгляд, только тем, что с беспощадной жестокостью подавил два народных восстания (а именно эти народные восстания, в сущности, и привели к введению в стране нэпа), мне не хочется этого делать.

Еще раз подчеркну: не вижу никакого смысла в том, чтобы критиковать прошлое. Я хочу как раз покритиковать современность. Беру как пример журнал «Вопросы истории», который выпускаю уже 15 лет. Конечно, есть положительные сдвиги в работе редакции, но ряд вещей глубоко разочаровывает. Скажем, в этом журнале печатается работа А. В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время». Автор сам предупреждает в начале, что он не пользовался никакими документами (у него их просто не было). Это сочинение основано на всяких слухах и рассказах отдельных лиц. У меня в голове не укладывается, что журнал «Вопросы истории» печатает произведение, никакого отношения к исторической науке не имеющее. Причем речь идет не об отношении к Сталину, а об уровне понимания эпохи.

Сейчас журнал гордится тем, что он резко увеличил число подписчиков. Но тут нечем гордиться. Я думаю, что рост тиража связан больше всего с тем, что в прошлом году были опубликованы жизнеописания Бухарина, Томского, Сокольников, более напоминающие жития святых. Вот Томский, например, изображается как такой трепетный человек, а между тем он и организовал весь «шахтинский процесс» — первый процесс о вредительстве, когда более пятидесяти великопных русских инженеров были либо расстреляны, либо направлены в лагеря. И с этого началась вакханалия поисков вредителей, которая затащила в свои сети сотни тысяч людей. Так вот Томский, по сути, руководил этим процессом, конечно, вместе с Ягодой, но главное руководство осуществлял он. Об этом, конечно, в «жизни Томского» не сказано ни слова.

Одно из самых печальных явлений современной исторической науки — явление Юрия Афанасьева. Это удивительный человек. Через полгода после апрельского (1985 г.) Пленума он опубликовал совершенно «застойную» статью (Коммунист, 1985, № 14), в которой, например, говорил, что задача историков заключается в том, чтобы уяснить мотивы беззаветного трудового энтузиазма героев первых пятилеток. В этой же статье он нападал на людей, которые осмеливались критиковать Шолохова за классовый подход к коллективизации в советской деревне. Здесь же Афанасьев подчеркивал, что общественные науки должны решительно вернуться к проблемам совершенствования развитого социализма. А уже через два года тот же самый Афанасьев пишет, что у нас никакого социализма вообще нет, что коллективизация — это величайшее преступление и т. д. и т. п. Ну как же так можно? Думаю, я имею моральное право критиковать Афанасьева. Сам я не считал удобным на протяжении всего времени, что печатаюсь (а печатаюсь я с 1950 г.), например, вообще употреблять слово «социализм». И не потому, что его у нас якобы не было и нет. Я как раз считаю, что он у нас действительно есть. Другое дело, что он не похож на те райские картинки, на которых его изображали. Но существует такая заповедь, восходящая еще к Марку Аврелию, для каждого пишущего: стыдно хвалить то, что ты не имеешь возможности критиковать. И исходя из этого я никогда не мог позволить себе не только хвалить, но даже цитировать Сталина, Маленкова, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко.

Тема нашей сегодняшней встречи «Отечественная история в современной публицистике». У меня есть ряд статей, посвященных тем или иным историческим вопросам. Мне было бы интересно услышать о них мнение профессиональных историков.

Г. Д. Алексеева, доктор исторических наук: Я тоже считаю, что встречи с писателями и публицистами, пишущими на исторические темы, следует проводить чаще и прежде всего для того, чтобы добиться взаимного понимания. В связи с этим мне вспоминаются слова А. А. Богданова, который говорил, что нельзя строить здание людям, говорящим на разных языках. Я высоко ценю выступления наших публицистов, хотя очень многого в них не принимаю. Но они дали толчок, разбудили нас от почти полувековой спячки — вот это самое главное. Один из западных авторов как-то

отметил, что самое непредсказуемое в России — это отношение самих русских к своей истории. Как раз эту ситуацию мы сейчас и переживаем. Действительно, не знаешь, что прочитаешь, открыв газету или журнал. Такое обилие исторической информации, дезинформации, лжеинформации и просто наветов и ласканий на нашу историю и наш народ, что я как профессиональный историк, занимающийся 20—30-ми гг. XX в., иногда просто закрываю глаза, чтобы ничего не видеть и ничего не читать. Приведу несколько примеров. Вот прошла реабилитация большой группы наших видных деятелей партии. Это действительно очень важное событие. Я лично не считала, что мы до этого доживем, тем более, что кандидатскую диссертацию начинала писать в конце 50-х гг., после XX съезда. Тогда были открыты многие уникальные документы, которыми я пользуюсь до сих пор и которые сейчас оказались для историков недоступными. А как можно писать правдивую историю без документов?

Так вот, в связи с реабилитацией. Недавно мы отмечали 100-летний юбилей Н. И. Бухарина. Проходили конференции, было опубликовано много материалов в газетах и журналах, и материалов хороших. Но в то же время я с удивлением читала статьи некоторых журналистов, например, Феликса Медведева, который, не зная даже биографии Бухарина, выступает о нем в широкой прессе и с высокой трибуны. Далеко не всегда я могу согласиться и с тем, как изображает многие важные факты нашей истории В. В. Кожин, хотя с интересом всегда читаю его статьи, в которых чувствуется большая гражданская сострадательность, любовь автора к нашему народу, к Родине, к ее прошлому. Но как Вы пишете о Бухарине? Вы берете его работы первых лет Советской власти, когда он стоит на позициях «военного коммунизма», и содержащиеся в них положения переносите на все последующее время. А ведь уже в конце 20-х гг. Бухарин от очень многого отказался. Конечно, можно сказать, что это нехорошо, но человек переживал за судьбу страны, и ведь не кто-нибудь, а именно он первым заявил Сталину и всему Центральному Комитету, что у нас не получается социализм, среди нас нет Ленина, мы не можем руководить страной, мы теоретически оказались отсталыми, беспомощными, неспособными. И это Бухарин сказал в апреле 1925 г.!

Оттого, что мы не знаем всей совокупности фактов, нам трудно по достоинству оценить человека. Бухарин, например, создал самую замечательную концепцию культурного развития рабочего класса, а о ней сейчас по существу ничего не известно.

Здесь В. В. Кожин обвинял Томского в том, что тот руководил «шахтинским процессом». Не знаю, насколько это справедливо. У меня нет фактов о его непосредственном участии в этом деле. Но то, что все тогдашние руководители оправдывали этот процесс, а Зиновьев подготовил его своими безобразными выступлениями на страницах центральной прессы, — факт. Он, например, резко выступал против предложений Кондратьева, Чаянова, — крупнейших экономистов России, которые были намного образованнее, чем марксисты. Не случайно Ленин привлекал их для работы в Госплане; затем они участвовали в составлении первого пятилетнего плана. Кондратьев заявил, что индустриализация, если прирост промышленной продукции превысит 15%, будет разорительна для страны; что нельзя так развивать группу А и так запускать группу Б — народ останется раздетым и голодным; что обязательно нужно некоторое количество средств переместить из группы А в группу Б. И вот эта программа объявляется Зиновьевым «кулацкой контрреволюцией». Вот что подготовило «процесс Промпартии». Нам сейчас важно выяснить, почему, каковы внутренние причины того, что такая образованная часть русской интеллигенции вдруг оказалась так жестоко загубленной в 1928 г. Но это было подготовлено рядом видных деятелей партии, в том числе Бухариным, Зиновьевым и Каменевым, — документы об этом лежат на поверхности, и мы должны это знать.

Мне кажется, что, действительно, из истории нужно брать не пепел (сожженное, уничтоженное, безвозвратно потерянное), а то, что может нам сейчас как-то помочь. Скажем, кооперация. Как к ее развитию подходили в 20-е гг.? На государственном уровне глубоко разрабатывалось и тщательно учитывалось, какая нужна кооперация, где она будет получать ресурсы, какова будет налоговая политика, каков ее юридический статус и т. п. И только после того, как все было подготовлено, государство начало проводить в жизнь политику кооперации. А что сделали мы? Мы без должного предварительного анализа наводнили страну кооператорами, а теперь их критикуем за высокие цены, низкое качество и т. д. Вот, по-моему, тот исторический опыт, к которому следует обратиться и историкам, и политикам.

Проблема культа личности. Читая наших публицистов, я прихожу к совершенно бесспорному для меня выводу, что не избежим мы нового культа, если будем идти путем критики отдельных фактов, отдельных событий, причем часто искажая эти события. Было немало публикаций, в которых

указывалось, что Сталин являлся то ли провокатором, то ли агентом царской охраны. (Поймите меня правильно. Я не беру под защиту Сталина: у меня в 1937 г. был осужден семнадцатилетний брат за подготовку покушения на Сталина, он пробыл на Колыме до лета 1941 г., а потом почти всю войну находился в штрафбате.) Но ведь если выдвигается такое серьезное обвинение, оно должно быть подтверждено документально. А есть ли такие документы? Я знаю, что на правительственном уровне был сделан запрос в архивы зарубежных стран, был ли Сталин агентом или провокатором? На этот запрос получен отрицательный ответ. Если бы мы лучше знали нашу историю, то не торопились бы публиковать такие вещи.

И последнее. Недавно я выступала с лекцией на авторемонтном заводе перед молодыми рабочими. Меня приятно удивило то, что они стремятся разобраться в сегодняшних проблемах, лучше узнать наше прошлое. Они много читают, хотя не все из прочитанного и принимают. Не получается ли так, что мы обслуживаем самих себя? Я призываю и историков и публицистов чаще бывать в рабочих аудиториях. Вместе мы могли бы составить программу культурного развития города, области, страны. И это действительно был бы реальный результат от наших совместных встреч.

А. И. Стреляный: Работа литераторов и историков при всей сходности имеет несколько принципиальных, почти непреодолимых различий. Известно, что художественное творчество по своей природе бессознательно. Эта особенность давно исследована и объяснена, но ее очень трудно понять людям других занятий, которые уверены, что художник вполне властен над собой.

К публицистике это свойство бессознательного творчества относится в меньшей степени, но все же относится. Поэтому все, что вызывает у историка, например, негодование в публицистике, у меня вызывает просто интерес. Если человек писал вчера так, а сегодня пишет по-другому, то я не возмущаюсь, а пытаюсь понять — почему? С этой точки зрения мне любопытно и упреки литераторам. Они показывают состояние умов критикующих, уровень их культуры, образования.

Публицист волей-неволей ориентирован на сегодня (даже если он пишет о прошлом) в неизмеримо большей степени, чем историк. У меня один из побудительных мотивов творчества — это отвращение к вранью, причем когда я читаю или слушаю вранье, всегда чувствую, что за ним стоит что-то очень серьезное. Я заметил: больше всего врут тогда, когда страшно сказать правду.

Часто бываю в последнее время в трудовых коллективах, встречаясь с людьми в рабочих поселках и деревнях и видя, что происходит с партийным аппаратом, я испытываю очень большую тревогу. Вот недавно я присутствовал на одном предвыборном митинге. Против одного из кандидатов в депутаты, чьим доверенным лицом я являлся, выступает человек. В сером хорошем костюме, с короткой прической, тщательно выбритый. Прослушав полторы минуты, кто-то из присутствующих спрашивает: «А ты кто такой?» Он отвечает: «Я секретарь партийной организации такого-то, скажем, института». После этого следует неодобрительный гул, и его сгоняют с трибуны.

Второй случай. Нас не пускают на завод, и кандидат в депутаты начинает выступать на небольшой возвышенности прямо у проходной. Люди, идущие с работы, окружают его; постепенно народу становится все больше. Он выступает за многопартийность, хозяйственную свободу, независимые профсоюзы. Его прерывают и спрашивают: «Подожди! А почему мы не на заводе, у нас ведь там громадный зал». Тогда поднимается молодой человек в сером костюме, с короткой прической (это оказался секретарь партийной организации) и говорит, что сегодня суббота, завод — военный, и директор отдал распоряжение в этот день вообще не пускать командированных. Но ему в ответ: «Брешешь, там полно командированных». Его сгоняют, и он, спустившись, негромко говорит, что ему позвонили из горкома и сказали: не пускать. И вот я думаю: Ты же самоубийца, не думаешь о своих детях. Если бы ты прямо сказал: «Товарищи, мне так велели чиновники из горкома, пойдете на завод», ты бы спас не только себя и своих коллег, но и честь партии в какой-то степени.

На прошедших выборах я увидел, что правящая структура теряет власть. И у меня возникло беспокойство: а чем она может быть заменена? И это — один из импульсов моего интереса к истории. Я начинаю думать: ведь не случайно Советы просуществовали недолго, не случайно же они как реальные органы власти уже в 1918 г. были заменены партией, или, точнее, партийным аппаратом. А что будет с нынешними Советами? Нет ли почти неразрешимого противоречия между демократизмом и реальной властью? Сумеют ли наши Советы заменить, заполнить ту пустоту, которая на наших глазах образуется? Кто будет правящей элитой вместо этих ребят в серых костюмах?

Для литератора, в отличие от историка, огромное значение имеют так называемые мелочи.

детали. Хорошим произведениям художественной литературы о том или ином периоде я как читатель верю не то что неизмеримо больше, чем историческим исследованиям, а верю абсолютно, потому что художественное произведение прошло проверку своей истинности в авторе. Скажем, я долгое время из научных трудов не мог понять, какова роль идеологии в советской истории. А вот Платонов и некоторые другие писатели уже 20 с лишним лет рассказывают мне все, что надо знать по этому вопросу. Читая их произведения, я понял, что сегодня идеология — главное препятствие на пути нашего дальнейшего демократического развития.

Мне симпатичны историки, которые по своему складу, по тому, как они чувствуют жизнь, стоят ближе к литераторам. Такие историки вызывают у меня больше доверия. Объективная истина ведь существует и — хочешь или не хочешь — о ней надо помнить. Например, я убедился, что нетоварные модели социализма несерьезны, они изначально не работали и не могли работать. Как только мне стало ясно, что рынок — это истина, а все, что против рынка, что пытается рынок подменить, доказать возможность построения общества, функционирующего как единая фабрика, управляемая мудрой дирекцией, — это вредно, я сразу заинтересовался: каковы же были аргументы сторон? Я стал много читать и увидел, что те, кто выступал за рыночную экономику, очень убедительно доказывали свою правоту. Почему же к ним не прислушались? Как литератору мне интересно выяснить, откуда эта невосприимчивость руководящих лиц к критике? Или еще пример. Известно, что Плеханов называл «Апрельские тезисы» бредом. На это Ленин ему возразил: разве рабочие три часа слушали бы бред? Такой ответ для меня открывает что-то новое в личности человека, который воспользовался в дискуссии таким аргументом: раз меня слушали три часа, значит, я прав. Чувство объективной истины помогает мне сегодня не потерять в разноречивости фактов.

Более острая связь с современностью, опора на мелочи, детали, на свидетельства художественной литературы, элемент бессознательности в творчестве — все это отличает литераторов и публицистов от историков. И это хорошо. Именно различиями в подходах к освещению прошлого мы и должны быть интересны друг другу.

К. Ф. Шацлло, доктор исторических наук: Мне кажется, что главная задача, которая стоит сейчас перед историками, перед публицистами, да и вообще перед всеми гуманитариями, — поднять необычайно низко упавший морально-этический уровень нашего народа. А ведь в XIX — начале XX в. он был очень высок. Тогда у нас были светила мирового масштаба, указывавшие путь не только нашему народу, но и народам других стран. Ведь что такое, например, гандизм? Это применение толстовства к Индии. Можно привести массу примеров, свидетельствующих о том, что русские мыслители того времени по сей день считаются крупнейшими в мировой истории.

А что произошло потом? В 30-х гг. поощрялись доносы на отца, на соседа, спрашивали, а сколько ты написал заявлений на своих приятелей или на своих сотрудников по учреждению? И это не вызывало никаких возражений, потому что каждый, кто сказал бы, что он не собирается выдывать клевету на своих друзей, сразу бы, естественно, оказался там, где ему не очень хотелось бы бывать...

Вот Ю. А. Поляков приводил высказывание президента США о том, что прошлое не должно разъединять нацию. Я с этим не согласен. Прошлое, к великому сожалению, и разъединяет. Я, например, никак не могу «соединиться» с Ниной Андреевой, с Шеховцовым, которые скорбят по поводу того, что мы сейчас отходим от сталинских принципов и методов «руководства» страной и партий. Так вот, чтобы быстрее отойти от них, расправиться с рабскими наклонностями, которые десятки лет вбивались в наше сознание, мы и должны сейчас обращаться к истории.

Однако при этом очень важно не изменять историческому подходу. Но я не склонен предъявлять упреки только публицистам, которые действительно нередко допускают ошибки в освещении нашего прошлого. Я считаю, что чувство историзма изменяет и многим нашим историкам-профессионалам. Часто о событиях, происходивших давным-давно, судят по меркам сегодняшнего дня.

Сейчас нам очень легко быть мудрыми, мы знаем, чем кончилось то, что начиналось тогда, и можем почти безошибочно указать, кто был прав, а кто заблуждался. Но бессмысленно заниматься оценкой прошлого, не учитывая тех обстоятельств, той атмосферы, которая существовала тогда в жизни общества. Здесь приводился пример Бухарина, подчеркивалось, что он в 1925 г. сказал: у нас не получается социализм, среди нас нет Ленина. Но ведь именно Бухарин в 1928 г. издал книгу «В защиту диктатуры пролетариата». А не пора ли было подумать о переходе к правовому государству? Уже десять лет прошло после революции, семь лет после гражданской войны, в дверь стучался вопрос о введении правовых норм, а он выступал в защиту диктатуры пролетариата. В защиту! Как будто кто-то диктатуру пролетариата обижал в 1928 г.

Г. Д. Алексеева: Диктатура пролетариата и правовое государство совместимы. Я могу это доказать.

К. Ф. Шацillo: Доказывать, к сожалению, можно все, что угодно, но доказывать совместимость диктатуры с правом вряд ли нужно. Какими бы благими порывами диктатура ни руководствовалась, с правом она не сочетается. Диктатор всегда прав, потому что он диктатор. В свое время в прусской армии были генералы, которые обратились к Фридриху Великому с просьбой, чтобы он ввел для ефрейторов лычки, так как трудно отличить капрала от солдата. А он им сказал: а что тут различать, у кого в руках палка, тот и капрал. Так вот диктатура — это палка, которая необходима в определенных исторических условиях. Да, нельзя без диктатуры сделать революцию, победить в войне, но нормальная человеческая жизнь состоит не из войн и революций. Поэтому в 1928 г. все-таки уже пора было думать о правовом государстве.

Еще один пример антиисторического подхода к событиям прошлого. Сколько уже публицистика пытается доказать, что плоха идея мировой революции. Она была неверна с самого начала: у капитализма оказалось столько скрытых резервов, он достиг таких вершин в обеспечении материальных потребностей граждан, о которых мы, советские люди, пока не можем даже и мечтать. Но ведь о мировой революции, о социальных катастрофах и коллизиях говорили и писали не только большевики. Это было всемирное поветрие. Первая мировая война представлялась современникам катастрофой, равной которой не было в истории. Даже вторая мировая война, унесшая в пять раз больше жизней, воспринималась иначе. Тогда, в начале XX в. считалось диким, что человека могут травить газами, сбрасывать на него бомбы, вообще казалось, что цивилизация рушится. Отнюдь не революционер написал книгу «Закат Европы». Так нам сейчас представляется, что наступает экологическая катастрофа, что наши внуки не увидят того, что видели деды.

Все это надо учитывать, когда мы рассуждаем об идее мировой революции. Мне кажется правильным представить историю как цепь событий, где каждое звено связано с предыдущим и с последующим. Возьмем, например, историю расстрела царской семьи. К этой теме сейчас часто обращаются и историки, и публицисты. Я вспоминаю слова Достоевского о том, что исторический прогресс не стоит слезы одного невинного младенца. В ночь с 16 на 17 июня 1918 г. в подвалах ипатьевского дома лились не слезы, а кровь пятерых детей. Но можно ли начинать разговор о гуманизме Октябрьской революции с этого события? А почему же вы, товарищи публицисты, забываете о том, что предшествовало этому? Почему вы не помните о 9 января, когда царь отдал приказ ввести осадное положение, ввести войска и расстреливать народ, а сам уехал на три дня в Царское Село? В результате — несколько тысяч убитых и раненых, среди них женщины и дети.

А Ленский расстрел? Документы показывают, что он был организован с ведома царского правительства. 202 человека были убиты, 260 ранены, в том числе опять женщины и дети. В 1915 г. рабочих расстреливали в Иваново-Вознесенске, в Костроме. Ведь это же было. Нельзя же все забыть о прошлом и с революции начинать отсчет антигуманных акций! Цепь исторических событий существует. К 1918 г. страна прошла через страшнейшую мировую войну. Убить человека стало очень легко. Вспомните Григория Мелехова. Как он мучился, когда первый раз убил человека, а потом это стало для него уже привычным делом. Рубил и с правого, и с левого плеча.

Так вот, учитывая все это, кто же виноват в расстреле царской семьи? Да сам Николай II. Именно он подвел страну к пропасти. Две войны, две революции произошли за его царствование. Давайте же не будем забывать о чувстве историзма, давайте помнить, что каждому событию предшествуют другие события. А если мы будем все сводить только к людям в серых шинелях, кожаных куртках, убивших пятерых детей, то мало что поймем. Я бы хотел подчеркнуть, что нам сейчас, как воздух, необходимы документы. Без них историк работать не может. Попробуйте, скажем, что-нибудь понять в предыстории заключения пакта 1939 г., если вы не имеете возможности ознакомиться с донесениями советских послов из Берлина, Нью-Йорка, Лондона, Парижа. А эти донесения не только не опубликованы, но даже не выдаются исследователям. Неужели они до сих пор содержат какие-то государственные тайны? То же относится и к документам Генерального штаба. Известно, что через неделю после того, как план «Барбаросса» был подписан, он уже лежал на столе у Рузвельта. Известно, что Рузвельт созванивался с Черчиллем, советовался, показывать ли план Сталину? Решили показать. Прислали его в Москву. Сталин, однако, не придал ему должного значения, посчитав это провокацией. Но интересно знать, как отнеслись к этому наши военные. Ведь всякий подобный документ обязательно должен анализироваться в Генеральном штабе.

К. Ф. Шацилло: Нет, не могли! Они должны были знать и должны были дать свое заключение. В 1908—1909 гг. офицеры Главного управления Генерального штаба России анализировали фальшивый план ведения войны Германией с подписями Мольтке-младшего и Вильгельма, подброшенный довольно сложным путем: якобы он был куплен за 10 тыс. рублей у одного из офицеров германского Генштаба. Проанализировав документ, русские военные специалисты заявили: «Это дезинформация. Нас хотят обмануть. На самом деле события будут развиваться вот так...» И — точно! По существу они раскрыли план Шлиффена — тот самый хваленый план, который немцы превозносили как вершину теоретической и стратегической мысли своего Генерального штаба. Вот это были профессионалы! А какие специалисты сидели у нас в Генеральном штабе накануне Великой Отечественной войны? Сумели ли они правильно разобраться в плане «Барбаросса»? Мы не знаем, поскольку не располагаем документами. А это ведь во многом помогло бы правильно понять, почему в начале войны события развивались именно так.

Чем мне хотелось бы закончить? Все мы дети своего времени. И то, что происходило со страной, нас не минуло, на нас на всех тоже лежит груз ответственности за допущенные ошибки и извращения. Преодолеть их будет легче, если мы будем действовать совместно, будем стремиться к взаимопониманию и взаимообогащению. А главное — будем помнить о принципе историзма.

Л. И. Сараскина, кандидат филологических наук: Мне кажется, принципиальное различие между историками и публицистами, выступающими на историческую тему, заключается не в степени научной оснащенности, не в том, что первые предпочитают документы, а вторые ограничиваются эмоциями. Среди тех, кто манипулировал историей, заставляя ее выполнять служебные функции и быть послушным орудием идеологической машины, полно и историков, и публицистов. Одни — специфическим подбором аргументов и фактов, другие — «неподдельными» эмоциями не мешали, а помогали друг другу обставать нужную историческую идеологему лесами «неопровержимой подлинности». Но и среди тех, кто вопреки господствовавшей историософской доктрине пытался искать истину, тоже можно было встретить как историков, так и исторических публицистов. Водораздел между ними проходил и проходит по линии тех научно-общественных задач, которые каждый из них уполномочен решать. Докопаться до правды, как бы она ни была страшна или некрасива, или соорудить приемлемую для текущего политического момента ее версию — эта альтернатива по-прежнему разделяет на разные лагеря всех тех, кого влечет к исторической тематике.

Меня как филолога, занимающегося XIX веком, больше всего волнует проблема повторяемости отечественной истории — этого, как считал Ключевский, ее уникального качества. Удручающая периодичность ситуаций, сюжетов, драм и ошибок заставляет всерьез задуматься над вопросом об отношении к истории.

Можно ли историю критиковать? Уместно ли предъявлять ей нравственный счет? Целесообразно ли оценивать историю с точки зрения сегодняшней морали? Я много раз слышала отрицательные ответы на эти вопросы. Термины «очернительство» и «огульное охаивание» прочно вошли в научный обиход многих представителей исторической науки. Мне же кажется, истинная опасность заключена не в критическом подходе к событиям прошлого, а, напротив, в канонизации того зла, которое в нем было. Логика проста: все, что происходило в нашей истории, — и хорошее, и дурное, — все это наше достояние, от него нам нигде не деться; мы не можем перечеркнуть наше прошлое. И коль скоро историю не судят, мы включаем в историческое сознание все зло, всю кровь, все преступления на правах законного наследства.

В истории всех революций были и зло, и кровь, и насилие, но люди, одолевая их, избегали задним числом канонизировать ошибки своей истории, утверждать их в своем сознании как нечто самоценное. Люди говорили: да, это с нами было, но это было плохо. Дать оценку того, что происходило со страной, с людьми, с человеком, — без этого нет ни самовоспитания личности, ни становления исторического сознания.

Деканонизация того зла, которое было в нашей истории, демистификация ее самых отвратительных тайн — в этом я вижу нравственный смысл обращения к прошлому и с позиции науки, и с позиции публицистики. Вот, скажем, тема «Сталин и сталинизм» — одна из самых горячих, больных и все еще открытых. Много уже сказано и написано о личности вождя, о его культе, приспешниках, корнях и истоках сталинизма. Взрослые люди произносят много умных слов и выстраивают

гипотезы одна другой мудренее. Но как ответить школьнику на простой вопрос: откуда в революции взялся Сталин? Ответить буквально и точно, не вдаваясь в мистику и идеологические туманности?

Так вот. Ответить, на мой взгляд, следует определенно: в 1912 г., после Пражской Всероссийской партийной конференции Сталин был кооптирован Лениным в члены ЦК РСДРП — именно кооптирован, а не избран демократическим путем. Зачем Ленину в той «новой партии», которую он пытался создать, партии профессиональных революционеров, стремящихся к захвату власти, нужен был Сталин? Какие его качества привлекли внимание лидера партии в момент кооптации?

Коба-Джугашвили был известен Ленину как руководитель «экспроприаций» — бандитских разбойных нападений на банки с целью добывания денег для партии. Именно к нему, Кобе, обратился Ленин в 1907 г. с предложением о подготовке новой «экспроприации», обратился, несмотря на то, что V съезд РСДРП принял резолюцию, осуждающую «эксы». Причем даже в проекте резолюции, предложенной большевиками, в частности, говорилось: «...В настоящий момент сравнительного затишья партизанские выступления неизбежно вырождаются в чисто анархистские приемы борьбы... Боевые дружины, существующие при партийных комитетах... неизбежно превращаются в замкнутые заговорнические кружки, отрываются от широких масс и, деморализуясь, вносят дезорганизацию в ряды партии... Съезд признает... партизанские выступления нежелательными и съезд рекомендует идейную борьбу с ними». И Коба осуществил руководство самым знаменитым тифлиским «эксом» (а всего с 1905 по 1908 г. только на Кавказе было совершено 1150 террористических актов), в ходе которого было трое убитых и 50 раненых. Бандиты, ограбившие экипажи Государственного банка (сотни тысяч золотых рублей), очень скоро передали деньги за границу, лидеру партии, которые, однако, не пошли впрок: поскольку необходимо было менять эти рубли на валюту, а тех, кто это делал, уголовная полиция Европы немедленно задерживала (так были арестованы будущие наркомы Литвинов и Семашко), ЦК постановил сжечь оставшиеся деньги. После расследования дела об «эксах» Кавказский комитет РСДРП решил исключить Кобу и непосредственного исполнителя Камо (Тер-Петросяна) из партии.

Из зала: Откуда у Вас все эти данные?

Л. И. Сараскина: Я их взяла из книг Б. Суварина и И. Дойчера о Сталине, вышедших на Западе. Коба-Сталин, сумевший проявить себя в «эксах», был, видимо, нужен партии нового типа. В 1906 г. Ленин писал: «Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?» А в 1920 г. Ленин обобщил свое представление о средствах политической борьбы: «Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь владеть всеми, без малейшего изъятия формами или сторонами общественной деятельности... Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка...»

Тут-то и стоит поразмыслить: у кого Сталин взял теоретическое оправдание любых средств? Кто санкционировал применение уголовщины в борьбе за светлое будущее? И могла ли не быть уничтоженной физически та партия, которая на заре своего существования допустила и морально узаконила бандитизм?

Если сегодня не посмотреть на этот фрагмент отечественной истории глазами людей, испытавших ужасы политического аморализма, мы обречены вновь и вновь переживать трагедию самоуничтожения.

Здесь говорилось о расстреле царской семьи и виновности Николая II. Конечно, он виноват — довел страну до ужаса, до трагедии. Однако при этом царскую Россию никто не называл прогрессивной, суперпрекрасной страной. Наоборот. А уж либералы критиковали ее как только могли. Но одно дело, когда царский режим — плохой, безобразный, отвратительный — душит людей и в Кровавое воскресенье их расстреливает, и совсем другое, когда прекрасная страна в прекрасных целях убивает детей.

Разве не время обо всем этом задуматься теперь, в период революционных преобразований, происходящих в нашей стране? И разве стремление дать нравственную оценку событиям истории с тем, чтобы не повторять вновь ее ошибки, противоречит науке?

А. М. Самсонов, академик: Все прозвучавшие здесь выступления были интересными и в конечном итоге полезными. Однако далеко не со всем, что было сказано товарищами, я могу согласиться. Например, с мнением, что выработать новую концепцию сейчас более важно, чем

вводить в научный оборот новые факты. Правильную концепцию нельзя построить, не зная всех фактов, не ликвидировав «белые пятна» в нашей истории. Я не могу согласиться и с высказываниями о том, что не надо позорить прошлое, что главное препятствие на пути дальнейшего развития нашей страны — это идеология.

Сейчас задолженность историков перед обществом возрастает. Мне кажется, что публицисты при всех их перехлестах, при всем их дилетантизме все же продвинулись дальше, чем мы, в освещении нашего прошлого, а следовательно, и в изыскании путей преодоления негативных явлений настоящего. В последнее время историки, правда, выпустили ряд интересных сборников — «Страницы истории», «Историки спорят» и др. Но ведь от нас ждут большего, чем выступления по отдельным вопросам, от нас ждут фундаментальных исследований, на основе которых, кстати, более успешно развивалась бы и наша публицистика. Одна из причин того, что таких исследований появляется очень мало, состоит в том, что мы по-прежнему не имеем доступа ко многим документам, к правдивой статистике.

Средства массовой информации публикуют сейчас очень много различных цифр. Недавно, например, газета «Аргументы и факты» поместила статью Роя Медведева «Трагедия статистики». В ней приводится, в частности, общая цифра жертв сталинских репрессий — 40 млн. человек, которая распределяется и по отдельным годам. Но какими источниками пользовался автор? То, что масштабы сталинских преступлений огромны, в этом нет сомнений. Но все-таки, когда называются конкретные цифры, нужно указывать источник, подтверждающий их достоверность.

Не способствует развитию науки и тот факт, что до сих пор существует монопольное право отдельных учреждений на работу с соответствующими документами. Так, ко многим важнейшим материалам периода Великой Отечественной войны могут иметь доступ лишь сотрудники Института военной истории, к материалам Политбюро, Секретариата, Пленумов ЦК — сотрудники ИМЛ.

Сейчас на страницах печати идет острая полемика по различным проблемам нашей истории. Одним из самых животрепещущих, как здесь только что отмечалось, по-прежнему остается вопрос о роли Сталина. Все еще встречаются рассуждения: с одной стороны... с другой стороны... Но ведь пора уже сделать какой-то общий вывод. Я уже не раз писал, что деятельность Сталина должна оцениваться резко отрицательно. Но, конечно, очень важно исследовать и истоки сталинизма. И этим, кстати, более успешно, чем историки, занимаются наши философы, хотя, казалось бы, историки тоже не должны в этом плане отставать.

Еще одна проблема — проблема военнопленных. Сейчас в литературе часто встречаются утверждения, что в годы Великой Отечественной войны в плен попало 5,8 млн. человек. Из них около 4 млн. погибло в концлагерях. Однако печать недоверия к военнопленным сохраняется до сих пор. Посмотрите, например, некоторые статьи в «Военно-историческом журнале», в газете «Красная звезда». Там по-прежнему обосновывается совершенно безнравственный и юридически неправомерный тезис о вине всех военнопленных.

Здесь сегодня говорилось о воинствующем дилетантизме. Я, может быть, не стал бы употреблять эпитет «воинствующий», но то, что такое явление существует, несомненно. Вот недавно «Литературная газета» опубликовала статью «За пределами Сталинградского кольца». Автор пишет, что он впервые поднимает вопрос о сражении в районе хутора Верхнекумский в декабре 1942 г., когда на шесть дней было задержано продвижение войск Манштейна — Готта, пытавшихся деблокировать армию Паулюса. Но об этих событиях известно давно. Уже 24 декабря 1942 г. о них сообщалось в «Красной звезде», многократно описывал их и я в своих работах. В этой же статье автор делает вывод о том, что не нужно было проводить операцию по ликвидации окруженной группировки Паулюса. Но такое утверждение совершенно безосновательно. Если уж автор пытается внести изменения в выработанную историками концепцию Сталинградской битвы, то надо делать это аргументированно. Голословные утверждения могут лишь вызвать недоумение.

В. И. Буганов, доктор исторических наук: Когда заходит речь о ликвидации «белых пятен» в нашей истории, прежде всего хочется обратиться к советскому периоду. Я согласен с В. В. Кожинным в том, что это не вина, а беда историков, которые, освещая события после 1917 г., не могли писать полностью правдиво.

Что касается специалистов по дооктябрьскому периоду, которых я здесь представляю, то им все же было легче. Могу взять на себя смелость утверждать, что они в какой-то степени спасали честь советской исторической науки и в годы культа личности, и в годы застоя, хотя, конечно, и у них были свои ошибки.

Сейчас публицисты, литераторы, историки сообщают большое дело по пересмотру многих устоявшихся представлений. Но меня смущает то, что возникают новые ошибочные суждения, появляются новые штампы, новые деформации. Здесь уже упоминалась статья Бориса Васильева «Люби Россию в непогоду...», опубликованная в «Известиях». Статья интересная, она мне очень понравилась. Но и в этой статье не обошлось без преувеличений и новых штампов. История в ней рассматривается как бы с высоты птичьего полета. С одной стороны, это хорошо, но с другой — не все можно разглядеть. Борис Васильев увидел в нашем дооктябрьском прошлом всенародную нравственность. И такая постановка вопроса в определенной мере правильна. Однако раскрыто это в статье не очень убедительно. Есть, конечно, рациональные зерна, но многое преувеличено и идеализировано. Скажем, гораздо сложнее, чем это показано в статье, обстояло дело с дворянской нравственностью, с дворянским кодексом чести. Об этом мы судим по декабристам, даже по царским министрам, которые, допустив промах в работе, подавали в отставку (чего, кстати, не умеют или не хотят делать некоторые нынешние члены правительства). Но ведь существовали и другие представители дворянства, нравственные начала которых были далеко не на высоте. Это же относится и к всенародной нравственности. Верно, конечно, что христианский мир, церковь давали опору нравственности. Но мы знаем также, что в народной среде всякое бывало. Разин, Пугачев и их сподвижники, например, допускали поступки явно безнравственные. И все это нужно помнить и говорить об этом откровенно и правдиво.

Больше у нас сейчас стали писать о церкви, о том нравственном идеале, который она проповедовала. Но и здесь не обходится без искажений. Нередко приходится читать у литераторов, да и у историков, о том, что русским воинством в Куликовской битве руководил чуть ли не Сергий Радонежский, а решающую роль в освобождении русского народа от польских интервентов в начале XVII в. некоторые склонны приписывать не Кузьме Минину и нижегородцам, а призывам и деятельности Дионисия, Авраамия Палицына и других духовных пастырей Троице-Сергиевой лавры. Недавно я прочитал в одном романе, будто вся политическая жизнь Киевской Руси на рубеже XI—XII вв. — это результат внушения великим князьям киевским со стороны Антония и Феодосия Печерских, Нестора-летописца и т. д. Однако во многом это далеко не так.

В названной статье Б. Васильева довольно большое место уделяется вопросам, связанным с монголо-татарским игом. Основная мысль автора заключается в том, что Русь являлась всего лишь вассалом Золотой Орды, а ига Орды как такового и не было. Начавшись с опустошительного набега Бату-хана, оно очень скоро закончилось побратимством Александра Невского с сыном завоевателя Сартаком. А дань Орде — это вовсе не дань, а естественная плата за оборону русских границ и т. п. На это надо прямо ответить: нет ничего более далекого от реальной действительности. Общенье, конечно, было, были и взаимные браки, но в целом-то все-таки было именно иго и были огромные дани, страшные карательные набеги, кровопускания и т. д.

Переходя к более позднему периоду, остановлюсь на вопросе о судьбах русского крестьянства. Этот вопрос сейчас часто рассматривается в нашей публицистике. Отмечается, что после 1861 г., несмотря на все недостатки реформы, крестьяне впервые вздохнули полной грудью и ощутили радость свободного труда. При Сталине же они по существу вновь попали в крепостную зависимость. Это верно, хотя разные эпохи, разные исторические условия. Но, когда проводят такие аналогии, нужно продумывать все до конца. В некотором отношении сталинская коллективизация оказалась гораздо хуже крепостного права, которое существовало до 1861 г. Крепостной крестьянин работал не только на помещика, у него был свой надел, где он трудился в несколько раз лучше, чем на своего хозяина. Советский же крестьянин имел лишь небольшой приусадебный участок. Бытовые условия были плохие. Я уже не говорю о миллионах расстрелянных, выселенных, лишенных крова, умерших от голода и т. д.

Еще один вопрос — о сталинщине, который сейчас вроде бы трудно обойти. Меня удивляет один момент, присутствующий во многих публикациях: не было бы у нас культа личности, других деформаций, если бы был жив Ленин, если бы удалось сохранить ленинскую гвардию и т. д. А разгон Учредительного собрания? А постепенная ликвидация всех партий? А культ насилия? И потом, что же за система создавалась у нас после Октября 1917 г., если она могла (в представлении некоторых наших публицистов и историков) держаться только на одном человеке или небольшой группе лиц? На мой взгляд, многие наши беды шли от того, что у власти оказалась одна партия. Сейчас партия перестраивается. Мне кажется, что самым существенным в этой перестройке были бы поиски политического конкурента, политического оппозиционера. Вспомните высказывание одного мудреца: возлюбил не хвалящих, а хулящих тебя.

И последнее. Хочу тоже обратить внимание на необходимость изучения, издания и уважительного отношения к источникам. В связи с этим я искренне жалею специалистов по советскому периоду. Сейчас вроде бы открываются архивы, но по-прежнему многие документы большинству историков еще недоступны. А без них все попытки по-новому написать историю советского общества вряд ли могут быть успешными.

Л. И. Сараскина: После выступления В. И. Буганова у меня возникло желание добавить несколько слов. Вы говорите, что Разин допускал поступки безнравственные. То, что я знаю о Разине, который «пришел людям дать волю», находится за пределами нравственности.

Мы никак не можем расстаться с героизацией нашей истории, мы героизируем ее всеми средствами. Есть у нас улицы Камо, Степана Разина. Я не думаю, что их нужно переименовывать, но мы должны отдавать себе отчет в том, что национальный герой — это не тот, кто больше других крови пролил, не разбойник, не смутьян, не бандит... *(В зале аплодисменты, шум, реплики: «У нас в стране, по-вашему, был хоть один герой или не было?» «Дилетантизм!»)* Я не могу согласиться с тем, что поступок Петра Первого по отношению к инакомыслящему, казнь через копчение и четвертование — это героизм. Мы — и историки, и публицисты — должны научиться называть вещи своими именами.

Из зала: Это восемнадцатый век! А мы живем в конце двадцатого!

Л. И. Сараскина: Но уже две тысячи лет назад существовало Евангелие. В нем было многое сказано на эту тему. Поэтому не надо говорить, что в XVIII в. еще можно было рвать ноздри, коптить человека, четвертовать.

Из зала: А с Евангелием разве не убивали?

Л. И. Сараскина: Убивали. Убивали всегда. Но не считали, что это добро. Евангелие учит разделять Добро и Зло, красоту и убийство. *(Гул в зале.)*

В. С. Лельчук, доктор исторических наук: Вначале я хотел покаяться и сказать, что конечно, наши публицисты куда прогрессивнее, чем историки, по крайней мере те из них, которые изучают историю КПСС и советского общества. Но когда я сегодня прослушал, что они говорят — не пишут, а говорят! — то каяться мне расхотелось. Я понял, что они такие же, как мы... Мне приходилось читать работы и Л. И. Сараскиной, и В. В. Кожина, и А. И. Стреляного. Я считаю их в значительной мере полезными и нужными. Но сегодня наши гости ушли от своих работ так далеко (не буду уж говорить о том, влево или вправо), что это непохоже на их авторство в печати. Но тогда уж не надо предъявлять претензии многим из сидящих здесь по поводу неправильного освещения ими истории. Я еще раз убедился, что мы все — дети одного времени, одного государства, одного народа. Я хотел бы задать вопрос В. В. Кожину: Вы когда-нибудь критиковали Пикуля?

В. В. Кожин: Нет.

В. С. Лельчук: Вот Вы говорили об Ю. Н. Афанасьеве. Во многом с Вами можно согласиться. Но я думаю, что Пикуль нанес гораздо больше вреда, чем Афанасьев. И Вам одному из первых следовало бы поднять руку в защиту правды о нашем отечестве. А Вы вместо этого насаждаете дух неприятия — будем откровенны — самих идей Октября, идей интернационализма. Достаточно вспомнить, как Вы оцениваете творчество Трифонова или Вашу позицию в диалоге, который опубликовала в этом году «Литературная газета». Не думаю, что Вы изучаете нашу историю по Пикуль. Вы образованный человек, Вы не можете не знать, насколько судьба русского народа переплетена с судьбами других народов нашей многонациональной страны. Зачем же тогда чисто по-сталински сеять рознь, утверждать превосходство одних над другими? Или мы опять нуждаемся в образе врага? Или кто-то заинтересован в гражданской войне?

Мне кажется, сегодняшняя встреча больше похожа на митинг, чем на научный разговор о литературе, истории и публицистике. Что нам предлагает Л. И. Сараскина? Какое объяснение истории? Вот нехороший Ленин нашел нехорошего Сталина; используя все средства борьбы, они и их единомышленники пришли к власти, а чтобы построить светлое будущее, расстреляли царскую семью (простите за некоторое утрирование).

Это Ваша концепция, Людмила Ивановна? Тогда я хочу спросить: но, может быть, были какие-то объективные причины, приведшие к победе большевиков? И какова же роль народных

масс? Какие-то наивные ведем разговоры, сугубо непрофессиональные. Историкам и публицистам действительно надо объединяться, чтобы совместными усилиями формировать историческое сознание трудящихся. Но на каких основах?

Еще один вопрос, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Я понимаю В. И. Буганова, когда он говорит, что коллективизация хуже крепостного права. Но до коллективизации был нэп. Об этом не надо забывать. Никогда российское крестьянство так хорошо не жило, как в середине 20-х гг. И все знают, кто проводил эту политику, какая партия, какое государство и кто «отбросил нэп к черту». Но об этом очень мало почему-то говорится и в работах историков, и в выступлениях публицистов. Чем плохая проблема для совместных изысканий?

Сегодняшняя встреча для нас, историков, важна. Приехавшим товарищам — большое спасибо! Во многом они активнее и решительнее нас. Во всяком случае они идут на такие острые разговоры, к которым мы еще не привыкли ни письменно, ни устно. А надо привыкать, потому что такое сейчас время. Недавно я участвовал в подготовке книги «Историки спорят». Увы, большинство видных специалистов по отечественной истории отказалось стать авторами этой книги. Да и споры, которые опубликованы, свидетельствуют о нашей робости. Отвыкли, не умеем, боимся. Вот и получается так, что публицисты нас опережают, а мы то и дело постфактум поправляем их, уточняем, даже назидательно призываем изучать историю. Согласитесь, это вряд ли укрепляет престиж науки.

Сегодняшняя встреча еще раз убеждает в том, что историки-профессионалы сплошь и рядом недооценивают свою роль в формировании исторического сознания народа. И чем быстрее мы это поймем, тем больше пользы принесем своему отечеству.

Ю. П. Шарапов, доктор исторических наук: Хочу поддержать своего коллегу К. Ф. Шацилло и продолжить разговор о чувстве историзма. Не обладая этим чувством, понять историю невозможно. Публицисты сегодня делают величайшее дело. Они значительно опережают историков, но чувство историзма развито у них все же далеко не достаточно.

Здесь Л. И. Сараскина очень красочно рассказывала о Сталине, об «эксах». Но знает ли Людмила Ивановна, что в это же самое время (после первой российской революции) Владимир Ильич как юрист, как бывший помощник присяжного поверенного занимался делом фабриканта Николая Павловича Шмита, который до 1905 г. держал мебельную фабрику и все деньги отдавал революции? (Кстати, Шмитовский проезд в Москве — в честь этого самого фабриканта; так что у нас есть не только улица Степана Разина.) Без этих денег не было бы позднее газеты «Правда», не могли бы существовать профессиональные революционеры за границей. Деньги тогда были очень нужны. От этого никуда не деться. Хорошо ли «эксы»? Нехорошо. Шмит чистосердечно отдал деньги? Чистосердечно. Вот и давайте все ставить на свои места, а не подходить к истории с нравственных позиций; такой подход бесплоден и бесполезен. С нравственных позиций историю не судят, не разбирают и не изучают.

Недавно было предано гласности высказывание Анны Андреевны Ахматовой о речи Хрущева на XX съезде. Узнав об этой речи, Анна Андреевна сказала: «Ну вот, теперь арестанты вернутся и встретятся две России: та, которую сажали, и та, которая сажала». Великая русская, советская поэтесса была права, увы, только на две трети. Потому что существовала и третья Россия, которая не сидела, но, что еще более важно, и не сажала.

До войны я учился в ИФЛИ. Мы занимались тогда тем же самым, чем занимался Сергей Павлович Залыгин, который, отвечая на вопрос: «Что Вы делали до 1941 года?», сказал: «Мы учились! Мы со страстью учились». Он стал землемером, мелиоратором, образованным человеком, честным специалистом. И именно поэтому он выступил против поворота рек, а не потому, что он писатель. Не всякий писатель может выступить. Надо знать проблему.

Так вот, в этом самом ИФЛИ, который сейчас называют лицеем в Сокольниках, в 1939—1940 гг. на философском факультете читался курс о категориях материалистической диалектики. На эти лекции покойного ныне профессора Быховского сбегался весь институт, приезжали люди из города, потому что речь шла о том, чего не было в официальной философской, исторической, юридической, экономической науке.

Другой факт. Ректором института тогда была Анна Самойловна Карпова, член партии с 1904 г. Когда нас исключали из ВЛКСМ за то, что арестовывали наших отцов и матерей, она была бесстрашна против Сокольниковского райкома комсомола. Но за все время вплоть до 1940 г., пока ее не сняли с работы, она не дала исключить из института ни одного сына, ни одну дочь репрессированных родителей, ссылаясь на конституционное право на образование: ни Марину Симонян, которую

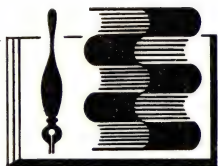
мы недавно похоронили (дочь Николая Васильевича Крыленко), ни Елку Муралову (племянницу Николая Ивановича Муралова, начальника гвардии Троцкого), ни других. Так было, и об этом надо помнить.

Когда мы говорим о голоде 1933 г., унесшем несколько миллионов жизней, что, конечно, является трагедией, ужасной трагедией, мы должны сказать и о небывалом урожае 1939 г.; когда мы говорим о тех крестьянских ребятах, которых угоняли на Колыму, нельзя забывать и о тех колхозных парнях, которые в 1941 г. окончили семилетку, сменили штурвал трактора и комбайна на штурвал танка и дошли до Берлина. И то — история, и это — история. Было три России. Не могло быть две, не могла вся страна состоять из одних доносчиков, палачей и жертв. Это — историческая истина.

Диалектика, которую мы в отличие от Маяковского учили по Гегелю, это не только борьба противоположностей, это требование всесторонности. В. И. Ленин кратко и ясно сказал: не будет всесторонности, будет омертвление. Здесь говорилось об Андрее Платонове. Сейчас вышел сборник его публицистики. Там есть две статьи. Одна — 1937 года, о Павке Корчагине — гимн Николаю Островскому; другая — 1940 года, о поэзии Анны Ахматовой. Этим я хочу подчеркнуть, что были литераторы, которые хвалили Сталина, а были литераторы, которые воспевали Николая Островского и поэзию Анны Ахматовой. Было и то, и другое. Нужна всесторонность. Еще раз подчеркну: пишущему на исторические темы необходимо владеть чувством историзма, а не подходить к истории с нравственных, общечеловеческих или евангельских позиций.

В заключение А. П. Новосельцев отметил, что данная встреча была полезной. По многим сюжетам между историками и публицистами наметились точки соприкосновения. Но выявилось и немало вопросов, где таких точек соприкосновения пока нет. Да, наверное, и трудно было ожидать, что так быстро можно прийти к полному взаимопониманию. А. П. Новосельцев поблагодарил всех участников дискуссии за острые, интересные выступления.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Я. ТА Р Л Е. ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ МИРА В СССР. М., «Наука», 1988, 238 с., тир. 2700

Нет сегодня более важной для человечества задачи, чем сохранение мира, предотвращение ядерного уничтожения. Долгий и трудный путь борьбы за мир прошло всемирное движение сторонников мира. История этого движения исследована многими советскими и зарубежными авторами. Что же касается движения сторонников мира в СССР — составной части движения на планете, то оно изучено недостаточно. Поэтому рецензируемая книга, в которой рассматриваемая тема освещается в хронологических границах с конца 40-х и до середины 80-х гг., не может не привлечь внимания как специалистов, так и широкого круга читателей.

Актуальность работы понятна — в современных условиях особенно важно проследить историю возникновения и развертывания движения советских сторонников мира за весь более чем тридцатилетний период. До сих пор таких попыток не предпринималось. Историю борьбы советской общественности за мир автор вполне обоснованно исследует в неразрывной связи со всемирным движением сторонников мира, разоблачая утверждения о том, что всемирное движение за мир направлялось и направляется «рукой Москвы». Вместе с тем в монографии показано существенное отличие движения сторонников мира в СССР, как и в других социалистических странах, от деятельности сторонников мира в капиталистических государствах, где последние нередко подвергаются за свою миролюбивую деятельность преследованиям и жестоким репрессиям.

В монографии охарактеризованы различные формы советского движения сторонников мира — год за годом, на протяжении всего исследуемого периода, и в этом отношении книга может рассматриваться и как необходи-

мое научное пособие для всех, кто интересуется движением за мир в нашей стране.

Это движение освещается в тесной связи с миролюбивой политикой КПСС и Советского государства как составная часть общественно-политической жизни страны. Иногда, пишет автор, задают вопрос, зачем развивать движение сторонников мира в СССР, если его цели соответствуют внешнеполитической программе Советского государства, которая отражает интересы всего народа? Зачем проводить в СССР массовые акции в поддержку идей мира, когда КПСС и Советское государство делают все для сохранения и упрочения мира? (с. 236). Все содержание монографии является убедительным ответом на поставленные вопросы. Советские сторонники мира полностью разделяют вывод партии о приоритетном значении интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса.

Остановливаясь на антивоенной деятельности советских общественных организаций, автор уделяет первостепенное внимание работе Советского комитета защиты мира (СКЗМ), а также местных комитетов защиты мира, других общественных организаций страны, всех сторонников мира, различным формам повседневной работы советских сторонников мира. Речь идет об участии советских сторонников мира в крупнейших международных форумах, в акциях, предпринимавшихся по инициативе Всемирного совета мира (ВСМ).

Автор опирается на обширную историографию проблемы, документы КПСС, материалы советских организаций сторонников мира, в первую очередь СКЗМ, а также советской центральной и местной прессы. Используются стенограммы и другие материалы (опублико-

ванные и архивные) всесоюзных конференций сторонников мира, конференций советской общественности, а также издававшиеся в СССР в первые годы движения материалы всемирных форумов сторонников мира, сессий ВСМ и других форумов борцов за мир, материалы периодических изданий ВСМ и СКЗМ, других советских общественных организаций. Привлечены также документы из фондов ЦГАОР СССР, республиканских комитетов защиты мира.

Структура книги продиктована спецификой темы — последовательно рассматриваются исторические предпосылки и начало всемирного движения сторонников мира и становления антивоенного движения в СССР в конце 40-х гг., деятельность советской общественности и всемирного движения сторонников мира начиная с 50-х гг. и вплоть до середины 80-х гг. «История борьбы советской общественности за мир, — пишет автор, — неотделима от истории жизни страны со всеми ее особенностями и трудностями, связанными с периодом культа личности Сталина, последующими временами „оттепели“ и застоя» (с. 10—11).

С середины 80-х гг. начался новый период в истории советского общества — коренная перестройка на основе нового политического мышления. В этих условиях движение сторонников мира в СССР поднялось на новую ступень, оно активно содействует поиску в международных отношениях общечеловеческих ценностей, того общего, что объединяет народы и государства, принадлежащие к различным общественным системам. В центре внимания советской общественности, всего движения сторонников мира на Земле — избавление человечества от угрозы ядерной войны, создание всеобъемлющей системы международной безопасности. Монография Г. Я. Тарле шире по содержанию, нежели хронологические рамки исследования, — автор углубляется в историю антивоенных выступлений демократических сил в капиталистических странах, начиная с середины XIX в. и вплоть до кануна первой мировой империалистической войны, а также в межвоенные 20-е и 30-е гг. Однако в 30-е гг. «демократическое антивоенное движение, не имевшее достаточно широкой социальной базы, оказалось не в состоянии предотвратить начало второй мировой войны, но его опыт сыграл положительную роль в процессе создания антигитлеровской коалиции» (с. 19).

После второй мировой войны возник ряд международных демократических организа-

ций, основы которых закладывались в ходе антифашистской борьбы (Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократической молодежи, Международная демократическая федерация женщин и др.) и в создании которых приняли активное участие советские профсоюзы и антифашистские комитеты.

Первой после войны антивоенной встречей мировой общественности явился созданный по инициативе представителей советской, польской и французской интеллигенции Конгресс деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве (25—28 августа 1948 г.). Со времени проведения этого конгресса ведет свое начало история демократического международного антивоенного движения общественности, которое известно как всемирное движение сторонников мира.

Рассматривая генезис всемирного движения сторонников мира, автор уделяет внимание важной проблеме — отношению этого движения к буржуазному пацифизму в разные периоды. «Инициаторы движения сторонников мира, желавшие того, чтобы их начинание вылилось в форму активных действий, противопоставляли его буржуазному пацифизму. Они осуждали его за пассивность, игнорирование истинных причин возникновения войн и военных конфликтов. Однако пацифизм во второй половине XX в. претерпел серьезную эволюцию, и его организации стали активно участвовать в антивоенном движении. Это повлекло за собой изменение отношения ВСМ и советской общественности к пацифистским организациям. С течением времени наладилось их сотрудничество и взаимодействие с западными пацифистскими движениями и организациями, в задачи которых в современных условиях включена борьба против военной угрозы, т. е. те же цели, что и у движения сторонников мира, руководимого ВСМ» (с. 29). Но вплоть до 80-х гг. добавляет автор, контакты ВСМ со многими пацифистскими организациями Запада оставались ограниченными. И лишь во второй половине 80-х гг. произошло сближение этических установок международного движения за мир и пацифизма (с. 231, 235).

Рецензируемый труд отличается важной положительной чертой — он «насыщен людьми», в нем читатель встретит имена виднейших представителей советской и зарубежной интеллигенции, представителей различных социальных групп и прослойки нашей страны и зарубежных государств, принимавших самое

деятельное участие в советском и всемирном движениях сторонников мира. Называя многих выдающихся советских борцов за мир, автор правомерно упоминает представителей церкви, принимавших активное участие в борьбе за мир в нашей стране и за рубежом (с. 57, 58, 76 и др.).

Анализируя период возникновения движения сторонников мира в СССР, международную обстановку, которая сложилась к концу 40-х — началу 50-х гг., автор пишет, что внутренняя политика в этот период «не способствовала преодолению духа „холодной войны“, устранению „железного занавеса“, разделившего взаимосвязанный мир на Запад и Восток. Атмосфера недоверия и подозрительности, возобновившиеся необоснованная критика и репрессии в отношении известных деятелей партии и государства, ученых, писателей, врачей и др. наносили ущерб развитию науки, культуры и подрывали нравственные устои общества. Такие обстоятельства повлекли за собой падение международного престижа Советской державы, замедление ее развития, нарушили естественный процесс культурно-научного взаимодействия государств и народов, сузили сферу общения, следовательно, и международного доверия» (с. 45). «Железный занавес», справедливо отмечает автор в конце монографии, «поддерживался, как теперь становится ясно, с двух сторон» (с. 234).

Показаны как сильные, так и слабые стороны движения сторонников мира и движения за мир в СССР в 50—60-е гг., отмечаются трудности, ошибки и заблуждения их участников (с. 86, 107, 160 и др.), существенная разница между организациями, которые пытались в 30-е гг. предотвратить войну и наступление фашизма, и всемирным движением сторонников мира послевоенного периода, которое характеризуется «установкой последнего на постоянное активное участие в нем широких народных масс. Но, разумеется, действительная массовость движения была достигнута только постепенно и приобретала стабильный характер по прошествии многих лет» (с. 60).

При рассмотрении движения сторонников мира в СССР и за рубежом в 60—70-е гг. автор отмечает, что международное движение миролюбивых сил в период разрядки достигло определенных успехов в развитии контактов с широкими кругами демократической общественности, в сотрудничестве с правительствами ряда государств, проводившими реалистическую политику. Однако Всемирному совету мира в тот период удалось использовать не

все возможности расширения сферы сотрудничества (с. 194). В нашей стране разрядка благоприятствовала налаживанию международных связей общественности, но при этом недостаточное внимание уделялось приобщению широких народных масс к различным формам антивоенной деятельности (с. 212).

Положительно оценивая рецензируемую монографию, следует высказать и отдельные замечания. Автор последовательно рассматривает — применительно к каждому периоду — сначала международные отношения и внешнюю политику СССР, затем всемирное движение сторонников мира и, наконец, движение сторонников мира в СССР. Это, естественно, порождает неизбежные повторения. Так, встречаются повторы, относящиеся к XX съезду КПСС (с. 98—99, 106), к 40-летию Великого Октября (с. 100, 138), срыву совещания глав правительств четырех держав в мае 1960 г. (с. 102, 111, 112, 154), Карибскому кризису 1962 г. (с. 102, 170), агрессии США против Вьетнама (с. 104, 116), подписанию СССР и США договора ОСВ-2 (с. 183, 194) и др. Не всегда соблюдается хронологическая последовательность в изложении событий (см. с. 182 — Совещание в Хельсинки 1975 г., с. 188 — Конгресс миролюбивых сил в Москве 1973 г. и др.).

В книге неоднократно упоминается о трудностях, стоявших перед движением сторонников мира, но, к сожалению, читателю не всегда ясны их причины. Так, на с. 91—92 говорится о том, что во Всемирной ассамблее мира в Хельсинки 1955 г. отказались участвовать «большинство американских делегатов... представители английских лейбористов, германских социал-демократов, а также некоторых других политических организаций из капиталистических стран, которые были сторонниками смягчения международной напряженности». Почему же отказались? Или: «Интерес в СССР к культуре всех народов... в конце 40-х — начале 50-х годов... реализовывался несколько уже в связи с рядом неблагоприятных условий» (с. 96). Ссылка на архив (ЦГАОР СССР), конечно, не проясняет ситуацию. В данном случае, видимо, речь идет о периоде культа личности Сталина и об этом следовало прямо сказать, как, кстати и о кончине Сталина, что имело прямое отношение к дальнейшей истории нашей страны и соответственно истории советского движения сторонников мира. На с. 107 говорится о попытках «некоторых сил» (?) расколоть антивоенное движение в европейских капиталистических

странах, о «некоторой предвзятости (?), которая существовала среди коммунистов (итальянских. — А. Г.) и находившихся под их влиянием некоторых руководителей ВСМ (?), по отношению к другим антивоенным организациям...» О разногласиях, ошибках, просчетах сторонников мира СССР и зарубежных стран говорится на с. 110, 112, 136, 165, 193, 217 и др., но читателю остается лишь гадать — о чем все же идет речь?

На с. 143 вызывает недоумение такой абзац: «Н. С. Тихонов, вспоминая впоследствии о трудностях, связанных с проведением конгресса в Стокгольме 1958 г., писал так:

его делегаты „поняли, что движение за мир, как никогда, сплотило их, что они могут в этом единении обращаться к народам и правительствам с твердыми и верными решениями“».

Все это — частные замечания. Перед нами — научное систематическое изложение истории советского движения сторонников мира; книга, несомненно, займет заметное место в историографии проблемы. В этом — ценность и актуальность рецензируемого труда.

А. С. Гроссман

В. Б. ЖИРОМСКАЯ. СОВЕТСКИЙ ГОРОД в 1921—1925 гг.: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ. М., «Наука», 1988, 167 с., тир. 2000

Проблемы социального развития советского общества, связанные с переходом страны к новой экономической политике, находятся в фокусе современного историографического поиска, развернувшегося в условиях перестройки общественных наук. При этом следует отметить, что традиционная, доперестроечного времени литература, посвященная динамике социальной структуры советского общества, весьма немногочисленна. Поэтому названная проблема нуждается в активной разработке на основе фундаментального комплекса источников, в первую очередь данных переписей 20-х гг. В наибольшей степени это относится к изучению социальной структуры советского города. Вот почему вызывает интерес книга В. Б. Жиромской о проблемах социального развития советского города первой половины 20-х гг.

Исследование основано на данных Всесоюзной городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. Изучив вопрос о сопоставимости данных переписей относительно социального состава городского населения, автор считает, что рассматриваемые материалы с учетом некоторых изменений в административно-территориальном делении за эти годы могут быть сопоставлены практически по всем параметрам, так как обе переписи включают те же самые социальные категории городского самостоятельного населения с несущественными расхождениями показателей (с. 16).

Формирование социальной структуры советского города в условиях нэпа автор рассмат-

ривает как составную часть генезиса социалистических общественных отношений, критикуя сложившуюся в историографии тенденцию «известной недооценки роли городов в развитии социальных отношений в стране в восстановительный период» (с. 4). Автор видит причины такой недооценки в относительной малочисленности городского населения в стране, в преобладании крестьянства (в 1920 г. — 84% всего состава населения). Между тем именно в этой ситуации В. И. Ленин подчеркивал, что города «представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»*. И данная ленинская мысль принимается в рецензируемой работе в качестве методологической позиции для исследования проблемы. Город, отмечается в книге, представляет интерес для изучения и потому, что здесь полнее, чем в деревне, были отражены все элементы социальной структуры общества, базировавшегося на многоукладной экономике, социальные процессы протекали динамичнее, а противоречивость социальных отношений выступала отчетливее (с. 4). В монографии ставится актуальная задача изучения значительного опыта регулирования социальных отношений, накопленного в первой половине 20-х гг. в процессе практического осуществления ленинской концепции нэпа.

В книге содержится реконструкция динамики социально-классовой структуры советского города по данным переписей 1920, 1923 и 1926 гг. Помещены 33 таблицы, позволяющие проследить специфику социальной динамики

городского населения на первую половину 20-х гг., связанную с восстановлением промышленности, с развитием кустарно-ремесленного производства, частной торговли и предпринимательства, легализацией рынка, изживанием, правда, частичным, ряда социальных аномалий, вызванных последствиями двух пережитых народом войн.

Значительное место в книге уделено социальной динамике рабочего класса. К концу гражданской войны советские рабочие были в основном сосредоточены на государственных предприятиях (в государственном секторе в городах РСФСР насчитывалось 93,6% промышленных рабочих, в кооперативном — 3,1%, в частном — 3,3% — с. 22). При общем увеличении городского населения на одну пятую часть между переписями 1923 и 1926 гг. численность рабочих выросла на 38%; при этом в традиционных промышленных центрах, где интенсивно восстанавливалось промышленное производство, удельный вес рабочего класса в составе самостоятельного городского населения (по данным относительно европейской части России) составил одну треть (см. с. 80 и таблицы 14 и 15).

Автор характеризует изменения в профессиональной и отраслевой структуре советского рабочего класса тех лет, анализирует изменения квалификационного состава промышленных рабочих, восполняя пробелы в нашей историографии. К концу восстановительного периода процесс собирания сил рабочего класса был в основном завершен. Темпы увеличения рядов квалифицированных промышленных рабочих превышали темпы роста численности советских рабочих во всей их совокупности. Доля квалифицированных кадров в составе городских рабочих Европейской России составила в 1926 г. свыше половины, а неквалифицированных — сократилась на 10,2% (см. табл. 24, с. 109).

Достоинством монографии является отображение многоголовой социальной дифференциации городского населения, связанной с оживлением товарно-денежных отношений, частнопредпринимательской деятельности (с. 44—94). Показана динамика частного предпринимательства в промышленности и строительстве, торговле, сфере обслуживания; если численность городского населения возросла между переписями 1923 г. и 1926 г. на 21%, то число хозяев предприятий с наемными рабочими — на 114,5%, а хозяев, работающих только с членами семьи, и хозяев-одиночек — на 45,8% (см. с. 81, табл. 14). Из всей совокуп-

ности частных хозяев автор выделяет «предпринимательскую буржуазию, среди которой обнаруживается восемь разновидностей» (с. 123, табл. 29), а ее прирост в указанный отрезок времени в отдельных регионах страны составил 150—170%, значительно (в 3—5 раз) опередив темпы роста всех остальных групп населения. Анализируя этот процесс, автор отмечает, что более высокими темпами росла нэпманская предпринимательская буржуазия в окраинных районах СССР (с. 82, табл. 15); в результате в городах промышленно развитых регионов удельный вес частнохозяйственных предпринимателей составлял 0,6% населения, а в районах аграрнопроизводящих — 0,9% городского населения. Причины этой ситуации автор видит в том, что в городах первой группы частнику приходилось конкурировать с крупной многоотраслевой государственной промышленностью, которая быстрее восстанавливалась и успешнее теснила нэпмана (с. 83).

В книге дана развернутая характеристика облика и состава основных социальных общностей, их внутренней дифференциации, изменений в исследуемый период. Помимо двух классов-антагонистов (рабочий класс и нэпманская буржуазия) характеризуются средние слои города: кустари, ремесленники, мелкие торговцы, а также интеллигенция и служащие.

Автор отмечает повсеместный рост мелкобуржуазных слоев города в первой половине 20-х гг., особенно за счет кустарей, ремесленников, строителей, транспортников; вместе с тем в работе показана общая тенденция убывания мелких торговцев, что связано с улучшением работы государственной и кооперативной торговой сети (с. 137). Прослеживается процесс экономической дифференциации и выявляется социальная неоднородность в кустарно-ремесленной промышленности; маломощные слои составляли абсолютное большинство кустарей и ремесленников (до 3/4 в провинциальных городах), однако первая по доходам группа кустарей (0,4% в названных городах) сосредоточивала в своих руках в десятки раз большую часть чистого дохода остальной массы кустарей. Характерна слабая кооперированность кустарей к концу восстановительного периода (5,2%) и значительное проникновение в сферу кустарно-ремесленного производства частника-посредника, который сбывал 60% производимой здесь продукции (с. 138). В книге освещены роль советского законодательства и социальной политики в ограждении интересов мелких товаропро-

изводителей города, их правовая активизация, кооперирование.

Что касается интеллигенции и служащих, то переписи зафиксировали увеличение их численности в стране на 28,1%, отметив явное раздувание административного аппарата, особенно в национальных регионах; одновременно переписи констатировали снижение темпов роста численности работников культуры и просвещения, острый дефицит инженерно-технической интеллигенции. Автор указывает на расширение географии размещения интеллигенции, значительное увеличение ее численности в городах бывших национальных окраин.

В поле зрения исследователя находятся и такие слои населения городов, которые, как правило, не входят, вернее, не включаются в традиционный анализ социальной структуры советского общества: это часть служащих, лиц интеллектуального труда, не связанных с определенными учреждениями или организациями. Они отражены в переписных листах как «лица свободных профессий». Значительную часть из них по переписям 20-х гг. составляли священнослужители (15,5 тыс.) (с. 146). Это и деклассированное население — социальные группы, которым свойственны паразитизм и другие социальные аномалии общества (беспризорники, проститутки, нищие), безработные и др.

Монография не лишена недостатков. В ней наряду с отражающими идущий в советской исторической науке процесс обновления концепции истории советского общества есть и не изжитые еще традиционные подходы, преодоление которых уже поставлено в повестку дня. Так, в историографическом очерке отдано должное работам первых советских статистиков (В. В. Авилову, О. А. Квиткину, В. Г. Михайловскому и др.), чей вклад в советскую демографию, разработку программы переписей, а также анализ их итогов неправомерно

замалчивались, а некоторые из них были незаконно подвергнуты репрессиям. Вместе с тем этот очерк носит чисто обзорный, выборочный характер; в нем отсутствует критический анализ имеющейся литературы, направленный на выявление еще бытующих стереотипов. Нет в работе и размышлений о тех спорах в историографии, которые в настоящее время ведутся вокруг нэпа, неоднозначности процессов в практике его осуществления даже в восстановительный период.

По содержанию и по форме первая глава работы, посвященная политике Советского государства в области регулирования социальных процессов в восстановительный период, уступает двум последующим главам. В главе прослеживаются основные направления политики Советского государства по осуществлению нэпа, но освещение этой темы не всегда выходит на уровень современной историографии. В частности, повышение роли государственного сектора в экономике и социальной структуре общества рассматривается однозначно позитивно. Можно привести и другие примеры. Однако материалы источников дали возможность автору в исследовательской части работы уйти от этих традиционных оценок. И в этом вообще убедительность исследований, основанных на фундаментальной источниковой базе.

Сказанное позволяет заключить, что рецензируемая книга — оригинальная и актуальная работа, весомый вклад в советскую историографию проблемы изменения социальной структуры советского общества — в той ее части, которая до сих пор наименее исследована.

В. М. Селунская

Примечания

* Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 341.

А. Я. ОВЧИННИКОВА. РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ. 1905—1907. Таллинн, «Ээсти раамат», 1988, 201 с., тир. 500

Рассматриваемая монография посвящена теме, практически не разработанной в историографии первой российской революции, — связям и взаимодействию рабочего класса, революционной социал-демократии России и Финляндии. Эта тема затрагивалась в литера-

туре о рабочем движении в Финляндии в период 1905—1907 гг. (как советскими, так и финскими исследователями). Однако задача проанализировать на основании конкретно-исторического материала революционные связи рабочих России и Финляндии специаль-

но не ставилась, а потому освещение данной темы носило, как правило, фрагментарный, мозаичный характер. Отметим также, что до сего времени в историографии революции 1905—1907 гг. в России не преодолен негативный момент (связанный не в последнюю очередь с языковыми сложностями и недостаточной изученностью проблемы): при анализе событий этой революции в поле зрения исследователей не включается такой развитый в экономическом отношении национальный регион Российской империи, как Финляндия (в меньшей степени это относится и к Польше). Все это, естественно, не способствует всестороннему осмыслению проблем революции 1905—1907 гг. Поэтому появление работы А. Я. Овчинниковой не может не привлечь внимания. Проста и логична архитектура исследования, состоящего из введения, трех глав, посвященных рабочему классу и рабочему движению в Финляндии накануне революции, борьбе рабочих России и Финляндии за свержение самодержавия в 1905 г., их совместным революционным действиям в период спада революции (1906 г. — весна 1907 г.), а также заключения.

Читателю представлен подробный анализ дореволюционной, советской и зарубежной историографии по теме, охарактеризованы отдельные исследования, различного рода обобщающие работы. При оценке зарубежной историографии следовало бы, на мой взгляд, подчеркнуть тот факт, что проблемами Финляндии начала XX в., и в частности революционными процессами 1905—1907 гг., в последнее время все более активно начинают заниматься японские историки (достаточно назвать в этой связи статью Х. Момоэ «Финляндия в 1905 г.»¹).

А. Я. Овчинникова широко использовала в своей монографии материалы партийной, главным образом большевистской, печати, центрального органа Социал-демократической партии Финляндии — газеты «*Tuhmies*» («Рабочий») и рабочей газеты «*Kansan Lehti*» («Народный листок»), а также практически не введенные до настоящего времени в научный оборот источники для исследования проблемы солидарности рабочего класса России и Финляндии — листовки ЦК РСДРП, Петербургской, Московской и некоторых других организаций РСДРП.

В книге дана подробная характеристика использованных архивных материалов, рассредоточенных в различных архивохранилищах, прежде всего в ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР, ЦГВИА СССР и Государственном

архиве Финляндии. Справедливо отмечается, что лишь «совокупное и всестороннее использование всех видов источников дает возможность восстановить с достаточной полнотой и достоверностью действительную картину российско-финляндского пролетарского союза в первой российской революции 1905—1907 гг.» (с. 23).

Характеризуя рабочий класс и рабочее движение в Финляндии в преддверии революции, автор приходит к выводу, что здесь, как и во всей России, в 1900—1904 гг. рабочие переходят от экономической к политической борьбе, причем общими для рабочего движения стали лозунги свержения самодержавия, восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы. А. Я. Овчинникова отнюдь не склонна упрощать или же приукрашивать реальную историческую ситуацию, в работе показана вся сложность условий для развития финского рабочего движения в начале XX в. Отмечается, что прямые контакты между российскими и финскими рабочими, социал-демократами до начала общероссийской революции были весьма слабыми.

С началом революции рабочий класс Финляндии выразил свою солидарность с рабочим движением в Петербурге, причем характерной чертой выступлений финского пролетариата в январе 1905 г. были массовые протесты против воинской повинности. Убедительно показано, что финский рабочий класс в своем подавляющем большинстве был настроен много радикальнее и революционнее руководства Социал-демократической партии Финляндии. Однако под влиянием нараставшего подъема революционного движения вождям финской социал-демократии приходилось радикализировать свои позиции, что, в частности, ясно прослеживается по материалам центрального органа партии — газеты «*Tuhmies*».

В монографии сделан вывод, что, подобно другим районам России, высшего подъема борьба финского пролетариата достигла в октябре-декабре 1905 г.; при этом рабочий класс Финляндии активно воспринял лозунг массовой политической стачки, обращенный большевиками к пролетариату всей России. В декабре 1905 г. в Финляндии, в отличие от Центральной России, не произошло вооруженного восстания: различные отряды пролетариата здесь действовали недостаточно решительно, сказались также оппортунистическая тактика правого крыла Социал-демократической партии Финляндии, партийные разногласия.

В первой половине 1906 г. Финляндию ох-

ватил мощный подъем рабочего движения (за январь—июнь 1906 г. в Финляндии произошло забастовок больше, чем за весь 1905 г.) (с. 80). Однако в своем большинстве эти забастовки носили экономический характер.

С интересом читаются страницы книги, посвященные анализу одной из важных особенностей революционного движения в 1906 г. — быстрому втягиванию в него царской армии (на территории Финляндии активно действовала Военная организация РСДРП, выступавшая совместно с финскими левыми социал-демократами). Важен вывод о том, что солдаты русской армии на территории Финляндии, «благодаря социал-демократической агитации российских и финляндских революционеров, находились в состоянии боевой готовности даже в период отступления революции» (с. 121). И во время спада революции Финляндия, завоевавшая для себя в 1905—1907 гг. определенные демократические свободы, продолжала оставаться одной из основных боевых баз общероссийской революции, была «красным тылом» российского революционного движения.

Основной же вывод в монографии о неразрывной связи рабочего движения в Финляндии в 1905—1907 гг. с общероссийским революционным рабочим движением подтверждается данными приведенных в конце книги графиков, в частности, графиком «Стачное движение в Финляндии и России в 1905—1907 гг.» (с. 188); для более наглядного сопоставления эти данные представлены в масштабе 1:25

(рабочий класс Финляндии составлял 4% численности пролетариата России). Книга снабжена географическим и именным указателями.

Заметим, что автору следовало бы уделить значительно больше внимания экономическому положению финского рабочего класса накануне революции 1905—1907 гг., хотя рецензент и отдает себе отчет в том, что такая характеристика затруднена: проблема экономического положения Финляндии в составе Российской империи стала серьезно исследоваться лишь в самые последние годы² и еще ждет своего всестороннего анализа. Вероятно, более обстоятельной характеристики заслуживала деятельность партии «активного» сопротивления во главе с К. Зиллиаксом, роль которой в годы первой российской революции нельзя недооценивать.

Исследование А. Я. Овчинниковой обогащает историографию первой российской революции 1905—1907 гг.

И. А. Дьяконова

Примечания

¹ См.: М о м о с э Х. 1905-нэн Фуинрандо // Россия-си кэнкю: № 8, с. 28—35.

² См., в частности, Bobovitch I. M., Bovykin V. I. Venäjä ja Suomen väliset taloudelliset suhteet ja ensimmäinen maailmansota // Historiallinen Arkisto. 80. Helsinki, 1983, S. 147—159, И т о С. Россия-тэокусюги то Фуинрандоитба мондай // Фукусима-дайгаку-сигаку, 1982, № 33, с. 35—54; № 34, с. 1—8.

Б. С. И Т Е Н Б Е Р Г. РОССИЯ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. М., «Мысль», 1988, 255 с., тир. 10 000

Споры о Великой французской революции, и в XX в. идущие уже не первое десятилетие, приобрели в связи с 200-летним ее юбилеем особую актуальность научного и политического свойства. Ставятся новые проблемы, низвергаются авторитеты, берутся под сомнение общепризнанные оценки. Люди конца XX столетия смотрят на великие события конца XVIII в. новым взглядом.

После долгих десятилетий молчания, вынужденного «единомыслия», пребывания в плену схем, нежелания и невозможности выдвигать острые вопросы по этой проблеме, споры возникли и у нас, в советской историо-

графии. До недавнего времени они принимали несколько уродливые формы конфронтации, не вылившиеся в открытый разговор, да и сейчас настоящей дискуссии все еще нет. Однако интересные выступления советских ученых (см., напр., статью Е. Б. Черняка во «Французском ежегоднике. 1987»), по-новому освещающих проблемы истории Французской революции, вводят нашу науку в круг тех дискуссий, которые давно уже идут в западной историографии.

По-новому должна быть поставлена и важнейшая, органичная для советских историков тема «Россия и Великая французская револю-

ция». Частные ее аспекты не раз рассматривались в трудах советских авторов, однако их интересы были сосредоточены главным образом на том, как воспринимали Французскую революцию ее русские современники¹.

Между тем, по выражению В. И. Ленина, «...весь XIX век... прошел под знаком французской революции». Эти слова, которыми Ленин характеризовал содержание революционной борьбы «во всех концах мира»², конечно, вполне можно отнести и к России, причем не только к России революционной. Какие бы ни происходили события и повороты в истории России и истории Западной Европы, анализ их неизменно приводил русских людей к размышлениям о революции во Франции в конце XVIII в., к осмыслению ее богатого и противоречивого опыта. В аристократических салонах, на тайных собраниях декабристов, в кругах либеральных профессоров, в народнических кружках спорили о Французской революции; спорили в Сибири ссыльные революционеры, за границей — русские политические эмигранты. Эта тема не сходила со страниц журналов, а в моменты обострения споров — и со страниц газет различных направлений.

Книга Б. С. Итенберга ценна прежде всего тем, что в ней собраны сведения об этих спорах и размышлениях на протяжении всего XIX в. В исторической науке это сделано впервые. Автор шагнул дальше своих предшественников. Не претендуя, как отмечается в предисловии, на последовательное, целостное раскрытие всех аспектов проблемы, он задумал написать очерки по отдельным вопросам, стремясь проследить, как в разные периоды XIX в. в связи с конкретными историческими обстоятельствами общественные круги России или отдельные лица воспринимали и оценивали опыт Французской революции 1789 г. Эту задачу автор успешно выполнил.

Книга основана на множестве разнообразных источников. Использованы российская пресса, причем не только петербургская и московская, но и провинциальная, а также и зарубежная, мемуарные свидетельства, дневники, письма, научные и публицистические сочинения, опубликованные документы. Знатоку архивов, Б. С. Итенбергу удалось привлечь и немало неопубликованных документов из ЦГИА, ЦГАОР, ЦГАЛИ.

Автор строит свое изложение по хронологическому принципу, рассматривая восприятие в России французского Просвещения и Французской революции начиная с конца XVIII в. и

кончая рубежом XIX и XX вв. Из прессы различных направлений извлечены упоминания о Французской революции; рассматриваются, конечно, и выступления публицистов и историков, выявлены забытые или малоизвестные специалистам и читателям сочинения.

В книге анализируются не только труды знаменитых современников событий — Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева, материалы декабристов, сочинения и письма А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова. В поле зрения автора оказались и представители самых различных кругов, чьи голоса не часто звучат на страницах исторических работ. Среди них В. И. Танеев, М. А. Загуляев, Г. де Воллан, А. В. Бердяев, В. С. Попов и др.

Собран интересный материал о книгах, посвященных Французской революции, издававшихся в России, например, о русских переводах сочинений Т. Карлейля, Л. Штейна, О. Вермореля, Ф. Шлюссера, А. Сореля, К. Каутского, романа Эркмана-Шатриана «История одного крестьянина». Любопытны материалы о действиях царской цензуры по отношению к этим книгам. Сообщается много сведений о других путях знакомства широких общественных кругов с историей Великой французской революции. Таков, например, рассказ о лекциях В. И. Танеева, В. И. Герье, В. О. Ключевского, П. Н. Миллюкова, И. И. Иванова.

Б. С. Итенберг — известный специалист, автор книг по истории народничества; вероятно, поэтому наиболее, на мой взгляд, интересны и богаты материалом главы, посвященные второй половине XIX в., особенно 70—80-м гг. Выясняется, что участники «хождения в народ» проявляли большой интерес к Французской революции, много о ней читали, использовали материалы о ней в своей пропагандистской деятельности. Они искали в опыте Французской революции ответы на возникавшие перед ними вопросы: что дает революция народу и какой она должна быть? каким должен быть революционер? какой должна быть участь монарха в ходе революции? возможно ли перенесение опыта Французской революции на российскую почву?

Привлекает внимание глава, целиком, посвященная Н. И. Карееву, в которой автор показывает не только научное, но и общественное значение известного труда Кареева о крестьянском вопросе во Франции XVIII в. Защита ма-

гистерской диссертации Н. И. Кареевым, говорится в книге, превратилась в публичный диспут о назревании и причинах Французской революции. В условиях демократического подъема, который на рубеже 70—80-х гг. переживала Россия, это было крупное общественное событие. Возникает, однако, некоторая неудовлетворенность; думается, следовало бы рассказать и о других историках, занимавшихся историей революции,— М. М. Ковалевском и И. В. Лучицком. Известно, что они впервые в мировой историографии занялись исследованием крестьянского вопроса в эпоху Великой французской революции, что положило начало традиции, нашедшей продолжение в трудах советских ученых.

В специальной главе впервые в нашей исторической литературе собраны отклики в России на книги И. Тэна о Французской революции. В рецензируемой монографии освещается история знакомства русских читателей со статьями и книгами французского ученого и отношение в России к работам И. Тэна. Подробно рассказывая, как осуществлялись переводы и публикации в России этих работ, автор приводит отзывы о них П. Л. Лаврова, П. А. Кропоткина, П. Н. Ткачева. «Что за прелесть при возмутительности точки зрения»,— так метко отзывался Лавров об одной из книг Тэна, подчеркнув всеми признанный талант французского ученого и свое расхождение с ним в оценке Французской революции. Жаль, что Б. С. Итенберг, неоднократно упоминая об отношении в России к сочинениям А. Токвиля о Французской революции, не проанализировал его достаточно обстоятельно. Известно, как высоко оценивали сочинение Токвиля «Старый порядок и революция» Н. И. Кареев или П. А. Кропоткин³. Вопросы, поставленные Токвилем, например, о мелкой крестьянской собственности во Франции накануне революции, оживленно дебатировались и сейчас. Токвиль оказался в центре дискуссий и, конечно, было бы интересно понять во всей полноте реакцию на его вышеназванную публикацию в России.

Интересна глава, в которой речь идет о том, как было воспринято в России 100-летие революции 1789 г. Через 100 лет после революции публицисты подчеркивают прежде всего значение «принципов 1789 года», воплотивших новое понимание государства, прав народа и прав человека, равенства граждан перед законом, напоминают, что конституции XIX в. имеют «французское происхождение».

...Все дальше отходила живая память о ре-

волюции, все меньше оставалось в России современников этих великих событий. В материалах второй половины XIX в., в размышлениях о революции на первый план выступал ее правовой опыт, положивший начало развитию европейских государственных и политических систем XIX—XX вв.; и это невольно связывалось с достижениями самых первых лет революции, когда были провозглашены правовые принципы, которые легли в основу всей дальнейшей революционной деятельности, включая и якобинскую диктатуру. Сама же якобинская диктатура чаще всего трактовалась как нечто чрезмерное, выходящее за рамки необходимого. Конечно, так понимали опыт революции прежде всего либералы. К тому же они все время сравнивали положение, складывавшееся в России накануне отмены крепостного права или в годы второй революционной ситуации, с кануном революции конца XVIII в. во Франции, искали выход в своевременные проводимых реформах, в противодействии беззаконным актам правительства, обращении к собраниям народных представителей, надеясь таким образом предотвратить насильственные революционные действия, которые в опыте Французской революции страшили их образами якобинского террора. Вряд ли стоит упрекать либералов в том, что они, придавая большое значение начальному этапу революции, якобы пытались тем самым «развенчать революционную сущность» (с. 159) великих событий во Франции. Думается, что после всего пережитого человечеством в XX в. не следует видеть в осуждении либералами якобинского террора «приближение к тем реакционерам, которые заклеили революцию» (с. 94), и считать, что только те, кто принял якобинский террор, по достоинству оценили величие революции. Конечно, совсем другое дело — совершенно ложная оценка, принадлежавшая, например, либералу А. Градовскому, считавшему якобинцев врагами народа, «лунатиками демократии», или вообще толкование якобинской диктатуры как исключительно негативного явления.

Интерес к революции, сохранявшийся в России все время, усиливался в переломные или кризисные моменты; представители реакционных кругов в эти периоды тоже возвращались к ее урокам и опыту. Их позиция ярко выражена в идеях редактора «Русского вестника» Н. А. Любимова, выступившего в 1880 г. с очерками «Против течения», в которых он призывал к укреплению самодержавной власти, к борьбе против всяких общественных

собраний, против слишком вольной печати, против либералов.

Для революционных демократов размышления о Французской революции — это размышления о ее характере и методах. Один из самых жгучих вопросов — проблема революционного насилия, связанная с оценкой якобинской диктатуры и ее вождей. Нужно сказать, что эти размышления были вовсе не однозначными. Например, большинство декабристов весьма сдержанно, а многие отрицательно оценивали методы террора французских революционеров, и, пожалуй, только П. И. Пестель уверял, что «Франция блаженствовала под управлением Комитета общественного спасения» (с. 39). Но нельзя из этого делать вывод, что только он «по достоинству оценил революцию» (с. 39), и, следуя привычной схеме, упрекать декабристов в том, что они, в силу свойственной дворянским революционерам ограниченности, порицали якобинскую диктатуру, а значит, «оказались неспособными оценить подлинную роль и значение революции» (с. 41). Дополнительного разъяснения требует отношение к Французской революции Н. Г. Чернышевского. Без этого довольно странно выглядит Чернышевский как переводчик Ф. Шлоссера, произвольно «уточняющий» текст немецкого историка в революционно-демократическом духе.

Иногда читателю монографии явно не хватает взглядов историка XX в., живущего в переломные годы, когда необходимо пересмотреть наше отношение к прошлому, наши оценки этого прошлого — давние и совсем еще недавние. Например, когда автор сообщает о том, что в июле 1939 г. в связи со 150-летием Французской революции в «Правде» был произведен декрет Конвента о врагах народа, мы вправе ожидать не только констатации факта, но и комментария, суждения об этом акте. Суждения, однако, нет.

Вызывают сомнение, особенно в свете последних данных исторической науки, некоторые конкретные оценки, содержащиеся в книге. Таково, например, мнение автора о значении французского Просвещения для Екатерины II и российской аристократии XVIII в. Отношение умной и просвещенной, не чуждой идеи преобразований царицы к Вольтеру и Дидро вряд ли можно считать лишь «флиртом». Не стоит, как мне кажется, иронически говорить и об интересе придворной знати к просветителям. В среде российской аристокра-

тии конца XVIII в. многие серьезно задумывались о необходимости прогрессивных преобразований в России, и их интерес к идеям просветителей был искренним и глубоким.

Встречаются в работе неточные суждения относительно самой Французской революции. Никак нельзя, например, следуя утвердившемуся в нашей историографии традиционному упрощению, называть якобинскую диктатуру диктатурой французского народа или считать, что жирондисты были противниками революционных преобразований.

Высказанные здесь замечания свидетельствуют о том, что рецензируемое исследование находится на острие дискуссионных проблем. Не удивительно, что книга — и в этом ее достоинство — вызывает мысли о возможности постановки и разработки множества проблем, связанных с тематикой, затронутой автором. Вот только один пример. Интересно было бы поставить вопрос об отношении в России к деятелям Французской революции. О личности революционера размышляли декабристы, Герцен, Белинский, Писарев, Чернышевский, народники и, конечно, социал-демократы. В книге встречаются отдельные такие оценки, в частности, Робеспьера. Пушкин называл вождя якобинцев «сентиментальным тигром». Сравнивая с Робеспьером Белинского, Герцен говорил: «Человек для них ничего, убеждение все». Но он же, сравнивая Ламартина с Дантоном и Робеспьером, называл их гигантами. Герой — честный, неподкупный человек, преданный своему делу или холодный и беспощадный фанатик — таковы были мнения о Робеспьере. Многие в России задавались вопросами: каким должно быть отношение революционера к народу, к соратникам по борьбе, к нравственным нормам, к собственной личности? Существенно выявить, какое значение имел опыт Французской революции для ответов на все эти вопросы, какую роль играли образы французских революционеров конца XVIII в. для формирования представления о русском революционере XIX в.

Как и предшествующие работы автора, рецензируемая книга соединяет в себе глубину познаний ученого и популярность изложения; она адресована отнюдь не только специалистам. Снабженная множеством иллюстраций, со вкусом оформленная, она, полагаю, будет пользоваться успехом у читателей.

С. В. Оболенская

¹ См., напр.: Штранге М. М. Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг. М., 1956; Держула К. Е. Рос-

сия и Великая французская буржуазная революция XVIII в. Киев, 1972 и др.

² Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 367.

³ См.: Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. М., 1981, с. 62—63.

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО. ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН. Историческая хроника. М., «Современник», 1988, 384 с., тир. 150 000

Книга Н. И. Павленко — это прежде всего труд именно историка. В центре его — историческая эпоха Северной войны и преобразований Петра Великого, работе дан подзаголовок — «Историческая хроника».

Вместе с тем образ героя повествования — Александра Даниловича Меншикова — воссоздан автором как художественный образ — образ человека незаурядных способностей, крупного государственного деятеля, преданного соратника Петра, талантливого полководца, отважного воина, нежного супруга. Характеристика А. Д. Меншикова основана на множестве фактов, собранных, систематизированных и изученных историком. На страницах книги «светлейший князь» предстает как человек сложной и драматической судьбы, достигший вершины славы и власти и стремительно низвергнутый с этой огромной высоты в опалу, ссылку и политическое небытие.

В основе этой карьеры, как показано в работе, лежит фаворитизм — неизбежное порождение феодальной самодержавной власти. Фавор А. Д. Меншикова был столь же стремительным, сколь и счастливым. Вскоре после смерти Лефорта он становится ближайшей к Петру фигурой, настолько близкой, что автор, внимательно изучавший их переписку, восклицает: «Перед нами два приятеля, равных по положению!» (с. 58).

Но сколько же внутреннего драматизма и даже трагизма в этой «дружбе» монарха и фаворита, хотя внешне все очень искренне. А. Д. Меншиков был единственным из окружения царя, кто мог в письме обратиться к монарху: «Майн гер каптейн». А уж сам Петр щедро изливал свои дружеские эмоции и искренние чувства привязанности к «товарищу» («тоска разлучения с вами, что я многожды терпел, но ныне вяще не могу...» — с. 58). Разумеется, эта «дружба» помимо личной приязни была итогом полной поддержки А. Д. Меншиковым всех новаторских начинаний монарха, итогом его усердия в выполне-

нии царских поручений («спустя рукава он никогда ничего не делал», — с. 178), а также личных качеств «друга»: его сметливости, инициативы и, наконец, того свойства, которое Н. И. Павленко называет «чувство долга» (с. 158).

Казалось бы, материал монографии позволяет назвать «светлейшего князя» единомышленником Петра Великого. Однако это определение здесь явно не подходит, ибо в ту эпоху подлинным единомышленником царя-реформатора стать, видимо, было невозможно. Автор склонен оценивать фигуру А. Д. Меншикова скорее как ревностного, инициативного исполнителя воли монаршей, что в целом, видимо, справедливо. И вместе с тем весьма сложный психологический феномен «дружбы» все-таки существовал. Это не только пирушки и оргии, где монарх вел себя сугубо как частное лицо в кругу приятелей, но и глубоко интимные моменты взаимной душевной солидарности, известные, в частности, как некие «пароли» (с. 158) (обязательства Петра и Меншикова, данные друг другу, жениться на своих симпатиях, т. е. Екатерине Алексеевне — Марте и Дарье Михайловне Арсеньевой). Даже спустя много лет после решающих сухопутных побед в Северной войне, где царь и друг-фаворит часто бок о бок сражались с врагом, в период, когда отношения эти уже были не столь тесными, эта близость могла внезапно проявиться с прежней силой. Например, в трагичные для царя дни допросов сына-царевича А. Д. Меншиков снова был ближайшим человеком Петра, его опорой. В частности, в эти тревожные дни сообщение между столицами и рядом городов было только по подорожным, подписанным либо царем, либо Меншиковым (с. 183).

«Дружба» с властелином в значительной мере сформировала характер А. Д. Меншикова — его ненасытное честолюбие и властный, в высшей степени самолюбивый нрав. Фаворит не терпел возражений и соперничества людей

своего круга, был неразборчив в средствах, когда хотел устранить любого, кто смел ему перечить (с. 205). Вместе с тем непомерное высокомерие сочеталось у князя с изворотливостью. Он не гнушался услугами лиц ниже его чином (с. 205). А с подчиненными ему был в типично патриархальных отношениях, заботясь о них, продвигая их в чинах и должностях (с. 203).

Историк подчеркивает, что меншиковское «ненасытное честолюбие» потакалось царем (с. 205). Это одно из следствий «дружбы» с властелином. Ведь одно время царь буквально заставлял А. Д. Меншикова «быть богаче» самого государя, поскольку из-за скромности домашнего быта Петра торжественные церемонии, проводимые от имени царя, организовывались во дворце Меншикова. Автор приводит в пример конкретные жизненные ситуации, когда Петр следил за тем, чтобы в доме Даниловича все было бы наилучшим (и давал нагоняй за упущения. — с. 232). Естественно, это не могло не стимулировать личной предпримчивости «светлейшего князя». Да и сама эта «дружба» была лишена глубины истинно дружеского чувства. Свойственное феодальной придворной толпе ощущение пропасти, отделяющей ее от царской особы, вероятно, было и у Меншикова. Оно было как бы загнано глубоко внутрь, но постоянно давало о себе знать, создавая внутреннюю напряженность отношений, внешне выглядевших «приятельскими». Эту напряженность не устранили ни доверительность царя, ни тесные семейные контакты (история самой Марты-Екатерины и роль в той истории Меншикова, традиционная опека царских детей Меншиковым в периоды отъезда царской четы и т. д.).

На наш взгляд, именно внутренний драматизм «дружбы», ее постоянная напряженность в сочетании с поощряемыми царем честолюбивыми амбициями и сделали «светлейшего князя» казнокрадом, подобным многим другим, ибо казнокрадство и мошенничество были весьма характерным явлением той эпохи. Необузданный темперамент царствующего «друга», его милость и внезапные порывы гнева, с одной стороны, положение фаворита — с другой, придавали стяжательству Меншикова особую стремительность и размах (скупка земель, имений, подрядные махинации, захваты казацких земель, приведшие к «почепскому следствию» и т. д.).

В книге много внимания уделено последнему периоду жизни А. Д. Меншикова, когда он стал действительно «полудержавным властелином»

(при Екатерине I, царствующем мальчике Петре II). Подробно описывая деятельность «светлейшего князя» в тот период, автор четко выделяет момент падения: пять недель болезни князя привели к крушению. За это время влияние Меншикова на юного царя было напрочь вытеснено влиянием Долгоруких, действиями которых руководил ловкий А. И. Остерман (с. 258). Автор полагает, что немалую роль в падении Меншикова сыграла расправа его с П. А. Толстым, П. П. Шафировым, Г. Г. Скорняковым-Писаревым — участниками знаменитого скандала в Сенате в отсутствие Петра Великого, отправившегося в Каспийский поход (с. 250). Тем самым главнейший фаворит ослабил свои позиции (с. 362). Однако главные корни его падения автор видит в борьбе феодальных вельмож за власть, считая крушение А. Д. Меншикова началом долгой серии дворцовых переворотов.

Соглашаясь с автором, заметим, что облик А. Д. Меншикова и его судьба суть частное проявление специфичной организации господствующего класса феодальной России. Ему не была свойственна подлинная корпоративность. Вернее, корпоративность господствующего класса России существовала лишь постольку, поскольку существовал государь-самодержец. Структура феодальной иерархии целиком замыкалась на самодержце; он был, так сказать, основной несущей конструкцией этой иерархии. Корпоративность дворянства была постольку, поскольку существовала жесткая зависимость каждого служилого дворянина любого ранга от государя. Отсюда — особая психология дворянства, чуждая подлинной корпоративности, эфемерность каких-либо группировок при дворе (по выражению автора, «неустойчивость отношений в мире вельмож» — с. 312). Главным условием карьеры был личный успех у государя. В книге ярко обрисована специфика общения «светлейшего князя» с главными вельможами Петра — «птенцами гнезда Петрова». Это — неискренность, трезвый расчет, готовность к предательству и т. п. Иначе и быть не могло, ибо такова особенность феодальной иерархии в условиях гигантского сосредоточения власти в руках царя. Вместе с тем беспредельная преданность государю как гарантия успеха в личной карьере отнюдь не сочеталась с преданностью государству; идея такой преданности была, видимо, целиком еще приоритетом самого государя, и только его. В этом — особая специфика первого этапа российского абсолютизма.

От первого издания книги Н. И. Павленко

«Александр Данилович Меншиков», вышедшей в 1983 г., рецензируемая работа отличается прежде всего объемом (он увеличился с 12 до 20 с лишним авторских листов). Разделы «Мать Полтавской виктории», «Преславная виктория», «Несостоявшийся герцог Курляндский», «Среди вельмож», «В семье» написаны впервые. Значительно пополнен новым материалом раздел «Губернатор столичной губернии». Существенно переработаны разделы «В зените славы и могущества», «Крушение», частично — «С петлей на шее». Изменились структура и названия многих глав, привлечены новые источники и литература. Перед нами по существу во многом новая работа.

Уже в первом издании книги автор опирался на изученный им архив князя Меншикова. В этом издании был сенсационный момент: автор выразил убеждение в том, что А. Д. Меншиков оставался неграмотным человеком. Он аргументировал это тем, что в громадном эпистолярном наследии «светлейшего князя» отсутствуют автографы его текстов — ни слова, ни строчки, кроме традиционной собственноручной подписи. Это наблюдение вызвало оживленные споры среди историков. В рецензируемой книге заметно расширена система доказательств. Автор повторил, что талантливый полководец, отважный воин, умелый организатор и хозяйственник, владелец гигантского хозяйства был неграмотен. Убедил ли он читателей? Думаю, что да. Хотя всех сомнений в реальности такого феномена автор не рассеял и на этот раз.

Главное сомнение в том, что Меншиков был неоспоримо талантливым человеком, обладал незаурядными разносторонними способностями. Он был участником Великого посольства в 1697 г., вместе с Петром изучал кораблестроение, работал на верфи, «усваивал азы артиллерийского дела, фортификации...» (с. 37) и т. п. Думается, что грамота, т. е. умение читать, писать, считать, здесь были необходимы. «Делать вид, что читаешь», в непосредственном общении с Петром и не вызвать при этом царский гнев — это маловероятно. Н. И. Павленко считает стремление Меншикова иметь библиотеку данью моде (с. 198). Но ведь А. Д. Меншиков обладал и некоторым багажом научных знаний. М. Семевский, например, приводит свидетельство о непонимании большинством русской аристократии природы северных сияний. Даже Петр «находил его ужасным»¹. «Все они считали воздушное явление чудом, грозным предзнаменова-

нием страшных несчастий... Так что Меншиков находил нужным объяснять во многих домах, между прочим князю Черкасскому, что „знамение, еже недавно на воздухе видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еще по универсальному рассуждению философов, из серных и селитренных восхождений происходит, и таковыя сияния в сих нордских странах и часто видят“»². Весьма трудно эти познания отнести за счет устной информации (тогда это было бы достоянием многих, и Меншиков не был бы единственным «знатоком» сияний). К слову сказать, а как же Меншиков, будучи уже в опале, покинутый всеми грамотными помощниками, отбивался от ревизоров, выявлявших его богатства?! Думается, слишком мало мы знаем...

Рецензируемая работа принадлежит к лучшим образцам того жанра исследований, которые содержат научный анализ и вместе с тем обращены к широкому читателю. Думается, что это очень перспективное направление развития нашей историографии, которое следовало бы поощрять. Исследования, изложенные в живой, доступной форме, резко повышают уровень исторических знаний читателей. Аппарат ссылок формирует у широкого круга интеллектуалов более строгую систему исторического мышления, приучает к аргументированности наблюдений и выводов, чего не делает, например, наша историческая публицистика. Хотя еще многие работники издательств, действуя по старинке, боятся наличия в книгах для широкого читателя ссылок на источники; сведены они до минимума и в рецензируемой книге.

Спрос на такие книги велик, он вызван особым интересом к роли личности в истории, к проблемам исторической психологии. Этот интерес зиждется на постоянном стремлении наших читателей глубже постичь вопросы всемирной истории, и прежде всего истории своего Отечества. Именно ввиду этого и необходимо решительное преобразование литературной и издательской формы наших научных исследований.

Л. В. Милов

Примечания

¹ Семевский М. Царица Прасковья. 1664—1723: Очерк из русской истории XVIII в. М., 1989, с. 81.

² Там же.

Н. И. НИКИТИН. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII века. Новосибирск, «Наука», 1988, 255 с. тир. 1500

Значительная работа, проделанная сибиреоведами в области изучения «внутренних процессов колонизации» Сибири¹, еще далека от завершения. Внимание исследователей было направлено преимущественно на сельскохозяйственное, торгово-ремесленное и промысловое освоение Сибири, что было вполне оправдано. Вместе с тем отставание в изучении смежных областей не могло не сдерживать как дальнейшее развитие сибиреведения в целом, так и разработку названных проблем. Именно поэтому авторы обобщающего труда по истории сибирского крестьянства сочли необходимым включить в него главу о сельскохозяйственных занятиях некрестьянского населения².

История служилого сословия в Сибири относится к числу недостаточно разработанных вопросов. Нельзя сказать, чтобы эту категорию населения не замечали вообще. О ней писали и дореволюционные, и советские историки, но чаще всего попутно, при освещении других проблем. Предметом же специального монографического исследования служилые люди Западной Сибири XVII в. еще не были. Впервые в таком объеме в рецензируемой монографии «анализируются» численность, состав и внутренняя организация гарнизонов, их комплектование и государственное обеспечение, служебные обязанности и хозяйственные занятия приборных служилых людей» (с. 17).

Работу отличает высокий методологический уровень. Исследование ведется как бы в двух плоскостях. Служилые люди Западной Сибири рассматриваются и как часть населения этого региона, и как компонент приборного войска России XVII в. Такой подход представляется весьма конструктивным, поскольку предопределяет системное видение объекта исследования и позволяет избежать упрощенных трактовок. Автор правильно подчеркивает, что «изолированное изучение социально-экономических явлений не дает возможности оценить должным образом положение отдельных социальных групп и выяснить специфику того или иного процесса» (с. 17).

Автор проделал большую источниковедческую работу и ввел в научный оборот значительное количество архивного материала (только из 214-го фонда ЦГАДА им обработано, если не ошибаемся, более 170 книг массового учета, и уже этот факт должен быть оценен по достоинству каждым, кто имеет представление об объеме и характере такого рода источников).

В монографии обстоятельно освещаются способы комплектования сибирских гарнизонов. На начальном этапе присоединения Сибири преобладали такие формы, как перевод отрядов правительственных войск из других, прежде всего северных, городов России, поверстание в службу «иноземцев» («литвы», «немцев», «черкасы») и представителей коренного населения (с. 26—27). В дальнейшем гарнизоны все больше стали пополняться за счет «самовоспроизводства», т. е. за счет детей и родственников служилых.

Анализ документов показал, что политика правительства относительно порядка комплектования сибирских гарнизонов не была, да и не могла быть последовательной. С одной стороны, было налицо стремление превратить служилое сословие в замкнутую касту, чему способствовало формирование во второй половине XVII в. особой социальной группы «казацких детей», «представители которой являлись служилыми по происхождению, но не были поверстаны в службу» (с. 67). С другой же стороны, как верно подчеркивает исследователь, было бы «большой ошибкой полагать, что к концу XVII в. „прибор“... всегда осуществлялся в строгом соответствии с официальными предписаниями» (с. 76). Приведенный в монографии фактический материал служит солидным обоснованием положения, выказанного ранее рядом исследователей, об относительной слабости сословных перегородок и достаточной подвижности категорий сибирского населения, при наличии тенденции к их укреплению, особенно проявившейся к концу XVII в. (с. 83—84).

Подробно проанализированы военные и административно-политические функции, трудовые повинности приборного войска. Справедливо указано на недифференцированность служебных обязанностей, что было обусловлено «необходимостью широкого маневрирования скудными людскими ресурсами» (с. 84—87). Вместе с тем данный раздел монографии (с. 84—103) при всем богатстве фактического материала излишне статичен. Располагая необходимыми документами, автор вполне мог бы показать эволюцию служебных функций во всем объеме, а не ограничиваться отдельными, хотя и весьма важными замечаниями (с. 97). Представляется, что в течение XVII в. обязанности служилых людей по мере развития колонизационных процессов и увеличения населе-

ния становились более разнообразными по форме и углублялись по содержанию.

Высокой оценки заслуживает раздел, в котором рассматривается государственное обеспечение служилых людей. Их денежные, хлебные и соляные оклады обстоятельно представлены в динамике по годам и в сравнении с жалованьем аналогичных категорий приборного войска Европейской России. Прослежена внутри- и межгрупповая дифференциация окладов, а также соответствие установленной их величины реально получаемой сумме. Все это позволило сделать важный вывод о близости служилых к народным массам, о нелегком материальном положении основной части личного состава приборного войска Западной Сибири. В условиях, когда размеры окладов «обеспечивали прожиточный минимум лишь самого служилого и, как правило, не более чем одного взрослого члена семьи», весьма актуальной задачей становился поиск дополнительных источников существования (с. 141).

Большое место в работе занимает анализ сельскохозяйственных и торгово-ремесленных занятий служилого населения. Автор, выступив против отождествления служилых-хлебопашцев с крестьянами (с. 15), показал особенности служилого землевладения (разбросанность земельных участков, преимущественно индивидуальный характер наделения пашенной землей в сочетании с наличием совместных покосов и покотин /с. 141—142/), эпизодическое привлечение к обработке земли наемных и зависимых людей при безусловном преобладании личного труда и труда членов семьи (с. 157—164). Выявлена амплитуда колебаний и средние размеры служилой пашни и сделан вывод об отсутствии «связи между принадлежностью владельца к определенной служилой категории и размером земельного участка» (с. 146). Впрочем, здесь автору не хватает последовательности, поскольку через несколько страниц говорится о том, что земли служилой верхушки «заметно выделяются» на общем фоне (с. 152), а хозяйство конного казака в конце первой четверти XVII в. было несколько крупнее, чем у его пешего сослуживца (с. 153). Следовало бы, видимо, указать на отсутствие прямой связи между служебным статусом и величиной надела. Тем не менее тенденция к выравниванию таких наделов подмечена правильно (с. 155), и это обстоятельство следует подчеркнуть особо, так как сторонникам точки зрения, согласно которой размер пашни определялся почти исключительно величиной хлебного оклада и местом в служилой иерархии³,

придется искать более весомые аргументы для обоснования своей позиции.

Констатируя тенденцию к росту служилой пашни, Н. И. Никитин обоснованно предупреждает против поспешных выводов, подчеркнув, что лишь 29% ратных людей городов Тобольского разряда в конце XVII в. были заняты земледелием и ни в одном городе это число не превышало половины гарнизона (с. 165, 167). В монографии дана взвешенная и объективная характеристика торгово-ремесленных занятий сибирских служилых людей. Автор, характеризуя их видную роль в экономической жизни городов этого региона, резонно замечает, что размеры капиталов казаков были, как правило, невелики, а относительно твердые позиции в «торгах и промыслах» в значительной степени объяснялись слабостью посада и неслужилых слоев города (с. 182); но даже в подобных условиях большинство служилых Тобольского разряда «не занималось постоянно ни торговлей, ни ремеслами, ни промыслами» (с. 185). Характеризуются как факторы, способствовавшие хозяйственной деятельности этой категории населения, так и препятствовавшие ей; убедительно показано преобладание последних (с. 186—191).

Нужно, безусловно, принять главный вывод исследования о переходном, промежуточном характере рассматриваемой социальной группы между феодалами и трудящимися массами, что проявлялось в противоречивости и двойственности их положения. С одной стороны, приборные служилые люди являлись частью аппарата угнетения, а с другой — сами были одной из эксплуатируемых групп. Разрешение этого противоречия лежало на пути вытеснения приборных служилых из служилого сословия, причем в Сибири этот процесс оказался сильно растянутым во времени (с. 194—195).

Присутствует в работе и ряд дискуссионных моментов (что, разумеется, отнюдь не признак ее слабости или недостатка).

Во-первых, более обстоятельной аргументации требует тезис о ведущей роли служилых людей на ранних этапах колонизации Сибири (с. 13). Если под такой ролью понимать численное превосходство служилых в том или ином виде деятельности, а именно так подчас и ставится вопрос в литературе⁴, то с этим можно согласиться, хотя подобное определение будет в значительной степени поверхностным. На самом же деле ведущая роль любой социальной группы в том либо другом процессе определяется не столько численностью, сколько способностью наиболее полно выра-

жать в своей деятельности потребности и тенденции общественного развития и наиболее полно им соответствовать. С этой точки зрения ведущая роль в земледелии в Сибири XVII в. принадлежит крестьянам, в ремесле и торговле — посадским. Как бы ни была значительна роль служилых — первопроходцев (умалять ее нет, естественно, никаких оснований), неотъемлемой составной частью России Сибирь стала благодаря именно заселению ее крестьянами.

Во-вторых, нуждается в дальнейшем обсуждении вопрос о соотношении правительственной, вольнонародной и служилой колонизации. Автор очень близок к правильному пониманию сути дела, считая невозможным сведение деятельности служилых людей только к правительственной или только к народной колонизации (с. 15). При решении этой задачи следует, видимо, исходить из того бесспорного факта, что колонизация Сибири — сложный, диалектически противоречивый процесс, в котором государственное и вольнонародное начала представляют собой тождество противоположностей (при ведущей роли народных масс). Служилая же колонизация явилась наиболее ярким проявлением единства и борьбы этих противоположностей. Представляется, что такой взгляд на проблему позволит более точно определить место каждой социальной группы в колонизации Сибири и окончательно преодолеть пережитки метафизического в своей основе противопоставления правительственной и вольнонародной колонизации.

Укажем и на некоторые неточности. Автор, полагая, недооценил вклад в разработку проблем «служилой колонизации» В. И. Шункова, который показал специфику служилого землевладения, выявил размеры служилой запашки в совокупном сибирском поле. Нельзя далее, согласиться с тем, что сбором ясака во второй половине XVII в. занимались в основ-

ном служилые Березова, Пелыма, Сургута и Тары (с. 84). Эта функция была присуща всем гарнизонам Западной Сибири; другое дело, что в названных городах она проявлялась ярче.

Нужно, к сожалению, заметить, что встречаются погрешности в подсчетах, особенно в табличном материале⁵ (с. 154—171), в цитировании, опечатки (с. 48, 50, 83 и др.).

В общем Н. И. Никитину удалось успешно справиться с поставленными задачами. Сибиреведы получили добротное исследование по истории служилого сословия, многие положения и выводы которого облегчат решение важных социально-экономических проблем позднефеодальной Сибири. Монография является также надежной базой для воссоздания истории городского казачества XVIII — первой половины XIX в.

А. Р. Ивонин

Примечания.

¹ См.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 8. ч. II, с. 260.

² См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982, с. 131—132, 235.

³ См.: Леонтьева Г. А. Пашня служилых людей Сибири в XVII — начале XVIII в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1985, с. 5, 12—13.

⁴ См.: Курилов В. Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974; Люцкая А. А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Там же.

⁵ Например, средние размеры запашки — 2,7 вместо 2,5; 1,7 — вместо 1,8 (с. 152); средние размеры пригодных под пашню земель — 18,4 вместо 18,3, 33,2 — вместо 33,4, 13,4 — вместо 13,5, 14,1 — вместо 14,2 (с. 153) и др.

В. М. ВОРОБЬЕВ, А. Я. ДЕГТЯРЕВ. РУССКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ОТ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» ДО КАНУНА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ. Изд-во Ленинградского университета, 1986, 199 с., тир. 3651

В рецензируемой монографии исследован широкий круг проблем истории землевладения Новгородского уезда в XVII в. Опираясь на данные русской и советской историографии¹, а также сведения писцовых и переписных книг XVII в., авторы предприняли попытку суще-

ственно уточнить характеристику изучаемого региона в общей системе землевладения России как уезда с развитыми формами феодальной земельной собственности, значительной группой служилых помещиков, обширными владениями двorca и церкви.

В советской историографии имеются работы, в которых поместно-вотчинная система рассмотрена на отдельных примерах землевладения феодалов, уездов². Но лишь исследование Ю. В. Готье охватывало весь Замосковский край — ядро государственной территории России XVII в., где была сосредоточена основная масса поместно-вотчинного фонда светских и духовных феодалов. Работа Я. Е. Водарского подтверждает взгляд на Нечерноземный Центр как на область максимальной концентрации светского и монастырского землевладения. Эволюция поместно-вотчинной системы прослежена А. А. Новосельским, А. А. Преображенским, А. М. Сахаровым³. Исследование И. А. Булыгина посвящено монастырской вотчине⁴.

Для рассматриваемого исследования характерно обилие фактического материала, извлеченного из комплекса источников XVII в. (10-е — 70-е гг.). Основной из них, служащий для воссоздания системы феодального землевладения, это писцовые и переписные книги и десятины XVII в. Названным историческим документам предпослана источниковедческая характеристика (хронология, приемы составления, степень охвата изучаемой территории). Однако не уделено нужного внимания такому важному источнику, как писцовые книги, источниковедческого анализа которых в монографии нет (хотя на них даются ссылки — с. 44, 45, 47).

Разделяя мнение авторов о репрезентативности данных переписных книг для изучения землевладения в России в XVII в., следует отметить, что отсутствие сведений о холопах в поместье М. П. Лодыженского (с. 33) — особенность переписной книги Шелонской пятины. Во многих других переписных книгах есть указания на значительные группы учтенных холопов в барских, конюшенных и скотных дворах. Приемы регистрации в разных книгах имеют свои особенности: переписчики часто причисляли холопов в итоге ко всем прочим душам мужского пола, а иногда оговаривали это в конце описания. Что касается исчисления «полона», то сведения о холопах «польские и литовские породы» имеются во многих поместьях и, как правило, связаны с указанными выше типами дворов. Холопы с дворовой оседлостью учитывались отдельно с множеством оговорок в текстах книг (см., напр., с. 32). Вслед за авторами следует признать важность учета поправок, вносимых в переписные книги и в большинстве случаев сопутствующих им,

подобно оговоркам писцов 20—30-х гг. XVII в. о «правленных» и «скобленных» местах.

В монографии показаны изменения в структуре и распределении землевладения между 1646 и 1678 гг., выявлены особенности в соотношении видов землевладения Новгородского уезда и прежде всего в восстановлении и дальнейшем росте землевладения двorca и церкви. Сведения о размерах и состоянии поместно-вотчинного дворовладения даны в работе по пятинам, информация о которых содержится в составленных авторами картах-схемах. Характеризуя служебную пригодность имений, авторы приводят обширный статистический материал за рассматриваемый период.

Рост населенности новгородских поместий и вотчин в 1626—1678 гг. — отражение явлений общероссийского масштаба, имевших множество региональных особенностей. Населенность новгородских пятин не только в 70-х гг., но и прежде, в первой трети XVII в., когда еще были явственны следы разорения, относившегося ко времени польско-шведской интервенции, была значительно ниже, чем в замосковских уездах. Так, в Шелонской пятине в среднем на поместье приходилось 3,8 двора (с. 61). По нашим наблюдениям, в те же годы в Романовском уезде было 5,4, в Ярославском — 6,4, в станах Рязанского — до 7 дворов; населенность вотчин в Замосковном крае достигала 10 дворов⁵. Однако отмеченное в монографии влияние опустошений в 10-х гг. XVII в. на поместно-вотчинную систему — особенность не только изучаемого региона, оно было свойственно и ряду других уездов России.

Представляют интерес данные о наиболее крупных землевладельцах первой половины XVII в., установление их персонального состава в 1646—1678 гг. с экскурсами в более ранние периоды. Предложенная авторами методика позволила осветить формирование целых дворянских кланов, включавших семь и более членов одной фамилии. Надо сказать, что выводы авторов выходят за рамки уезда, способствуя пониманию явлений общерусского характера. И в этом смысле наиболее полно использована перепись 1678 г., охватывающая разные группы уездного и столичного дворянства, испомещенного в Новгороде. Складывание различных групп дворян, принадлежащих к одной фамилии, — явление не новое. Достаточно вспомнить, что в первой трети XVII в. в составе государева двора было 9 членов рода князей Долгоруковых, громадными фамильными корпорациями во многих уездах сидели

Воейковы, Дурново, Плещеевы, Хитрово, Хрущовы. Новгородцы Лодыженские имели родственников в далеком Козельске и в ряде других уездов юго-запада страны.

Алфавит новгородских землевладельцев (с. 116—121) при сопоставлении со сведениями о составе дворянских фамилий других уездов за 1627—1678 гг. существенно проясняет особенности формирования господствующего класса-сословия России. В этой связи следует отметить, что авторами допущена некоторая переоценка роли новгородского дворянства в составе всего служилого сословия страны. Количественно служилые люди Новгорода (не считая представителей «московского списка») едва ли превосходили группы уездных дворян верхневолжских городов или Рязани. Сравнение с корпусом дворян «московского списка» — владельцев поместий и вотчин высокой служебной пригодности — лишь подчеркивает провинциальный характер новгородской уездной группы, роднящей ее с рядовыми уездными служилыми черноземного юга страны. Слабая связь с «московским списком» очевидна, ведь Новгород в первой половине XVII в. не смог выставить своих представителей в состав государева двора. И в этом смысле дворянство юга в лице рязанских служилых групп сумело активно внедриться в состав двора и правящей верхушки: окольничий А. В. Измайлов, Вердеревские, Ляпуновы и др. В 1678 г. связь с «московским списком» усилилась, не изменяя, по существу, положения новгородских дворян в составе господствующего класса и их землевладения.

Привлекают внимание наблюдения за характером и результатами испомещений служилых татар в новгородских землях (с. 136). Данные по замосковным уездам также указывают на появление небольшого количества поместий и вотчин, полученных татарами за участие в военных действиях начала века. Однако число испомещений в Новгороде весьма значительно по сравнению с Рязанью, где владения бордаковских татар между 1595 и 1640 гг. существенно не изменились, а также с Романовским уездом, в котором поместья ногайских мурз Юсуповых и Кутумовых в 1572—1640 гг. сначала утратили статус удела, затем и вотчины, обнаружив тенденцию к сокращению. Приемы уточнения происхождения служилых татар могут быть применены и к ряду других уездов и дворянских фамилий.

Собранные авторами сведения о практике испомещения и особенно градации поместных окладов (с. 137) позволили уточнить явления,

характерные для других регионов в XVI—XVII вв. Характеристика своеобразной мозаичности землевладения новгородцев дополнена убедительными количественными характеристиками. Что касается совместного владения в разных уездах, то это — свойство землевладения дворян «московского списка» и ряда выборных групп из уездов (с. 143). Причины рассредоточенности землевладения дворян «московского списка» по многим уездам авторы связывают с тем, что они активнее приискивали земли, чаще бывая у «разных дел». Бесспорно, у представителей правящей верхушки и дворян московских объем служебных обязанностей был иным, нежели у уездного дворянина, чему соответствовали чин, поместный оклад и, главное, четвертная поместно-вотчинная дача, которая чаще всего жаловалась ему из дворцовых и поместных земель Замосковного края и особенно в верхневолжских уездах. Поиски пустых земель, которых было много в западных и юго-западных уездах в 1610—1640 гг., охватили в основном три наиболее близких к столице уезда. Несомненную ценность для этих групп служилых людей представляли населенные земли, которые они получали крупными дачами, особенно в богатом дворцовом «посопными» селами Нижегородском уезде.

Данные о распределении поместий и вотчин в 1646 г. (с. 140) во всем Новгородском уезде выделяют лишь 45 крупных владений; но в то же время в Галичском уезде в эти годы отмечено одних только крупных вотчин 122 (7260 дворов, 26 тыс. душ мужского пола)⁶. Число примеров мы могли бы увеличить, но все они будут подтверждать сходство поместного дворовладения Новгорода с южными мелкопоместными уездами типа Рязанского, Тульского, Козельского⁷. Позднее, в 1678 г. (с. 150), этот разрыв между мелкопоместным землевладением Новгорода и крупновотчинным землевладением центра России становится еще более значительным⁸.

Ряд принципиально важных выводов в монографии касается влияния податной политики на изменения во внутренней структуре феодального землевладения и хозяйства. Особое внимание уделено крестьянской аренде и ее развитию в контексте острой борьбы крестьян против усиления налогового гнета со стороны государства. Авторы справедливо указывают на значение сдачи в аренду пустошей в поместьях и вотчинах в целях сохранения в рабочем состоянии заброшенных угодий. Действительно, еще в 90-е гг. XVI в. в Рязанском уезде

арендованные пашни были мощным фактором хозяйственного подъема. Размеры арендованных земель достигали 71% пашенных угодий и 80% всей распаханной земли⁹. Но в первой трети XVII в. аренда в вотчинных запашках страны составляла лишь 4% пашенных угодий и 13% реальной запашки¹⁰. В этой связи показательно, что в четырех станах Рязанского уезда в XVI в. было больше оброчной запашки, чем во всех вотчинах России в первой трети XVII в.¹¹ Отметим при этом, что и в XVI в. в ряде уездов Замосковского края арендная запашка составляла лишь 3,2% пашни¹². Если же учесть, что в XVII в. в состав оброчного клина писцы часто включали барские запашки, то удельный вес арендованных земель был крайне низок. Слабая распространенность арендных крестьянских запашек в первой трети века едва ли согласуется с мнением авторов о том, что именно в ее развитии отражалось стремление крестьян уменьшить воздействие податной системы на свое хозяйство. Малоубедителен вывод, что так называемые «тайны роспашки» могли существенно повлиять на распаханность поместий и вотчин. Бесспорно, без целостной характеристики состояния земледелия в Нечерноземном Центре страны в 20—30-х гг. XVII в. трудно говорить о роли и месте аренды в крестьянском и бобыльском хозяйствах. Тем более, что авторы не нашли нужным привести те данные о земледелии, которые содержат новгородские писцовые книги.

Рецензируемая работа вслед за «Аграрной историей Северо-Запада России XVI в.»¹³, трудами Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, Е. И. Смагиной¹⁴ является существенным вкладом в изучение феодального землевладения служилых людей России. В ней представлен значительный материал о сельском населении Новгородской земли. Сильная сторона работы — тщательное изучение персонального состава новгородского дворянства. Сделаны важные выводы о судьбах дворцового и монастырского землевладения. Выработана ценная методика обработки данных переписных книг для истории землевладения России.

Вместе с тем региональный характер исследования налагает свой отпечаток на попытки выявить общие, присущие всей стране закономерности в развитии землевладения, формировании класса-сословия феодальных помещиков. Очевидно стремление авторов монографии выйти за рамки изучаемого региона, сравнить поместно-вотчинную систему Новгорода и Замосковского края, где находились земель-

ные богатства дворян «московского списка». И в этой связи, говоря о численности государства двора, данные Е. Д. Сташевского, использованные авторами (с. 135), неубедительны. На наш взгляд, предпочтительнее сведения А. И. Яковлева¹⁵, согласно которым в 1638 г. представителей дворян и правящей верхушки было не 971, а 2303 человека при 90 тыс. крестьянских дворов.

Работа В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева показала, что исследование отдельных уездов позволит точнее определить и конкретизировать общие и частные явления и закономерности в процессе эволюции землевладения. Подобные исследования — важный шаг в создании целостной концепции развития землевладения в России XVII в., а также освещения сложного процесса формирования господствующего класса в канун петровских реформ.

О. А. Шватченко

Примечания

¹ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1906; его же. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915; Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1911; Яковлев А. И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.

² Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края. М.—Л., 1951; Заозерская Е. И. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. IV. М., 1960; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. Л., 1966; Петрикеев Д. И. Крупное крестьянское хозяйство XVII в. Л., 1967.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности на землю в России XVII — начала XIX в. // Вопросы истории, 1977, № 5; Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979.

⁴ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209. Кн. 376, 377, 402, 405, 409, 410, 543, 544, 546, 549, 550; ПКРК. Т. 1. Вып. 2, 3. Рязань. 1900—1904; Шватченко О. А. Распространение выслуженной вотчины в России первой половины XVII в. и эволюция форм светского феодального землевладения // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982, с. 124.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 7218, ч. 1, 2; кн. 7224.

⁷ Там же, кн. 194, 412, 413, 414, 493.

⁸ Там же, кн. 7253, ч. 1, 2; кн. 7254.

⁹ Ш в а т ч е н к о О. А. К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковном и Рязанском краях в 80—90-е гг. XVII в. // Вестник МГУ, № 2. История, 1974, с. 56.

¹⁰ Ш в а т ч е н к о О. А. Хозяйственные кризисы XVI—XVII вв. и экологическая среда в центральных и южных областях России // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987, с. 114.

¹¹ Ш в а т ч е н к о О. А. К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковном

и Рязанском краях в 80—90-е гг. XVII в. ..., с. 58.

¹² Там же, с. 65.

¹³ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974.

¹⁴ С м а г и н а Е. И. Служилое земледелие и землепользование в Черном уезде в первой половине XVII в. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1967.

¹⁵ Я к о в л е в А. И. Служилое землевладение по данным Приказа сбора ратных людей (1683) // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, с. 451.

ДНЕВНИК РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Алексис Бабине в Саратове. 1917—1922 гг. Ред. Д. Рэлей *

За годы сталинской автаркии среди советских историков сложилось убеждение в «фальсификаторской» направленности буржуазной советологии. Ему соответствовало мнение о крайней скудости ее источниковой базы, в основе которой лежали свидетельства «белых». В годы застоя возобладало представление о тенденциозности западной историографии, якобы целиком ориентированной на апологику противников большевизма. Такие взгляды имели под собой серьезные основания, ибо западные историки, не принимая большевизма, вместе с тем почти не занимались исследованием роли народных масс в событиях.

Подобные представления все еще не ушли в прошлое. Насколько они оправданны применительно к современности? Рецензируемая публикация многое проясняет в этом отношении.

Первое, что приходит в голову при знакомстве с изданным в США источником: дневник мог бы стать фактологической основой литературного произведения вроде «Доктора Живаго». Автор как бы устранился от всякой политической борьбы. Но он вовсе не благонамеренный обыватель или растерянный служитель муз. Личность хроникера куда уникальнее и даже таинственнее.

Кто же такой Алексис Бабине, и почему его свидетельство о событиях гражданской войны в России и начального этапа нэпа удостоилось публикации в США не в годы «холодной войны», а в 1988 г.? Какая душа скрывается за столь импозантной внешностью, которую мы видим на суперобложке объемистой книги?

Алексей Васильевич Бабин (1866—1930 гг.) родился в г. Елатье Рязанской губернии в мелшанской семье. После окончания местной гимназии учился в Петербургском историко-филологическом институте, затем работал библиотекарем, но уже в 1890 г. оказался в США. Отнюдь не привычная судьба российского революционера сделала его эмигрантом: неудачный выстрел в сосновую шишку, поставленную на голову друга, должно быть, предложившего, будучи навеселе, «сыграть в Вильгельма Телля», сделал его невольным убийцей. Так из трагической нелепости быта российской интеллигенции выросла странная фигура Алексиса Бабины — навсегда одинокого, педантичного человека, видимые личные симпатии которого как будто не простираются далее спаниеля по кличке Босс.

В 1890 г. нелпохо владевший английским, французским, немецким А. Бабин начал работать библиотекарем в Корнеллском университете, в 1896 г. переехал в Индианский университет, позднее в Стэнфорд и Библиотеку Конгресса, стажировался в Сорбонне. В 1910 г. — то ли из желания быть рядом с больной матерью, то ли из-за неизжитой ностальгии — он вернулся в Россию сотрудником Ассошиэйтед Пресс. Здесь в 1912 г. увидела свет его популярная двухтомная «История Северо-Американских Соединенных Штатов». Февральская революция застала Бабина инспектором народных училищ в Вологде. Здесь и был начат «Дневник гражданской войны в России».

Если в прошлом Бабин писал об Америке для русского читателя, то теперь он писал на английском о революционной России, определенно рассчитывая на американскую аудиторию. Но ему приходилось также думать и о родственниках и знакомых, оставшихся на вновь и навсегда покинутой родине, заботиться о том, чтобы невольно не повредить им. Отсюда некоторые особенности дневника и тот факт, что он не был опубликован ни в 20-е, ни тем более в 30—50-е гг.; многие, даже не названные поименно персоналии оставались узнаваемыми.

Основная часть дневниковых записей была сделана в 1918 г. в Саратове, куда осенью 1917 г. Бабин был приглашен в связи с созданием кафедр иностранных языков и истории в университете. Объективизм и сдержанность — вынужденные и намеренные отличия его довольно отрывочные записи. Автор упорно ограничивается скромной ролью постороннего наблюдателя. Он сообщает о том, что видел, а чаще — слышал, избегая самостоятельных оценок и предложений и тем более

обнаружения политических пристрастий. Бабин намеренно отказывается от широкого исторического фона, последующих «глубокомысленных» вставок, предпочитая бытовую хронику жизни провинциального города, в котором, несмотря на все перипетии гражданской войны, удерживалась Советская власть. Он не боится фактических неточностей, предпочитая непосредственность информации. В этом — сила, а не слабость документа. Налицо своеобразная хроника не столько событий, сколько настроений эпохи гражданской войны.

Отчужденный взгляд «русского американца», узнающего и не узнающего свою родину, превращает дневник в источник уникальной информации. Основное действующее лицо — вооруженный народ, действия которого автор не берется ни понять, ни окончательно судить. Но шире показаны жертвы — чаще случайные — революционного насилия: осколки правящих классов, интеллигенция и мещанские массы. Читатель увидит, как с осени 1917 г. провинциальный город вместе со всей страной неуклонно погружался в пучину гражданской войны. Последняя же предстает особым состоянием классово поляризованного общества, но не просто политической схваткой пролетариата и буржуазии, а мучительной агонией старого мира и отчаянной борьбой народа за выживание.

Чем заполнены страницы дневника? Прежде всего факты целенаправленного и стихийного насилия: стрельба (вплоть до подсчета орудийных выстрелов и пулеметных очередей), самосуды, случайные убийства, расстрелы заложников, рост преступности. Материальное положение: нормы выдачи по карточкам, очереди, цены на черном рынке, мешочничество, контрибуции на буржуазию, квартирные «уплотнения». И бесчисленные слухи, т. е. гротескное выражение массовых настроений. Налицо страшная, но реальная изнанка революции.

Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков; напротив, на них подспудно возлагается ответственность за «террор толпы». Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны «добропорядочных» граждан Саратова накануне перехода власти к Советам (с. 22—23), и харизматические черты личности видного большевика В. П. Антонова (с. 84), и неожиданные симпатии к новым правителям со стороны «ультраконсервативной» университетской профессуры (с. 71, 124—125). В констатации этих фактов нет ни тени осуждения.

Только один раз автор пытается порассуждать о смысле происходящего. «Чем больше я вглядываюсь в моих университетских коллег,— пишет он 2 февраля 1918 г.,— чем больше прислушиваюсь к их воодушевленным или упадническим, но непременно красноречивым разговорам о сложившемся положении, тем большее отвращение испытываю к их неспособности что-либо сделать, к их теоретическим пристрастиям и склонности к защите всякого рода „прав“ в сочетании с практической неспособностью защитить эти „права“, к слабости их тела и соответственной слабости мысли и воли. Никакие права, желаемые и возможные, они защитить своими собственными слабыми руками не в состоянии: они скорее наняли бы сильные руки, нежели подвергли свои драгоценные персоны риску борьбы» (с. 62—63). Как видим, Бабин ищет социально-нравственную, а не классово-политическую причину событий.

Объяснения его не отличаются определенностью. Он пробует известную антисемитскую тему, но отнюдь не удовлетворяется ею. За этим следует столь же неуверенное рассуждение о «чисто славянской распущенности, безнравственности, физическом и моральном разложении привилегированных и так называемых образованных и интеллигентных классов» (с. 63). Как видно, понимание масштабности и глубины происходящего удерживало автора от привычных для интеллигентской среды политических обвинений в адрес большевиков.

Как оценивает аутентичность источника его публикатор? Здесь мы вправе поставить и более общий вопрос об общей источниковедческой и историографической культуре современной американской советологии.

Профессор университета Северной Каролины Дональд Рэлей уже знаком советскому читателю **. В данном же случае нам остается констатировать весьма высокий археографический и источниковедческий уровень данного издания. Громадный интерес представляет вводная статья, характеризующая архив А. Бабина в целом (Отдел рукописей Библиотеки Конгресса), мнения издателя и других исследователей о его личности, ценности и возможности использования тех или иных его документов. Разумеется, не со всем можно согласиться. Так, вряд ли справедливо замечание о том, что Бабин по духу близок к кадетам (с. XII); уместнее приблизить его к октябристам. Вызывает сомнение и утверждение Д. Рэрея о том, что А. Бабин писал дневник как обвинительный акт большевизму (с. XIV—XV). Думается, что в этом случае получилось бы нечто более близкое известным публикациям «Архива русской революции». Впрочем, личность А. Бабина и его дневник слишком необычны, всякие определенные заключения будут грешить упрощенчеством.

Несомненный интерес представляют комментарии к тексту дневника. Д. Рэлей скрупулезно перепроверяет все приводимые сведения, отмечает фактические неточности или преувеличения — особенно касающиеся тех или иных слухов. Это превращает публикацию в своеобразное источниковедческое исследование; если уместно по его уровню судить о современном состоянии западных исследований в области истории Октябрьской революции и гражданской войны, то оценка будет весьма высокой.

Таким образом, данная публикация позволяет сделать вывод и о неуклонно расширяющейся источниковедческой базе и об общей направленности современной западной советологии. Налицо первостепенный интерес к социальной истории, а также к тому, что мы называем человеческим фактором. Несомненно, что авторы, подобные Д. Рэлею, достигли в этой области существенных успехов.

Думается, в данном случае мы имеем источник такой важности, что советские исследователи не вправе игнорировать его. Да и широкой читательской массе набили оскомину наивная героизация событий и упрощенный классовый подход к событиям гражданской войны. Коль скоро мы желаем составить более объемное представление о глубине и противоречивости событий тех лет, если хотим больше знать об исследовательских приемах немарксистских авторов, книгу следует перевести и издать на русском языке вместе с введением, комментариями и справочным аппаратом. Историческая наука от этого только выиграет.

В. П. Булдаков, В. П. Дмитренко

Примечания

* A Russia Civil War Diary. Alexis Babine in Saratov, 1917—1922; Ed. by D. Raleigh. Duke University Press. Durham and London, 1988, 240 pp.

** См. его интервью: История СССР, 1989, № 2, с. 196—204.

Т. ВИХАВАЙНЕН. ФИНЛЯНДИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ. 1918—1920 *

Книгу Т. Вихавайнена отличает прежде всего оригинальность замысла, а именно: посмотреть на советско-финляндские отношения 1918—1920 гг. глазами советской прессы, попытаться отделить исторические реалии от мифов и стереотипов, сформировавшихся как в Советской России, так и в Финляндии в тот сложный период их политических отношений. Систематическое изучение советской прессы под таким углом зрения проведено впервые. Наряду с изданиями центральной печати («Известия ВЦИК Советов рабочих, солдатских, казачьих депутатов», «Правда») Т. Вихавайнен привлекает для своего анализа «Петроградскую правду», «Красную газету», прессу меньшевиков и эсеров, а также выходившие на финском языке газеты «Ваупас» («Свобода»), орган финских эмигрантов в Петрограде, и «Карельскую коммуну» в Петрозаводске. Кроме того, автором использованы материалы финской прессы и архивные документы, в первую очередь документы министерства иностранных дел Финляндии.

Реализация автором своего замысла зависела, на наш взгляд, во многом от того, насколько он сумеет избежать соблазна пойти по уже проложенному историографической традицией пути. Решение этой всегда трудной для историка задачи в данном случае было связано с преодолением одностороннего подхода к чрезвычайно сложному во взаимоотношениях Финляндии и Советской России периоду, в ходе которого, как отмечает Т. Вихавайнен, обе страны, являя собой арену глубоких политических и общественных переворотов и став независимыми государствами с различным общественным строем, пришли к добрососедским отношениям (с. 7). Конечно, здесь автор мог опираться на уже имеющиеся достижения финских и советских историков, среди которых он особо выделяет исследования Т. Полвинена и В. М. Холодковского. Но найти общий и притом корректный знаменатель оказалось для Т. Вихавайнена делом достаточно сложным. Свидетельством тому является авторская концепция роли Финляндии в исходе гражданской войны в Советской России и иностранного военного вмешательства в ее внутренние дела. При написании исторического очерка о Советской России от Октябрьской революции до начала 20-х гг. (с. 11—52) Т. Вихавайнен, как нам кажется, излишне передоверился своим западным коллегам, работы которых, как, впрочем, и советских ученых, он знает превосходно. Так, не могут не вызвать вопроса заимствованные у французского социолога А. Безансона и пространно изложенные в книге параллели между ленинизмом и макиавеллизмом в вопросе об отношении к истине (с. 41—43).

Однако, отвечая на главный вопрос: какой предстает Финляндия в советской прессе 1918—1920 гг.? — Т. Вихавайнен стремится найти на него ответ в первую очередь в имеющихся в его распоряжении источниках. В итоге он приходит к выводу, что «на протяжении 1918—1920 гг. в советской прессе стал складываться новый образ новой Финляндии, что было результатом изменений по обе стороны границы» (с. 227).

Колорит этого образа задан освещением в советской прессе вопроса о признании независимости Финляндии со стороны Советского правительства. Объясняя лаконичность отражения советской печатью этого исторического события в жизни Финляндии, автор обращает особое внимание на сложность обстановки, в которой тогда находилась Советская Россия. Однако суждение Т. Вихавайнена, со ссылкой на Т. Полвинена, о том, что признание независимости Финляндии еще не означало, что она будет осуществлена на практике (с. 60), сегодня выглядит в значительной степени анахронизмом. Во-первых, потому, что сам Т. Полвинен, выступая спустя 10 лет после выхода своей книги, на которую ссылается Т. Вихавайнен, на советско-финляндском симпозиуме историков в Ленинграде призывал «помнить, что никакое другое правительство или партия России никогда не решались идти так далеко в вопросе о независимости Финляндии...»¹. Во-вторых, и это следует особо подчеркнуть, признание Советским правительством независимости Финляндии явилось конкретным претворением в жизнь ленинской национальной программы партии большевиков, результатом ее последовательной и принципиальной позиции в вопросе о государственной самостоятельности Финляндии. Напомним, что в опубликованных в «Правде» в феврале 1918 г. тезисах «К истории вопроса о несчастном мире» В. И. Ленин официально заявил: «Наша социалистическая республика сделала все, что могла и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии...»².

Констатируя здесь различные оценки факта признания Советской Россией независимости Финляндии, следует подчеркнуть, что в книге тщательно прослежено отношение политических партий России к этой ответственной акции Советского правительства.

Существенным фактором формирования нового образа Финляндии в советской прессе, как хорошо показывает Т. Вихавайнен, стала Финляндская революция 1918 г., сразу же принявшая форму гражданской войны. Солидарность трудящихся Советской России с финским рабочим классом, поднявшимся на революционную борьбу против своей буржуазии, нашла широкое отражение на страницах центральных и местных газет. Читатель с большим интересом ознакомится также с оценкой революционных событий в Финляндии В. И. Лениным, Н. И. Бухариным, Г. Е. Зиновьевым, Л. Д. Троцким, И. В. Сталиным, А. М. Горьким и др. Автор прав, когда пишет, что кровопролитный характер гражданской войны в Финляндии повлиял на ее восприятие в Советской России (с. 94), но все же его мнение о том, что эта жестокость вызвала известный перелом в отношении к финнам в целом, представляется нам несколько упрощенным. Ведь в советской печати говорилось в первую очередь о белом терроре, о роли германских интервенционистских сил в поражении революции в Финляндии.

Трагическое поражение пролетариата Финляндии привело к новой ситуации на Севере Европы, к образованию, в частности, антисоветского форпоста в лице буржуазной Финляндии³. Реакционная буржуазия и военщина встали на путь обострения отношений с Советской Россией. Разумеется, эта новая ситуация по-разному оценивалась в советской и финской печати, и Т. Вихавайнен приводит в своей книге широкий спектр этих оценок. В то время как в «Правде» сообщалось об инспирированной в английской и французской прессе кампании привлечения Финляндии к борьбе с большевизмом, в самой финской печати не велось открытой агитации за интервенцию против Советской России. Последнее обстоятельство автор объясняет отсутствием народной поддержки и поражением «Олонецкого похода» в 1919 г. (с. 148).

В книге также ставится важный вопрос о том, почему Финляндия не приняла прямого участия в походе Юденича на Петроград в 1919 г. Сопоставляя здесь точки зрения В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого (с. 179—183), автор считает, что последний стоял в вопросе о перспективах отношений с Финляндией на более реалистических позициях. По его мнению, именно Троцкий был тем первым крупным советским руководителем, который обрисовал возможность мирного сосуществования Советской России и Финляндии, исходя из реальной политической обстановки (с. 183). Представляется, что исчерпывающий ответ на этот важный вопрос может быть получен в результате дальнейшего исследования на более широкой документальной основе. В этом убеждают и собственные размышления Т. Вихавайнена по вопросу о том, почему же Финляндия не приняла прямого участия в походе Юденича на Петроград. Конечно же, дело было не только в том, что народ

Финляндии испытывал глубокую подозрительность к белым генералам (с. 181), но и в том, что эти генералы в 1919 г. потерпели ряд серьезных поражений еще до похода Юденича на Петроград. Поэтому вынесенное на обложку высказывание: «...когда Советское правительство в военном отношении было настолько слабым, что нападение Финляндии во всей ее силе, очевидно, привело бы к захвату Петрограда и, кто знает, к падению всей советской системы», — противоречит не только исторической реальности, но и содержанию рецензируемой книги. Разумеется, внимательный читатель, и тем более специалист, не станет судить по рекламному заявлению о книге в целом. Это было бы тем более несправедливо по отношению к оригинальному и содержательному исследованию Т. Вихавайнена, которое, как мы стремились показать, дает новые подходы к изучению одного из сложнейших периодов в истории советско-финляндских отношений, стимулирует их дальнейшее совместное обсуждение, в результате чего и достигаются сближение различных точек зрения и взаимопонимание.

Г. Л. Соболев, И. М. Соломеш

Примечания

* Timo Vihavainen. Suomi Neuvostolehdistössä. 1918—1920. Helsinki, 1988. 247 S.

¹ Полвинен Т. Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980, с. 20.

² Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 251.

³ См.: Волобуев П. В. Историческое место Финляндской революции 1918 г. // Новая и новейшая история, 1988, № 5, с. 15—24.

Х. ИММОНЕН АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, 1900—1914*

Рецензируемая книга интересна уже тем, что, насколько нам известно, она является первой специальной работой по истории партии эсеров (ПСР), вышедшей из-под пера финского исследователя. Сравнительно небольшая по объему, работа Х. Иммонена посвящена сугубо теоретическим сюжетам — истории выработки эсерами своей аграрной программы. Хронологические рамки исследования в общем не вызывают сомнений. К рубежу XIX—XX вв. относятся не только практические усилия неонародников в деле объединения своих разрозненных организаций, но и первые печатные выступления их теоретиков с изложением философских, политико-экономических и других оснований программы складывавшейся партии. Дата — 1914 г. — объясняется тем, что с началом мировой войны аграрная проблематика почти исчезла со страниц эсеровской печати и разработка аграрной теории в партии прервалась.

Основной материал Х. Иммонен почерпнул из эсеровской публицистики, мемуарной литературы, официальных партийных документов и периодики. Что касается архивных документов, то автор ограничился использованием материалов «Коллекции думской фракции трудовиков» в Хельсинкском государственном архиве. Поскольку основные черты политической и социальной истории ПСР, по мнению автора, уже проработаны в монографиях западных и советских исследователей (В. Н. Гинева, М. Перри, О. Рэдки, М. Хильдермайера и др.), свою задачу он видит в рассмотрении ряда более частных вопросов. Речь идет о том, чтобы, во-первых, показать роль отдельных эсеровских теоретиков в выработке партийной программы по аграрному вопросу и, во-вторых, оценить характер и степень разработанности самой этой программы. Центральной проблемой, которую стремится решить Х. Иммонен, является вопрос о том, «может ли социалистическая партия быть одновременно и крестьянской партией?» (с. 15).

Разработку эсерами своей аграрной программы автор излагает на фоне истории эсеровской партии в целом. Говоря о конкретных фактах этой истории, он широко использует оценки, высказанные в работах советских историков (В. Н. Гинева, Н. Д. Ерофеева, Д. А. Колесниченко и др.). Несмотря на целый ряд верных наблюдений, складывание аграрной программы эсеров в изложении финского исследователя выглядит несколько схематично. Работа их теоретической мысли изображается не как живой творческий процесс, а, скорее, как результат последовательной смены лидеров у руля разработки партийной теории. По существу, в формировании программы эсеров по аграрному вопросу автор выделяет «черновский», «вихляевский» и «раkitниковский» этапы, хотя эти (и другие) эсеровские теоретики, имея определенную специализацию, работали параллельно. Правда, такая группировка материала помогла Х. Иммонену выявить и показать расхождения в эсеровском руководстве по теоретическим вопросам.

Определяющим для «черновского» периода формирования программных положений эсеров

по аграрному вопросу (1900—1904 гг.) финский исследователь считает развитие эсеровским лидером теории некапиталистической эволюции сельского хозяйства в статьях, написанных в ответ на критику народничества «легальными марксистами». Значение, которое Х. Иммонен придает ранним работам В. М. Чернова, столь велико, что он оспаривает распространенное (и подтвержденное позднее самим Черновым) представление о крестьянских волнениях 1902 г. как поворотном моменте в отношении эсеров к крестьянскому движению и в разработке ими своей аграрной программы. «С точки зрения развития эсеровской аграрной теории**,— пишет Х. Иммонен,—... 1902 год не имел значения отправного пункта; скорее, это был переходный период, когда идеи Чернова, изложенные в серии статей в „Русском богатстве“, были включены в аграрную программу партии» (с. 65). В 1902 г., продолжает он, Чернов лишь несколько «модифицировал» свои ранее сформулированные идеи в связи с «изменением интеллектуального климата» в эсеровских кругах (с. 67).

Эти рассуждения представляются не совсем точными. Если до 1902 г. работа народнических публицистов (Чернова, М. Б. Ратнера и др.) над аграрной проблематикой в общетеоретическом плане действительно велась, то к разработке собственно аграрной программы (до этого, по словам Ленина, даже не намеченной¹) в 1902 г. они только приступили. Как известно, само положение о социализации земли появилось у эсеров лишь летом 1902 г.

Х. Иммонен верно замечает, что на теоретические построения эсеров большое влияние оказала критика из лагеря революционной социал-демократии (заставившая Чернова обратить внимание на вопрос о классовом положении крестьянства), а также идеи западноевропейских ревизионистов марксизма (в части рассуждений эсеровских теоретиков об особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве). Цель Чернова, пишет финский историк, заключалась в попытке «синтезировать идеи русского народничества и западноевропейского аграрного реформизма» (с. 73).

Основное содержание следующего этапа разработки эсерами своей аграрной теории (1905—1907 гг.) Х. Иммонен видит в попытках П. А. Вихляева найти пути «трансформации правовых норм крестьянской общины» применительно к обществу в целом. При этом финский исследователь склонен преувеличивать роль кадетов в качестве соперников эсеров в борьбе за крестьян. Его убеждение в том, что в 1905 г. «эсеры восприняли вызов со стороны либералов, пришедших на смену социал-демократам, как наиболее серьезную альтернативу... своим стремлениям в аграрном вопросе» (с. 87—88), задает тон в рассмотрении событий всего этого этапа. Полемика эсеров с социал-демократами при этом фактически замалчивается. По мнению автора, в годы первой революции не меньшее влияние на теоретические построения эсеров оказала и правительственная аграрная политика. В 1904—1906 гг., пишет Х. Иммонен, содержание эсеровского требования социализации земли претерпело некоторую эволюцию. Если первоначально это программное положение являлось антитезой идее социал-демократов о неизбежности капиталистического развития сельского хозяйства, то под влиянием «административных и юридических планов русского правительства, направленных на изменение экономической и социальной системы в деревне», его смысл переместился из области экономической в правовую (с. 107—108). В доказательство этого приводятся проекты аграрной реформы, выдвинутые эсерами в I и II Думах.

Думается, что финский исследователь пошел в этих рассуждениях по ложному пути. Вместо разбора содержания собственно эсеровской аграрной программы он выносит на первый план обстоятельства, при которых появлялись (или пропагандировались) те или иные ее положения. Что касается внимания эсеров к юридической стороне аграрных преобразований, то правовой аспект программы социализации земли обсуждался ими еще на первом партийном съезде.

Своеобразно толкует Х. Иммонен и сам предмет своего исследования. Под аграрной программой эсеров, считает он, нельзя понимать только соответствующий раздел документа, принятого на первом съезде партии, а следует брать в расчет и аграрный законопроект, выдвинутый ими во II Думе. Последний характеризуется как «весьма детальный и конкретный план осуществления программы социализации земли...», более важный для понимания взглядов эсеров, чем даже аграрная программа, принятая в 1906 г. (с. 128, 158). В советской историографии, однако, проект «104-х» («105-ти») рассматривается как тактический шаг, сделанный эсерами навстречу трудовикам и находившийся в противоречии с некоторыми принципиальными положениями аграрной программы партии (например, с принципом равного права всех трудящихся на землю)².

Подводя итог и отвечая на поставленный во введении вопрос, Х. Иммонен констатирует эволюцию аграрной программы эсеров от черновского «аграрного социализма к ценностям крестьянского эгалитаризма» и подчеркивает реформистский характер их представлений о путях проведения аграрных преобразований (с. 157, 158). В отличие от своих предшественников (О. Рэдки, М. Хильдермайера), видевших причины отказа эсеров в 1917 г. от своей аграрной программы,

в частности, в ее недостаточной разработанности, финский исследователь считает, что стремление отложить решение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания, продемонстрированное эсеровскими лидерами после свержения царизма, «находилось в гармонии с позицией, сформулированной еще в 1907 г.» (с. 159). Таким образом, реформистские шатания эсеров в период втородумья Х. Иммонен принимает за магистральное направление их в целом революционно-демократического курса в годы первой российской революции.

В целом в книге Х. Иммонена довольно отчетливо прослеживается влияние идей, популярных в работах немарксистских историков (например, постулата о либералах как главной политической силе, противостоявшей самодержавию в первой революции), а также оценок меньшевистской историографии вопроса (в плане недооценки революционных возможностей мелкобуржуазных партий России).

Д. Б. Павлов

Примечания

* Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary Party, 1900—1914. Helsinki, 1988, 159 p.

** Понятия «программа» и «теория» автор употребляет как равнозначные.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 387.

² См.: Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского народничества. 1902—1914 гг. Л., 1983, с. 163—164; Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985, с. 255—264.

Р. О. КРАММИ. ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА. 1304—1613. Лондон — Нью-Йорк, 1987, XV, 275 с. *

Становление и формирование Русского централизованного государства — важнейшая проблема отечественной истории — впервые стала предметом специального обобщающего исследования в современной западной историографии. Рецензируемая книга вышла в составе новой серии по истории России (Longman History of Russia), охватывающей переломные периоды ее развития и представленной трудами известных ученых. Автор этой книги — американский историк Роберт Крамми, профессор истории Калифорнийского университета — известен своими трудами по истории общества и государства России XVI — XVII вв. Предметом его исследований до сих пор являлись прежде всего проблемы формирования абсолютизма и роли в нем аристократии и служилой бюрократии в России XVII в. ¹ Новая книга Крамми рассматривает проблемы формирования и развития Российского государства от начала правления Ивана Калиты (1304 г.) до установления новой династии (1613 г.). Отличительными ее особенностями являются, во-первых, сопоставление изучаемых процессов с теми, которые относятся к более раннему этапу истории страны, во-вторых, непривычно широкие хронологические рамки (книга охватывает период от начала XIV до начала XVII в. и даже во многом до конца XVII в. вплоть до петровских реформ), наконец, в-третьих, стремление совместить решение научных проблем с доступностью изложения для широкого читателя. Эта работа, по словам автора, «представляет собой исторический синтез и предназначена прежде всего для исследователей и подготовленного читателя вообще» (с. XIV). Автор стремился также обобщить данные новейших исследований по проблеме и дать сводку основных дискуссий. В задачу книги входит раскрытие «истории возвышения русской монархии эпохи позднего средневековья». Основное внимание автор обратил на исследование тех «путей, с помощью которых московские князья мобилизовали естественные и людские ресурсы своих владений» для создания мощного государства (с. 1).

Формулируя свой подход к проблеме, Крамми признает большое влияние на него «идей великих русских историков дореволюционной эпохи», среди которых он выделяет концепцию А. Е. Преснякова ². Действительно, книга Крамми во многом воспроизводит основные положения государственной, или юридической школы русской историографии. В то же время в ней сделана попытка интерпретировать с этой точки зрения основные достижения советской и современной западной историографии. Широко используются фактические данные трудов С. Ф. Платонова, С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, многих других историков, включая новейшие исследования. Отметим, что сама по себе верная постановка вопроса о необходимости интеграции в рамках единой концепции достижений предшествующей и современной науки проводится в ре-

цензурируемой книге недостаточно последовательно и потому в ряде случаев приводит к логическим противоречиям. При изложении значительного фактического материала автор стремится сочетать проблемный и хронологический принципы, что вполне правомерно. Такой подход предполагает при выделении фаз развития исследуемого процесса (а ими служат здесь в основном даты княжений и царствований) раскрытие их качественного содержания. Однако данный подход отражен в структуре книги не вполне последовательно. Работа открывается главой «Земля и люди», в которой изложена концепция автора, затем следует ряд глав, написанных по хронологическому принципу, среди которых неожиданно вклиниваются самостоятельные главы о церкви, а также об искусстве и культуре, что несколько нарушает канву исторического повествования.

В соответствии с исходными установками автора на первое место в складывании Русского государства выдвигается географический фактор. Можно согласиться с Р. Крамми в том, что географический фактор действительно во многом обусловил специфические направления развития Северо-Восточной Руси. Подчеркнем, однако, что географическая или даже шире — экологическая среда воздействует на общество главным образом через социально-экономические отношения в нем, причем сам характер воздействия как раз и составляет исследовательскую проблему. Между тем эта сторона дела не стала предметом специального исследования в книге. Автор не формулирует своего отношения к проблеме феодализма на Руси в рассматриваемый период. Вместе с тем в книге с учетом советских и западных исследований освещается положение крестьянского хозяйства, показана его экономическая роль. Другая крупная проблема — развитие городов, рыночных отношений и обмена — затрагивается в книге главным образом в связи с вопросом о роли и степени вмешательства государства в регламентацию деятельности купечества, развитие частной инициативы. Выделяемые автором отдельные этапы экономического развития страны — расцвет экономики в конце XV — первой половине XVI в., сельскохозяйственный кризис в XVI в., экономические последствия Смуты, наконец, установление крепостного права — не становятся, однако, предметом специального исследования в книге.

Особенности географического положения и недостаток материальных и людских ресурсов определили, согласно авторской концепции, специфический характер эволюции структуры общества, сословного строя, а также возрастание роли государственной власти. Такой подход нацеливает исследователя на анализ отношений и противоречий общества и государства в их историческом развитии, позволяет учесть активную роль государства в формировании и закреплении социальных отношений. Крамми в этом отношении развивает идеи В. О. Ключевского, А. Е. Преснякова, ряда историков государственной школы³. Для мобилизации всех материальных и людских ресурсов, отмечает Крамми, государству было необходимо, во-первых, создать систему служилых сословий с четко определенными функциями, во-вторых, закрепить их отношения друг к другу и, в-третьих, добиться их безоговорочного повиновения великокняжеской власти. Сказанное в полной мере относится к двум основным классам-сословиям на Руси — крестьянству и дворянству.

Значительное внимание в книге уделяется происхождению и развитию дворянского сословия, его отношениям с государственной властью. Из-за отсутствия материальных ресурсов правительство, считает Крамми, вынуждено было при организации армии найти эквивалент денежной оплаты военнотружущих, которым и стала поместная система. Для значительной части среднего и мелкого дворянства поместья с работающими на них крестьянами стали единственным источником существования и службы. Структура дворянского сословия определилась, по мнению Крамми (опирающегося в этом вопросе на данные советских историков), в период правления Грозного, найдя выражение в пирамидальной организации государева двора. Этот корпоративный институт представлял собой (по выражению Г. Алефа) «резервуар, из которого набирались лица для назначений на военные или высшие дворцовые чины»⁴. Отсюда производились назначения на должности воевод и высших местных администраторов. Большинство дворцовых чинов составляли велико-светскую гвардию, они ведали также дворцовым хозяйством и казной. Отметим, что структура правящей верхушки вообще и государев двор в частности стали в последнее время предметом внимания ряда западных историков⁵.

Особый интерес в книге представляют те ее аспекты, которые затронуты в предшествующих исследованиях Крамми о соотношении аристократии и бюрократии в политической системе Российского государства, причем социологический метод, принятый автором, позволил ему сделать ряд общих наблюдений о структуре, динамике развития и принципах рекрутирования и функционирования правящей элиты Московского государства. Он раскрывает особое положение боярской аристократии, которая группировалась вокруг трона, занимала ведущие посты воевод, админист-

раторов и советников. Система кормлений обеспечивала ей высокий жизненный уровень, а роль в управлении — статус и престиж в рамках существующей иерархии. Являясь правящей элитой Московского государства, аристократия представляла собой замкнутую и довольно обособленную социальную группу, включавшую княжат, нетитулованную знать и выходцев из-за границы, которые были связаны между собой родственными узами и общностью интересов. Средствами продвижения в высшие эшелоны власти служили протекция (фаворитизм), родственные узы, а также успехи на войне и в управлении. Местничество являлось специфическим средством регулирования внутрисословных отношений, прежде всего в самой Боярской думе. Число бояр было невелико, причем только часть их (иногда очень небольшая) принимала реальное участие в выработке важнейших политических решений. Укрепление и развитие административной системы в новом централизованном государстве требовало создания новой системы учреждений и обслуживающего их персонала. На протяжении всего изучаемого периода нерв администрации составляли государь и Боярская дума — высший совещательный и судебный орган при монархе.

В отличие от ряда предшествующих исследователей, неоднократно обращавшихся к истории государственного аппарата с точки зрения формирования отдельных учреждений и регулирующих их деятельность правовых норм⁶, Крамми подходит к проблеме по-другому: в центре его внимания находятся не столько учреждения, сколько формирование связанного с их деятельностью социального слоя — бюрократии. Поэтому преимущественный интерес у него вызывают те изменения, которые свидетельствуют о развитии самих функций управления — его организации, рационализации, дифференциации и т. д. В процессе перехода от патриархального порядка управления княжеским двором к системе государственного управления он выделяет ведущую роль таких учреждений, как Большой дворец, Разряд и Казна, которые обеспечивали соответственно функции организации дворцового управления, служилого сословия (войска) и финансов государства и от которых затем ответвились другие отрасли управления. Усиление функций государственного контроля за ресурсами постоянно требовало развития административного аппарата и бюрократии. К XVII в. число приказов превысило 60, а важнейшими стали приказы Разрядный, Поместный и Посольский, сосредоточившие в своих руках ведущие функции государства. В то же время прослеживается появление специальных учреждений по управлению новыми территориями Сибири, Украины и Ливонии. Несмотря на некоторую нечеткость в разграничении компетенции приказов и известную коррумпированность чиновничества, московская бюрократия, по мнению автора, была достаточно эффективна в выполнении своих непосредственных функций.

Проблема бюрократии, которой Крамми посвятил ряд специальных исследований, принадлежит к числу сложных и малоизученных как в западной, так и в отечественной историографии. Остаются дискуссионными многие вопросы возникновения, социальной природы, социальной дифференциации, численного роста данного общественного слоя, а также его места в структуре общества и системе государственного управления в России изучаемого периода. Развитие управленческого аппарата означало появление особого слоя, эквивалента современной бюрократии. С усилением публичной власти этот слой все более становится самостоятельной силой, чему способствуют усложнение процедур управления и возрастание в нем роли письменных документов. В проведенном американским историком анализе этих процессов можно выделить два основных аспекта проблемы: во-первых, социальную природу российской бюрократии и ее специфику; во-вторых, количественные параметры ее развития, прежде всего численный рост. Рассматривая природу русской служилой бюрократии в сравнении с ее западным вариантом, Крамми считает, что русское чиновничество имеет «мало общего с идеальным типом бюрократии Макса Вебера» (с. 237). Это наблюдение, которое разделяют и другие западные исследователи⁷, представляется спорным. Прежде всего, идеальный тип Вебера есть абстрактная конструкция процесса или социального слоя в его идеальном развитии, поэтому неправомерна сама постановка вопроса о сравнении любого варианта явления с его идеальной конструкцией. На наш взгляд, Крамми несколько абсолютизирует специфику русской бюрократии. Будучи межформационным институтом, бюрократия является функцией аппарата управления и, следовательно, имеет сущностно общие черты, несмотря на различия в разных странах. Что касается русского варианта, то здесь, следуя логике самого Крамми, роль бюрократии должна быть еще выше, поскольку аппарат государственного управления играет важную роль в организации сословного строя. О значении этого социального слоя свидетельствуют уже темпы его развития — устойчивая тенденция к росту численного состава. На это обращает внимание Крамми, прослеживающий появление так называемой «эмбриональной бюрократии», или «предбюрократии», — дьяков, число которых первоначально не превышало 50 человек. В последующее время, при

Иване III их было (по подсчетам А. А. Зимина) 200 человек, причем прослеживается устойчивая тенденция к дальнейшему росту⁸. К концу XVII в. бюрократия составляла уже 3000 человек, по данным Крамми. Отметим, что в новейшем исследовании этой проблемы, осуществленном Н. Ф. Демидовой, число приказных людей государственных учреждений России в 1690-е гг. определяется в 4657 человек.⁹ В Петровскую эпоху этот процесс шел по нарастающей линии, и к 1715 г. общая численность чиновников составила 5478 человек¹⁰. В дальнейшем тенденция к росту бюрократии усиливалась.

Применение сравнительно-исторического подхода всегда очень привлекательно при изучении истории страны, хотя делается это не часто. В этой связи несомненный интерес вызывают сопоставления Русского государства с другими странами Европы в книге Крамми. Сравнивая монархию Ивана III с монархическими режимами стран Европы — Генриха VII в Англии, Людовика XI во Франции, Фердинанда и Изабеллы в Испании, — Крамми, не считая их тождественными, отмечает известную перспективность такого сравнения, выявляющего сходные черты в политическом стиле и конкретных достижениях этих правителей конца XV в. Результатом правления всех этих государей стали значительное расширение их владений, усиление их реальной власти над подданными, изменения административного аппарата и искусное применение методов политической риторики. В деятельности Ивана III и Василия III эти черты прослеживаются вполне отчетливо. Не прибегая к широкомасштабным административным реформам, используя традиционные институты, они добились весьма значительных успехов во внутренней и внешней политике. Сравнение методов действий и результатов политики монархов могло бы, однако, быть более информативным при сопоставлении однотипных социальных структур в различных странах. В литературе, например, уже отмечалась перспективность выявления общих черт развития государственности Испании и России, ряда стран Восточной Европы.

Излагая большой материал по политической истории России рассматриваемого периода, автор высказывает ряд положений, с которыми трудно согласиться. При объяснении неудач внешней и внутренней политики Грозного, и прежде всего опричнины, Крамми склонен «рассматривать эксперименты Ивана не как проекты осознанной социальной инженерии, но как выражение личного параноидального стремления к безопасности во враждебном мире» (с. 163), что фактически снимает социальную основу конфликта. Сходный подход прослеживается в интерпретации событий Смутного времени.

Возрастающий интерес к истории России вызвал к жизни сводную обобщающую работу Р. Крамми, которая дает импульс дальнейшей разработке социально-политической истории образования Русского централизованного государства.

А. Н. Медушевский

Примечания

* Crummeу R. O. The Formation of Muscovy 1304—1613. L.—N. Y., 1987.

¹ Crummeу R. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. См. также: Crummeу R. The Origin of the Noble Official: the Bojar Elite. 1613—1689. In: Russian Officialdom. Chapel Hill, 1980.

² Новые переводы трудов А. Е. Преснякова: Пресняков А. Е. The Formation of the Great Russian State: Chicago, 1970; Пресняков А. Е. The Tsardom of Muscovy. Gulf Breeze, 1978.

³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пр., 1918.

⁴ Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries.—Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 1980. T. 27, S. 95.

⁵ Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971; Kleimola A. M. The Changing Face of Muscovite Aristocracy.—Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, T. 25, 1977; Shields K. The Boyar Clan and Court Politics.—Cahiers du monde russe et soviétique, v. 23, 1982; Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. L., 1983.

⁶ Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter des Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

⁷ Raefi M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impériale. Paris, 1982.

⁸ Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — Исторические записки. М., 1971, т. 87, с. 219—286.

⁹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987, с. 37.

¹⁰ Медушевский А. Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII века. — История СССР, 1983, № 6, с. 142.

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссии и обсуждения

- Козлов В. И. — Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика 3

Статьи

- Куманев В. А. — Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) 23
Дмитриев С. Н. — Союз союзов в годы первой российской революции 40
Каменский А. Б. — Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) 58

В помощь преподавателям и студентам

- История советского общества. Краткий очерк (1917—1945 гг.). Глава первая. Революция, которая потрясла мир (Трукан Г. А.) 78

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Ильясов Ш. З. (Махачкала) — Участие рабочего класса в управлении производством (К вопросу об определении содержания понятия) 103
Литвак К. Б. — Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) 114
Наринский М. М. — Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе 126

Публикации и сообщения

- Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. (Документы и архива Гуверовского института войны, революции и мира). Комментарии В. И. Старцева. Окончание 139
Соколова З. П. — Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера 155
Чумичева О. В. (Новосибирск) — Страницы истории Соловецкого восстания (1666—1676 гг.) 167

В Институте истории СССР АН СССР

- Отечественная история в современной публицистике. Встреча за «круглым столом» 176

Критика и библиография

- Гроссман А. С. — Г. Я. Тарле. Движение сторонников мира в СССР 191
Селунская В. М. — В. Б. Жиромская. Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной структуры 194
Дьяконова И. А. — А. Я. Овчинникова. Революционная Россия и Финляндия. 1905—1907 196
Оболенская С. В. — Б. С. Итенберг. Россия и Великая французская революция 198
Милов Л. В. — Николай Павленко. Полудержавный властелин. Историческая хроника 202
Ивонин А. Р. (Барнаул) — Н. И. Никитин. Служилые люди в Западной Сибири XVII века 205
Шватченко О. А. — В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ 207

История СССР за рубежом

Булдаков В. П., Дмитренко В. П. — Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917—1922 гг.	212
Соболев Г. Л., Соломеш И. М. (Ленинград) — Т. Вихавайнен. Финляндия в советской прессе. 1918—1920	214
Павлов Д. Б. — Х. Иммонен. Аграрная программа русской партии социалистов-революционеров. 1900—1914	216
Медушевский А. Н. — Р. О. Крамми. Формирование Московского государства. 1304—1613	218

CONTENTS

Discussions and Debates

Kozlov V. I. — The Nationalities Question: Paradigms, Theory and Politics	3
---	---

Articles

Kumanev V. A. — The Fate of the Soviet Intelligentsia (1930's)	23
Dmitriev S. N. — The Union of Unions During the First Russian Revolution	10
Kamensky A. B. — Russian Nobility in 1767 (problem of consolidation)	58

For Lecturers and Students

A History of the Soviet Society. An Outline (1917—1945). Chapter I. The Revolution That Shook the World (Trukan G. A.)	78
--	----

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Ilyasov Sh. Z. (Makhach-Kala) — The Working Class' Participation in Industrial Management (on the definition of the notion's meaning)	103
Litvak K. B. — The 1897 Population Census on Russian Peasantry (a source analysis aspect)	114
Narinsky M. M. — Napoleon in Contemporary Journalism and Literature	126

Publications and Communications

Russian Political Masonry. 1906—1918 (documents from the archives of the Hoover Institution of War, Revolution and Peace). Comments by V. I. Startsev. The End	139
Sokolova Z. P. The Perestroika and the Destinies of the Small Peoples of the North	155
Chumicheva O. V. (Novosibirsk) — From History of the Solovets Islands Uprising (1666—1676)	167

At the Institute of History of the USSR

History of the Motherland in Contemporary Journalism. A «Round Table» Meeting	176
---	-----

Book Reviews and Bibliography

Grossman A. S. — G. Ya. Tarle. The Peace Movement in the USSR	191
Selunskaya V. M. — V. B. Zhiromskaya. The Soviet City in 1921—1925: Problems of Social Structure	194
Dyakonova I. A. — A. Ya. Ovchinnikova. Revolutionary Russia and Finland. 1905—1907	196
Obolenskaya S. V. — B. S. Itenberg. Russia and the Great French Revolution	198
Milov L. V. — Nikolai Pavlenko. The Half of the State Ruler. A Historical Chronicle	202
Ivonin A. R. (Barnaul) — I. N. Nikitin. Military Servicemen in West Siberia in the 17th Century	205
Shvatchenko O. A. — V. M. Vorobyev, A. Ya. Degtyarev. Russian Feudal Landowning from the Troubled Times to the Eve of the Peter's Reforms.	207

History of the USSR in Foreign Studies

Buldaikov V. P., Dmitrienko V. P. — Diary of the Russian Civil War. Alexis Babine in Saratov. 1917—1922	212
Sobolev G. L., Solomeshch I. M. (Leningrad) — T. Vihavainen. Suomi Neuvostolehdistössä 1918—1920	214
Pavlov D. B. — H. Immonen. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary Party 1900—1914	216
Medushevsky A. N. — R. O. Crummey. The Formation of Muscovy 1304—1613	218

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.10.89 Подписано к печати 22.12.89 А—04072 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 508,7 тыс. Уч.-изд. л. 23,4 Бум. л. 7,0
 Тираж 25500 экз. Заказ 3545 Цена 1 р. 40 к.

Адрес редакции: 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 925-34-61
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

6-37

1 р. 40 к.

Индекс 70404

Книги издательства «Наука» — почтой:

**Лельчук В. С. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРО-
МЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СССР. 1987. 286 с. 2 р. 50 к.**

В монографии впервые в советской историографии сделана попытка в конкретно-историческом аспекте рассмотреть взаимосвязь научно-технической революции в СССР с промышленным развитием страны, показать достижения и трудности в интеграции науки и производства, а также объективный характер необходимости ускорения социально-экономического развития советского общества. В работе успешно сочетается глубокий научный анализ освещаемых проблем с доходчивостью их изложения.

Монография предназначена для историков, экономистов, преподавателей, пропагандистов.

**ПЕРВОЕ МАЯ В ДОКУМЕНТАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕН-
НИКОВ. 1886—1918. 1989. 223 с. 2 р. 20 к.**

В книге представлены документальные материалы, посвященные истории праздника со времени его возникновения и до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Они отражают основные события и этапы истории Первомая в контексте общей эволюции рабочего движения на рубеже XIX—XX вв.

Издание рассчитано на историков и широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2;

630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т, 22.

«НАУКА»

ISSN 0131-3150 История СССР, 1990, № 1

1860
NOTES OF
J. W. COOPER